

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I.
Rok 1818.

«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия D. Экономические и юридические науки

В серии D научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области экономики и управления, финансовой деятельности и кредитования, государственного строительства и права, прокурорской и следственной работы.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя D. Эканамічныя і юрыдычныя науکі

У серыі D навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаванне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне эканомікі і кіравання, фінансавай дзейнасці і крэдытавання, дзяржайнаага будаўніцтва і права, пракурорскай і следчай работы.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series D. Economics and law sciences

Series D includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in economics and management, finance and credits, state and law, criminal investigation.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: И.В. Зенькова, Е.Б. Малей, Е.Н. Ярмоц, Ю.А. Приколотина, В.А. Богоненко.
Редактор И.Н. Чапкевич, Т.А. Дарьянова.

Подписано к печати 07.07.2020. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 22,31. Уч.-изд. л. 26,90. Тираж 100 экз. Заказ 389.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 334.72.012.32(476)

РЫНОЧНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

д-р экон. наук, проф. В.Л. КЛЮНЯ, В.Н. КОЗЛОВСКАЯ
(Белорусский государственный университет, Минск)

Анализируются рыночные институциональные формы финансовой поддержки предпринимательства. Показано, что для эффективного ведения предпринимательской деятельности требуется сочетание различных институциональных форм как долгового, так и долевого финансирования. На основе проведенного анализа даны рекомендации по дальнейшему совершенствованию институциональных форм финансовой поддержки, которые позволят расширить финансовые возможности субъектов малого и среднего предпринимательства и предпринимательской деятельности в Республике Беларусь.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, институциональные формы финансирования, долговое финансирование, долевое финансирование.

Введение. Вовлечение страны в систему мирохозяйственных связей, ускорение инновационного развития национальной экономики Республики Беларусь, конкуренция – все это обуславливает необходимость развития новых институциональных и организационных форм инновационной деятельности. В представляющей работе особо отмечается, что в соответствии с Глобальным рейтингом инноваций 2018 года Беларусь сегодня находится на 86 месте среди 126 стран мира.

В связи с тем, что недостаточность финансирования инновационной деятельности является сдерживающим фактором развития и более полного задействования интеллектуального и научно-технического потенциала Республики Беларусь, одним из важнейших направлений повышения инновационности экономики страны является увеличение внутренних затрат на НИОКР и доведение их в краткосрочной перспективе до уровня не менее 1% от ВВП, а в среднесрочной – до 2%. Это возможно за счет активизации роли государства в финансировании исследований, а также благодаря созданию стимулов для организаций, их осуществляющих. В связи с этим актуальным является исследование экономической сущности и содержания методов управления разработкой, реализацией и внедрением научоемкой и высокотехнологичной продукции, современных форм и моделей инновационного предпринимательства, механизмов его обеспечения.

Доступ к финансированию является серьезным препятствием для ведения предпринимательской деятельности в Республике Беларусь. Эту проблему особенно ощущают субъекты малого и среднего предпринимательства. Высокие процентные ставки и залоговые требования для многих малых и средних предприятий являются непреодолимым препятствием для получения банковского кредитования. Сложность в получении банковского кредита побуждает предпринимателей искать другие источники альтернативного небанковского финансирования.

На любом этапе развития предпринимательской деятельности потребуется сочетание различных институциональных форм финансирования, все они имеют свои преимущества на различных этапах жизненного цикла предприятия.

Основная часть. Одной из наиболее распространенных институциональных форм финансовой поддержки предпринимательства, которые относятся к небанковским финансовым инструментам, является финансирование на основе активов. Существует четыре основных типа финансирования на основе активов: факторинг; дисконтирование счетов-фактур (invoice discounting); финансирование цепочки поставок (обратный факторинг); кредитование на основе активов. Данные инструменты относятся к краткосрочному долговому финансированию, которые позволяют ускорить оборачиваемость дебиторской задолженности у малых и средних предприятий.

Факторинг выступает как самый старейший из четырех финансовых инструментов и существует уже сотни лет, служит источником финансирования оборотного капитала, что способствует быстрому расширению и развитию предпринимательской деятельности, при которой продавец (субъект хозяйствования) продает дебиторскую задолженность факторинговой компании (банку), деньги на расчетный счет продавцу поступают сразу после отгрузки продукции покупателю. В свою очередь, факторинговая компания (банк) получает комиссионное вознаграждение за эту операцию (определенный процент из общей суммы дебиторской задолженности) по итогу получения полной оплаты от покупателя.

Дисконтирование счетов-фактур, как правило, используют крупные или уже устоявшиеся и давно работающие на рынке малые и средние предприятия с хорошей кредитной историей. Это менее затратный для заемщика способ из всех финансовых инструментов на основе активов. Дисконтирование счетов-фактур – то же самое, что и факторинг, но процент за использование денежных средств более низкий, чем у факторинга в связи с отсутствием надобности факторинговой кампании (банком) обслуживать платежи; платеж покупателя по договоренности непосредственно направляется не факторинговой компании (банку), а продавцу. Таким образом, данный финансовый инструмент позволяет ускорить оборачиваемость дебиторской задолженности и сокращает затраты и время на управление кредитными средствами (ресурсами).

Финансирование цепочки поставок (обратный факторинг) позволяет предприятию-покупателю улучшить поток наличности и заблаговременно осуществлять платежи крупным поставщикам и субподрядчикам. Этот вид финансирования особенно актуален для отраслей, подверженных сезонным колебаниям (изменениям), таких как строительная, торговая деятельность, включая и электронную коммерцию. Заблаговременно полученные платежи от своих крупных клиентов помогают поставщикам и небольшим субподрядчикам сгладить сезонные пики и спады в денежном потоке, а в розничной торговле воспользоваться скидками за объем в любой момент года, особенно в сезоны распродаж.

Четвертый финансовый инструмент – кредитование на основе активов. Суть его заключается в том, что кредитование осуществляется на основе выставления (финансирования) счетов-фактур, но в задолженность идут все имеющиеся у предприятия активы (имущество).

В Беларусь рынок факторинговых услуг развит слабо, факторинговые услуги предоставляют только банки (ОАО «Банк БелВЕБ», ОАО «АСБ Беларусбанк», ЗАО «БСБ Банк» и другие), отсутствуют специализированные факторинговые компании (специализированные небанковские провайдеры).

На наш взгляд, отрасль финансирования на основе активов в Республике Беларусь должна быть более разнообразной, помимо банков включать и специализированные небанковские провайдеры (факторинговые компании и брокеров), что позволит предоставить большее количество денежных средств большему количеству предприятий. Необходимо создать белорусскую Ассоциацию финансов на основе активов, этот институт будет оказывать поддержку отечественным предприятиям. Кроме того, сформировать кодекс, устанавливающий и регулирующий правовые нормы финансирования на основе активов, в котором также будут указаны стандарты и процесс рассмотрения жалоб. Формирование данной отрасли будет способствовать доступу субъектов малого и среднего предпринимательства самых разных секторов к требуемому оборотному капиталу.

Начиная с первой половины XIX века в мировой кредитной практике стал развиваться такой финансовый институт, как кредитные союзы (кредитные кооперативы), призванный помочь малообеспеченным слоям населения, особенно живущим в сельской местности. Зародившись первоначально в Германии и Франции, он постепенно распространился по всей Европе и вышел за ее пределы как альтернатива банковскому кредитованию, являясь частью общей кредитно-денежной системы любой страны.

По данным Европейской сети кредитных союзов в 105 странах мира действует более 57 000 кредитных союзов, услугами которых пользуются 217 миллионов человек. Так, в Украине насчитывается около 588 кредитных союзов, которые обслуживают более 570 000 физических лиц с общей капитализацией активов около 80 млн евро. В Польше осуществляют свою деятельность 53 кредитных союза с общей численностью более 2,5 миллионов человек, которые имеют около 3,7 млрд евро сбережений и 4,1 млрд евро в совокупных активах. В Эстонии 10 кредитных союзов имеют более 13,4 млн евро сбережений и 20 млн евро активов [1]. Преимущества данного финансового института следующие:

- кредитные союзы (кредитные кооперативы) создаются сообществом с общими интересами и в географической близости проживания его членов, где люди хорошо знают друг друга, что позволяет кредитовать без поручителей и залога под честное слово (на основе репутации);
- действуют на основе таких принципов, как ответственность, социальная сплоченность и солидарность;
- по сравнению с банковским кредитованием предоставляют кредиты по более низким процентным ставкам;
- прибыль, полученная от ведения финансовой деятельности, не распределяется между членами кредитного союза, а идет на удешевление процентных ставок по кредитам, или на рост процентных ставок по сбережениям;
- дают толчок развитию предпринимательской деятельности в регионах, формируют и совершенствуют местную инфраструктуру, создают новые рабочие места.

Со временем, расширяясь за счет включения новых членов, а также с ростом общей капитализации активов, кредитные союзы (кредитные кооперативы) превратились в более крупную форму кооперативного кредитования – кооперативные банки. Как правило, кооперативные банки принадлежат их членам, но часто торгаются на фондовой бирже, а это приводит к тому, что членский контроль в управлении

ослабевает. К наиболее крупным кооперативным банкам в Германии относится DZ Bank, в Великобритании – The Co-operative Bank, в Италии – Banca Popolare di Milano, во Франции – Crédit Agricole SA.

Согласно данным Европейской ассоциации кооперативных банков (ЕАСБ) в 2017 году количество кооперативных банков в государствах-членах ЕС составляли 2 914 банков, которые обслуживали 209 322 220 клиентов, или каждого пятого гражданина ЕС. В среднем доля кооперативных банков на внутреннем рынке ЕС составляет 20%, а доля рынка кооперативных банков, финансирующих малые и средние предприятия в таких странах, как Финляндия, Франция, Германия и Нидерланды, превышает 30% [2].

Отличительная особенность кооперативных банков – близость к своим членам и работа с широкой сетью филиалов, что способствует развитию региональной и местной экономики; они более надежны и устойчивы к последствиям экономического кризиса, имеют меньшую склонность к рискам, а также быстрее адаптируются к изменяющимся обстоятельствам и местным условиям. Основной деятельностью кооперативных банков является не только увеличение денежных средств, находящихся во вкладах их членов, но и долгосрочные доверительные отношения, в отличие от подхода максимизации прибыли традиционных банков. Клиентский кредитный портфель кооперативных банков составляют в основном домашние хозяйства, а также малое и среднее предпринимательство (МСП). Кроме того, кооперативные банки инвестируют в развитие местного сообщества, начиная от микрофинансирования, в социальное инвестирование, зеленые технологии; вносят свой вклад в сохранение окружающей среды с помощью различных инвестиционных решений, осуществляют спонсорство в области искусства и культуры, также финансируют образовательные программы для людей, испытывающих трудности с трудоустройством.

Таким образом, кредитные кооперативы и, как более развитая форма, кооперативные банки – это тот институт, который позволяет сплотить группы людей, мобилизовать финансовые средства и при грамотном управлении увеличить и приумножить сбережения, улучшить местную социальную инфраструктуру и развить предпринимательскую деятельность, сохранить сбережения граждан внутри своей страны, противопоставляя свои услуги вывозу капитала.

В Беларуси кредитные союзы (кредитные кооперативы) относят к некоммерческим микрофинансовым организациям. Данный финансовый институт регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. № 325 «О привлечении и предоставлении займов, деятельности микрофинансовых организаций», который позволил урегулировать деятельность в сфере микрофинансовых организаций, исключить злоупотребления и недобросовестную деятельность при предоставлении и привлечении микрофинансовыми организациями микрозаймов.

Национальный банк Республики Беларусь наделяется правом устанавливать предельные размеры получаемых заимодавцем с заемщика процентов в годовом исчислении (годовую процентную ставку) по микрозаймам. В настоящее время к микрофинансовым организациям относятся: коммерческие микрофинансовые организации (ломбарды) и некоммерческие микрофинансовые организации (потребительские кооперативы финансовой взаимопомощи, микрофинансовые организации, созданные в организационно-правовой форме фонда, общества взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства, потребительские кооперативы второго порядка).

Коммерческие микрофинансовые организации (ломбарды) регистрируются Национальным банком в организационно-правовой форме хозяйственного общества или унитарного предприятия, в то время как некоммерческие микрофинансовые организации – в форме фонда или потребительского кооператива [3].

Право предоставлять физическим лицам микрозаймы на потребительские цели и исключительно под залог движимого имущества имеют только ломбарды с 1 января 2015 года.

Потребительские кооперативы финансовой взаимопомощи вправе осуществлять выдачу микрозаймов физическим лицам (своим членам) исключительно на осуществление ремесленной деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, на ведение личного подсобного хозяйства, а также являющимся собственниками имущества, учредителями (участниками) коммерческих организаций, получающие заем на цели осуществления предпринимательской деятельности данной коммерческой организации. Фонды вправе осуществлять выдачу микрозаймов как физическим, так и юридическим лицам, при этом правила предоставления микрозаймов физическим лицам такие же, как и у потребительского кооператива финансовой взаимопомощи. К юридическим лицам относят только субъектов малого и среднего предпринимательства, которым микрозаймы предоставляются на цели осуществления предпринимательской деятельности. В свою очередь, членами общества взаимного финансирования могут быть исключительно малые и средние предприятия, которым микрозаймы предоставляются только на ведение своей предпринимательской деятельности [3].

Согласно данным Национального банка Республики Беларусь на 1 января 2019 года в реестр микрофинансовых организаций включены 104 микрофинансовые организации (4 потребительских кооператива, 5 фондов, 95 юридических лиц, осуществляющих ломбардную деятельность) [4, с. 14]. При этом необходимо отметить, что за четыре года не было зарегистрировано ни одного общества взаимного финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства, которые занимались бы исключительно кредитованием юридических лиц.

Основные причины того, что данный финансовый институт в Республике Беларусь развит слабо, заключаются в следующем:

– население республики плохо осведомлено или вообще не знает о существовании данного института финансирования;

– страх потери своих сбережений из-за неуверенности в компетентности органов управления;

– отсутствие налоговых льгот;

– законодательством Республики Беларусь не разрешено некоммерческим микрофинансовым организациям выдавать микрокредиты на потребительские цели, что замедляет развитие кооперативного движения;

– для предоставления микрозайма требуются сведения о поручителе либо залог имущества;

– более высокие процентные ставки по сравнению с теми, которые предоставляют банки.

Так, в IV квартале 2018 года средняя годовая процентная ставка по микрозаймам у потребительских кооперативов составила 17,7%, что гораздо выше, чем у банков, а у фондов – 6,2% [4, с. 16]. В то время как средняя процентная ставка по новым кредитам банков в национальной валюте в октябре 2018 года для юридических лиц составляла 11,16% годовых, а для физических лиц – 10,70% годовых [5, с. 31].

Первоначально суть микрофинансирования как финансового института заключалась в выдаче микрозаймов (небольших сумм) на организацию и начало своей предпринимательской деятельности, особенно как помочь таким категориям граждан, как одинокие женщины; малоимущие граждане; проживающие в сельской местности; молодые люди с новыми идеями; безработные. Очевидно, в Республике Беларусь требует доработки закон о микрофинансовых организациях, который не разрешает предоставлять микрозаймы как на потребительские цели, так и не дает возможности начинающим предпринимателям организовать свое дело.

На наш взгляд, в Беларуси также необходимо создать фонд поддержки некоммерческих микрофинансовых организаций, который будет оказывать помощь в случае стихийных бедствий или других финансовых затруднений, а в исключительных случаях – выступать как гарантийный фонд, оказывать содействие в организации и проведении образовательных программ на национальном уровне. На начальном этапе не менее 80% фонда должно быть профинансировано при участии государства, остальная часть денежных средств должна поступить от некоммерческих микрофинансовых организаций, подразумевая в дальнейшем постепенный и поэтапный переход на 100% частную капитализацию.

Следует отметить, что в Республике Беларусь не ведется работа по развитию законодательства, позволяющего создать новый финансовый институт кооперативного банковского кредитования, а это тормозит создание сектора кооперативного банковского кредитования, который разнообразит банковский сектор Республики Беларусь, предоставит более выгодные условия и процентные ставки своим членам, а главное – позволит беспрепятственно без поручителей или залогового обеспечения кредитовать МСП в малых городах и сельской местности, что будет способствовать развитию региональной и местной экономик.

Лизинг как небанковская форма кредитования доступен у специализированных поставщиков (некредитных финансовых организаций) или косвенно, через поставщиков оборудования, которые заключают договор аренды с предприятием о сдаче оборудования на определенный срок с установленной процентной ставкой. Лизинг в Беларуси как альтернатива банковскому кредитованию недостаточно развит, нуждается в доступности лизинговых операций и расширении ассортимента лизинговых продуктов, что требует принятия специализированных нормативно-правовых актов. Кроме того, наблюдается тенденция непропорционального распределения лизинговых организаций по регионам Беларуси, что тормозит развитие рынка лизинговых услуг и создает трудности и неудобства потенциальным лизингополучателям. По состоянию на 2 сентября 2019 года в реестр Национального банка включено 100 лизинговых организаций. В Минске насчитывается их наибольшее количество – 66, на втором месте Минская область – 12; наибольшее количество среди областных административных центров – в Бресте – 7; в небольшом количестве (по 3 лизинговые организации) расположены в Гомеле, Могилеве и Витебске; в Гродно всего 2 лизинговые организации. Кроме Минской области и административных центров областей Беларуси лизинговые организации представлены в незначительном количестве. Так, в Могилевской области – 3; Гомельской и Гродненской областях находится по одной, в Брестской и Могилевской областях лизинговые организации отсутствуют [6].

Наиболее крупной кампанией, предоставляющей лизинговые услуги малому и среднему предпринимательству в республике, выступает ИООО «Микро Лизинг» – за девять лет оформлено 8651 предметов лизинга и подписано 7398 договоров лизинга на общую стоимость 136 млн долл. США [7]. Лизинговая организация ООО «Финпрофит» за девять лет предоставила услуги более 6000 клиентов.

Вместе с тем за последние два года произошли значительные изменения в регулировании лизинговой деятельности, принят ряд нормативно-правовых документов. Так, Указ Президента Республики Беларусь от 14 января 2019 г. № 16 «О развитии международного лизинга» создал дополнительные усло-

вия для развития международного лизинга. Принято постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 сентября 2018 г. № 417 «О внесении изменений и дополнений в Правила осуществления лизинговой деятельности», предусматривающее повышение защиты прав и законных интересов лизингополучателей и лизинговых организаций. Постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 73 разработан Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Финансовая аренда (лизинг)». Однако имеется ряд и нерешенных проблем – в связи с небольшим размером рынка у лизинговых организаций часто возникают трудности с перепродажей, а также последующим повторным использованием изъятых активов, что сдерживает потенциал развития лизинговых услуг в республике.

В Беларуси больше востребован лизинг машин, чем лизинг промышленного оборудования. Для того чтобы изменить сложившуюся тенденцию, необходимо принять ряд мер:

- предоставлять налоговые льготы малым и средним предприятиям, которые берут в лизинг новое импортное промышленное оборудование на сумму более 50 000 долл. США, что позволит производить импортозамещающую продукцию или увеличить количество рабочих мест не менее, чем на 5 человек в малых городах или сельской местности;

- с целью стимулировать лизинговые организации к большему количеству заключения договоров на поставку нового промышленного оборудования в лизинг предоставить налоговые льготы, в том числе уменьшить налог на прибыль, если за отчетный год заключенные договора аренды на поставку промышленного оборудования превысят 70% от общего объема переданного в аренду имущества.

Таким образом, данные предложения будут способствовать активному развитию рынка лизинговых услуг в Республике Беларусь, позволяя тем самым увеличить инвестиции в оборудование.

Овердрафт как одна из форм банковского кредитования, предназначенный главным образом на краткосрочную перспективу, может быть увеличен или уменьшен, а также продлен на несколько лет в соответствии с потребностью в финансировании предпринимательской деятельности. Удобен для юридических лиц в связи с возможностью постоянного пополнения расчетного счета при недостатке денежных средств для удовлетворения повседневных краткосрочных потребностей предприятия, в последующем закрывая овердрафт своим депозитом.

Необходимость в долгосрочных инвестициях предполагает использовать различные формы долевого финансирования, то есть инвестиции в акционерный капитал. Существуют различные типы акционерного финансирования, к ним относятся: бизнес-ангелы, венчурный капитал, краудинвестинговые платформы.

Ангельские инвесторы, как правило, частные лица, инвестирующие свои денежные средства в новое предприятие с потенциалом роста, находящееся на ранней стадии своего развития, кроме этого поддерживают предпринимателей своими советами и деловыми связями; предоставление денежных средств может быть единовременным или постоянным через ряд инвестиций. Часто «ангелы» инвестируют в проект совместно, объединяясь в сети (объединения) бизнес-ангелов, чтобы сократить общие риски. Многие бизнес-ангелы сосредоточены на инвестициях в пределах небольшого географического района, что позволяет в полной мере использовать имеющийся опыт и сеть местных контактов.

Венчурные инвесторы (капиталисты) или *корпоративный венчурный инвестор* инвестируют в высокодоходные, но при этом и высокорисковые растущие малые предприятия. Разница между ангельскими инвестициями и венчурным капиталом в том, что бизнес-ангелы используют свои собственные деньги, в то время как венчурные инвесторы используют деньги других людей, как правило, это венчурные компании или венчурные фонды, что позволяет инвестировать большие суммы денег, чем бизнес-ангелам. Вследствие этого они редко инвестируют на начальном этапе, исключение составляют стартапы на быстрорастущем сегменте рынка.

В Республике Беларусь с начала 2017 года функционирует Российско-Белорусский фонд венчурных инвестиций, задачами которого является развитие стартап-проектов на венчурной стадии (посевной стадии) и стадии роста. Учредителями первого венчурного фонда с государственным участием, размер которого 1,4 млрд российских руб., являются Белорусский инновационный фонд, а с российской стороны – Инфрафонд РВК. Кроме того, функционируют частные белорусские фонды, самый первый из которых – инвестиционная компания «Зубр Капитал» (основана в 2010 году как фонд SMH, размер фонда составлял 35 млн дол. США). За время работы фонда SMH получили финансирование такие проекты, как поставщик услуг в области внедрения информационных систем АтлантКонсалт, белорусская телекоммуникационная компания «Атлант Телеком» и другие. Благодаря Европейскому банку реконструкции и развития в 2016 году был запущен второй фонд – Zubr Capital Fund I объемом более 90 млн дол. США. Сегодня в портфеле фонда шесть компаний: группа компаний «Мила», MediaCube, UNIFLEX, 21 vek.bu, Softline, Targetproctss, av.by, Soft Club [8]. На инвестиционном рынке присутствует инвестиционная компания VP Capital, вкладывающая инвестиции в стартапы технологического сектора, инвестиционная компания «Нахус». Таким образом, рынок венчурного капитала в Республике Беларусь постепенно

пенно развивается, но требует совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей его деятельность, что будет способствовать более активному росту количества венчурного финансирования.

Мезонинное финансирование представляет собой смешанную форму долевого (акционерного) и долгового финансирования. Данный финансовый инструмент предлагают банки или специализированные мезонинные инвестиционные фонды. Как инструмент финансирования интересен для средних предприятий с высоким потенциалом роста, которым необходимо долгосрочное кредитование на расширение, модернизацию или разработку, производство и продвижение нового продукта как на внутреннем рынке, так и для выхода на международный рынок. В отличие от обычного банковского кредита мезонинный кредит дает право кредитору конвертировать невыплаченный долг в собственность или долю в капитале предприятия или, наоборот, в случае роста предприятия перевести в высокодоходные акции.

С развитием цифровых технологий по всему миру стало активно развиваться альтернативное финансирование, такое как одноранговое кредитование (P2P) и Интернет-платформы акционерного краудфандинга (краудинвестинг). Недавно появившиеся новые финансовые инструменты позволяют, благодаря Интернету, быстро собирать необходимые суммы денежных средств.

Одноранговое кредитование (P2P) – небанковский финансовый институт, относится к долговому финансированию, кредитование происходит через онлайн-платформу, инвесторами выступают частные лица, предоставляя кредиты по более низким процентным ставкам, чем традиционные финансовые посредники. Преимуществом по сравнению с банковским кредитованием, является быстрое решение относительно организации кредитования и возможность выбора кредиторами объекта кредитования.

Акционерный краудфандинг (краудинвестинг) – финансовый инструмент, позволяющий начинающим (стартапам) и нацеленным на быстрый рост малым предприятиям привлечь финансирование непосредственно от большого количества инвесторов. Предприниматель, подготовив бизнес-план, может через краудинвестинговую Интернет-платформу ознакомить со своим проектом потенциальных инвесторов, которые перечислят необходимые денежные средства, чтобы в последующем обменять на небольшую долю в акционерном капитале, также через платформу можно привлечь ангельское и венчурное финансирование. Некоторые краудфандинговые платформы предоставляют как акционерное, так и долговое финансирование.

Корпоративные облигации и розничные облигации – долговой финансовый инструмент, позволяющий инвестору (кредитору) предоставить юридическому лицу денежные средства для ряда бизнес-задач по согласованной процентной ставке с погашением к установленной дате, что позволяет МСП привлечь заимствования из разных источников. В западных странах инвестором может выступать физическое лицо, пенсионный фонд или паевой инвестиционный фонд. В последнее время, кроме фондового рынка, привлечение заемных средств через облигации осуществляют краудфандинговые платформы, которые предлагают и мини-облигации.

Розничные облигации – это новый тип корпоративных облигаций, предназначенных для простых инвесторов с целью обеспечения ликвидности на вторичном рынке, для тех, кто раньше не мог этого сделать. Так, в Великобритании впервые появились в 2010 году на Лондонской фондовой бирже (LSE), которая выпустила книгу заказов на розничные облигации (ORB), на сегодняшний день ORB было привлечено 3,5 млрд фунтов стерлингов, в то время как на Итальянской фондовой бирже (Borsa Italiana) рынок МОТ торгует до 5 млрд евро в день [9].

В Республике Беларусь необходимо разработать критерии и отраслевые стандарты, позволяющие объективно сравнивать различные виды облигаций, которые будут различаться по структуре долга, защите и профилю риска, принять нормативно-правовые акты, позволяющие внедрить новые финансовые инструменты. Кроме того, создать независимое рейтинговое бюро (агенство), предоставляющее потенциальным инвесторам всю необходимую информацию, которая позволит принимать обоснованные инвестиционные решения и объективно оценивать преимущества предлагаемых розничных облигаций, а также активно проводить разъяснительные мероприятия, которые будут способствовать более активному использованию данного финансового инструмента. Данные направления будут способствовать формированию и развитию рынка розничных облигаций в Беларуси, что позволит многим мелким предприятиям получить доступ к этой форме финансирования.

Заключение. У предпринимателей отсутствует осведомленность и понимание всего спектра доступных инструментов финансирования. Так, для молодых только начинающих предприятий, работающих менее 24 месяцев, будет лучше всего воспользоваться такими инструментами финансирования, как лизинг, факторинг, одноранговое кредитование, овердрафт, ангельское или венчурное финансирование, но зрелые предприятия, уже давно работающие, могут воспользоваться такими финансовыми инструментами, как мезонинное финансирование, корпоративные и розничные облигации. Однако следует отметить, что часто для эффективного ведения предпринимательской деятельности требуется сочетание различных институциональных форм как долгового, так и долевого финансирования.

В связи с этим необходимо возложить на Национальный банк Республики Беларусь обязательства в повышении понимания и осведомленности всего спектра доступных инструментов финансирования. На сайте Национального банка необходимо разместить разъясняющие публикации и другую соответствующую информацию обучающего характера.

Во всем мире развиваются новые направления альтернативного финансирования FinTech (финансовые технологии), которые доступны для небольших предприятий, ограниченных в своих возможностях получения банковского кредита или использования традиционных инструментов финансирования, таких как факторинг или лизинг. В Республике Беларусь предстоит разработать нормативно-правовую базу и отрегулировать рынок P2P-кредитования, сейчас в стране работает всего одна онлайн-площадка P2P-кредитования – «Кубышка».

Таким образом, развитие институциональных форм финансовой поддержки, которые включают в себя банковские и небанковские финансовые институты, будет способствовать доступности финансовых услуг и кредитов, что позволит расширить финансовые возможности субъектов малого и среднего предпринимательства и предпринимательской деятельности в Республике Беларусь в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. European Network of Credit Unions [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.creditunionnetwork.eu/about_the_network. – Date of access: 08.09.2019.
2. European Association of Co-operative Banks [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eacb.coop/en/news/eacb-news/key-statistics-2017-for-co-operative-banks-are-out.html>. – Date of access: 09.09.2019.
3. О привлечении и предоставлении займов, деятельности микрофинансовых организаций [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 325 (в ред. Указа Президента Респ. Беларусь, 31 декабря 2015 г., № 538) // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/legislation/documents/e_325.pdf. – Дата доступа: 11.09.2019.
4. Отчет Национального банка за 2018 год [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 мая 2019 г., № 194 // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/publications/report/report2018.pdf>. – Дата доступа: 11.09.2019.
5. Основные тенденции в экономике и денежно-кредитной сфере Республики Беларусь: аналитическое обозрение январь–октябрь 2018 год [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.nbrb.by/publications/ectendencies/rep_2018_10_ot.pdf. – Дата доступа: 27.09.2019.
6. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/finsector/leasing/register>. – Дата доступа: 02.09.2019.
7. ИООО «Микро Лизинг» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mikro-leasing.by/o-kompanii>. – Дата доступа: 31.08.2019.
8. Зубр Капитал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zubrcapital.com/ru>. – Дата доступа: 02.10.2019.
9. RetailBondExpert.com [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.retailbondexpert.com/Introduction/What-is-a-Retail-Bond>. – Date of access: 21.08.2019.

Поступила 08.10.2019

THE MARKET INSTITUTIONAL FORMS OF FINANCIAL SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP

V. KLIUNYA, V. KOZLOVSKAYA

The article analyses the market institutional forms of financial support for entrepreneurship, for effective entrepreneurial activities requires a combination of different institutional forms of both debt financing and equity financing. On the basis of the analysis were made recommendations for the improvement of the institutional forms of financial support, which will allow expand the financial opportunities of subjects of small and medium-sized enterprises and entrepreneurial activities in the Republic of Belarus.

Keywords: institutional forms of financing, debt financing, equity financing, small and medium entrepreneurship.

УДК 336.648.8

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

канд. экон. наук, доц. Г.Н. СЕРЯКОВ
(Полоцкий государственный университет)

Исследуются проблемы методологии организации строительства в условиях инновационного развития национальной экономики, связанного с формированием нового шестого технологического уклада в мировой экономике, эволюционные взаимосвязи технологических укладов экономики, характер дифференциации и уровень преемственности технологических укладов при переходе мировой и национальных экономических систем с пятого на шестой технологический уклад в целях формирования методологии организации строительства в инновационной экономике, формирования механизмов эффективного развития строительства как одной из несущих отраслей нового технологического уклада национальной экономики.

Ключевые слова: экономика, проблемы, методологические аспекты, организация строительства, инновации, развитие, технологический уклад, эволюционные взаимосвязи, дифференциация, механизмы.

Введение. На современном этапе завершения пятого и начала развития шестого технологического уклада (ТУ) мировой экономики, отечественная экономика продолжает испытывать необходимость в разрешении ряда серьезных задач стратегического характера, направленных на достижение быстрого роста конкурентного потенциала за счет наращивания сравнительных преимуществ в науке, образовании, высоких технологиях с ориентацией на мировые тенденции, рассматриваемые в сочетании с внутренними проблемами развития белорусской экономики, включая: усиление глобальной конкуренции; приближение новой волны технологических изменений, усиливающих роль и значение инноваций в социально-экономическом развитии государств, постепенно вытесняющих многие традиционные факторы роста национальных экономик; усиление роли человеческого капитала как ключевого фактора экономического развития на фоне замедления роста значимости сырьевых и энергетических ресурсов; исчерпание возможностей эффективного развития национальной экономики за счет использования относительной дешевизны производственных факторов. Решение перечисленных стратегических задач особенно актуально в преддверии ожидаемого мирового экономического кризиса начала 2020-х годов, обусловленного сменой пятого ТУ шестым, который ожидается гораздо более масштабным, чем мировой экономический кризис 2008 – 2009 годов.

Переход на инновационный путь развития и формирование нового технологического уклада требует ускоренного обновления основных фондов и производственных мощностей практически во всех отраслях национальной экономики. Для решения этой задачи, наряду с решением проблем стратегического характера развития национальной экономики, необходимо обеспечить и высокий уровень хозяйствования в строительстве. Для этого необходимо изменить теоретические и методические основы организации строительства или инвестиционно-строительной деятельности при создании новых, расширении, техническом перевооружении и капитальном ремонте действующих производственных мощностей.

Основная часть. Для выработки методологических основ организации строительства в современной инновационной экономике, прежде всего, необходимо осознать и рассматривать организацию строительства как экономическую категорию, а не техническую, как это порой делалось в прошлой плановой командно-административной экономике. Организация – это составная часть и функция управления в плановой командно-административной экономике или менеджмента – в рыночной. Управление – это процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации. Организация – это прежде всего люди, которые действуют сообща для достижения целей. В существующей же практике образовательного процесса, а затем и при организации строительства выпускниками высших учебных заведений, эти понятия подменяются выстраиванием неких графиков производства работ, а точнее – проектированием строительного производства.

В строительстве различают два уровня управления организацией, которые имеют свои методологические основы: управление капитальным строительством в плановой экономике или инвестиционно-строительной деятельностью в современной рыночной экономике – верхний уровень; управление производством строительно-монтажных работ или управление строительно-монтажной организацией – нижний уровень.

В условиях глобализации мировой экономики, обострения конкурентной борьбы на сырьевых и товарных рынках и перехода экономики на инновационный путь развития резко сокращается жизненный цикл производственных технологий и созданных для их использования зданий и сооружений.

Вследствие этого для выживания и дальнейшего развития экономики Республики Беларусь необходимо изменить подходы к организации строительства с целью рационального использования инвестиционных ресурсов и снижения затрат на всех стадиях строительства.

В основе рассуждений о необходимости создания и воспроизведения основных фондов должны лежать маркетинговые исследования материальных и трудовых потоков, жизненного цикла производственных технологий и производимых на их основе товаров и услуг. Сегодня любой промышленный или гражданский объект уже на стадии проектно-изыскательских работ необходимо рассматривать как логистическую систему, которая создается или уже существует для удовлетворения потребностей определенных рынков в определенных товарах и услугах. Эта логистическая система должна быть способной развернуться в нужном месте на определенный срок и свернуться (утилизироваться или переместиться в пространстве в материальном потоке) после достижения целей ее создания и максимально возможного экономического эффекта от ее промышленной эксплуатации с минимальными инвестиционными издержками.

Тенденция всеобщей унификации производственного пространства в объектах промышленного и гражданского назначения ломает существующие рамки. Так долго существовавшее разделение промышленного строительства по отраслям, на основе которого развивалась теория и практика промышленного строительства, в ближайшее время перестанет существовать. Объекты всех отраслей должны будут представлять собой унифицированное пространство, где смогут размещаться различные по содержанию процессы. Общая линия развития этой тенденции выглядит так: от объекта укрытия для машин и механизмов в XVIII–XIX веках, через объект, вмещающий конкретный технологический процесс, в XX век, к объекту-оболочке, способной разместить разные процессы в XXI веке.

В последние годы особенно усилилась роль инноваций, формирующих новый шестой технологический уклад, технологическое оборудование стало компактнее и производительнее, совершенствование возможностей по созданию микроклимата в помещении позволило применять разнообразные конструктивные решения, в результате чего появилось большое количество пространственных решений зданий.

К настоящему времени уже нельзя, в большинстве случаев, ассоциировать какое-либо конструктивное решение промышленного здания с той или иной отраслью производства. Отраслевая типология, определявшая пространственные решения промышленных зданий индустриального периода, перестает оказывать решающее влияние на их конструктивные решения.

Важнейший методологический аспект организации инвестиционно-строительной деятельности в современной инновационной экономике – выявление содержания и направлений развития нового шестого технологического уклада мировой экономики. К настоящему времени в экономической науке выделяют шесть технологических укладов (рисунок 1), циклы которых по продолжительности эквивалентны большим циклам экономической активности Н.Д. Кондратьева [1].

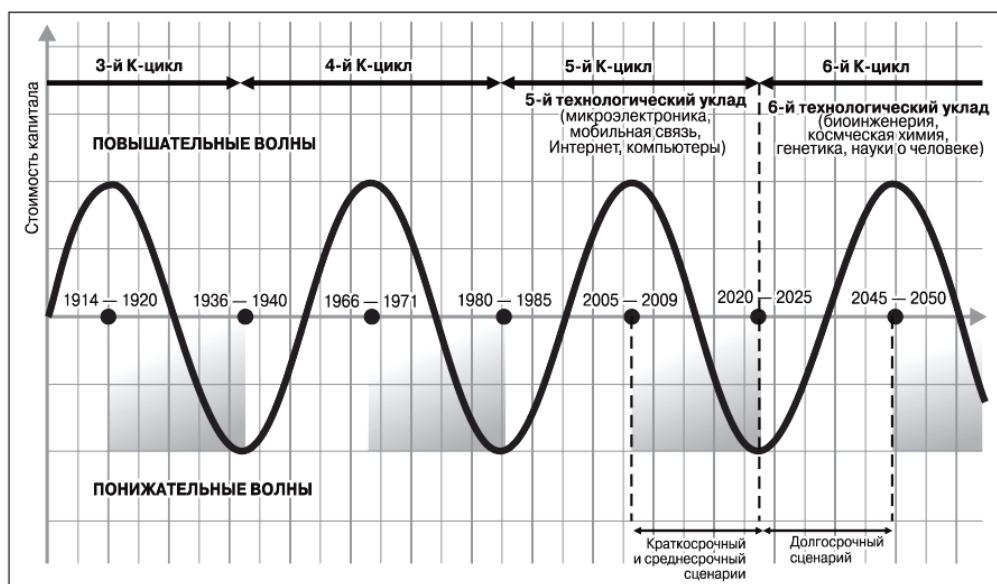

Рисунок 1. – Большие циклы экономической активности Н.Д. Кондратьева

Источник: [1].

Жизненные циклы технологических укладов и производственные основы их формирования приведены на рисунке 2.

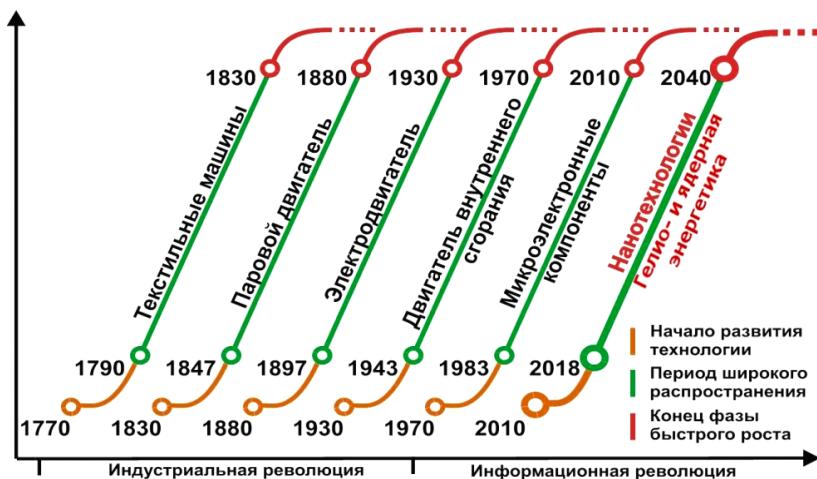

Рисунок 2. – Жизненные циклы технологических укладов и производственные основы их формирования

Источник: [2].

Проведенные аналитические исследования показали, что выделяемые академиком С.Ю. Глазьевым структура уклада и сопутствующий К-цикл по сути являются составляющими одного большого цикла экономической активности, распределение составляющих которого представлено на рисунке 3.

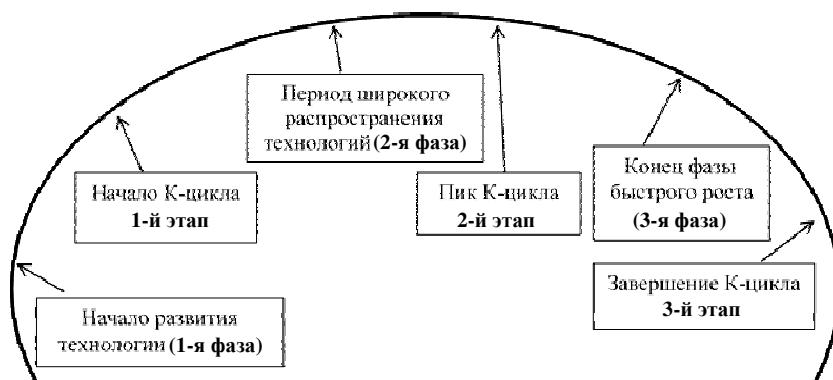

Рисунок 3. – Описание большого цикла экономической активности через структуру уклада и сопутствующий К-цикл как составляющими единого цикла

Источник: [3].

Таким образом, на основании проведенных аналитических исследований можно утверждать, что фазы структуры технологического уклада и этапы сопутствующего К-цикла образуют шесть звеньев единого большого цикла экономической активности Н.Д. Кондратьева.

По аналогии можно описать прогноз характера развития шестого технологического уклада, представив его фазами структуры технологического уклада и этапами сопутствующего К-цикла в единой цепочке (таблица 1).

Таким образом, содержание и направления развития нового шестого технологического уклада мировой экономики определяются следующими признаками дифференциации технологических укладов, определяющих характер их преемственности.

Во-первых, средняя продолжительность каждого ТУ составляет примерно 50 лет, что соответствует длительности больших циклов экономической активности Н.Д. Кондратьева (по различным оценкам от 48–53 лет до 40–60 лет).

Во-вторых, приведенное описание технологических укладов демонстрирует, что они могут быть представлены примыкающими друг к другу циклами, в которых происходит наложение 1-й фазы – начала развития технологий, следующего ТУ на 3-й этап – завершение цикла экономической активности в рамках предыдущего ТУ.

В-третьих, если временная дистанция между фазами структуры уклада, как и между этапами сопутствующего К-цикла, составляет в среднем 20 лет, что соответствует длительности средних циклов экономической активности (строительных циклов С. Кузнецова), то временная дистанция между началом фазы структуры уклада и началом следующего за ними этапа К-цикла (и наоборот) составляет в среднем 10 лет, что соответствует длительности малых циклов экономической активности (банковских циклов К. Жугляра).

Таблица 1. – Прогнозное описание характера развития шестого технологического уклада

Фазы и этапы ТУ	Годы	Содержание
1-я фаза	2020-е	Начало развития нанотехнологий (nanoэлектроники, молекулярной и нанофотоники, наноматериалов и материалов сnanoструктурированными покрытиями, нанобиотехнологий, наносистемотехники) и других высоких технологий, включая информационные как основные производственные факторы
1-й этап	2030-е	Период быстрого роста использования нанотехнологий (начало К-цикла) и других высоких технологий за счет нахождения инженерных решений резкого снижения энергоемкости и материалаоемкости производства
2-я фаза	2040-е	Период широкого распространения (пространственной диффузии) нанотехнологий (nanoэлектроники, молекулярной и нанофотоники, наноматериалов и материалов с nanoструктурированными покрытиями, нанобиотехнологий, наносистемотехники) и других высоких технологий, включая: биотехнологии, генную инженерию, квантовые технологии, мембранные технологии, технологии мобильной робототехники, мехатроники, микромеханики, прототипирования, термоядерной энергетики, фотоники
2-й этап	2050-е	Период пика предпринимательского использования нанотехнологий и других высоких технологий за счет массового создания продукции с заданными свойствами
3-я фаза	2060-е	Конец фазы быстрого роста использования нанотехнологий и других высоких технологий
3-й этап	2070-е	Завершение этапа доминирующего использования технологий шестого технологического уклада

Временная дистанция между началом фазы структуры технологического уклада и началом следующего за ним этапа К-цикла соответствует второму полупериоду реализации строительного цикла (его понижательной волне). Эквивалентная временная дистанция между началом К-цикла и следующего за ним начала фазы структуры технологического уклада соответствует первому полупериоду реализации строительного цикла (его повышательной волне). В свою очередь, малый (банковский) цикл экономической активности К. Жугляра полностью охватывает временную дистанцию между началом фазы структуры технологического уклада и началом следующего за ним этапа К-цикла (и наоборот), включая в себя тем самым как процесс аккумулирования капитала на новые технологии или производства, так и процесс активного использования накопленных инвестиций.

Важнейшим признаком формирования нового технологического уклада в экономике является благоприятное сочетание амплитудно-фазовых характеристик совокупности циклов экономической активности, включая: большие циклы экономической активности Н.Д. Кондратьева, средние циклы экономической активности С. Кузнецова, малые циклы экономической активности К. Жугляра, бизнес-цикли экономической активности Дж. Китчина. При этом суперпозиция множества указанных волн экономической активности различной амплитуды и длительности определяет: *формирование максимумов экономической активности как периодов расцвета технологических укладов, формирование минимумов экономической активности как периодов смены технологических укладов*.

На нижнем уровне управления и организации строительства задача стоит в существенном снижении себестоимости, повышении технического уровня и качества строительно-монтажных работ, повышении эффективности использования трудовых, материальных и технических ресурсов отрасли, а для этого необходимо, опираясь на опыт экономически развитых стран, изменить методологические подходы к управлению строительным производством.

В строительном производстве Республики Беларусь по-прежнему преобладает традиционная, генподрядная форма управления, в то время как на Западе доминирует профессиональное проектное управление, содействующее ликвидации присущей строительству раздробленности по этапам и обеспечивающее значительное сокращение инвестиционного цикла. В управлении строительным производством предстоит освоить современные методы работы в двух основных направлениях – компьютеризация и профессиональное управление. Для руководителей строительного производства сейчас недостаточно иметь только инженерные знания. Присущие рынку жесткие условия конкуренции разворачивают строительные фирмы лицом к потребителю. Появилась необходимость изучать потенциальных заказчиков, информировать их о своих возможностях и достоинствах, а получив заказ, тщательно исследовать поставщиков и субподрядчиков. Все это представляет для белорусских строителей такие направления управления деятельностью строительных организаций, как маркетинг и менеджмент. Маркетинг и менеджмент представляют собой две неразрывные стороны управления, при этом первый выступает в роли генератора целей, а второй призван обеспечить их достижение. Строительство в новом шестом технологическом укладе будет являться одной из несущих отраслей. Ядром нового технологического уклада строительной отрасли станут энергоэффективные технологии, которые вытеснят «традиционные технологии» в ближайшие годы.

Строительство в настоящее время – одна из важнейших сфер национальной экономики, участвующая в воспроизводстве основных фондов, развитии и улучшении социальной сферы, реконструкции и модернизации производства материальных благ.

К целевым индикаторам развития строительной отрасли относятся: рост производительности труда в строительстве в 1,5 раза; увеличение экспорта подрядных работ в 1,5 раза; снижение энергоемкости строительно-монтажных работ на 50–70%, поэтому основными направлениями развития методологии управления и организации строительного производства в технологическом аспекте должны стать:

- внедрение новых инновационных технологий в строительстве, обеспечивающих ресурсосберегающий тип воспроизведения строительной продукции (материалов, работ, услуг);
- разработка и внедрение энерго- и ресурсосберегающих технологий возведения зданий и сооружений с эффективным использованием материальных ресурсов и возобновляемых источников энергии;
- внедрение европейских стандартов проектирования, возведения и эксплуатации жилья, что позволит расширить развитие всестороннего и взаимовыгодного сотрудничества со странами Европейского союза и увеличить экспорт строительных работ (услуг);
- материально-техническое оснащение строительно-монтажных организаций на принципиально новой технологической и организационной основе в целях повышения мобильности и способности осуществлять экспорт строительной продукции.

Заключение. Методологические аспекты организации строительства в условиях формирования нового технологического уклада мировой экономики можно разделить на три группы: экономический, организационный и технологический.

Формирование методологии организации строительства в *экономическом аспекте* – это взгляд на организацию строительства как на экономическую категорию, а не техническую. Организация – это составная часть и функция управления. Управление выступает как процесс планирования, организации, мотивации и контроля, необходимый для того, чтобы сформулировать и достичь цели организации.

Формирование методологии организации строительства в *организационном аспекте* – это взгляд на строительство как на систему, имеющую два уровня управления организацией, которые, в свою очередь, имеют собственные методологические основы: управление инвестиционно-строительной деятельностью в современной рыночной экономике – верхний уровень; управление производством строительно-монтажных работ или управление строительно-монтажной организацией – нижний уровень.

Формирование методологии организации строительства в *технологическом аспекте* – это взгляд на развитие строительства в условиях нового технологического уклада экономики и соответствующие изменения технологических и организационных основ строительного производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев, Н. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения / Н. Кондратьев, Ю. Яковец, Л. Абалкин // Избранные труды. – М. : Экономика, 2002. – 767 с.
2. Глазьев, С.Ю. Великая цифровая революция: вызовы и перспективы для экономики XXI века [Электронный ресурс] / С.Ю. Глазьев // glazev.ru. – Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika-54923-velikaja-tsifrovaja-revoljutsija-vyzovy-i-perspektivy-dlya-jekonomiki-i-veka>. – Дата доступа: 20.09.2019.
3. Серяков, Г.Н. Исследование проблем формирования механизмов эффективного развития экономики промышленности в условиях смены технологических укладов / Г.Н. Серяков. – Новополоцк : Полоцк. ун-т, 2018. – 204 с.

Поступила 21.10.2019

PROBLEMS OF CONSTRUCTION ORGANIZATION IN THE CONDITIONS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY

G. SERYAKOV

The problems of methodology of construction organization in the conditions of innovative development of the national economy associated with the formation of a new sixth technological order are investigated in the global economy, the evolutionary relationship of technological structures of the economy, the nature of differentiation and the level of continuity of technological modes during the transition of world and national economic systems from the fifth to the sixth technological way in order to develop a methodology for the organization of construction in the innovative economy, formation of effective mechanisms of development of construction management as one of supporting industries of the new technological structure of the national economy.

Keywords: economy, problems, methodological aspects, organization of construction, innovation, development, technological structure, evolutionary relationships, differentiation, mechanisms.

УДК 332.1

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ МЕТОДИЧЕСКИХ ОСНОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ КЛАСТЕРОВ

Е.А. КОСТЮЧЕНКО
(Полоцкий государственный университет)

Проведен сравнительный анализ наиболее распространенных методик выявления кластеров. В ходе исследования рассмотрены различные методы идентификации кластеров, используемые в качестве основы разработки и реализации кластерной политики: количественные и качественные. Проведено их сравнение по ряду существенных критерии: основное содержание, особенности, преимущества и недостатки, способность адекватно оценивать наличие всех элементов кластера и уровень их взаимодействия, а также перспективы использования в специфических условиях экономики Республики Беларусь. Подчеркивается, что для получения более точной картины необходимо как сочетание количественных и качественных методов, так и применение нескольких количественных методов одновременно. Предложена последовательность этапов идентификации кластера, применяемая в условиях Республики Беларусь.

Ключевые слова: кластер, кластеризация, методика, идентификация кластера, количественные методы, качественные методы.

Введение. Как показывает зарубежный опыт, области возникновения кластеров различны и трудно прогнозируемые. Они возникают как естественным путем, так и при активной помощи государства, но не зависимо от инициатора всегда есть некие предпосылки к этому (исторически сложившаяся специализация и устойчивые связи, особые природные условия и ресурсы, предпринимательская активность и т.п.) [1, с. 40]. В настоящее время подход, основанный на сетях и кластерах в реализации научно-промышленной политики, разрабатывается во всех странах мира, причем кластерные структуры весьма разнообразны. Мировая практика свидетельствует об эффективности различных видов кластеров: региональных, национальных, трансграничных и транснациональных; кластеров традиционных отраслей и инновационных (высокотехнологичных); кластеров, производящих товары, и кластеров, оказывающих услуги. Представляется, что кластерный подход также может быть успешно использован в Республике Беларусь, став весьма перспективным направлением повышения конкурентоспособности и механизмом активизации инновационных процессов в регионах [2, с. 90].

Изучение международного опыта по выявлению кластеров позволило сделать вывод, что стандартных подходов кластерного анализа на данный момент не существует, а имеющиеся методологии все еще эволюционируют, продолжается внедрение широкого разнообразия новых техник.

Основная часть. В мировой практике используются различные способы идентификации кластеров, что обусловлено комплексностью и разнообразием их структур, а также специфическими условиями развития территорий их размещения [3, с. 164].

Среди авторов, таких как Е. Фезер, Е.М. Бергман, Г. Линквист, Е. Маркон, приоритетным направлением становится выявление кластеров на основе количественных методик, опирающихся на экономическое моделирование и позволяющих идентифицировать кластеры с помощью статистических показателей. Среди методов, относящихся к данной категории, метод коэффициента локализации, метод таблиц «затраты-выпуск», а также дистанционно ориентированные методы. В свою очередь, Р. Инь, Ю. Террас и А. Маркусен предлагают для исследования кластеров использовать качественную информацию, полученную, например, в ходе проведения опросов экспертов и составления генеалогического древа кластера. Особое место в ряду работ, посвященных рассмотрению методов кластерного анализа, занимают труды Дж. Кортграйта и Т. Андерсона, посвященные всестороннему изучению вопросов идентификации кластеров и оценки уровня их развития [3, с. 165].

Ученые Э.Дж. Фезер (Edward Joseph Feser) и Э.М. Бергман (Edward Monroe Bergman) все работы, относящиеся к идентификации кластеров, делят на 2 категории [4, с. 104]. Первые они обозначают как «работы на кластерном микроуровне», которые, как правило, инициируются исходя из политических соображений, или движимы отдельными интересами на региональном уровне. При этом кластер определяется как группа компаний, которые производят схожую продукцию (отраслевой принцип), и объединены дополнительными формальными и неформальными связями. При описании такие кластеры могут включать некоторые ограниченные характеристики цепочки поставщиков, однако объяснение сути и особенностей цепочки ценности в таких работах имеет меньшую важность, чем описание связей между схожими производителями.

Согласно исследованиям Э.Дж. Фезера и Э.М. Бергмана, именно исследования такого рода получили наиболее широкое распространение; они проводятся на уровне компаний и имеют отраслевую фо-

кусировку [4, с. 104]. Методы, которые позволяют проводить всестороннее исследование практических всех отраслей региональной экономики Э.Дж. Фезер и Э.М. Бергман обозначили как «применимые на кластерном мезоуровне», следуя терминологии, принятой Организацией экономического сотрудничества и развития. Проведение анализа на мезоуровне может быть совмещено с проведением анализа взаимодействия между компаниями в идентифицированных кластерах на микроуровне, что приведет к наиболее точным результатам. Тем не менее даже при отсутствии анализа на микроуровне анализ мезоуровня позволяет получить уникальную информацию о региональной экономике, имеющую большую значимость для выработки соответствующей политики [4, с. 104].

Второй подход к классификации методов идентификации кластеров – в зависимости от источника проведения исследования – предлагает А. Колошин и его коллеги. Согласно их мнению, в случае, если выявление кластеров осуществляют государственные органы, которые склонны к приближению понятия кластера к административным границам тех или иных территорий, используются такие показатели, как занятость, потенциал экономического роста, политический вес региона и т.п. [4, с. 104]. Данный вариант характерен для академических и исследовательских кругов, предполагает « поиск количественных показателей и параметров, необходимых для проведения статистического и экономического анализа, таких как стандартные промышленные классификации отраслей, показатели экономической агломерации и транзакционные потоки» [4, с. 104].

Наконец, *третий подход*, свойственный различным бизнес-школам, основан на принципе построения кластерных моделей, которые обладают сравнительными преимуществами на глобальных рынках, обусловленными характером предпринимательских сделок, высоким уровнем конкурентоспособности, специализированной инфраструктурой, развитым локальным потребительским спросом [64, с. 104]. В целом, кластерный анализ проводится в два этапа. На первом этапе региональная экономика обследуется на предмет существования работающих или потенциальных кластеров. На втором – осуществляется детальное обследование выявленных кластеров, для которых затем будет разрабатываться политика поддержки. На первой ступени проводится «внутренний» анализ экономики: оценка сильных и слабых сторон, проблем и возможностей для всей региональной экономики (*SWOT-анализ*). Для определения значимости кластера для экономики региона используется набор количественных характеристик, включающих численность занятых в кластере или оборот кластера (а также динамика за период времени), доля экспорта кластера в экономике региона, темп возникновения новых компаний. На второй ступени проводится «внешний» анализ – путем сравнительного анализа определяется международная значимость кластера. Этот тип анализа имеет ряд преимуществ, таких как акцентирование роли некоммерческих образований в экономике, в частности исследовательских организаций [5].

Инструменты и техники, позволяющие проводить описание и анализ кластеров, Дж. Кортрайт разделяет на две группы: методы, нисходящие или «сверху-вниз», основанные преимущественно на количественных показателях, которые помогают проследить отраслевую структуру региональной экономики; и восходящие анализы или «снизу-вверх», позволяющие изучить внутреннее функционирование и межфирменные взаимосвязи в рамках конкретного кластера на территории рассматриваемого региона. Применение методов «сверху-вниз» оправданно в случае наличия широкого разнообразия отраслей в региональной экономике, поскольку данные техники позволяют исключить сектор за сектором, объединяя и прорисовывая картину региональной экономической зависимости. В то время как методы «снизу-вверх» обычно пытаются найти ответы на вопросы, которые начинаются со словосочетания «каким образом», например: «Каким образом начал свою деятельность кластер?» или «Каким образом компаниями кластера отбираются и обучаются работники?», при этом исследователь пытается идентифицировать отраслевые кластеры, начиная с отдельных отраслей, переходя затем к поиску взаимосвязей с другими отраслями и поддерживающими коммерческими и некоммерческими институтами [4, с. 104]. Данный подход чаще всего используется в небольших по размеру регионах, в которых присутствует несколько отраслей [4, с. 105].

Изучение международного опыта по выявлению кластеров позволяет утверждать, что существует целый набор методов для идентификации и анализа региональных промышленных кластеров, начиная от простых методов определения уровня специализации (коэффициенты локализации) до технологии межотраслевых балансов. Далее рассмотрим наиболее распространенные из них.

Популярный в настоящее время метод выявления региональных промышленных кластеров – использование коэффициентов локализации. Коэффициент локализации – это соотношение удельных весов занятости населения в определенных отраслях промышленности: например, удельный вес отрасли в совокупной численности занятых региона по отношению к удельному весу этой же отрасли в общей численности занятых по стране в целом. Коэффициент локализации, равный единице, означает, что данный регион имеет тот же удельный вес отрасли по показателю занятости, что и страна в целом. Коэффициент локализации, превышающий значение 1,25, означает, что можно говорить о начале специализации региона на данном конкретном секторе хозяйства [5]. При расчете коэффициентов локализации также можно использовать и другие данные: объемы продаж, инвестиций, добавленную стоимость [66, с. 40].

Традиционное использование коэффициентов локализации дает недостаточно информации о региональных промышленных кластерах – это отраслевой метод анализа, следовательно, не говорит о взаимозависимости различных секторов экономики. Его целесообразно применять в совокупности с другими методами кластерного анализа [5].

По мнению ряда исследователей, к числу которых относится М. Портер, использование коэффициента локализации возможно и в качестве основы для комплексной методологии. Данный подход включает несколько этапов:

- 1) *первый этап* – деление исследуемой территории на регионы;
- 2) *второй* – выделение торгуемых и ресурсозависимых отраслей на основе расчетов: среднего значения коэффициента локализации по пяти регионам, имеющим максимальные значения данного показателя в рамках каждой из рассматриваемых отраслей; коэффициента Джини для каждой из отраслей; доли занятых во всех регионах с коэффициентом локализации больше или равным единице в национальной занятости [3, с. 166].
- 3) *третий* – отделение торгуемых отраслей от ресурсозависимых, осуществляющееся на интуитивном уровне;
- 4) *четвертый* – формирование пар отраслей с помощью расчета коэффициента корреляции, показывающего характер взаимного влияния двух случайных величин;
- 5) *пятый* – разбиение множества исследуемых объектов и признаков на однородные группы или кластеры, чаще всего по количественному признаку (по коэффициенту локализации) [3, с. 167].

Для решения проблемы выбора региональных границ, имеющей место при использовании метода коэффициента локализации, Д. Квох и Х. Симпсон разработали новый географический метод оценки пространственной концентрации предприятий, называемый «*Rippli K-метод*». Позже другими авторами были предложены его модификации, в частности, *M-функция* Е. Маркона или *Q-функция* Г. Линквиста. Данные дистанционно ориентированные методы, как их называют в литературе, позволяют определить оптимальный размер кластера безотносительно к заранее установленным территориальным границам. В этом случае исследователь не прибегает к какому-либо районированию, учитывается только евклидово расстояние между предприятиями. При этом их месторасположение определяется координатами. Феномен географической концентрации оценивается как для предприятий одной отрасли, так и для предприятий различных отраслей путем расчета среднего числа соседних заводов на площади заданного радиуса. Затем эта операция повторяется со всевозможными радиусами. В итоге становится известно расстояние, на котором наблюдается наибольшее сосредоточение предприятий, т.е. потенциальный кластер [3, с. 171].

Метод структурных сдвигов (метод Shift-Share) основан на предположении, что региональное экономическое развитие обусловлено ростом трех компонентов: национальной экономики; отрасли в стране; региональной экономики. Наиболее часто используемым показателем экономического развития зарубежными исследователями считается занятость. Национальный вклад показывает, насколько занятость в регионе в данном виде экономической деятельности увеличилась за счет роста занятости в национальной экономике в целом. Отраслевой вклад отражает, насколько рост промышленности региона в данном виде экономической деятельности базируется на национальном росте в промышленности. Региональный вклад показывает, является ли данный вид экономической деятельности региона лидером или аутсайдером в стране. Лидирующим будет тот сектор, в котором региональные темпы роста больше, чем в стране [6, с. 42]. Именно показатель регионального вклада «сигнализирует» о наличии или отсутствии кластера, поскольку позволяет выделять наиболее конкурентоспособные в регионе относительно страны виды экономической деятельности. Следовательно, лидирующие виды экономической деятельности региона и есть искомые составляющие ядер экономических кластеров [6, с. 43].

Исследование кластеров с помощью межотраслевых балансов. Эксперты по региональному промышленному развитию длительное время используют такие методики группировки отраслевых секторов, как теория графов, факторный анализ и т.д., в основе которых лежат межотраслевые связи. В некоторых странах Западной Европы методология межотраслевых балансов основана на анализе матриц инновационного взаимодействия, а не матриц межотраслевых потоков продукции. Инновационные матрицы описывают потоки инноваций между их производителями и потребителями. Принципиальное преимущество инновационных матриц – в акценте на действительную инновационную взаимозависимость и взаимодействие отраслей. Недостатком таких матриц являются высокие издержки по сбору информации и статистических данных, а также сложности с концептуальным обоснованием проводимых исследований [5].

Сравнительно новым методом выявления промышленных кластеров выступает сетевой анализ связей между компаниями и отраслями хозяйства. Наиболее объективными статистическими данными для такого анализа служат инновационные межотраслевые балансы, хотя при этом также используются опросы региональных экспертов и другие качественные данные о связях между региональными отрасля-

ми. Главная проблема графического сетевого анализа региональных промышленных кластеров заключается в интерпретации выявленных сложных связей. Развитие и разработка более качественной технологии графического анализа и соответствующего программного обеспечения – потенциальная и перспективная область в исследовании промышленных кластеров [5].

Широко применяемым методом является изучение межотраслевых связей с использованием таблиц «затраты-выпуск». Основными методами, применяемыми при использовании таких таблиц, служат прямой анализ взаимосвязей в цепочке ценностей (direct value chain linkage analysis) и анализ образцов продаж (trading pattern analysis).

Прямой анализ взаимосвязей в цепочке ценностей группирует отрасли промышленности в кластеры на основе взаимосвязей в вертикальной продуктовой цепочке. Основным критерием является то, что отрасли промышленности с сильными транзакционными связями (выше требуемого пороговой уровня) группируются в индустриальные кластеры (Botham и др.). Следующий шаг – определение совместно расположенных отраслей с помощью сепаративного анализа местоположения (separate locational analysis) [7, с. 147].

Прямой метод стоимостной цепочки дает полную картину межотраслевых связей для географического региона, но в то же время имеет и ряд существенных недостатков [7, с. 148]:

- результаты, получаемые при использовании прямого метода цепочки стоимостей, чувствительны к задаваемым пороговым значениям. Среди ученых нет единой точки зрения по поводу определения пороговых значений, и их выбор осуществляется аналитиком самостоятельно;

- несоответствие географических масштабов для анализа местоположения и анализа межотраслевых связей может привести к неверной интерпретации полученных данных.

При осуществлении прямого анализа цепочки ценностей часто используется теория графов, которая позволяет визуализировать прямые связи в цепочке стоимостей, заложенной в таблицах «затраты-выпуск». Отправная точка анализа – преобразование матрицы «затраты-выпуск» в трансформационную таблицу, состоящую из единиц и нулей. Если ячейка трансформационной таблицы выше заданного порогового значения, ей присваивается значение «1», иначе – «0». Далее определяют существенные межотраслевые связи матрицы сходства, где в качестве узлов выступают отрасли промышленности, а соединителей – товаропотоки между ними.

При группировке отраслей промышленности в соответствии со схожестью их товарных образцов применяется два основных метода: статистический кластерный и дискриминантный анализ и факторный анализ методом главных компонент [7, с. 148].

Статистический кластерный и дискриминантный анализ – это методы многомерного статистического анализа, позволяющие группировать промышленные отрасли на основе расчета общей дисперсии по данным таблиц «затраты-выпуск». Главный принцип в данном случае состоит в идентификации схожих отраслей промышленности на основе образцов их продаж и покупок.

Статистический кластерный анализ сортирует отрасли по значению статистической вариации, рассчитанному между парами отраслей таблиц «затраты-выпуск». На следующем этапе при помощи дискриминантного анализа проверяется достоверность этих первоначальных кластеров с использованием тест-статистических показателей. В заключение, используя информацию о специализации региона, мультиплектических эффектах, экспортной активности и темпах роста промышленности, определяется ведущая отрасль кластера [7, с. 149].

Данный подход имеет в большей степени теоретическую значимость, поскольку получаемые индустриальные кластеры являются взаимоисключающими, так как одна отрасль может относиться только к одному кластеру. Однако опыт показывает, что это не всегда так, например, вспомогательные отрасли (оптовая торговля, транспортировка грузов, складирование) обслуживают многие отрасли промышленности одновременно, поэтому они могут входить в состав нескольких индустриальных кластеров [7, с. 149].

Факторный анализ методом главных компонент (PCA) – факторный аналитический метод снижения размерности данных – наиболее применяемый метод определения индустриальных кластеров с использованием данных таблиц «затраты-выпуск». Использование PCA позволяет преодолевать ограничения статистического кластерного и дискриминантного анализа, так как в данном случае сектор промышленности может являться составной частью нескольких кластеров одновременно [7, с. 149].

Независимо от того, какая матрица данных используется в PCA для идентификации межотраслевых отношений, нет гарантии географической близости отраслей промышленности друг к другу, особенно при использовании национальных таблиц «затраты-выпуск». Кроме того, все методы, использующие таблицы «затраты-выпуск», могут быть неточными при использовании агрегированных таблиц «затраты-выпуск» с ограниченным числом отраслей промышленности [7, с. 151].

Распространенным методом определения региональных кластеров выступает использование экспертизы оценок и других механизмов сбора необходимой экономической информации. Региональные

эксперты, руководители бизнеса, официальные представители власти и другие лица, принимающие решения, являются важным источником информации о тенденциях регионального промышленного развития, его основных особенностях, сильных и слабых сторонах. Хотя сбор экспертной информации о региональной экономике может оказаться эффективным с точки зрения издержек и объема такой информации, отсутствие достаточной систематичности не позволяет делать глубокие обобщения. Экспертные оценки наиболее часто применяются при микроанализе региональных промышленных кластеров [5]. Опрос экспертов может быть осуществлен либо путем рассылки экспертам специальных вопросов, либо через проведение личных интервью [3, с. 172]. Безусловно, опрос нескольких экспертов связан с риском получения субъективной позиции и ограниченностью знаний и опыта каждого эксперта. Кроме того, данный метод сопряжен с обработкой огромного массива информации, а результаты не могут быть приведены к единому стандарту и подвергнуты межкластерному сопоставлению [8, с. 735].

Частным случаем рассмотренного метода является метод снежного кома. Его первый этап – проведение опроса экспертов для получения представления о наиболее значимых кластерах. При завершении респондентам предлагается рекомендовать лица, владеющие большей информацией по одному из кластеров. Снежный ком «катится», привлекая экспертов, представляющих различные элементы кластера. Они, в свою очередь, делятся своими отзывами о составляющих кластера, а также высказывают мнение об уже полученных данных. Снежный ком продолжает двигаться до тех пор, пока не будет найдено ни одного нового эксперта и не наступит момент нанесения рассматриваемого кластера на карту. Заключительный шаг – сбор данных о ключевых экономических показателях кластера по данным статистических служб [8, с. 735].

Интересным методом изучения направления развития кластеров и их эволюции служит анализ истории появления и функционирования компаний в рамках отдельных кластеров, называемый «составление генеалогического дерева кластера». Тот факт, что в большинстве случаев кластеры образуются, когда работники, занятые в одной фирме, покидают ее и открывают свои собственные компании, стал основой многих научных работ. Генеалогические деревья кластеров составлены П. Скрантоном для станкостроительной промышленности в Цинциннати, М. Портером для отрасли полиграфического оборудования в Германии и для биотехнологической отрасли в Сан-Диего. В 2003 году Х. Майер подготовил историю происхождения компаний отрасли электронного оборудования в Портленде [8, с. 736].

Одним из точных инструментов, обеспечивающих детальное выявление кластеров, считаются кейсы. В частности, Р. Уин определяет кейсование как эмпирическое исследование, направленное на изучение определенного явления, имеющего место в момент его проведения в контексте реальной жизни. Такого рода исследования, по его мнению, особенно важны в тех случаях, когда границы между изучаемым явлением и его контекстом четко не отделены. Методология кейс-стадии предполагает изучение результатов деятельности, которая не может быть изучена посредством использования исключительно количественных методов. Поэтому основу кейсов обычно составляют представленные выше качественные методы, используемые в сочетании с относительно простым статистическим анализом [3, с. 174].

В целях систематизации и обобщения подходов к идентификации кластеров проведен сравнительный анализ наиболее распространенных методик идентификации кластеров. Сравнение производилось по ряду существенных критериев, в частности для каждой методики выявлены: основное содержание, особенности, преимущества и недостатки, способность адекватно оценивать наличие всех элементов кластера и уровень их взаимодействия, а также перспективы использования в специфических условиях экономики Республики Беларусь.

Анализ показал, что для идентификации кластеров можно применять количественные и качественные методы. Данные методы имеют и преимущества, и недостатки. Так, количественные методы позволяют объективно выделить кластеры, однако можно отметить и ряд их общих недостатков:

– не отражается роль институциональных структур, существующих в кластере, а также университетов и НИИ;

- не учитываются инфраструктурные элементы кластера (банки, торговые организации и пр.);
- невозможно определить потенциальные, еще только зарождающиеся в регионе кластеры.

В свою очередь, качественные методы позволяют устраниить указанные недостатки количественных методов, но применение их в отрыве от других методов не позволяет получить объективные выводы.

Следует подчеркнуть, что для получения более точной картины необходимо как сочетание количественных и качественных методов, так и применение нескольких количественных методов одновременно, причем с использованием разных статистических данных – и по занятости, и по объемам производства и реализации продукции. Кроме того, проведенный анализ позволил выявить методы, наиболее подходящие для целей данного исследования (для идентификации кластера нефтехимии и нефтеперера-

ботки Витебской области). Основными критериями для выбора того или иного метода послужили прежде всего: применимость метода в условиях Республики Беларусь (доступность необходимой аналитической базы), а также способность метода в полной мере и адекватно оценивать наличие всех элементов кластера и уровень их взаимодействия. В результате предложена последовательность этапов выявления (идентификации) кластера, применимая в условиях Республики Беларусь и подходящая для идентификации кластера нефтехимии и нефтепереработки Витебской области. Схематично последовательность этапов идентификации кластера представлена на рисунке.

Рисунок. – Этапы идентификации кластера

Источник: собственная разработка.

Заключение. Результаты рассмотрения количественных и качественных методов идентификации кластеров, а также выявленные их преимущества и недостатки свидетельствуют о необходимости совместного использования методов обеих категорий для получения комплексной картины экономики. При этом количественные показатели следует использовать для выявления формальной структуры кластера, а применение качественных методов позволяет на фоне полученных цифр проанализировать условия его формирования, наличие всех его элементов и степень их взаимодействия.

Несомненно, выбор сочетания рассмотренных выше зарубежных методологий обусловлен, прежде всего, целями исследования, а также возможностью их применения в полной мере по отношению к белорусским экономическим условиям.

Данное исследование выполнено в рамках гранта БРФФИ Наука М-2018 «Теоретические и методологические основы кластеризации нефтехимического комплекса Витебской области в условиях становления экономики знаний» (договор с БРФФИ № Г18М-052 от 30.05.2018 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Костюченко, Е.А. Анализ зарубежного опыта формирования и использования кластерных структур в региональном развитии / Е.А. Костюченко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2013. – № 14. – С. 32–41.
2. Костюченко, Е.А. Кластерный подход как фактор стратегического развития Витебской области в условиях становления экономики знаний / Е.А. Костюченко // Инновационное развитие социально-экономических систем: условия, результаты и возможности : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Орехово-Зуево, 25 мая 2017 г. – Орехово-Зуево : ГГТУ, 2017. – С. 89–95.
3. Корчагина, Н.А. Адаптация международного опыта идентификации кластеров к условиям российской экономики / Н.А. Корчагина, Ю.Н. Томашевская // Науч. труды Вольного экономического общества России. – 2010. – Т. 132. – С. 163–180.

4. Томашевская, Ю.Н. Выявление кластеров как системообразующий элемент процесса разработки кластерной политики [Электронный ресурс]. / Ю.Н. Томашевская // В мире научных открытий. – 2010. – № 4-10. – С. 103–105. – Режим доступа: <http://nkras.ru/vmno/issues/articles/2010/4-10.pdf>. – Дата доступа: 12.11.17.
5. Анализ зарубежного опыта повышения отраслевой, региональной и национальной конкурентоспособности на основе развития кластеров [Электронный ресурс] / А. Колошин [и др.]. – Режим доступа: http://politanaliz.ru/articles_695.html. – Дата доступа: 12.11.17.
6. Миролюбова, Т. Региональные экономические кластеры в системе стратегического планирования: методы идентификации / Т. Миролюбова // Проблемы теории и практики управления. – 2011. – № 11. – С. 39–49.
7. Турганбаев, Е.М. Идентификация региональных индустриальных кластеров и оценка их структурного воздействия на экономику региона (на примере ВКО) [Электронный ресурс] / Е. М. Турганбаев, М.В. Козлова // Управление большими системами : сб. тр. – 2009. – № 25. – С. 139–178. – Режим доступа: <http://www.mathnet.ru/links/49334190bfd71e706dc0545c4736dfc3/ubs7.pdf>. – Дата доступа: 13.11.17.
8. Томашевская, Ю.Н. Международный опыт выявления кластеров: перспективы использования в условиях РФ / Ю.Н. Томашевская, Н.А. Корчагина // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2010. – Т. 8. – № 8. – С. 727–742.

Поступила 04.10.2019

SYSTEMATIZATION OF METHODOLOGICAL BASES OF CLUSTER IDENTIFICATION

E. KOSTUCHENKO

A comparative analysis of the most common methods for identifying clusters is carried out. The study examined various cluster identification methods used as the basis for the development and implementation of cluster policies: quantitative and qualitative. They were compared according to a number of essential criteria: the main content, features, advantages and disadvantages, the ability to adequately assess the presence of all elements of the cluster and the level of their interaction, as well as prospects for use in specific conditions of the economy of the Republic of Belarus. It is emphasized that to obtain a more accurate picture, it is necessary both a combination of quantitative and qualitative methods, and the application of several quantitative methods simultaneously. A sequence of cluster identification steps is proposed, applicable in the conditions of the Republic of Belarus.

Keywords: cluster, clustering, methodology, cluster identification, quantitative methods, qualitative methods.

УДК 658.1:339.138

ПРИМЕНЕНИЕ АДАПТИВНО-СЦЕНАРНОЙ МОДЕЛИ ПЛАНРИРОВАНИЯ МАРКЕТИНГА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

О.А. ШАВЛЮГА
(*Полоцкий государственный университет*)

Рассмотрены вопросы планирования маркетинговой деятельности на предприятиях. Представлен обзор подходов к понятию «сценарное планирование», приведен анализ литературных источников, посвященных данной теме. Предложена адаптивно-сценарная модель планирования маркетинга предприятия, ориентированная на учет динамики внешней среды, взаимодействие со стейкхолдерами и разработку соответствующих сценариев маркетинга. Рассмотрены вопросы взаимодействия субъектов в традиционной и предлагаемой адаптивно-сценарной модели планирования маркетинга. Представлена авторская методика разработки сценариев маркетинговой деятельности, описаны ее этапы и преимущества.

Ключевые слова: маркетинг, планирование маркетинга, сценарное моделирование, сценарное планирование, сценарий.

Введение. В условиях рыночной экономики белорусские промышленные предприятия все чаще сталкиваются с проблемой разрешения возникающих противоречий между непредсказуемыми рыночными факторами и целями устойчивого экономического развития. В концепции Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 года поставлена задача создания и функционирования системы маркетинга, располагающей информацией о текущей и перспективной конъюнктуре мирового рынка.

Систематическое и комплексное планирование маркетинговой деятельности позволяет предприятиям рационально распределять имеющиеся ресурсы, своевременно подготавливаться к возможным изменениям внешней среды, способствует достижению стабильного положения на рынке. Постоянно усиливающаяся конкуренция, высокая степень неопределенности развития внешней среды, изменение предпочтений потребителей, а также процессы глобализации и интеграции экономики вызывают необходимость своевременной адаптации маркетинговой деятельности к этим условиям. Именно поэтому возрастает роль сценарного моделирования в маркетинге.

Основная часть. Сценарное моделирование можно отнести к технологиям, которая позволяет уменьшить неопределенность будущего. Важным элементом в процессе сценарного моделирования является систематизация существующих и вероятных неопределенностей, с которыми может столкнуться в процессе своей деятельности предприятие.

Формирование эффективной модели маркетинга в современных условиях играет решающую роль в развитии и повышении конкурентоспособности субъектов рыночной среды, поэтому проблемы маркетинга являются предметом широкого внимания многих ученых. Они рассмотрены в трудах Дж. Вэструда, Ф. Котлера, Ж.Ж. Ламбена, М. Макдональда, Д. Салли, а также известных отечественных и российских ученых: И.Л. Акулича, Г.А. Короленка, В.С. Протасени, М.В. Петровича, Н.С. Шелега, В.И. Беляева, Е.П. Голубкова, Т.П. Данько, А.П. Панкрухина, Б.А. Соловьева и др.

Многие вопросы теории и практики сценарного моделирования и планирования отражены в исследованиях зарубежных ученых: Д. Белла, М. Берже, Т.С. Гордона, Д. Канемана, Г. Кана, М. Линдгрена, М. Меркхофера, Р. Талера, А. Тверски, О. Хелмера, В.В. Глущенко, И.С. Дятловской, С.Е. Иванова, С.А. Попова, Ю.В. Сидельникова.

Сценарное моделирование рассматривается как построение альтернативных вариантов (сценариев) предполагаемого развития внешней и внутренней среды субъекта рынка. Для будущих событий оно может выступать в виде сценарного планирования, т.е. как построение желаемой модели будущей деятельности с определенными для этого ресурсами (временными, трудовыми, финансовыми и др.).

В научной литературе можно найти различные мнения относительно понятия «сценарное планирование». Так, стратегическая направленность присутствует в формулировке Д. Ринглана: «сценарное планирование – это часть стратегического планирования, которая относится к инструментам и технологиям, позволяющим управлять неопределенностью будущего» [1, с. 29].

Актуальность сценарного планирования подчеркивает в своей формулировке и Д. Аакер: «Благодаря созданию небольшого числа сценариев, ориентированных на рынок или рыночный контекст, и оценке их вероятности и влияния, сценарный анализ может стать действенным способом преодоления проблем, связанных со сложностями окружающей среды» [2, с. 164]. На необходимость системности применения обращают внимание в своем определении авторы М. Линдгрен и Х. Бандхольд «...сценарное планирование –

планирование, которое имеет своей целью систематическое изучение альтернативных путей развития событий во внешнем мире и их последствий для бизнеса, отрасли или области деятельности» [3, с. 223].

По мнению П. Шумейкера, сценарное планирование – это рациональный метод представления вероятных вариантов будущего, в котором могут реализоваться принятые решения. Такой подход подразумевает вариативный подход к планированию.

На связь со стратегией развития организации указывает в своем определении С.А. Попов: «Сценарное планирование – это методически вполне определенный инструмент, который позволяет получать значимую информацию для принятия ключевых решений по стратегии развития организации в соответствующей сценарной перспективе» [4].

Приведенные выше определения авторов позволяют сделать вывод, что сценарное планирование, результатом которого выступают сценарии, является действенным инструментом, способствующим достижению стратегических целей предприятия и его организационно-экономического развития.

В авторском понимании планирование маркетинговой деятельности – это процесс установления целей маркетинга, сроков, ресурсов и исполнителей в зависимости от возможных рыночных сценариев внутренней и внешней среды предприятия. В свою очередь, маркетинговые сценарии зависят от многочисленных точек бифуркации, под которыми применительно к данной проблеме следует понимать значительные количественные и качественные изменения на рынке (изменения в законодательстве, выход на новые рынки, появление сильных игроков на рынке, товарная конкуренция, ценовые флуктуации, падение или повышение покупательной способности потребителей и др.). По сравнению с существующими предлагаемое определение актуализирует необходимость адаптации маркетинга к изменениям внешней среды, делает инструменты маркетинга более гибкими и эффективными, что позволяет предприятиям повысить свою адаптивность и мобильность в условиях внешних изменений.

Установлено, что используемый сегодня большинством предприятий механизм планирования маркетинга осуществляется в основном с помощью традиционной модели (рисунок 1), которая предполагает ориентацию на достигнутые результаты, но не в полной мере учитывает динамичность будущих изменений внешней среды, а также возможность выбора различных сценариев поведения на рынке в будущем.

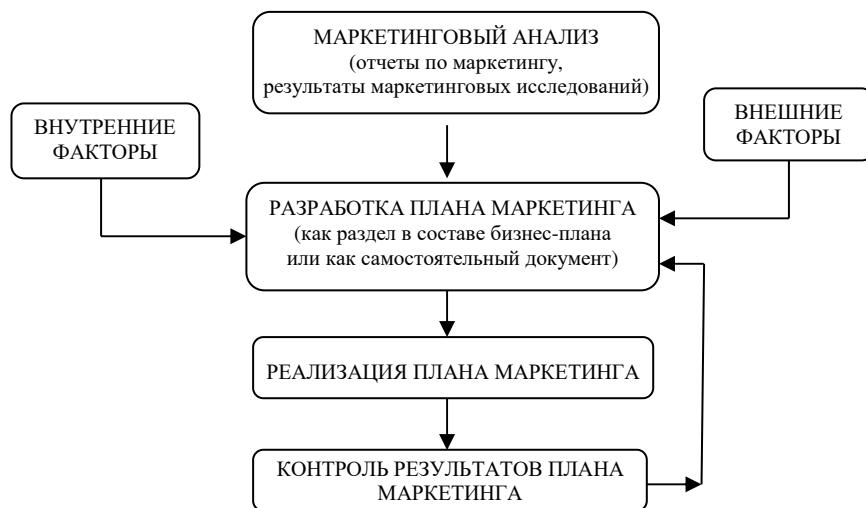

Рисунок 1. – Традиционная модель планирования маркетинга на предприятиях Республики Беларусь

Источник: собственная разработка.

Традиционной проблемой является недостаточное внимание к анализу и мониторингу конкурентов, лояльности потребителей и их прогнозированию, что приводит к низкой конкурентоспособности многих белорусских предприятий и продукции на внутреннем и зарубежном рынках, потере конкурентных преимуществ и возможной прибыли [5, с. 188].

Однако в условиях роста неопределенности окружающей среды, усиления конкуренции, появления новых потребностей, изменения вкусов потребителей возникает необходимость в своевременной адаптации ко всем этим тенденциям. Это возможно с помощью разработки структурной модели плана-сценария маркетинга, отличающейся контентной мобильностью и возможностью выбора предприятием сценария рыночного поведения. При этом план-сценарий маркетинга должен соответствовать принципу инновационности, который предполагает постоянное совершенствование с учетом последних

зарубежных и отечественных достижений в области маркетинга и собственных инновационных разработок маркетологов предприятия, позволять принимать оптимальные решения в ответ на текущие изменения внешней среды. Именно от того, насколько качественным и объективным будет план маркетинга и от эффективного функционирования отдела маркетинга зависит успех всей маркетинговой деятельности. В связи с этим возрастаёт необходимость использования сценарного моделирования в маркетинге, то есть планирование маркетинговой деятельности должно стать адаптивным и вариативным в зависимости от ситуации на рынке.

По мнению автора данной статьи, руководителям промышленных предприятий желательно пересмотреть используемый механизм планирования маркетинговой деятельности и ориентироваться на использование адаптивно-сценарной модели планирования маркетинга. В современных рыночных условиях процесс планирования маркетинга должен быть гибким, разносторонним, учитывая тенденции развития внешней среды и, что самое главное, давать возможность предвидеть изменения и использовать их для развития деятельности предприятия. Предлагаемая адаптивно-сценарная модель планирования маркетинга позволит эффективно планировать, реализовывать и совершенствовать маркетинговую деятельность предприятия (рисунок 2).

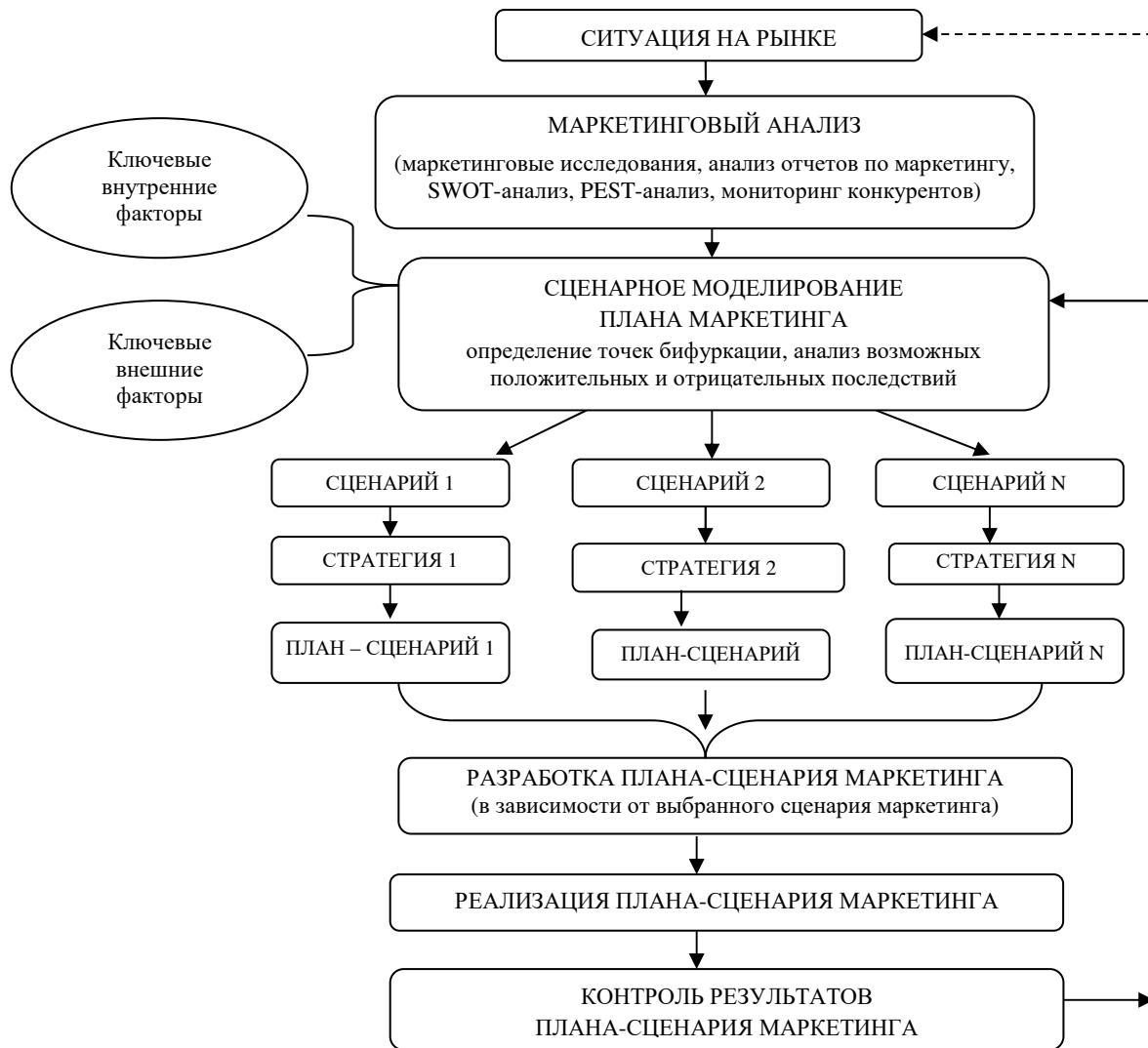

Рисунок 2. – Предлагаемая адаптивно-сценарная модель планирования маркетинга на предприятиях Республики Беларусь.

Источник: собственная разработка.

Условиями перехода к адаптивно-сценарной модели планирования маркетинговой деятельности являются: учет поведения конкурентов, предпочтений потребителей, состояния рынка, разработка различных сценариев маркетинговой деятельности предприятия.

По своей сути взаимодействие субъектов в традиционной модели маркетинга можно назвать внутреннеориентированным, т.е. предприятие устанавливает цели, определяет стратегию и тактику маркетинга, ориентируясь в большей степени на имеющиеся у него ресурсы (технологии, кадры, финансы) и результаты маркетинга предыдущих периодов. Частично учитываются факторы внешней среды. Внутренние условия имеют первостепенное значение, внешние – второстепенное. Преимущество такого подхода – максимальное исследование своих внутренних возможностей. Недостаток заключается в том, что подход не ориентирован на различные варианты внешней среды и возможные сценарии в будущем.

Предлагаемая адаптивно-сценарная модель планирования маркетинга является внешнеориентированной (партнерской), так как преимущественно направлена на внешние факторы и рыночные силы. Модель основана на информации от стейкхолдеров предприятия, которые являются основными ее источниками и отражают реальную ситуацию на рынке. В адаптивно-сценарной модели активное участие в планировании маркетинга принимают группы влияния – стейкхолдеры (собственники, потребители, конкуренты, инвесторы, поставщики и т.д.). Предприятие получает информацию о вкусах и предпочтениях потребителей, проводит мониторинг деятельности конкурентов, анализирует ситуацию на рынке, учитывает интересы инвесторов, поставщиков и планирует маркетинг с учетом этих данных. Реализация такой модели в деятельности предприятия будет способствовать получению высоких финансовых результатов.

Основные характеристики традиционной модели и предлагаемой адаптивно-сценарной модели планирования маркетинга отражены в таблице 1.

Таблица 1. – Характеристика элементов традиционной и адаптивно-сценарной моделей планирования маркетинга предприятия

Характеристика элементов	Традиционная модель планирования маркетинга	Адаптивно-сценарная модель планирования маркетинга
1. Сущность	Маркетинг – область управления	Маркетинг – философия, комплекс взглядов, охватывающих все сферы предприятия
2. Цель	Совершенствование товара, услуг, удовлетворение потребителей, получение прибыли	Адаптация маркетинговой деятельности к условиям внешней и внутренней среды предприятия, требованиям потребителей, разработка различных сценариев развития маркетинга
3. Объект	Отдельные направления маркетинговой деятельности (маркетинговые исследования, маркетинговая стратегия, маркетинговая политика)	Маркетинговая деятельность в целом
4. Субъекты	Маркетологи	Маркетологи, руководство предприятия, привлеченные профильные специалисты
5. Методы оценки результатов маркетинга	Контроль	Контроллинг
6. Взаимодействие с другими отделами предприятия	Косвенное	Прямо
7. Показатели эффективности маркетинговой деятельности	Доля рынка, объем продаж, количество потребителей, прибыль от реализации продукции	Прибыль от реализации продукции, рентабельность продаж, количество потребителей, объем экспорта, уровень эффективности маркетинга
8. Методы планирования	Традиционные	Сценарное моделирование
9. Источники информации	Преобладают внутренние источники: отчеты по маркетинговой деятельности, результаты маркетинговых исследований	Внутренние и внешние источники: отчеты по маркетинговой деятельности, данные мониторинга конкурентов и маркетинговых агентств, информация от стейкхолдеров
10. Результат планирования	План маркетинга или раздел маркетинга в бизнес-плане предприятия	Сценарии плана маркетинга в зависимости от условий внешней среды

Источник: собственная разработка на основе изучения научной литературы [6–8].

Проведенное теоретическое исследование существующих методик разработки сценариев учеными И.С. Дятловской и С.Е. Ивановым, а также С.А. Поповым сделало возможным разработать методику формирования сценариев маркетинга в контексте адаптивно-сценарной модели планирования маркетинговой деятельности. Цель методики – проектирование альтернативных вариантов развития маркетинговой деятельности в будущем, с учетом которых стало бы возможным принятие эффективных управленческих решений. Этапы методики формирования сценариев маркетинговой деятельности представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Этапы методики формирования сценариев маркетинговой деятельности

Название этапа	Содержание этапа
1. Подготовка процесса сценарного планирования маркетинга	- определение группы специалистов по разработке сценариев, назначение руководителя группы; - установление сроков выполнения разработки сценариев; - обеспечение группы специалистов необходимой информацией для разработки сценариев
2. Идентификация ключевых направлений развития маркетинговой деятельности	- оценка положения на рынке; - анализ стратегии развития; - определение целей предприятия на перспективу.
3. Определение ключевых факторов влияния внешней маркетинговой среды	- выявление ключевых факторов; - ранжирование факторов по степени значимости
4. Выбор показателей маркетинговой деятельности	- определение желаемых значений показателей маркетинговой деятельности
5. Определение точек бифуркации в развитии маркетинга	- выявление критических значений событий; - анализ возможных положительных и отрицательных последствий
6. Формирование возможных сценариев маркетинга	- группировка вариантов развития в несколько сценариев; - формирование сценариев в зависимости от точек бифуркации (например, изменения в законодательстве, выход на новые рынки, появление сильных игроков на рынке, товарная конкуренция, ценовые флуктуации, падение или повышение покупательной способности потребителей и др.)
7. Разработка плана-сценария маркетинга	- документальное оформление сценариев в виде плана-сценария маркетинга
8. Контроль за реализацией плана-сценария	- измерение результатов; - оценка результатов; - корректировка плана-сценария маркетинга

Источник: собственная разработка.

Таким образом в результате использования методики формирования сценариев маркетинговой деятельности формулируются сценарии маркетинга, которые могут отличаться целями, методическими инструментами, маркетинговыми мероприятиями, исполнителями, затратами на осуществление, масштабом реализации.

Выводы. Преимущество предлагаемой адаптивно-сценарной модели планирования маркетинга заключается в ее клиентоориентированном содержании, направленности деятельности на перспективу (обеспечение стабильного положения на рынке, повышение конкурентоспособности предприятия и лояльности потребителей). Разработка сценариев в маркетинге необходима для моделирования вариантов развития предприятия на рынке, формирования стратегий и планов-сценариев маркетинга, принятия оптимальных управленческих решений с учетом возможных точек бифуркации. Предлагаемая методика формирования сценариев маркетинговой деятельности предприятия обладает по сравнению с существующими рядом преимуществ:

- позволяет четко выделить и описать этапы и мероприятия, связанные с разработкой сценариев;
- отражает специфику маркетинговой деятельности на предприятии;
- дает возможность рассмотреть несколько вариантов развития маркетинга в зависимости от точек бифуркации (возможное ветвление векторов в развитии прогнозируемых событий), что в конечном итоге повысит точность разработанных сценариев;
- способствует всесторонней оценке каждого из вариантов развития, изучению структурных особенностей и возможных последствий реализации решений;
- доступна для понимания персоналом предприятия и способствует принятию обоснованных и эффективных маркетинговых решений.

Использование сценарного моделирования в маркетинге позволяет определять альтернативные модели поведения субъекта хозяйствования на рынке на основе анализа маркетинговой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рингланд, Д. Сценарное планирование для разработки бизнес-стратегии : пер. с англ. / Д. Рингланд. – 2-е изд. – М. : Диалектика, 2008. – 560 с.
2. Аакер, Д.А. Стратегическое рыночное управление / Д.А. Аакер ; пер. с англ. Е. Виноградова ; под ред. С.Г. Божук. – 7-е изд. – СПб. : Питер, 2011. – 496 с.

3. Линдгрен, М. Сценарное планирование: связь между будущим и стратегией / М. Линдгрен, Х. Бандхольд ; пер. с англ. И. Ильиной. – М. : Олим-Бизнес, 2009. – 233 с.
4. Попов, С.А. Стратегическое управление [Электронный ресурс] : 17-модул. программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 4 / С. А. Попов. – М. : ИНФРА-М, 1999. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2948565-pall.html>. – Дата доступа: 20.09.2019.
5. Шавлюга, О.А. Моделирование маркетинговой деятельности на предприятиях в Республике Беларусь / О.А. Шавлюга // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы : сб. тр. XIII междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 26 апр. 2019 г. / Полесский гос. ун-т / М-во образования Респ. Беларусь [и др.] ; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. – Пинск : ПолесГУ, 2019. – С. 187–189.
6. Акулич, И.Л. Маркетинг : учеб. / И.Л. Акулич. – 7-е изд., перераб. и доп. – Минск : Выш. шк., 2010. – 525 с.
7. Голубков, Е.П. Планирование маркетинга [Электронный ресурс] / Е.П. Голубков. – Режим доступа: <http://www.mavriz.ru/articles/2002/5/306.html>. – Дата доступа: 18.09.2019.
8. Данько, Т.П. Управление маркетингом = Marketing management : учеб. / Т.П. Данько. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2001. – 334 с.

Поступила 27.09.2019

APPLICATION OF ADAPTIVE SCENARIO MODEL OF MARKETING PLANNING AT ENTERPRISES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

O. SHAVLYUGA

The article discusses the planning of marketing activities in the enterprise, provides an overview of approaches to the concept of scenario planning and provides an analysis of literary sources devoted to this topic. An adaptive-scenario model of enterprise marketing planning is proposed, which is aimed at taking into account the dynamism of the external environment, interaction with stakeholders and development of corresponding marketing scenarios. Issues of interaction of subjects in the traditional and proposed adaptive-scenario model of marketing planning are considered. The author's methodology of development of scenarios of marketing activity is presented, its stages and advantages are described.

Keywords: marketing, marketing planning, scenario modeling, scenario planning, scenario.

УДК 338.24

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ МЕНЕДЖМЕНТА КОМПАНИИ: ПОДХОДЫ К ТРАКТОВКЕ И МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

канд. экон. наук **М.В. МОЛОХОВИЧ**

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуются теоретико-методологические и практические аспекты совершенствования корпоративного управления. Определены основные подходы к трактовке термина «корпоративное управление», выявлена специфика каждого из них, накладывающая отпечаток на выбор мер и способов построения эффективной системы корпоративного управления в практике деятельности хозяйствующих субъектов, обоснованы приоритетные направления совершенствования механизмов корпоративного управления в организациях различных типов.

Ключевые слова: корпоративное управление, корпоративная структура, объединение, акционерное общество, взаимодействие, механизмы корпоративного управления, эффективность.

Введение. Современный мир предъявляет все новые требования к компаниям, уровню их развития и способности адаптироваться к непрерывным изменениям внешней среды. Только высокоорганизованные хозяйствующие субъекты, функционирующие как целостная однородная система, способны длительное время удерживать лидирующие позиции на рынке, успешно конкурировать с другими представителями отрасли. И, несмотря на то, что эффективность компаний и ее конкурентоспособность зависят от множества факторов, особая роль принадлежит способности ее членов гармонично взаимодействовать в процессе совместной деятельности и их умению подчинять личные интересы общей цели развития организации. Достижение баланса интересов взаимодействующих сторон на всех уровнях функционирования компании выступает гарантом ее стабильности и устойчивости, обеспечивает рациональное использование имеющихся средств и ресурсов. Однако, достижение такого состояния сопряжено со множеством трудностей и не представляется возможным без выработки действенных механизмов управления всем множеством корпоративных взаимоотношений, связей и процессов. Иными словами, построение эффективной системы корпоративного управления и непрерывное совершенствование механизмов его реализации должно стать приоритетной задачей каждого хозяйствующего субъекта, стремящегося к успешному функционированию в долгосрочной перспективе. Ведь от результатов решения данной задачи зависит не только финансовое состояние и уровень развития компании, но и ее инвестиционная привлекательность, заинтересованность иных представителей рынка во взаимодействии и сотрудничестве с нею. В этой связи, необходимость дополнительной проработки теоретических аспектов и обоснования практических рекомендаций по совершенствованию механизмов корпоративного управления в организациях различных типов приобретает особую актуальность.

Основная часть. Исследование теоретико-методических и методологических разработок по вопросам организации и развития корпоративного управления в отечественной и зарубежной практике показало, что в настоящее время существует огромное множество определений данного термина, которые по своей сути можно отнести к двум укрупненным подходам. Первый из них базируется на толковании корпоративного управления как управления в различных организациях, представляющих собой сложные хозяйствственные системы. Второй, более узкий, подразумевает использование данного термина исключительно в отношении акционерных обществ и возникающих в них взаимоотношений [1; 2].

Определения исследуемой категории, наиболее полно раскрывающие ее сущность в рамках каждого из выделенных подходов, а также преимущества и недостатки указанных трактовок представлены на рисунках 1 и 2.

Из приведенных трактовок следует, что независимо от принадлежности к тому или иному подходу, практически в каждой из них содержится указание на прямую связь корпоративного управления с достижением целей создания и функционирования организации. Кроме того, во многих определениях особо выделена его нацеленность на достижение баланса интересов различных участников корпоративных отношений. Все это подчеркивает ценность корпоративного управления с точки зрения обеспечения максимальной эффективности бизнеса, привлечения инвестиций, выполнения комплекса юридических и социальных обязательств компаний [1]. Что касается различий в толковании его сути, то это во многом обусловлено неоднозначностью понимания сущности термина «корпорация», который, по мнению большинства авторов, взят за основу при создании категории «корпоративное управление».

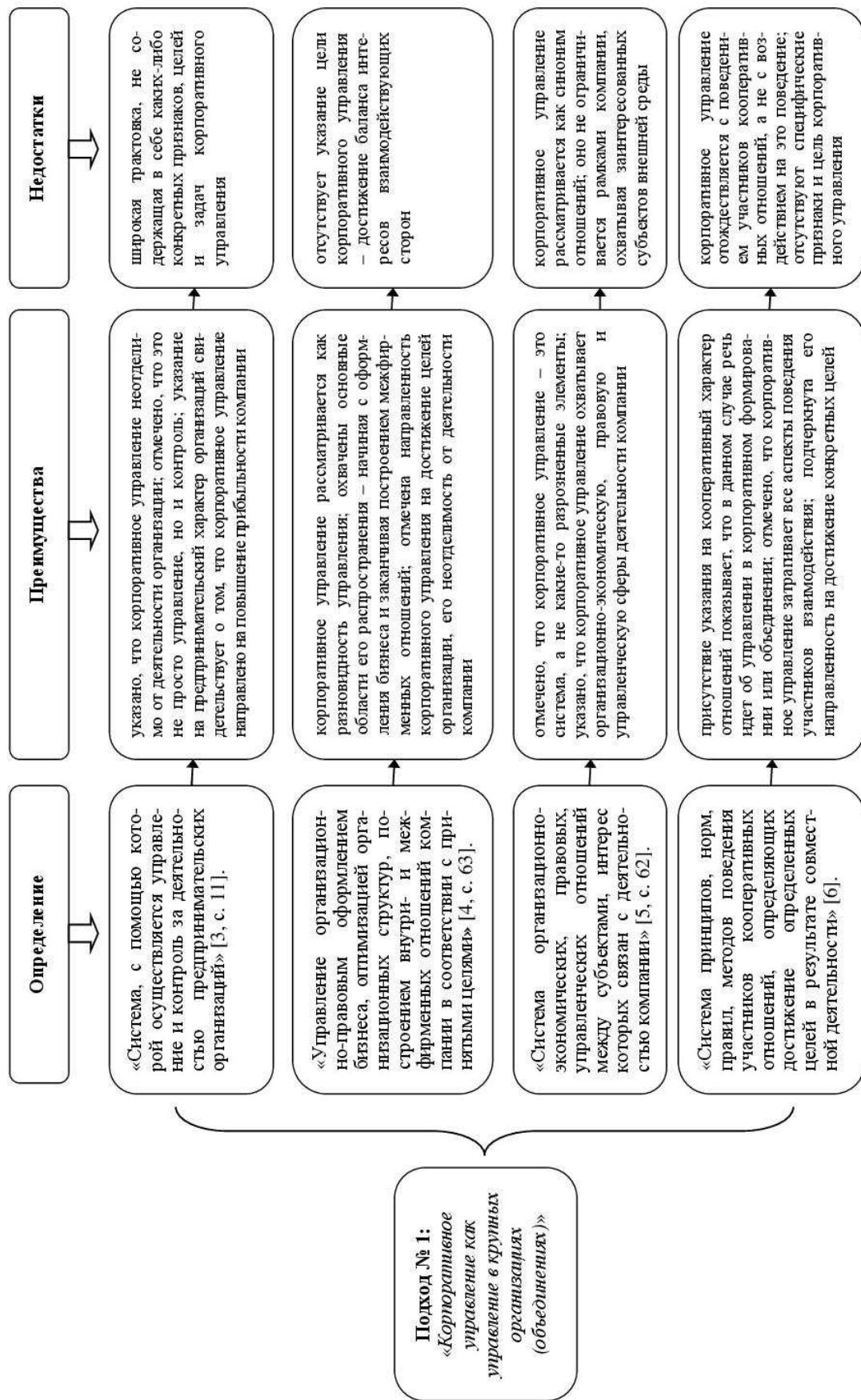

Рисунок 1. – Определения термина «корпоративное управление» как управления в крупных организациях (объединениях), их преимущества и недостатки

Источник: разработка автора на основе данных литературных источников и собственных исследований.

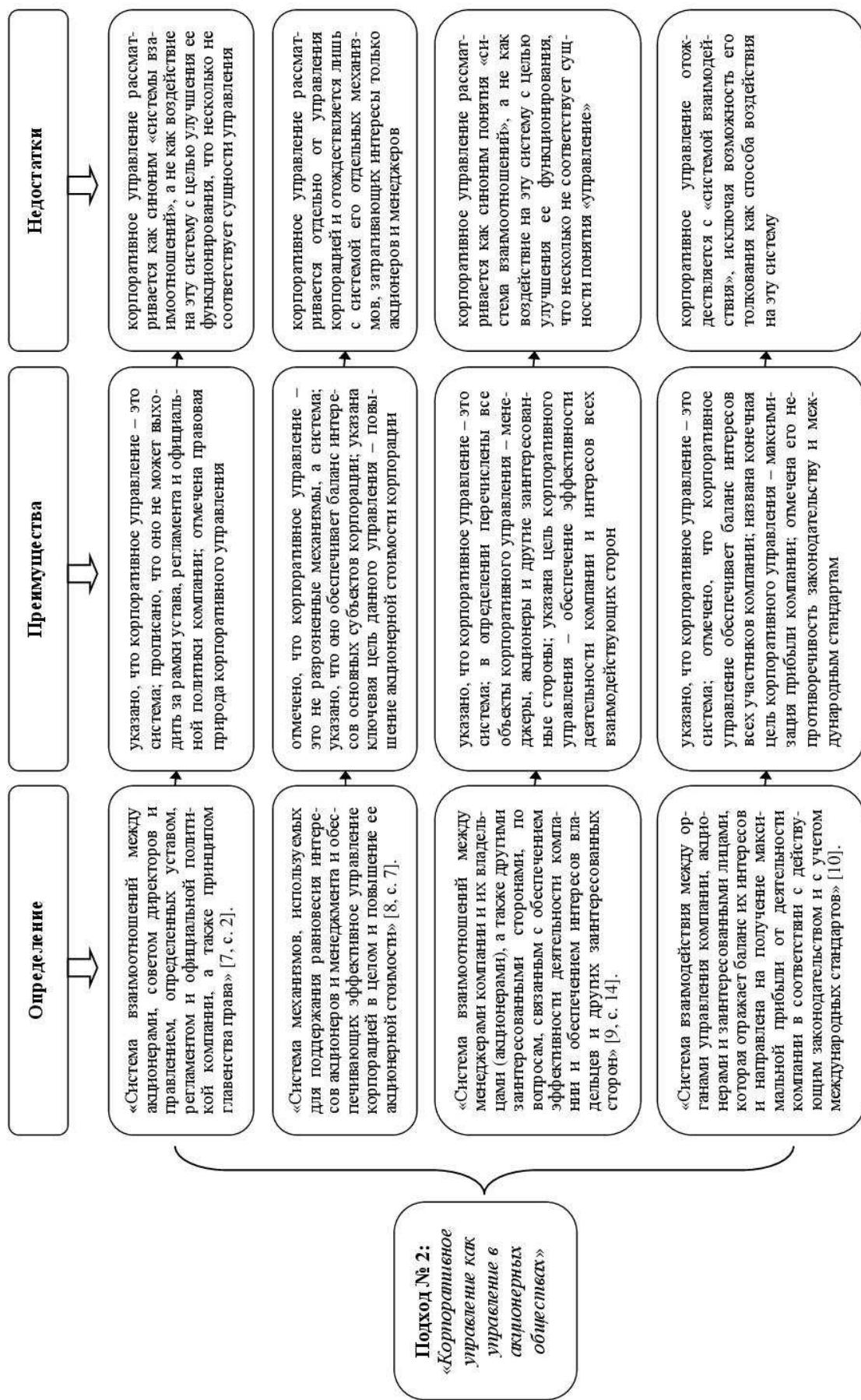

Рисунок 2. – Определение термина «корпоративное управление», как управления в акционерных обществах, их преимущества и недостатки

Источник: разработка автора на основе данных литературных источников.

В российской юридической доктрине сформировалось несколько подходов к определению термина «корпорация»:

- «... корпорация – это юридическое лицо (и коммерческое, и некоммерческое), основанное на отношениях членства (участия)»;
- «... под корпорациями понимаются только коммерческие организации, основанные на членстве (участии)»;
- «... к корпорациям относятся только хозяйствственные общества»;
- «... под корпорациями подразумеваются в основном сложные хозяйствственные структуры, организованные по иерархическому принципу (такие как концерны, холдинги, финансово-промышленные группы и т.п.) и основанные преимущественно на акционерной собственности» [11, с. 22–25].

Первая точка зрения, базирующаяся на максимально широком понимании корпорации как юридического лица, основанного на отношениях членства (участия), получила легальное закрепление в Гражданском кодексе Российской Федерации и по своему масштабу охватывает все иные мнения по данному вопросу [11, с. 22]. Однако, несмотря на это многие авторы отождествляют корпорацию исключительно с акционерным обществом и уже в соответствии с этим определяют область распространения корпоративного управления. Но, как отмечает Е.А. Суханов в своей статье «Реформа Гражданского кодекса РФ и проблемы современного развития российского гражданского права», недопустимо рассматривать в качестве синонимов понятия «корпорация» и «акционерное общество» и игнорировать товарищества (партнерства) и кооперативы [12, с. 12]. Соглашаясь с мнением данного автора и опираясь на исследование иных научных разработок и публикаций, можно сделать вывод, что акционерное общество является разновидностью корпорации, а не ее единственным аналогом. Следовательно, второй подход к толкованию термина «корпоративное управление» является более узким и может рассматриваться как частное проявление корпоративного управления, учитывающее специфику акционерной формы собственности, и не противоречит мнениям представителей первого подхода.

Аналогичная ситуация наблюдается и в практике функционирования корпоративных организаций в Республике Беларусь. В отличие от России, в белорусском гражданском законодательстве легальное определение термина «корпорация» отсутствует [12, с. 13]. В национальных системах права данный термин может применяться как в отношении акционерных обществ, так и применительно к иным хозяйственным обществам, товариществам, кооперативам, а также для характеристики различных форм международного сотрудничества (экономического, научно-технического и т.д.), проявляющихся в создании международных организаций [12]. То есть термин «корпоративное управление» может использоваться применительно ко всем перечисленным организационно-правовым формам хозяйствующих субъектов. Однако, в последние годы широкое распространение получила практика преобразования различных субъектов хозяйствования в акционерные общества и создания на их базе холдингов, что предопределило направление научных исследований многих отечественных ученых, вызвав повышенный интерес к исследованию проблем корпоративного управления в организациях акционерного типа.

Современное зарубежное законодательство, по мнению О.А. Макаровой, также «не использует унифицированного определения корпорации, а сам термин «корпорация» в национальных правопорядках понимается по-разному» [11, с. 25], что не накладывает ограничений на возможность использования термина «корпоративное управление» в отношении различных организаций и их объединений.

Подводя итог вышесказанному, следует еще раз отметить, что все множество трактовок термина «корпоративное управление» и подходов к его толкованию можно сгруппировать в два направления: управление в крупных организациях (сложных хозяйствующих субъектах) и управление в акционерных обществах. Причем с позиции выбора механизмов корпоративного управления и обоснования путей их совершенствования наибольший интерес представляет исследование данного типа управления в корпоративных структурах, зачастую объединяющих в своем составе представителей различных секторов национальной экономики, и в акционерных обществах, эффективное функционирование которых во многом зависит от согласованности интересов владельцев и менеджеров компаний. Специфика построения систем корпоративного управления в указанных хозяйствующих субъектах обусловлена составом их участников, выступающих основными носителями интересов компаний.

В первом случае механизмы управления должны выбираться с учетом отраслевых особенностей объединившихся организаций, уровня их развития, возможностей стать составными элементами единой технологической цепи и т.д. Ведь, каждый из участников объединения уже является сложной системой, обладающей своими ценностями, интересами и целями, которые могут идти в разрез с ценностями, интересами и целями других его членов. А потому механизмы корпоративного управления должны быть направлены на поиск и достижение баланса между ними, предотвращение конфликта интересов участников корпоративной структуры.

Во втором случае носителями интересов компаний выступают физические лица – менеджеры, акционеры, финансовые инвесторы. Следовательно, применяемые механизмы корпоративного управления,

должны регулировать в первую очередь их взаимодействие друг с другом и уже затем – с представителями внешней среды.

Каждый из указанных вариантов требует более детального рассмотрения и проработки в силу своей значимости в обеспечении эффективного функционирования хозяйствующих субъектов.

Сложность выработки эффективных механизмов корпоративного управления в крупных объединениях заключается, в первую очередь, в проблематичности взаимоувязки интересов объединившихся хозяйствующих субъектов, ставших, по сути, структурными частями вновь созданной организации. А потому основой формирования системы корпоративного управления в данных структурах должно стать ее построение на определенных принципах, важнейшими из которых являются: принцип прозрачности; справедливости; доступности; оперативности; полноты и достоверности информации на всех уровнях деятельности корпоративной структуры (начиная с уровня трудового коллектива и заканчивая уровнем объединения) [13]. Выбор данных принципов обусловлен тем, что целью создания любого корпоративного формирования является усиление взаимного действия его участников или достижение эффекта синергии. В случае, когда кто-либо из них будет испытывать недостаток информации, усомнится в ее достоверности или ощутит несправедливость принимаемых решений (особенно при распределении доходов от совместной деятельности), может возникнуть обратный эффект, ведущий к разрушению хозяйственных связей и ухудшению финансового состояния участников корпоративных отношений. Соблюдение же перечисленных принципов обеспечит баланс между личными и общими интересами объединившихся хозяйствующих субъектов, между социальными и экономическими целями корпоративной структуры; определит наиболее эффективные пути и инструменты разработки механизмов решения поставленных задач; позволит достичь максимально возможной гармонизации интересов всех категорий участников корпоративного формирования [14].

Важным механизмом корпоративного управления в крупных корпоративных формированиях выступает создание системы обратной связи, позволяющей обнаруживать отклонения между принимаемыми решениями и достигаемыми результатами и вносить в процесс управления корректирующее воздействие. Обратная связь в данном случае является мощным инструментом информационного обмена между всеми звеньями управленческой цепи, позволяющим непрерывно отслеживать результаты принятых управленческих решений. Наличие обратной связи между руководством и подчиненными важно для любой организации – ведь она свидетельствует о завершенности процесса управления, но в объединениях данная связь приобретает особый смысл в силу сложности структуры управления и потребности непрерывного согласования действий множества подразделений и работников корпоративного формирования. Чтобы упорядочить процесс их взаимодействия и наладить четкую систему обмена информацией необходимо сформировать определенную иерархию соподчиненности. Так, в крупных объединениях построение эффективной системы обратной связи должно охватывать три основных уровня:

1-й уровень: работники структурных подразделений объединения – их непосредственные начальники (менеджеры низового звена);

2-й уровень: начальники отделов, цехов, участков и т.д. – руководители подразделений корпоративной структуры (менеджеры среднего звена);

3-й уровень: руководители подразделений объединения – руководство корпоративного формирования (менеджеры высшего звена).

Более низкие уровни могут формироваться посредством делегирования менеджерами определенных полномочий своим подчиненным, однако основной обмен информацией должен происходить именно в рамках выделенных систем взаимодействия, так как в этом случае будут определены основные центры ответственности за оперативность распространения информации, ее достоверность и адресность. На каждом из трех уровней руководители должны отслеживать правильность исполнения поставленных задач и в случае каких-либо сбоев корректировать процесс доведения информации до исполнителей.

Создание эффективной системы обратной связи в корпоративных структурах не представляется возможным без использования современных средств коммуникаций и внедрения компьютерно-информационных систем управления. Особенно важным решение данной проблемы является для объединений, структурные подразделения которых территориально разобщены и находятся на больших расстояниях друг от друга и от головной компании.

Не менее значимым способом правильного и эффективного построения системы корпоративного управления является соблюдение элементарных норм делового поведения при реализации интересов всех участников корпоративных отношений. Достижению этого во многом будет способствовать выполнение рекомендаций, предписанных Сводом правил корпоративного поведения, рекомендованным к применению приказом Министерства финансов Республики Беларусь от 18 августа 2007 года № 293. Данный Свод правил содержит требования к корпоративному поведению, сформулированные на основе принципов корпоративного управления ОЭСР, международной практики корпоративного поведения и требований белорусского законодательства. Он предназначен для разъяснения целей и подробного из-

ложении наилучшей практики в области корпоративного поведения, применимой в белорусском контексте [14]. Однако, приняв за основу данные правила, каждая крупная компания должна выработать свой собственный Кодекс корпоративного поведения, учитывающий специфику ее создания и функционирования и предписывающий нормы и правила поведения ее членов. В разработке данного Кодекса должны принимать участие представители различных уровней функционирования организации, что позволит учесть мнения как руководителей и специалистов, так и рядовых работников компании. В свою очередь это позволит выработать общую систему ценностей, правил и установок, разделяемых всем трудовым коллективом и тем самым повысить управляемость организации.

Эффективному осуществлению корпоративного управления будет способствовать и повышение роли системы внутреннего контроля. Она должна быть соразмерной характеру и масштабам проводимых операций и охватывать всю деятельность объединения. Органы управления должны быть соответствующим образом информированы об организации и результатах работы внутреннего контроля. К тому же, служба внутреннего контроля должна иметь независимый статус и выступать подотчетной структурой руководства объединения [14]. Иными словами, необходимо сформировать небольшой отдел, основной задачей сотрудников которого будет контроль за исполнением всех поставленных задач, своевременностью и качеством организации всех внутрифирменных процессов.

Выбирать определенные механизмы корпоративного управления следует с учетом необходимости их ориентации на динамику развития объединения. Формирование корпоративной структуры не исчерпывается разработкой стратегии, построением эффективной организационной структуры, системы управления и т.д. Ведь она существует в постоянно изменяющейся среде и сама является динамичной системой. Следовательно, для сохранения эффективности в меняющейся обстановке она должна уметь реагировать на возникающие вызовы и иметь инструменты для быстрых изменений, соответственно, механизмы корпоративного управления должны также включать и инструментарий реакций на изменения.

Как уже было отмечено, вторым важнейшим направлением в исследовании проблем развития корпоративного управления в хозяйствующих субъектах является его организация в акционерные общества. Как и в случае с крупными компаниями, созданными на объединенных началах, в акционерных обществах построение системы корпоративного управления следует начинать с выработки принципов, составляющих его стержневую основу. Здесь стоит отметить, что не смотря на все отличия в составе, устройстве, правовой природе и т.д. рассматриваемых хозяйствующих субъектов (объединений и акционерных обществ), ключевые принципы организации корпоративного управления в них полностью совпадают: без соблюдения принципов прозрачности, справедливости, доступности, оперативности, полноты и достоверности информации не возможно построить эффективную систему взаимоотношений между менеджерами, акционерами и другими сторонами, заинтересованными в результатах деятельности компании.

Что касается совершенствования корпоративного управления в акционерных обществах, то его главным направлением должна стать разработка средств по предотвращению конфликта интересов основных участников. Достижению этого будет способствовать четкое определение прав и обязанностей всех взаимодействующих сторон, закрепленное документально и доведенное до сведения каждого участника корпоративных отношений, а также выработка действенных механизмов разрешения спорных ситуаций, базирующихся на принципах справедливости и равноправия. Причем данные меры являются одинаково актуальными как для небольшого предприятия, созданного в форме акционерного общества, так и для крупного холдинга, разница состоит лишь в численности взаимодействующих субъектов и сложности достижения баланса их интересов. Следует отметить уникальность ситуации: являясь с одной стороны компанией акционерного типа, а с другой – мощной корпоративной структурой, холдинг может сочетать в себе различные подходы к формированию эффективной системы корпоративного управления, пользуясь преимуществами своего хозяйственного устройства.

Также совершенствование механизмов корпоративного управления в акционерных обществах не представляется возможным без повышения эффективности деятельности членов органов их управления [15]. В качестве таких мер следует выделить, в первую очередь, инструменты стимулирования деятельности данных членов: вознаграждение за достижение успехов, разработка обширной системы бонусов и компенсаций, внедрение опционных программ, страхование ответственности членов органов управления и т.д. Не менее важной будет и разработка санкционных мер в отношении различных нарушений и неисполнения либо ненадлежащего исполнения возложенных на них обязанностей.

Внедрение предложенных мероприятий в практику акционерных обществ позволит создать основу для построения эффективных систем корпоративного управления, отвечающих запросам участников корпоративных отношений и их внешнего окружения.

Заключение. Таким образом, выбор механизмов корпоративного управления зависит от специфики создания и функционирования хозяйствующего субъекта, состава его участников и масштабов деятельности. Непрерывное совершенствование данных механизмов обеспечит гармоничное функциониро-

вание всех сторон, заинтересованных в результатах деятельности компании, приведет к росту доходов и конкурентоспособности организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молохович, М.В. Сущность, проблемы и перспективы развития корпоративного управления / М.В. Молохович // Стратегия и тактика развития производственно-хозяйственных систем : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 120-летию со дня рожд. П.О. Сухого, Гомель, 26–27 нояб. 2015 г. / ГГТУ им. П.О. Сухого; под ред. В.В. Кириенко. – Гомель, 2015. – С. 103–105.
2. Молохович, М.В. Механизм гармонизации экономических интересов участников корпоративных структур / М.В. Молохович // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : материалы XIX Междунар. науч. конф., Минск, 18–19 окт. 2018 г. : в 3 т. / НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь ; редкол.: В.В. Пинигин [и др.]. – Минск, 2018. – Т. 2. – С. 182–183.
3. Шихвердиев, А.П. Корпоративное управление : учеб. пособие / А.П. Шихвердиев. – Сыктывкар : Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2015. – 241 с.
4. Храброва, И.А. Корпоративное управление: вопросы интеграции. Аффилированные лица, организационное проектирование, интеграционная динамика / И.А. Храброва. – М. : «Альпина», 2000. – 198 с.
5. Веснин, В.Р. Корпоративное управление : учеб. пособие / В.Р. Веснин. – М. : МГИУ, 2008. – 150 с.
6. Гританс, Я.М. Корпоративные отношения: правовое регулирование организационных форм [Электронный ресурс] / Я.М. Гританс. – 2005. – Режим доступа: <http://www.classs.ru/library/node/1935>. – Дата доступа: 11.10.2019.
7. Комиссаров, Г.П. Корпоративное управление как системный фактор оценки кредитных организаций / Г.П. Комиссаров, С.Н. Яшин // Финансы и кредит. – 2006. – № 19 (221). – С. 2–11.
8. Черезов, А.В. Корпорации. Корпоративное управление / А.В. Черезов, Т.Б. Рубинштейн. – М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – 478 с.
9. Кныш, М.И. Стратегическое управление корпорациями / М.И. Кныш, В.В. Пучков, Ю.П. Тютиков. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : «КультИнформПресс», 2002. – 239 с.
10. Шихвердиев, А.П. Сущность и структура корпоративного управления [Электронный ресурс] / А.П. Шихвердиев // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2006. – Режим доступа: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2006/2006-1/1.htm#_ftn1. – Дата доступа: 09.10.2019.
11. Макарова, О.А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / О.А. Макарова; предисл. В.Ф. Попондопуло. – М. : Юрайт, 2016. – 334 с.
12. Вартанян, А.М. Корпоративное право : пособие / А.М. Вартанян, Д.В. Иванова, Д.Д. Ландо ; под ред. У. Хелльманна, С.А. Балашенко, Д.Д. Ландо. – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – 254 с.
13. Молохович, М.В. Формирование экономического инструментария совершенствования корпоративного управления в интегрированных структурах / М.В. Молохович // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : материалы XII Междунар. науч. конф., Минск, 20–21 окт. 2011 г. : в 3 т. / НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь ; редкол.: А.В. Червяков [и др.]. – Минск, 2011. – Т. 2. – С. 196–197.
14. Молохович, М.В. Механизм совершенствования экономических отношений участников корпоративных структур / М.В. Молохович // Экон. бюллетень НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2014. – № 3. – С. 32–41.
15. Текутьев, Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации / Д.И. Текутьев. – М. : Статут, 2017. – 176 с.

Поступила 14.10.2019

CORPORATE GOVERNANCE IN THE MANAGEMENT SYSTEM OF THE COMPANY: APPROACHES TO INTERPRETATION AND MECHANISMS OF IMPROVEMENT

M. MALAKHOVICH

The theoretical, methodological and practical aspects of improving corporate governance are investigated. The main approaches to the interpretation of the term «corporate governance» are defined, the specifics of each of them are identified, which leaves an imprint on the choice of measures and methods for constructing an effective corporate governance system in the practice of business entities, the priority directions for improving corporate governance mechanisms in organizations of various types are justified.

Keywords: corporate governance, corporate structure, association, joint-stock company, interaction, corporate governance mechanisms, efficiency.

УДК 331+330.1+330.101.5+330.111.6+330.142+330.43

**СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ТЕНДЕНЦИИ 2019 ГОДА**

A.В. РУБЛЕВСКИЙ
(Полоцкий государственный университет)

Изучена проблема трансакционных издержек социального капитала организаций Республики Беларусь 2019 года. Представлены разработки институциональных методов построения социального капитала. Для категории «социальный капитал» разработан метод измерения и анализа социального капитала организаций путем введения институтов социального капитала. Выполнено измерение социального капитала организаций Республики Беларусь в 2017 и 2019 годах. Проведен эконометрический анализ социального капитала. Создана регрессионная модель, а также корреляционная модель и корреляционная модель по константе. Выполнен математический анализ и получены индексы социального капитала. Показана взаимозависимость между микроэкономическими индикаторами и макроэкономическим индикатором «денежный доход». На основе результатов научного исследования представлены тенденции социального капитала организаций Республики Беларусь в 2019 году. Социальный капитал определен как предмет исследований новой институциональной экономики.

Ключевые слова: социальный капитал организации, институты социального капитала, множественная линейная регрессия, корреляционный анализ, регрессионная модель, корреляционная модель, индикатор, константа, новая институциональная экономика.

Введение. Организации Республики Беларусь в настоящее время находятся в сложных условиях рыночной экономики и функционируют в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Они выстраивают экономические, социальные, культурные и другие отношения с организациями государств Союза. Все организации Союза являются организациями государств постсоветского пространства, поэтому обусловлены подобными нормативными правовыми актами, формирующими институциональную среду. Организации ЕАЭС стремятся выстраивать свою хозяйственную и общественную деятельность по образцам Европейских стран, но национальные соседские отношения стран Союза вносят свои корректиры. В этой связи научный подход к внедрению в практику организаций передовых знаний Европейских стран актуален тем, что вначале разрабатывается практико-ориентированная модель с применением научной методологии, проходит апробацию в среде организаций, и затем может быть внедрена в повседневную деятельность организаций ЕАЭС. Такой подход снижает издержки внедрения передовых разработок в практику организаций.

Подобной разработкой представлен социальный капитал организаций (СКО) Республики Беларусь. На основе методик измерения социального капитала макроуровня, применяемых в западных странах, разработана новая методика измерения и анализа социального капитала мезоуровня. Новая методика позволяет применять набор методов математического и эконометрического анализа к категории социальный капитал (СК) и выявлять скрытые тенденции его институтов.

Институциональное развитие экономики, как утверждает Дуглас Норт, происходит в результате взаимодействия между институтами и организациями. Институты устанавливают «правила игры», а организации являются «игроками», действующими на основе устойчивых правил. Когда получение материальных или нематериальных благ возможно новыми или более совершенными способами, а институциональная система не успевает создавать для них формальные правила, возникают неформальные правила поведения акторов. Появляются новые институты с их неформальными «правилами игры». С другой стороны, институциональная система посредством законотворчества формирует новую институциональную среду для организаций. Она предоставляет организациям новые возможности, в которых акторы способны получать материальные и нематериальные блага [1, с. 6].

С точки зрения институциональной экономики социальный капитал организации – это институциональный ресурс материальных и нематериальных благ. Определение социального капитала организации строится на основе следующих определений:

- 1) социальный капитал – это ресурс материальных и нематериальных благ;
- 2) трансакционные издержки социального капитала – это издержки взаимодействий акторов ресурса материальных и нематериальных благ;
- 3) построение социального капитала – это формирование или корректировка эффективности институтов ресурса материальных и нематериальных благ;
- 4) институты социального капитала (ИСК) – устойчивые правила поведения акторов ресурса материальных и нематериальных благ.

В 2019 году доработана модель построения института социального капитала: элемент социального капитала, выделенный в результате системного анализа социального капитала [2], раскладывается на три индекса: Н, П, Д. Индекс Н показывает положительное отношение актора к норме; индекс П –proxимальный индекс – измеряет применение института социального капитала на практике; индекс Д показывает доверие институту социального капитала. Все три индекса составляют институт социального капитала. Каждый индекс включает в себя индикаторы, где каждый вопрос – это индикатор одного из трех индексов (рисунок 1).

Рисунок 1. – Построение института социального капитала

Источник: авторская разработка.

Индикатор – доступная наблюдению измеряемая характеристика эмпирического объекта, позволяющая судить о других его характеристиках, недоступных непосредственному исследованию [3, с. 27].

В 2017 и 2019 годах выполнено измерение социального капитала организаций в Республике Беларусь, которое осуществлялось удаленно, посредством заполнения опросного листа [4], созданного с применением специально разработанной методики [5]. Результаты опроса 2019 года представлены ниже в таблице 2.

Результаты измерения 2017 года отображены в научной работе «Методический инструментарий для построения социального капитала мезоуровня в организациях Евразийского экономического союза: институциональный подход» [5].

В опросе в 2019 году участвовало 380 акторов. На основе полученных данных индексы рассчитаны по следующим формулам:

$$СКО = \frac{\sum z_n}{102 \cdot a} \cdot 100, \quad Индекс_{(Н, П, Д)} = \frac{\sum z_n}{34 \cdot a} \cdot 100, \quad (1)$$

где *СКО* – индекс социального капитала организаций; *z* – положительный ответ в опросном листе (индикаторе индекса ИСК); *a* – количество акторов, участвовавших в опросе; 102 – всего вопросов в опросном листе (34 вопроса приходится на один индекс); *Индекс_(Н, П, Д)* – один из индексов институтов социального капитала.

По результатам расчетов получены индексы институтов социального капитала и индекс социального капитала организаций (таблица 1).

Таблица 1. – Индексы СКО выборок 2017 и 2019 годов

СКО-2017 (%)	СКО-2019 (%)	Индекс
66,14	86,54	Н
62,48	80,55	П
54,64	77,73	Д
61,09	81,61	СКО

Источник: авторская разработка.

Для определения уровня эффективности социального капитала предлагается шкала из трех уровней (100/3=): 0–33% – низкий; 33–66% – средний; 66–100% – высокий. Таким образом, общий индекс эффективности социального капитала организаций 2017 года показывает средний уровень (61,09%); в 2019 году показывает высокий уровень (81,61%). В 2019 году в организациях Республики Беларусь со-

циальный капитал функционирует на высоком уровне, а процентное выражение показывает применение акторами институтов социального капитала на практике.

Регрессионная модель СКО. Построенная регрессионная модель социального капитала организаций 2019 года показывает, как два фактора (индикаторы индексов Н и Д) влияют на применение института на практике (индикатор индекса П). Значениям индикаторов индекса П (проксимальные) присвоим переменную y ; значениям индикатора индекса Н (положительное отношение к норме) – переменную x_1 ; переменную x_2 – значениям индикаторов индекса Д (доверие) (таблица 2).

Таблица 2. – Данные опроса (положительные ответы) и регрессионной модели СКО 2019 года

ИСК-2019	Индексы институтов			y_x
	П (y)	Н (x_1)	Д (x_2)	
1. Целенаправленность	354	364	325	336,8
2. Солидарность	344	351	288	316,1
3. Убеждения	288	296	264	276,1
4. Трансляция	335	361	318	332,5
5. Ценности	347	365	317	334,5
6. Контакт	357	358	282	317,9
7. Доверие	345	348	279	311,2
8. Возможность	332	356	346	339,7
9. Авторитарность	329	338	298	312,3
10. Участие	256	277	256	262,4
11. Актор	333	326	275	297,2
12. Инвестирование	248	245	247	240,9
13. Общественное благо	309	353	325	330,5
14. Кредитование	222	278	255	262,6
15. Социальный капитал актора	282	345	312	321,3
16. Санкции	331	309	292	293,5
17. Норма (формальная)	343	351	335	332,9
18. Правила (неформальные)	244	239	227	230,3
19. Обмен	247	320	273	293,0
20. Взаимодействие или кооперация	330	347	299	317,7
21. Капитал	296	339	311	317,5
22. Риск	249	335	280	304,1
23. Ожидания и обязательства	341	311	335	310,1
24. Контракт или негласный договор	294	315	284	294,1
25. Оппортунистическое поведение	287	330	299	308,0
26. Поведенческий аспект	274	304	273	283,9
27. Издержки трансакционные	261	342	305	317,0
28. Институт	320	332	290	306,0
29. Информационные каналы	333	342	304	316,7
30. Социальные сети	322	338	305	314,8
31. Социальная структура	308	319	273	292,4
32. Социальная организация	251	352	312	325,3
33. Ресурс (сетевой)	344	355	314	327,7
34. Связь	351	340	345	330,2

Источник: авторская разработка.

Графический анализ (рисунок 2) показывает линейные зависимости между рядами индикаторов индексов Н, П, Д.

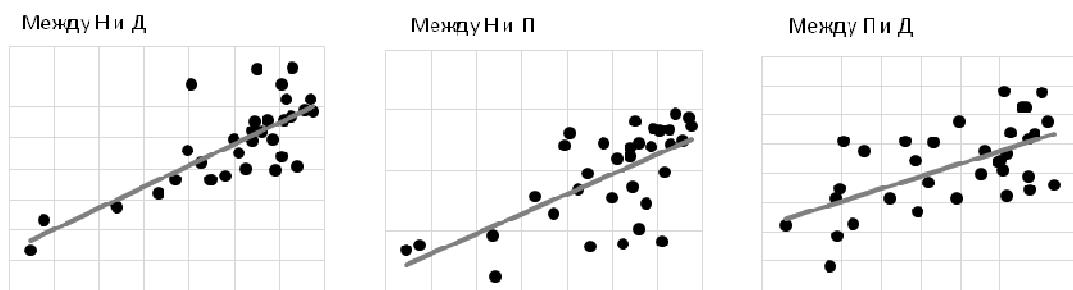

Рисунок 2. – Линейные зависимости между индикаторами индексов Н, П, Д (СКО-2019)

Источник: авторская разработка.

Согласно выдвинутой гипотезе о влиянии двух факторов положительного отношения к институту и доверия к нему на его применение на практике запишем уравнение множественной регрессии:

$$y = b_0 + b_1 x_1 + b_2 x_2 + \varepsilon, \quad (2)$$

где b_0, b_1, b_2 – коэффициенты регрессии; ε – случайная ошибка.

Таким образом, получили следующие значения коэффициентов регрессионной модели:

$$b_2 = 0,357932951, b_1 = 0,571256, b_0 = 12,50201.$$

Уравнение регрессии имеет вид:

$$y_x = 12,502 + 0,571x_1 + 0,358x_2. \quad (3)$$

Интерпретация параметров модели следующая: увеличение x_1 на одну единицу измерения увеличивает значение y_x в среднем на 0,571 единицы; увеличение x_2 на одну единицу измерения увеличивает значение y_x в среднем на 0,358 единицы.

Регрессионная модель необходима для измерения эффективности институтов СК. Она показывает, в какой точке должно находиться значение проксимального индикатора института СК при воздействии на него двух факторов этого института: доверие и положительное отношение к норме. Таким образом, для каждого ИСК рассчитывается показатель y_x (см. таблицу 2). Согласно модели регрессии показатели y_x разместим на диаграмме относительно y . Диаграмма иллюстрирует описание фактических данных y регрессионной моделью y_x (рисунок 3).

Рисунок 3. – Регрессионная модель СКО-2019 (по возрастающей ряду y (индикаторы П))

Источник: авторская разработка.

Рассчитаем разницу остатков регрессии $y_x - y$ и на основе полученных данных построим модель остатков регрессии СКО (рисунок 4). Разность значений $y_x - y$ показывает положительное или отрицательное число, которое характеризует ИСК как показывающее издержки с отрицательным значением или показывающее издержки с положительным значением. На диаграмме модели остатков регрессии наблюдаем отклонения значений индикаторов индексов Н или Д от нулевых значений индикаторов индекса П.

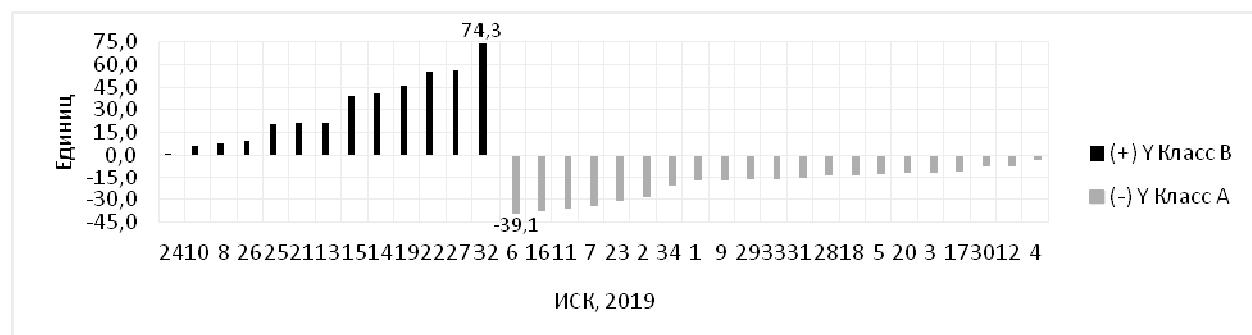

Рисунок 4. – Модель остатков регрессии

Источник: авторская разработка.

Установим три уровня эффективности ИСК. На основе модели остатков регрессии (см. рисунок 4) определим максимальный показатель отклонения y_x от нулевого значения y . Он равен 74,3 единицы (ИСК 32). Разделим данное число на 3, чтобы получить три уровня ($74,3 / 3 = 24,7$). Таким образом, диапазон каждого

уровня равен 24,7 единицы. Соответственно определим уровни: высокий – |0–24,7|; средний – |24,7–49,5|; низкий – |49,5–74,3| (см. рисунок 4). Отбор ИСК по уровням их эффективности в 2017 и 2019 годах приведен в таблице 3.

Таблица 3. – Группировка ИСК по уровням их эффективности и классам издержек А и В

Уровень эффективности ИСК	Класс А		Класс В		Действия с ИСК
	2019	2017	2019	2017	
Высокий	34, 1, 9, 29, 33, 31, 28, 18, 5, 20, 3, 17, 30, 12, 4	7, 17, 20, 23, 24, 28, 30, 31, 34	13, 21, 25, 26, 8, 10, 24	5, 10, 14, 18, 19, 22, 26, 29	Необязательны
Средний	6, 16, 11, 7, 23, 2	4, 9, 16, 33	19, 14, 15	1, 3, 8, 13, 25	Возможны для отдельных
Низкий	–	2, 6, 11, 12	32, 27, 22	15, 21, 27, 32	Необходимы для всех

Источник: авторская разработка.

Модель остатков регрессии распределяет ИСК на два класса:

А – издержки необходимости;

В – издержки неоправданных ожиданий.

Издержки класса А. К этому классу относятся институты социального капитала, издержки которых выражаются в сниженном положительном отношении и доверии: в регрессионной модели, расчетное значение одного института СК u_x меньше значения u , а в модели остатков регрессии значение u_x со знаком минус. Применение данного института СК акторы осуществляют волевым усилием. Эти издержки доставляют акторам определенные неудобства, в частности непланируемые затраты психической энергии порождают повышенный дискомфорт, раздражение, создают напряженную атмосферу в организации. Такая реализация институтов вызывает у акторов недоверие и отрицательное отношение к применению некоторых из них, но на практике данные институты могут быть востребованы, а следовательно, и необходимы. Для ИСК класса А требуются методы и мероприятия, снижающие издержки функционирования данных институтов.

Издержки класса В. К этому классу относятся ИСК, которые недостаточно применяются на практике, но акторы показывают к ним повышенное положительное отношение и доверие: в регрессионной модели, расчетное значение одного института СК u_x больше значения u , а в модели остатков регрессии значение u_x со знаком плюс. Издержки ИСК класса В возникают, когда акторы не удовлетворены применением отдельных ИСК. Следовательно, для ИСК класса В требуются методы и мероприятия, увеличивающие частоту применения данных институтов на практике, расширяя их действие.

Интерпретация полученных результатов для ИСК 2019 года с низкой эффективностью отображена в таблице 3.

Класс В. ИСК № 32 «Социальная организация» – акторам недостаточно заботы о них в организации; ИСК № 22 «Риск» – акторам недостаточно снижения риска для них в организации; ИСК № 27 «Издержки трансакционные» – акторы заинтересованы в снижении затрат труда и времени в процессе взаимодействий в организации.

Таким образом, выявлены ИСК с низким уровнем эффективности и классифицированы по классам издержек. ИСК класса А с низкой эффективностью в 2019 году отсутствуют. Для некоторых ИСК наблюдаются следующие переходы по классам издержек: ИСК 1, 3, 5, 18, 29 перешли из класса В в класс А; ИСК 24 перешел из класса А в класс В. Для ИСК, которые поменяли издержки класса В на класс А, возникла необходимость применения волевых усилий для их реализации в организации. Это значит, что целенаправленность к прибыли в организации, поддержка убеждений, разделение общих ценностей, соблюдение неформальных правил и использование информации о взаимовыгодных отношениях с организацией в настоящее время требуют волевых усилий для реализации в практической деятельности и, наоборот, заключение контракта или негласного договора с организацией о взаимовыгодных отношениях не требует волевых усилий.

Корреляционная модель СКО. Построение опросного листа СКО в виде матрицы позволяет проводить корреляционный анализ институтов СК. Для проведения корреляционного анализа воспользуемся формулой Пирсона:

$$r_{xy} = \frac{\sum (x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x_i - \bar{x})^2 \sum (y_i - \bar{y})^2}}. \quad (4)$$

Для оценки значимости коэффициентов корреляции и тесноты связи воспользуемся шкалой, представленной М.А. Харченко (таблица 4) [6, с. 12].

Таблица 4. – Теснота линейной связи

Значимость	Связь
$ p = 1$	линейная функциональная
$0,95 \leq p < 1$	очень сильная
$0,75 \leq p < 0,95$	сильная (тесная)
$0,5 \leq p < 0,75$	средняя (умеренная)
$0,2 \leq p < 0,5$	слабая
$0 \leq p < 0,2$	практически отсутствует

Источник: составлено автором на основе данных [6, с. 12].

На основе проведенного анализа строится корреляционная модель социального капитала организаций. Модель показывает корреляционные зависимости между институтами СК, определяя, таким образом, устойчивые связи между ИСК в организациях Республики Беларусь. Для построения корреляционной модели СКО отбираются ИСК, коэффициент корреляционной значимости которых выше 0,95 единиц. Рисунок 5 иллюстрирует корреляционную модель 2017 года.

В опубликованной корреляционной модели СКО 2017 года в статье «Методический инструментарий для построения социального капитала мезоуровня в организациях Евразийского экономического союза: институциональный подход», допущена ошибка в связях ИСК 1 и 25, показанных на рисунке 4 [5, с. 83]; правильно следующее: институт СК 25 коррелирует на уровне значимости 0,05 с институтом СК 1 (рисунок 5).

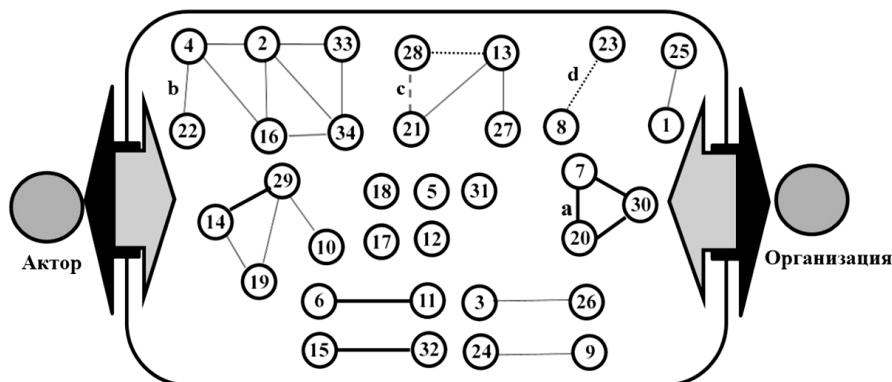

Рисунок 5. – Корреляционная модель СКО 2017 года

Источник: авторская разработка.

Рисунок 6 представляет корреляционную модель СКО 2019 года. Это наиболее характерные корреляции институтов СК, которые можно наблюдать в организациях во взаимодействиях между актором и организацией в 2017 и 2019 годах. Обозначения связей на рисунках 5 и 6 следующие: **a** – линейная функциональная прямая ($\alpha = 0,01$); **b** – очень сильная ($\alpha = 0,05$); **c** – линейная функциональная обратная ($\alpha = 0,01$); **d** – очень сильная обратная ($\alpha = 0,05$).

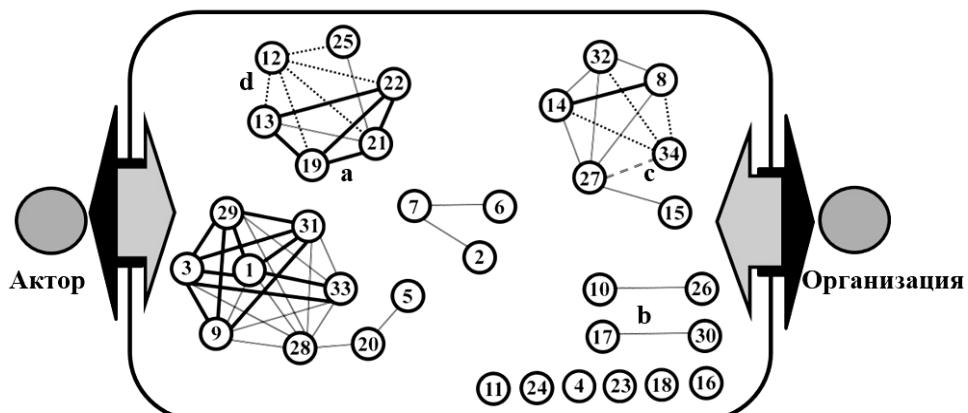

Рисунок 6. – Корреляционная модель СКО 2019 года

Источник: авторская разработка.

Таким образом, корреляционная модель СКО показывает сильные зависимости между отдельными институтами СК, что свидетельствует о тесных связях между отдельными устойчивыми правилами поведения акторов в организациях.

Корреляционная модель СКО по константе. Корреляционный анализ социального капитала организаций необходимо дополнить введением экономического индикатора. В данном случае выбран экономический индикатор, который находится во внешней среде организации: «денежный доход». Его зависимость от коммерческих организаций для актора логически допустима, так как работа организаций формирует денежный доход множества акторов. Фактически денежный доход является основной целью множества коммерческих организаций. Для поиска экономического индикатора использованы отчеты Национального статистического комитета Республики Беларусь. В частности, анализ статистических данных выявил значительное количество индикаторов. Наиболее подходящим оказался индикатор, отражающий структуру денежных доходов населения Республики Беларусь за 2018 год (таблица 5).

Таблица 5. – Структура денежных доходов населения Беларуси за 2017 и 2018 годы, млн руб.

Денежные доходы	2017 год	2018 год
Оплата труда	40 361,3	46 832,8
Доходы от предпринимательской и иной деятельности, приносящей доход	5 239,5	5 761,7
Трансферты населению (пенсии, пособия, стипендии и другие трансферты населению)	15 185,3	17 036,5
Доходы от собственности (проценты по депозитам, дивиденды и прочие доходы от собственности)	1 695,6	1 532,8
Прочие доходы	1 625,2	1 728,3
Итого:	64 106,9	72 892,1

Источник: авторская разработка на основе данных [7].

Для введения экономического индикатора необходимо учитывать ряд требований. Во-первых, индикатор должен иметь, как минимум, три степени свободы (три ячейки в таблице: далее предел не установлен). Во-вторых, экономический индикатор в качестве константы должен находиться в тесном временному диапазоне с годами выборки, с допустимыми отклонениями в полгода или год. Например, измерение СКО в 3–4 кварталах 2017 года формирует денежные доходы в 2018 году, следующее измерение СКО во втором квартале 2019 года является показателем изменений социального капитала организаций, которые были вызваны меняющимися условиями хозяйственной деятельности за период с 2017 по 2018 год. Через введение константы в корреляционный анализ наблюдается изменение коэффициентов корреляций ИСК за исследуемый период (таблица 6).

Таблица 6. – Изменение коэффициента корреляции ИСК по константе «денежный доход» 2018 года

№ позиции	Диапазон изменения коэффициента корреляции	ИСК	2017 г.	2019 г.	Сила связи и изменение зависимости
10	0,438	30	0,252	0,69	слабая (+) умеренная
9	0,46	1	0,943	0,483	сильная (–) слабая
8	0,478	6	–0,215	0,263	слабая (– на +) слабая
7	0,586	12	–0,412	–0,998	слабая (+) очень сильная
6	0,676	18	0,641	–0,035	умеренная (+ на –) нет связи
5	0,808	4	–0,026	0,782	нет связи (– на +) сильная
4	1,018	34	0,065	–0,953	нет связи (+ на –) очень сильная
3	1,074	22	–0,079	0,995	нет связи (– на +) очень сильная
2	1,299	31	–0,832	0,467	сильная (– на +) слабая
1	1,413	28	–0,903	0,51	сильная (– на +) умеренная

Коэффициент корреляции: (+) увеличение; (–) уменьшение; (+ на –) или (– на +) зависимость поменялась на противоположную.

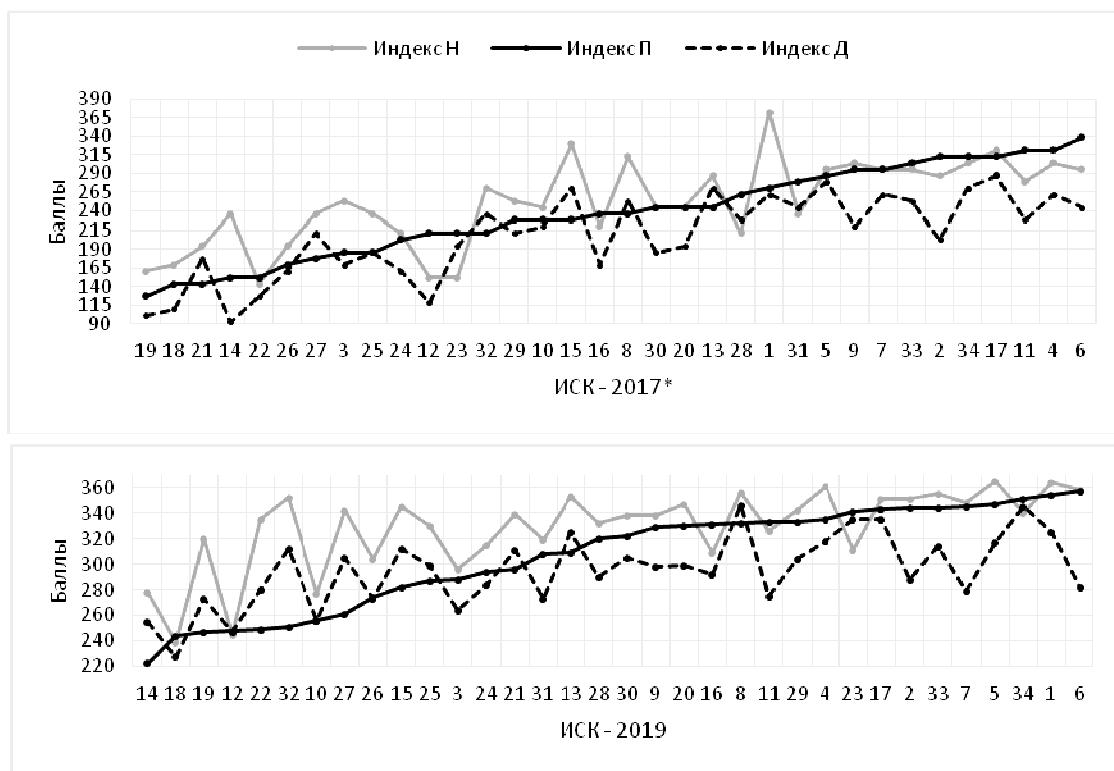
Источник: авторская разработка.

В таблице 6 наблюдаем увеличение или уменьшение коэффициентов корреляций ИСК, а также смену ими зависимостей на противоположные с индикатором «денежный доход». Диапазон изменений составляет от –1,000 до +1,000. Максимальная величина диапазона |2,000| единиц. Наибольший диапазон изменения коэффициента корреляции института СК в пределах от минус единицы до плюс единицы по-

кажет наибольшую реакцию отдельного института СК на экономический индикатор, что, в свою очередь, показывает изменение в поведении акторов и изменение в применении ими данного института на практике. При этом метод расчета диапазона изменений коэффициента корреляции института СК следующий: 1) из обоих положительных чисел находим разность; 2) из двух отрицательных чисел находим разность; 3) отрицательное по модулю суммируем с положительным.

Таким образом, изменения диапазонов коэффициентов корреляций институтов СК с денежным доходом, показывает их реакцию на данный макроэкономический индикатор в Республике Беларусь в 2019 году. ИСК, лидирующие по величине изменений диапазона коэффициента корреляции, являются институтами, которые претерпели наибольшие институциональные трансформации. Эти трансформации показывают изменения в устойчивых правилах поведения акторов.

Интерпретация результатов анализа СКО-2019. Первая десятка ИСК, лидирующих по проксимальным индикаторам (на рисунке 7 институты справа налево), – это институты, наиболее востребованные в организациях Республики Беларусь в 2019 году (см. рисунок 7). Для сравнения на рисунке 7 представлен аналогичный график 2017 года.

* в 2017 году в опросе участвовало 45 акторов, в 2019 году – 380 акторов.

Для уравнивания выборок все значения выборки 2017 года увеличены в 8,4444 (= 380 / 45) раз.

Рисунок 7. – СКО 2017 и 2019 годов (по возрастающей ряду индикаторов индекса П)

Источник: авторская разработка.

6 «Контакт». Институт «Контакт» находится на первой позиции в 2017 и 2019 годах. Это свидетельствует о том, что контакты в наивысшей степени задействованы акторами в организации. Акторы активно контактируют между собой. По сравнению с 2017 годом в 2019 году положительное отношение к контактам увеличилось и нормализовалось, то есть достигло уровня значения проксимального индикатора. Доверие по-прежнему снижено к контактам (см. рисунок 7).

1 «Целенаправленность». В 2019 году в организациях акторы стали активно проявлять целенаправленность к прибыли. Показатель переместился с 12-й позиции в 2017 году на 2-ю позицию в 2019 году. Снизилось положительное отношение к данному институту (значение индикатора Н уменьшилось) и приблизилось к значению проксимального индикатора. Значение индикатора Д, наоборот, отдалилось от значения проксимального индикатора – оно уменьшилось, что показывает снижение доверия к данному институту (см. рисунок 7).

34 «Связь». Акторы придают большое значение отличию хороших связей от плохих в организации. Положительное отношение к данному институту незначительно снизилось, но доверие к нему повысилось.

5 «Ценности». У акторов появилось неоднозначное отношение к общим ценностям. Если в 2017 году все значения индикаторов данного института СК располагались концентрированно на графике, то в 2019 году индикатор Н и Д отдалились от проксимального индикатора в разные стороны (см. рисунок 7).

7 «Доверие». Значения индикаторов П и Н практически равны, но значение индикатора Д меньше, что говорит о сниженном доверии к организации (см. рисунок 7).

33 «Ресурс». Акторы показывают высокую заинтересованность в новых знакомствах в организации. Акторы показывают недоверие к новым знакомствам в организации.

2 «Солидарность». Значение индикатора Н превысило значение проксимального индикатора. Значение индикатора доверия к солидарности в организации ниже значения индикатора П. Акторы выражают некоторое недоверие солидарности в организации.

17 «Нормы». Отношение акторов к действиям на основе нормативно-правовой документации в организациях без отклонений: значения индикаторов данного института СК практически равны. Доверие к данному институту выросло с 2017 года.

23 «Ожидания и обязательства». Акторам не очень нравится быть обязанными организации. Однако если организация оправдывает их ожидания и выполняет свои обязательства, они готовы ей доверять.

4 «Трансляция». Передача информации и знаний в организации сместилась со 2-й позиции (2017 г.) на 10-ю в 2019 году. Применение данного ИСК снизилось, но увеличилось положительное отношение к институту (см. рисунок 7).

Тенденции социального капитала организаций в 2019 году в Республике Беларусь. Согласно показателям индексов Н, П, Д в 2019 году они увеличили свои значения по сравнению с 2017 годом. Каждый из индексов вырос в пределах от 18 до 24%. Индекс СКО (общий индекс) вырос на 20% в 2019 году. С 2017 года социальный капитал организаций повысил свою эффективность со среднего уровня (61%) до высокого (81%).

Значения проксимальных индикаторов являются основными показателями функционирования ИСК в организациях. В результате математического анализа 2019 года выделены 10 лидирующих ИСК по индикаторам индекса П. Эти индикаторы показывают основные тенденции социального капитала организаций в 2019 году. Социальный капитал показывает тенденцию к очень активному использованию контактов, аналогично 2017 году. С увеличением денежного дохода акторы стали больше контактировать: ИСК 6 изменил слабую обратную корреляционную зависимость с индикатором дохода с 2017 года на слабую прямую в 2019 году. Контакты уже не показывают корреляционную зависимость с ответственностью за организацию (см. рисунок 5), а больше строятся на доверии, которое связано с солидарностью (см. рисунок 6). Согласно значению индикатора Н, в 2019 году увеличилось положительное отношение к институту Контакт – его значение приблизилось к значению индикатора П. ИСК 6 остался с издержками класса А и показал увеличение эффективности переходом с низкого (2017) на средний (2019) уровень.

ИСК 1 переместился с 12-й позиции в 2017 году на 2-ю позицию в 2019 году по проксимальным индикаторам. У акторов повысилась целенаправленность к прибыли в организациях. Она показывает линейные функциональные связи с новыми знакомствами (ИСК 33), убеждениями (ИСК 3), соответствием занимаемой должности (ИСК 31) и передачей информации по каналам организации о взаимовыгодных связях с ней (ИСК 29). Очень сильная связь установлена с авторитетом организации (ИСК 9) и отличием своей организации от других (ИСК 28). Через последний институт устанавливается кооперация и взаимодействие (ИСК 20) и завершается разделением общих ценностей (ИСК 5). Это говорит о том, что общие ценности кооперируют акторов, и они через отличие своей организации от других направляются к получению прибыли. Далее целенаправленность к прибыли окружена связями с ИСК 3, 9, 29, 31, 33 (см. рисунок 6). В организациях существует убеждение, что целенаправленность к прибыли решит проблему ее получения, если акторы будут соответствовать занимаемой должности, будут устанавливать новые знакомства, информироваться организацией о взаимовыгодных связях с ней и поддерживать авторитет организации. Согласно корреляциям ИСК 1 с индикатором «денежный доход», его сила связи прямой корреляционной зависимости уменьшилась в 2019 году по сравнению с 2017 годом. Учитывая изменение позиции в проксимальных индикаторах данного ИСК, можно сделать вывод, что повысилась активность применения данного института акторами и тем самым увеличилась его актуальность.

Отличие акторами хороших связей от плохих (ИСК 34) отрицательно влияет в организации на заботу об акторе (ИСК 32), кредитование связями организации (ИСК 14), возможность улучшать свое благосостояние в организации (ИСК 8) и еще сильнее влияет на снижение трансакционных издержек (ИСК 27), а через последний институт – на помочь в сложной ситуации актору от организации (ИСК 15). Такая сеть зависимостей ИСК 34 показывает, что акторы в ущерб себе придают большое значение отличию хороших связей от плохих. То есть они должны были бы устанавливать любые связи, но им важно поддерживать этот институт на высоком функциональном уровне в организации. Как показывают корреляции данного института с индикатором «денежный доход» в 2019 году, чем выше доход актора, тем меньше он отличает хорошие связи от плохих, и наоборот, акторы с низким доходом активнее отличают

хорошие и плохие связи. Соответственно, в организации отличие акторами с низким доходом хороших связей от плохих не способствует увеличению их денежного дохода, а, наоборот, снижает его.

Доверие (ИСК 7) показывает, что оно присутствует в контактах (ИСК 6) и от него зависит солидарность (ИСК 2). Если при контактировании возникает доверие между акторами, то, как следствие, устанавливается солидарность между ними (см. рисунок 6). ИСК 2, 6, 7 показывают среднюю эффективность и несут издержки класса А. Акторы испытывают дискомфорт, напряжение, делают волевые усилия, контактируя, проявляя доверие и солидарность, но отказаться от этих институтов не могут, так как эти институты в организации показывают свою необходимость и фиксируются в устойчивых правилах поведения для достижения целей организации и их личных. Нормативная база организаций задействует применение этих ИСК в большей степени в отличие от остальных, но они сопровождают деятельность организации неформально: в трудовых договорах, например, нет установленных норм, регламентирующих правила применения данных институтов. Эти институты не учитываются, а являются трансакционным явлением, сопровождая деятельность организаций. Для контактов могут устанавливаться нормы в должностных инструкциях, трудовых договорах или приказах, обязывая актора взаимодействовать, контактировать с другими акторами в организации для отчета, но для доверия и солидарности таких норм не установлено. Эти два последних института могут отражаться в правилах корпоративной этики без прямых требований и установок на их соблюдение. То есть в должностной инструкции не установишь норму «доверять», но подчинение менеджеру и отчет перед ним предполагает установление доверия, контакта и солидарности. В деятельности организаций контакт обязателен, но не гарантирует установление доверия и солидарности между акторами.

Институт Доверие не изменил своей корреляционной зависимости с индикатором «денежным доход» с 2017 по 2019 год, в отличие от института Солидарность, который стал показывать зависимость от увеличения денежного дохода. С увеличением дохода повышается солидарность в организациях и, согласно прямой корреляционной зависимости, увеличивается доверие, а вместе с ним увеличивается активность института Контакт.

Повысились ожидания и обязательства взаимовыгодных отношений с организацией (ИСК 23). С позиции 23 в 2017 году данный институт переместился на 9-ю в 2019 году. ИСК 23 в 2019 году показывает средний уровень эффективности и несет издержки класса А. В 2017 году институт находился на уровне высокой эффективности. Институт не коррелирует значимо с другими ИСК. Статистика показывает с 2017 по 2019 год незначительное изменение коэффициента обратной корреляционной зависимости данного института и индикатором «денежный доход». Факторы, влияющие на данный ИСК, находятся за пределами социального капитала. В частности, одним из факторов выступает денежный доход (макро-экономический индикатор). В данном случае акторы с высокими доходами меньше ожидали от организаций соблюдения взаимовыгодных отношений, и пока их доходы были высокими, связь оставалась линейной функциональной, но в 2019 году сила связи незначительно уменьшилась. Акторы увеличили свои ожидания и обязательства взаимовыгодных отношений с организацией, что и показывает перемещение ИСК 23 по проксимальным индикаторам с 23-й на 9-ю позицию в 2019 году. Поскольку чем ниже доход актора, тем он больше ожидает от организации взаимовыгодных отношений с ней, а увеличение активности применения данного института является следствием снижения дохода акторов.

Снизилась необходимость передачи информации и знаний в организации. ИСК 4 переместился со 2-й позиции в 2017 году на 10-ю в 2019. Тенденция такова, что роль передачи знаний и информации в организации снижается. В 2019 году возросло положительное отношение к институту по сравнению с 2017 годом. Институт перешел со среднего уровня эффективности класса А на высокий уровень в том же классе. В коэффициенте корреляции с денежным доходом это выразилось в смене обратной, практически отсутствующей корреляционной зависимости, на прямую, сильную зависимость: с увеличением дохода растет передача информации и знаний в организации. Снижение передачи информации и знаний в организации указывает на снижение доходов акторов. Информативность акторов стала менее актуальна для них.

ИСК 17 отвечает за действия акторов на основе нормативно-правовой документации в организации. Институт показывает неожиданную зависимость с ИСК 30 (общение на социальные темы не касающиеся трудовых отношений). Акторы, которые более активно общаются на социальные темы, активнее действуют на основе нормативно-правовой документации. Позиции институтов по проксимальным индикаторам сместились влево: ИСК 17 с 4-й на 8-ю, ИСК 30 с 16-й на 17-ю позицию в 2019 году. Менее актуальными стали действия на основе нормативно-правовой документации в организации. Выросло положительное отношение к институту, отвечающему за общение на социальные темы. Оба института по-прежнему показывают высокую эффективность в классе А в 2019 году, аналогично 2017 году. Акторы, действующие на основе нормативно-правовой документации и общающиеся на социальные темы, имеют более высокие доходы. Коэффициенты прямой корреляционной зависимости с индикатором Д обоих институтов увеличились от слабой зависимости до умеренной в 2019 году. Усиление связей ИСК 17 с макро-

экономическим индикатором показывает увеличение эффективности функционирования институциональных норм в организации с увеличением денежных доходов акторов.

ИСК 5 по сравнению с 2017 годом в 2019 году стал показывать свою неоднозначность. Его оптимальное рабочее состояние (значения индикаторов Н, П и Д были практически равны) поколебалось (значения стали разниться). Институт переместился с 10-й в 2017 году на 4-ю позицию в проксимальных индикаторах: повысил свое применение в организации и стал более актуальным для акторов. Прямая связь ИСК с макроэкономическим индикатором уменьшилась, но осталась в пределах умеренной. Акторы с высокими доходами сильнее поддерживали общие ценности в организации. Снижение зависимости данного института с индикатором «денежный доход», результат снижения доходов или уменьшения массы акторов с высокими доходами. Повысилась актуальность общих ценностей в организации в достижении прибыли.

Согласно модели остатков регрессии, в 2019 году соотношение ИСК по классам изменилось: увеличилось количество ИСК класса А с издержками необходимости – до 76,5%, уменьшилось, соответственно, количество ИСК класса В с издержками неоправданных ожиданий – до 23,5%. В 2017 году ИСК по классам соотносились 50 на 50% (см. таблицу 3). Рост индекса СКО на 20% увеличил количество ИСК класса А на 23%. Таким образом, высокая эффективность социального капитала организаций достигается за счет увеличения институтов социального капитала класса А, которые доставляют акторам дискомфорт, напряжение, требуют от них волевых усилий, что выражается в низком или сниженном положительном отношении и доверии к институтам СК в организации.

Модель остатков регрессии СКО показывает, что в организациях нарастают требования заботы об акторах (ИСК 32): акторы требуют, чтобы о них больше заботились в организациях. Естественно, требования заботы повысились в результате снижения уровня комфорта и стабильности, повышения нагрузки на акторов, что и показывает низкоэффективный ИСК 27, отвечающий за снижение затрат труда и времени в результате взаимодействий в организации. На акторов повысилась нагрузка и они считают, что затрачивают слишком много труда и времени в организациях (ИСК 32 и 27 очень сильно коррелируют между собой, см. рисунок 6). Также акторы показывают, что риск в организациях (ИСК 22) для них также увеличился. По мнению акторов, снижению рисков в организациях не уделяется достаточно внимания – организации становятся областью повышенного риска для них.

Согласно изменениям коэффициентов корреляции институтов СК с индикатором «денежный доход», выделена лидирующая десятка институтов по диапазону изменений коэффициентов корреляций. Институты социального капитала показывают изменения в поведении акторов, реагирующих на изменения в экономике. На первой позиции находится ИСК 28: акторы стали лучше отличать свою организацию от других, что может указывать, в частности, на повышение их профессионального уровня и являться результатом взаимодействий, контактов с другими организациями с целью получения прибыли. Повышение профессионального уровня и соответствия занимаемой должности подтверждается изменением ИСК 31, который сильно отреагировал на индикатор «денежный доход»: увеличение дохода теперь зависит от увеличения профессиональных знаний и умений. Акторы с высоким доходом стали меньше рисковать (ИСК 22), но увеличился риск у акторов с низкими доходами. Акторы с низкими доходами стали лучше понимать отличие хороших и плохих связей в организации (ИСК 34). На денежный доход реагирует институт передачи знаний и информации в организации: в 2019 году от его применения зависит увеличение дохода акторов (ИСК 4). Потеряло свою связь с денежным доходом соблюдение неформальных правил: чем выше доход, тем меньше соблюдения неформальных правил (ИСК 18). Акторы с низкими доходами стали больше тратить материальных средств и времени на связи в организации (ИСК 12). Акторы с высокими доходами больше контактируют в организации, и увеличение дохода стало зависеть от увеличения контактов (ИСК 6). Целенаправленность к прибыли (ИСК 1) реагирует на денежный доход, но показывает слабую связь с индикатором «денежный доход», как и ИСК 6 «Контакт». Это говорит о том, что целенаправленность к прибыли и контакты в организации слабо зависят от макроэкономического индикатора «денежный доход». Данный индикатор чувствителен к общению на социальные темы (как показали опросы в организациях, ИСК 30 активно функционирует в женских коллективах): оно увеличивается с увеличением денежного дохода, и оно же способствует увеличению дохода. Его значение в организациях повысилось. В 2019 году, эти десять институтов уровня микроэкономики в большей степени коррелируют с макроэкономическим индикатором «денежный доход».

Заключение. Методы измерения и анализа социального капитала организаций предоставляют возможность научного изучения социального капитала и включения его в предмет исследований новой институциональной экономики.

Знания, полученные в результате измерения и анализа социального капитала организаций, являются актуальными, ценными для научного сообщества, студентов высших учебных заведений, необходимыми для становления их профессиональных современных компетенций.

Исследование социального капитала организаций необходимо менеджерам для разработки и принятия управленческих решений, экономистам – в качестве анализа поведения акторов в условиях рыночной и смешанных экономик, другим социальным и гуманитарным наукам, изучающим устойчивое поведение акторов социального капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт : пер. с англ. А.Н. Нестеренко ; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – (Современная институционально-эволюционная теория).
2. Рублевский, А.В. Элементы социального капитала / А.В. Рублевский // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2016. – № 6. – С. 36–41.
3. Каташинских, В.С. Методы сбора социальной информации : учеб. пособие / В.С. Каташинских ; науч. ред. Ю.Р. Вишневский ; М-во образования и науки Рос. Федерации ; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 124 с.
4. Рублевский, А.В. Социальный капитал организации. Опросный лист [Электронный ресурс] / А.В. Рублевский. – Режим доступа: <https://macrolevel.survey.fm/Социальный-капитал-организации-Опросный-лист>, свободный. – Дата доступа: 17.09.2019.
5. Рублевский, А.В. Методический инструментарий для построения социального капитала мезоуровня в организациях Евразийского экономического союза: институциональный подход / А.В. Рублевский // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Д, Экономические и юридические науки. – 2018. – № 5. – С. 78–85.
6. Харченко, М.А. Корреляционный анализ : учеб. пособие для вузов / М.А. Харченко. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2008. – 31 с.
7. Доклад 15. Доходы // Социально-экономическое положение Республики Беларусь в 2019 г. [Электронный ресурс] // Статистические бюл. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат). – 2019. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_13080/?sphrase_id=619621, свободный. – Дата доступа: 15.09.2019.

Поступила 21.10.2019

SOCIAL CAPITAL OF ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS: ECONOMETRIC ANALYSIS AND TRENDS OF 2019

A. RUBLEUSKI

The article reveals the problem of transaction costs of social capital of organizations of the Republic of Belarus in 2019. The article presents the development of institutional methods for building social capital. For the category of «social capital», a method has been developed for measuring and analyzing the social capital of an organization by introducing institutions of social capital. The social capital of organizations of the Republic of Belarus in 2017 and 2019 was measured. An econometric analysis of the social capital has been performed. A regression model, a correlation model, a correlation model by constant are created, a simple mathematical analysis is presented, and social capital indices are obtained. The interdependence between microeconomic indicators and macroeconomic indicator «cash incomes» is presented. Based on the results of a scientific study, the trends in the social capital of organizations of the Republic of Belarus in 2019 are presented. Social capital is defined as the subject of research on a new institutional economy.

Keywords: social capital of an organization, institutions of social capital, multiple linear regression, regression model, correlation model, indicator, constant, new institutional economy.

УДК 338.2+338.48+379.85

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Н.А. ГОНЧАРУК

(Полоцкий государственный университет)

(Институт предпринимательской деятельности, Минск)

Глобальный рост показателей въездного и выездного туризма продолжает демонстрировать положительную динамику очередной год подряд, что важно для развивающихся стран и стран с развитой экономической системой. Вместе с тем, данный рост накладывает на государственное управление страны большую ответственность в части обеспечения развития туристических дестинаций, которые формируют предложение на рынке услуг. В представляющей работе автор рассматривает концептуальные основы формирования туристических дестинаций в условиях устойчивого развития экономики. Оцениваются категории кластера и дестинации в туризме, анализируется международный опыт формирования и развития туристических дестинаций (стратегии) и возможность его применения на практике в Республике Беларусь.

Ключевые слова: туристические дестинации, въездной туризм, международный туризм, устойчивое развитие, макроэкономические показатели, стратегии формирования туристических дестинаций, туристский кластер.

Введение. Исследование туристической деятельности как составляющей компоненты устойчивого социально-экономического развития выступает как полезный инструментарий в формировании и реализации планирования туризма, что является существенным условием для поддержания качества жизни принимающего населения, а также успеха туристической отрасли в долгосрочной перспективе. В связи с этим туризм приобретает все большее значение для экономик развивающихся стран. Это динамичный экономический сектор, который генерирует значительные валютные поступления. Кроме того, его растущее значение тесно взаимосвязано с политикой занятости. Максимально увеличивая вклад туризма в индикатор роста экономики, государство способно реализовать множество программ по снижению уровня бедности населения и таким образом содействовать устойчивому развитию.

Стратегии и механизмы роста туристического сектора закреплены для Республики Беларусь в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2030 года. Цель стратегии в секторе «Туризм» – создание высокоеффективного и конкурентоспособного туристического комплекса, а также вхождение Беларуси в число 50 ведущих стран по уровню развития туризма [1, с. 57–58]. Стоит отметить, что на последнюю декаду стратегии 2021–2030 годов возлагается задача по созданию конкурентоспособных направлений туристического рынка, с учетом международных тенденций и международного частного партнерства. Для углубленного исследования, по нашему мнению, стоит учитывать влияние международного опыта в создании баланса в вопросах спроса и предложения. При долгосрочном планировании и проактивном прогнозировании ситуации международного рынка следует принимать во внимание такие механизмы развития туристического сектора, как: международное сотрудничество; совместные программы обмена; целевые программы туризма (конгрессный, образовательный, медицинский, агротуризм и т.д.); кластерный подход; туристические дестинации, а также их взаимосвязи. К указанным механизмам в качестве дополнительного преимущества и рычага воздействия стоит отнести внедрение в туристическую индустрию ИТ-технологий и инноваций.

Вышепредставленные механизмы характеризуют картину современного развития исследований в области туризма в Беларуси. По нашему мнению, для углубленного изучения и предметного исследования, направленного на результат, стоит рассматривать туристическую индустрию в структуре, учитывая фундаментальные основы развития в условиях устойчивости экономических систем.

Основная часть. Проблематика рекреации, туризма и его влияния на макро-, мезо- и микроуровне исследуется в Беларуси на протяжении последних 50 лет. В фонде Национальной библиотеки Республики Беларусь можно отыскать порядка 35 работ на темы туризма и смежные с данным направлением исследований диссертационные работы.

Аспекты территориальной организации туризма в Беларуси исследовали И.И. Пирожник, Г.А. Потаев, В.М. Зайцев, Б.Г. Зиямхамедов, Ю.М. Пряхин, А.В. Сычева, С.А. Самаль, Д.В. Никитюк. Важны для нашего исследования результаты авторов, которые изучали вопросы отрасли в национальном и междуна-

родном контекстах (А.П. Дурович, К.Н. Адамчик, С.А. Лученок, Л.М. Гайдукевич, Д.Г. Решетников, И.А. Горбылева, О.А. Мечковская [2, с. 9], а также А.И. Тарасенок и Л.Н. Давыденко.

Среди актуальных и перспективных в исследованиях стоит отметить тему туристических дестинаций, которые являются системообразующими в сфере туристической отрасли. Актуальность исследования отмечена в работе А.И. Тарасенка на тему геоэкономического механизма обеспечения конкурентоспособности белорусской дестинации [3, с. 120–125]. Автор дает собственное определение, в основе которого заложен зарубежный подход Т. Бигера. Туристическая дестинация в данном случае является географическим пространством (местностью, регионом, страной), составляющим цель путешествия посетителя (сегмента посетителей), обладающим необходимой инфраструктурой для размещения, питания, развлечений, познавательной и оздоровительной деятельности, которое является субъектом конкуренции на рынке туризма со стратегическим объектом предпринимательства [4, с. 298]. По мнению С.В. Донских, для решения проблемы синтеза дестинации и субъектов предпринимательства необходимо понимание фундамента построения устойчивых социально-экономических связей субъектов хозяйствования и владельцев бизнеса внутри дестинации с четким пониманием взаимного единства и целей, в ином случае категория «туристическая дестинация» не носит практического характера с экономическим эффектом, а является только теоретическим показателем взаимозависимости субъектов и объектов туристической системы [5, с. 114].

По нашему мнению, для понимания структуры и процессов взаимодействия в рамках дестинаций стоит проанализировать кластерный подход. К туристским кластерам относятся группы предприятий, сконцентрированных географически в пределах региона, которые совместно используют туристические ресурсы, специализированную туристическую инфраструктуру, локальные рынки труда, осуществляют совместное управление и маркетинговую деятельность. При этом региональный туристический кластер определяется как взаимодействие географически близлежащих субъектов туристической инфраструктуры, а их функционирование основано на использовании региональных туристических ресурсов и достопримечательностей для совместной деятельности в области создания турпродукта [6, с. 58]. Само понятие «кластер» введено М. Портером в его исследовании о кластерной теории экономического развития. Кластер в понимании М. Портера – это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков, поставщиков услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций (например, университетов, агентств по стандартизации, торговых объединений), в определенных областях конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу [7].

Кластерный подход применяется, в первую очередь, в развитых странах, при этом структурные части кластеризации туристической деятельности отмечаются в развивающихся странах (Китай, Тайланд, Турция) и в странах с переходной экономикой (Болгария, Словения, Хорватия). Существуют также примеры кластерного развития туртерриторий в странах ЕАЭС (Беларусь, Россия, Казахстан и т.д.) [8; 9].

В связи с особым статусом туристической отрасли в Республике Беларусь и упором на развитие данного сегмента экономики [1], автор рассматривает туристические кластеры в соотношении к туристическим дестинациям, так как обе категории подразумевают общность целей участников объединений, а также наличие информационно-территориальной и социально-экономической обеспеченности образования для привлечения потока туристов и регулирования спроса и предложения на туристическом рынке. Из общего понимания автора, туристическая дестинация представляет собой географическую территорию, обладающую определенной привлекательностью для туристов. Отличие кластера от дестинации состоит лишь в том, что кластер подразумевает совокупность компаний определенной группы территории, в то время как дестинация и есть территория. В связи с фактом общности дефиниций аспекты формирования и образования у них отчасти схожи. Так, по мнению М.В. Щедловской [10], чтобы территория могла называться дестинацией, она должна отвечать следующим требованиям:

- наличие определенного набора услуг, необходимых для принятия туристов, причем данный набор услуг обязан отвечать качеству и структуре туристического спроса;
- наличие определенного набора достопримечательностей, которые могут заинтересовать туристов. Представляется, что данный факт является точкой конкуренции между дестинациями и формирует показатель спроса-предложения на туристический регион;
- наличие информационных систем, которые являются необходимым инструментом деятельности дестинации на туристическом рынке.

Как показывает практика, туристические кластеры и дестинации способствуют высокой эффективности развития экономики и повышают благосостояние нации [8]. На сегодняшний день в Республике Беларусь насчитывается порядка 17 дестинаций разного географического расположения. При этом по состоянию за последние 3 года общий совокупный экспорт туристических услуг только по Минской об-

ласти вырос на 10,5%, увеличив денежный показатель с 26,1 до 32,1 млн долл. США [11]. Численность туристов, посетивших Беларусь, – показатель въездного туризма, – возросла с 282 694 чел. в 2017 году до 365 534 чел. в 2018 году [12]. В связи с данным фактом, по мнению автора, становится актуальным и существенным вопрос формирования туристических дестинаций и кластеров для выявления структурных звеньев, необходимых для продвижения белорусских туристических дестинаций и увеличения спроса на их продукты и услуги на международном рынке.

Изучение вопросов создания и процессов функционирования туристических кластеров является отдельным направлением в зарубежных исследованиях, которые фокусируются на проблемах их управления и координации (Н. Бьюмон, П. Бретелли, М. Франч, У. Мартини и Ф. Буффа, Х. Пехланер, М. Хернтрой и М. Фольгер), обеспечения экономического роста (Б. Брамвель, Экспертный совет ЮНВТО, Т.В. Львова), сотрудничества и кооперации (Г. Дель Чиаппа, Д. Дреджи, Экспертный совет ЮНВТО), развития устойчивого туризма (Д. Хол, К. Симпсон, Экспертный совет ЮНВТО), внедрения инноваций (Б. Свенсон, С. Нордин и А. Флагестат) [2]. На сегодняшний день выделяют три центра кластерного развития: Североамериканский, Западноевропейский и Азиатский. Агрегирование способствует нахождению общностей группы и выявлению закономерностей, а также разделению по категориям и типам в процессе кластеризации [9]. Для Североамериканского региона характерна политика малого вмешательства государства в процесс кластерного развития. Государственные структуры США не следят за успехом в бизнесе предпринимателей, в том числе и в сфере туристических услуг. Общие особенности государственной политики стран Североамериканского региона в отношении развития кластеров заключаются в том, что официально указанная политика не формулируется и не оформляется в виде государственных документов. Западноевропейский регион является определенным «плацдармом» для проверки новых подходов в государственной экономической политике, основанной на кластерном подходе. Необходимо отметить особенно активную роль стран Северной Европы (Норвегия, Швеция, Финляндия). В этих странах функционируют трансграничные и транснациональные туристические кластеры [13]. Важно понимать, что для создания кластеров и формирования определенного уровня дестинаций необходимо учитывать модель управления туристической деятельностью. Такое понимание, по мнению автора, способствует грамотному подходу к процессу формирования дестинаций, а также выявлению преимуществ, недостатков и слабых сторон системы.

В мировой практике различают три модели управления туризмом [14]:

1) отсутствие национальных туристических администраций (США – сокращение расходов федерального бюджета; прочные позиции на международном туррынке; наличие сильных частных компаний в сфере туризма);

2) наличие сильного и авторитетного министерства, централизованный контроль над туристической сферой (Турция, Греция, Египет, Тунис – правительства стран ежегодно выделяют миллионы на коммерческую и маркетинговую деятельность, инвестируют в туристическую инфраструктуру);

3) национальное туристическое агентство входит в состав одного из многоотраслевых министерств (Беларусь, Испания, Италия, Польша, Франция, Россия).

Таким образом, Республика Беларусь входит в третью группу регулирования туризма, значит, данная сфера управляетя уполномоченным органом, входящим в состав министерства. В нашем случае – Министерство спорта и туризма. Уровень полномочий и компетенций кратко представлен в таблице 1.

Таблица 1. – Полномочия и компетенции органов управления туризмом в Республике Беларусь

Орган управления	Компетенции и полномочия (кратко)
Совет Министров Республики Беларусь	Обеспечивает проведение единой государственной политики в сфере туризма, одобренной Президентом Республики Беларусь
Министерство спорта и туризма	Проводит государственную политику в сфере туризма, осуществляет координацию деятельности в сфере туризма других распорядительных органов госуправления
Местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы	В пределах своих компетенций решают вопросы местного назначения в сфере туризма

Источник: составлено автором на основании данных [15].

Важно отметить, что в 2000 году в Республике Беларусь был создан Межведомственный экспертно-координационный совет по туризму при Совете Министров Республики Беларусь. Усилия данного органа направлены на совершенствование взаимодействия государственных, общественных и частных структур по вопросам создания благоприятных условий для развития туризма в Республике Беларусь.

Как отметил в своем исследовании А.И. Тарасенок, возможности профильного Министерства спорта и туризма ограничиваются большим количеством межведомственных согласований, в связи с этим проходит медленное осуществление решений, а практическая реализация производится по остаточному принципу. На Министерство спорта и туризма возложена функция развития въездного, выездного и внутреннего туризма, но само Министерство эффективно управляет только турагенствами, что регулируют выездной туризм [15].

Анализируя представленную информацию, приходим к выводу, что для успешного создания и управления туристическими дестинациями в Республике Беларусь в условиях устойчивой экономики главным препятствием становится длительный процесс согласования и продвижения идей туристической сферы ввиду отсутствия точечного органа управления, осуществляющего функцию управления исключительно туристической сферой. На практике создание туристических дестинаций как устойчивых самоорганизующихся систем начинается с оценки местного потенциала кластерообразования – кооперации между представителями туристического бизнеса, органов управления и общественности в интересах развития туризма. Наиболее эффективный способ осуществления такой оценки – проведение конкурса местных инициатив. Проведение подобного конкурса [16] требует соответствующих ресурсов, которые в Беларуси были привлечены в рамках проекта Американского агентства по международному развитию (USAID) «Местное предпринимательство и экономическое развитие», реализуемого Программой развития ООН и координируемого на национальном уровне Министерством спорта и туризма Республики Беларусь. Данный проект сегодня реализуется в пределах Брестской и Гродненской областей.

Кроме конкурсной основы, существуют стратегические пути развития туристических дестинаций. Немецкий исследователь Ф. Райх предлагает рассматривать три основополагающие стратегии, преимущества и недостатки которых представлены в таблице 2.

Таблица 2. – Стратегии развития туристических дестинаций, преимущества и недостатки (немецкий подход)

Название стратегии	Преимущества	Недостатки/проблемы
Расширение известных мест и регионов	<ul style="list-style-type: none"> - наличие функционирующих туристических мест и их известность; - возможность использования и усиления существующих структур; - возможность концентрации финансовых средств; - центры компетенций 	<p><i>Недостатки:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - упущения потенциала других регионов; <p><i>Проблемы:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - необходимы стратегии для более слабых туристических регионов; - снижение мотивации менее значимых туристических регионов
Всеобъемлющий подход	<ul style="list-style-type: none"> - включение всех мест в концепцию дестинации; - мотивация для создания субрегиональных единиц; - высокая пригодность для больших и гетерогенных областей; - конкуренция и взаимодополняемость – фактор повышения спроса и диверсификации предложения 	<ul style="list-style-type: none"> - границы дестинации определяются не с точки зрения гостей; - слияние слабых туристических точек не ведет к укреплению. По молчанию; - высокие издержки координации; - возможные противоречия в пределах дестинаций
Стратегия централизации	<ul style="list-style-type: none"> - понятная структура и распределение компетенций; - успех при продаже дополнительных продуктов; - предотвращение дублирования внутри дестинации 	<ul style="list-style-type: none"> - сложно реализовать; - проблема мотивации структурных предприятий дестинации; - информационная проблема; - малая поддержка инноваций

Источник: составлено автором на основании данных [17].

С точки зрения российского подхода к формированию туристических дестинаций принято выделять четыре стратегии. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3. – Стратегии развития туристических дестинаций (российский подход)

Название стратегии	Преимущества	Недостатки/проблемы
Стратегия радиального развития	<ul style="list-style-type: none"> - минимизированность рисков – основывается на уже сформированном и известном туристическом бренде; - не требует значительных инвестиций и финансирования 	<ul style="list-style-type: none"> - увеличение негативного воздействия въездного международного и внутреннего туризма на жителей принимаемой территории; - не ведет к полному туристическому охвату территории страны; - не обеспечивает равномерности распределения туристического потока по территории

Окончание таблицы 3

Название стратегии	Преимущества	Недостатки/пробелы
Стратегия транспортных коридоров	<ul style="list-style-type: none"> - наличие развитой транспортной и туристической инфраструктуры; - наличие возможности предварительной известности среди иностранного потребителя туристических центров как городов 	<ul style="list-style-type: none"> - индустриализированность и урбанизированность территории внутри транспортного коридора создает лимитирующие факторы развития въездного международного туризма; - не позволяет охватить большую часть территории страны, обладающую значительными туристическими ресурсами
Точечная стратегия	<ul style="list-style-type: none"> - эффективна для географически сильно удаленных территорий; - возможность охвата большой части национальных ресурсов и потенциально востребованных среди иностранцев объектов туристского спроса 	<ul style="list-style-type: none"> - требует существенных финансовых вливаний как в создание туристических центров, так и в их популяризацию за рубежом
Стратегия рекреационного районирования	<ul style="list-style-type: none"> - перспективное позиционирование туристической дестинации на карте мира как подходящего направления для определенного типа туров; - идентификация дестинации с конкретным видом туризма в сознании иностранных потребителей; - концентрация усилий управления региона и туроператоров на работе с узким профилем потребителей 	<ul style="list-style-type: none"> - неполное использование в производстве регионального туристического продукта имеющихся туристских ресурсов; - неравномерность распределения туристических потоков по территории страны; - сезонность въездного международного туризма; - возможное появление неэффективной конкуренции между дестинациями идентичного направления поездок

Источник: составлено автором на основании данных [17].

Анализируя представленные выше стратегии создания туристических дестинаций, автором выделяются три, возможных к применению в Республике Беларусь. Учитывая наличие существующих в Беларуси 17 туристических дестинаций (в основном агрозонаправления) стоит рассматривать стратегию немецкой школы «расширение известных мест и регионов». Она позволит укрепить позиции имеющихся туристических ресурсов и повысить их конкурентоспособность на внутреннем и международном рынках. При наличии инвесторов и потенциального сегмента потребителей мы также можем рассматривать вариант конкурсной стратегии туристических дестинаций, посредством которой осуществляется отбор стартапов к участию, а после тщательного анализа и бизнес-моделирования – внедрение проекта в национальный туристический сегмент.

Учитывая схожесть экономических систем, Республика Беларусь может принять во внимание опыт российской школы, а именно – стратегию рекреационного районирования. Как отмечает Т.В. Роськохина [17, с. 167], данная стратегия базируется на развитии в конкретном регионе определенного вида туризма и типов въездных туров, формируя таким образом специализированную на приеме определенного контингента туристическую дестинацию. Главная идея – отказ от производства и продвижения не-профильного туристического продукта и специализация на организации туров, в производстве которых имеется существенный конкурентный потенциал. Эффективность внедряемой стратегии предполагается проверять посредством мониторинга общих результатов реализации и ее плана через анализ статистики ограниченного числа отобранных показателей. Впоследствии динамика показателей позволит корректировать стратегические подходы к формированию туристических дестинаций в конкретном регионе.

Заключение. Согласно международным показателям туризма, выделенным в ежегодном отчете ЮНВТО на 2019 год, 2018 год оказался девятым подряд успешным годом по посещаемости для Европейской части мирового туристического рынка. На Европу приходится 51% мирового прибытия туристов (показатель въездного туризма), или 710 млн туристов. В связи с этим в данном регионе наблюдается высокий показатель денежных поступлений от туристической деятельности – порядка 39%, или 570 млрд долл. США, что отражает самый высокий показатель по мировому рынку. Для сравнения – Америка демонстрирует только 23%, Азия и Тихоокеанский регион – 30%. Положительная динамика наблюдается в глобальном денежном показателе экспорта туристических услуг – увеличился на 121 млрд по сравнению с 2017 годом [18]. Данный анализ позволяет Республике Беларусь оценивать свое географическое положение как экономически и стратегически выгодное для туристического сектора экономики, учитывая местонахождение в центральной части Европейского континента. Кроме того, изменение в визовом законодательстве Республики Беларусь положительно сказывается на цифрах въездного международного

туризма: рост в 2018 году на 500 тыс. поездок в страну из-за рубежа по сравнению с 2017 годом. Экспорт услуг по статье «Поездки» демонстрирует рост на 70 млн долл. США в 2018 году по отношению к показателю 2017 года [19]. В связи с данным фактом очевидным считается, что туристическая сфера Республики Беларусь является перспективной для развития в условиях устойчивости экономических систем.

В свою очередь, развитие и продвижение туристических дестинаций становится одной из ключевых структурных единиц механизма туристического бизнеса, так как формирует предложение туристического рынка для международного потребителя и оказывает влияние на макроэкономические показатели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2015. – № 4 (214). – 100 с.
2. Тарасенок, А.И. Геоэкономический механизм обеспечения конкурентоспособности национальной туристической дестинации: методология и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / А.И. Тарасенок. – Минск, 2018. – 51 с.
3. Тарасенок, А.И. Туристический комплекс Республики Беларусь: современные проблемы и новый механизм развития / А.И. Тарасенок // Белорусский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 109–127.
4. Бизнес в агро- и экотуризме : пособие / под ред А.И. Тарасенка. – Минск : Четыре четверти, 2014.
5. Донских, С.В. Особенности формирования и развития туристической дестинации на основе безвизовой зоны «Grodnovisafree» / С.В. Донских // Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания кафедры междунар. туризма факультета междунар. отношений Белор. гос. ун-та, Минск, 12 окт. 2018 года / Белор. гос. ун-т ; редкол.: Л.М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 110–121.
6. Джангузова, Е.А. Маркетинг туристских территорий : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.А. Джангузова. – М. : Издат. ц-р «Академия», 2006. – 224 с.
7. Портер, М. Международная конкуренция : пер. с англ. / М. Портер. – М. : Издат. д. «Вильямс», 2005. – 608 с.
8. Вертинская, Т.С. Методология создания региональных туристических кластеров в Беларуси / Т.С. Вертинская. – М. : Минск, 2014 . – 52 с.
9. Сурганова, С.К. Мировой опыт развития туристского кластера [Электронный ресурс] / С.К. Сурганова // Теория и практика инновационного менеджмента : отечественный и зарубежный опыт. – Караганда, 2013. – Режим доступа: www.articlekz.com/article/6254/. – Дата доступа: 12.12.2019.
10. Щедловская, М.В. Соотношение понятий «кластер» и «дестинация» в туризме (на примере Наро-Фоминского муниципального округа) / М.В. Щедловская // Вестн. Рос. нового университета : науч. журн. – 2013. – № 2. – С. 210–215.
11. Информация о развитии туризма в Минской области в 2018 году [Электронный ресурс] // Информационный портал Главного управления спорта и туризма Минского облисполкома. – 2020. – Режим доступа: <http://usitmoik.gov.by/deyatelnost/turizm>. – Дата доступа: 05.01.2020.
12. Статистический ежегодник Респ. Беларусь 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/35d/35d07d80895909d7f4fd0ea36968465.pdf>. – Дата доступа: 03.01.2020.
13. Михайлов, А.С. Формирование международных кластеров в балтийском регионе / А.С. Михайлов // Балтийский регион № 1 (15). – Изд-во: «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта», 2013. – С. 53–66.
14. Давыденко, Л.Н. Инновационные стратегии геоэкономического развития мирового туристического рынка / Л.Н. Давыденко // Современные тенденции развития международного туризма в мире и Республике Беларусь в условиях глобализации : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию основания кафедры междунар. туризма фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 окт. 2018 года / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Л.М. Гайдукевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2018. – С. 23–31.
15. Тарасенок, А.И. Геоэкономический механизм обеспечения конкурентоспособности национальной туристической дестинации: методология и практика реализации : дис. д-ра экон. наук : 02.00.05 / А.И. Тарасенок. – Минск, 2018. – 300 л.
16. Начинается прием заявок на участие туристических территорий Гродненской и Брестской областей в проекте, направленном на развитие частного туристского бизнеса [Электронный ресурс] // Сайт

- ООН для Беларуси. – Режим доступа: <http://un.by/undp/news/belarus/2012/26-11-2012-n1.html>. – Дата доступа: 17.08.2019.
17. Рассохина, Т.В. Менеджмент туристских дестинаций : учеб. / Т.В. Рассохина ; Российская междунар. акад. туризма. – М. : Советский спорт, 2014. – 248 с.
18. World Tourism Organization (2019), International Tourism Highlights 2019, UNWTO, Madrid [Электронный ресурс]. – Мадрид. – 2019. – Режим доступа: <https://www.e-unwto.org/doi/book/10.18111/9789284421152>. – Дата доступа: 02.10.2019.
19. Туризм и туристические ресурсы Республики Беларусь 2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/turizm/statisticheskie-izdaniya/index_13889/. – Дата доступа: 03.10.2019.

Поступила 15.10.2019

**CONCEPTUAL BASES OF FORMING TOURIST DESTINATIONS
IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT**

N. GONCHARUK

The global growth in inbound and outbound tourism continues showing positive dynamics for the next year in a row, which is important for developing countries and countries of the developed economic systems. And at the same time, this growth imposes a great responsibility on the government of the country in terms of ensuring the development of tourist destinations, which forms supply on the tourist services market. In his article, the author considers the conceptual foundations of the formation for tourist destinations in the conditions of sustainable economic development. The categories of a cluster and destinations in tourism are evaluated, the international experience of the formation and development for tourist destinations (strategies) and the possibility of its application in practice of the Republic of Belarus are analyzed.

Key words: tourist destinations, inbound tourism, international tourism, sustainable development, macro-economics indicators, strategies for the formation of tourist destinations, tourist cluster.

УДК 658.51

ИННОВАЦИОННАЯ СРЕДА КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Е.С. ВАЙЦЕХОВИЧ
(Минский завод гражданской авиации № 407)

Рассмотрены вопросы тесной взаимосвязи инноваций и эффективной модернизации. Приведена авторская трактовка сущности инноваций и инновационной продукции с точки зрения национальной статистической методологии. На основании обширных статистических материалов выявлены тенденции развития инновационной среды в Республике Беларусь, показаны ее особенности и нежелательные тенденции. Для перехода от благоприятной инновационной среды к высокой конкурентоспособности наиболее эффективным, а в большинстве случаев и единственным возможным инструментом автор считает модернизацию на основе отечественных и заимствованных инноваций. Автор акцентирует внимание на том, что при анализе инновационности необходимо оценивать ее уровень применительно не к объекту модернизации и отечественному экономическому пространству, а в мировом масштабе.

Ключевые слова: инновационная среда, конкурентоспособность, модернизация, продукция, промышленность, технологии, экспорт, эффективность.

Введение. Модернизация как процесс обновления и усовершенствования прямо связана с наличием инноваций, их сущностью и направленностью, действующими механизмами мотивации инновационной деятельности на всех уровнях (личностном, корпоративном, государственном), соотношением прикладных и фундаментальных инноваций, наличием инфраструктуры, институциональным (нормативно-правовым) обеспечением, степенью инклюзивности в мировое экономическое пространство национальной экономики и промышленности в частности, а также другими условиями. Совокупность перечисленных условий составляет инновационную среду или инновационный климат. От того, насколько такая среда благоприятна, зависит качество модернизации.

В более конкретном измерении эффективность модернизации зависит от уровня и эффективности используемых инноваций, а также от методологии их определения. Имеет практическое значение, что и насколько в режиме модернизации считать инновацией, инновационным решением, и что может обеспечить действительно инновационный результат, выраженный в рыночных критериях (объем продаж, уровень конкурентоспособности, уровень цены, новизна продукта или услуги и т.д.). Поэтому актуально исследовать методологическую составляющую данной проблемы, которая в принципе является институциональной основой для понимания инноваций и их роли в проведении модернизации.

Основная часть. В основу национальной методологии установления и учета инноваций положены международные рекомендации Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) по сбору и анализу данных об инновациях «Руководство Осло». Согласно данному документу национальной статистической методологией установлено, что «инновация – это введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственно-го, административного, коммерческого или иного характера» [1]. В том же источнике определено, что «инновационная продукция (работы, услуги) – это внедренная в производство продукция (работы, услуги), являющаяся новой или значительно улучшенной по сравнению с ранее выпускавшейся продукцией (работами, услугами) в части ее свойств или способов использования, получившая новое обозначение или определение (наименование)» [1].

Таким образом, ключевое слово в определении инновации – то, что является новым – продукция, технология, услуга или решение. Однако критерий «новый» – понятие относительное, хотя бы потому, что в одной среде или относительно одного субъекта степень новизны может быть различной. Отсюда может быть и разное понимание инновации и инновационности. Инновация для одного предприятия или органа управления может не быть таковой для другого. Это имеет существенное практическое значение для инновационной политики, подготовки программ модернизации, реального обновления и усовершенствования как на уровне отдельного производства, так и на уровне национальной экономики.

Часто, и не только в отечественной практике, при подготовке и реализации программ модернизации возникает проблема реальной новизны потенциально возможных к использованию технологий, техники, продуктов, сырьевых компонентов и других элементов модернизации. Важно при анализе инновационности оценивать ее уровень применительно не к объекту модернизации и даже не к отечественному

экономическому пространству, а в мировом масштабе и по мировым критериям, на основе компетентных знаний мирового рынка спроса и предложения относительно конкретной инновации. При подготовке программ модернизации следует оценивать новизну не столько для локальных условий, сколько по критериям мировых рынков. Закупив относительно новый для данной организации продукт, предприятие рискует оказаться в значительных убытках. Поэтому в определении сущности инновации, на наш взгляд, актуально подчеркнуть масштаб новизны: она не должна быть локальной. Более точным представляется такое определение: «Инновация – это новая или усовершенствованная *по мировым критериям* продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера, *которые реально или потенциально могут быть признаны такими в региональном или мировом масштабе*».

Ключевой критерий инновационной продукции – функциональное или пространственное отличие продукта (услуги) разной степени, но в пределах одного функционального или видового ряда. При этом корпоративная, национальная или просто территориальная принадлежность инновационного продукта не имеют значения. Тот факт, что данный объект инновационной сферы является новым для конкретного субъекта, не служит основанием для оценки его как инновационного. Но сложность состоит и в установлении глубины инновационности. Она может быть радикальной и незначительной как для производителя, так и для потребителя, а это имеет значение не только для процесса модернизации, но и для конечного потребления таких продуктов в других целях. В связи с этим инновационная продукция (работы, услуги) – это внедренная в производство продукция (работы, услуги), являющаяся новой или значительно улучшенной по сравнению с ранее выпускавшейся продукцией (работами, услугами) в части ее свойств или способов использования, получившая новое обозначение или определение (наименование) и *признанная таковой в региональном или мировом масштабе*. Региональный характер признания означает ее традиционность использования или потребления в связи с национальными традициями, природно-климатическими условиями и другими факторами территориального происхождения.

Методологическая проблема заключается также в том, что в современных условиях крайне динамичного развития мирового рынка инноваций как лавинообразного феномена уследить за изменениями в данной среде практически невозможно даже наиболее квалифицированному топ-менеджменту. Отсюда объективные и многочисленные риски, предполагающие неизбежные в той или иной степени экономические убытки. Поэтому *практические коммерческие намерения и действия по приобретению инновационных продуктов в рамках программ модернизации должны сопровождаться системой независимых и заинтересованных в объективности экспертиных оценок*. Практика показывает, что экспертиза со стороны отраслевого управления, местных или государственных органов власти может не дать желаемого эффекта. В этой связи важным положением данного исследования является *формирование внешнего и компетентного механизма независимых экспертиных оценок*. Для этих целей могут быть привлечены зарубежные эксперты в данной области, как специализированные структуры, так и специалисты с мировым именем, безусловно, без соответствующих лоббистских интересов. Можно рассматривать такую деятельность как форму аутсорсинга, экспертного по своему содержанию и организационному оформлению.

Понимание реальной новизны инновации важно и в учетной политике, так как объективность статистической информации – основное условие объективных и эффективных управленческих решений на всех уровнях, оценки результатов модернизации, эффективности использования финансовых средств. Четкая определенность критериев инновационности необходима в юридической практике для оценки хода и результатов модернизации промышленных производств.

Инновационная среда является важнейшим условием достижения высокого уровня технологичности конкретных производств и национальной экономики в целом, что в свою очередь обеспечивает их высокие конкурентные позиции (рисунок).

Переход от благоприятной инновационной среды к высокой конкурентоспособности создаваемой на основе внедрения инноваций, может быть достигнут двумя способами: созданием новых производств и модернизацией действующих. Конечно, первый путь более ресурсоемкий и в условиях Республики Беларусь применим только при создании уникальных точечных производств: в сфере биотехнологий, космической техники, фармацевтической продукции, информационно-компьютерных технологий и ряде других. Не менее эффективным инструментом, а в большинстве случаев и единственным возможным, является модернизация конкретной отрасли на основе отечественных и заимствованных инноваций.

Концептуальная установка представленного исследования в том, что модернизация не заменяет других способов организации высокотехнологичных производств, она не выступает единственно возможным способом внедрения инноваций.

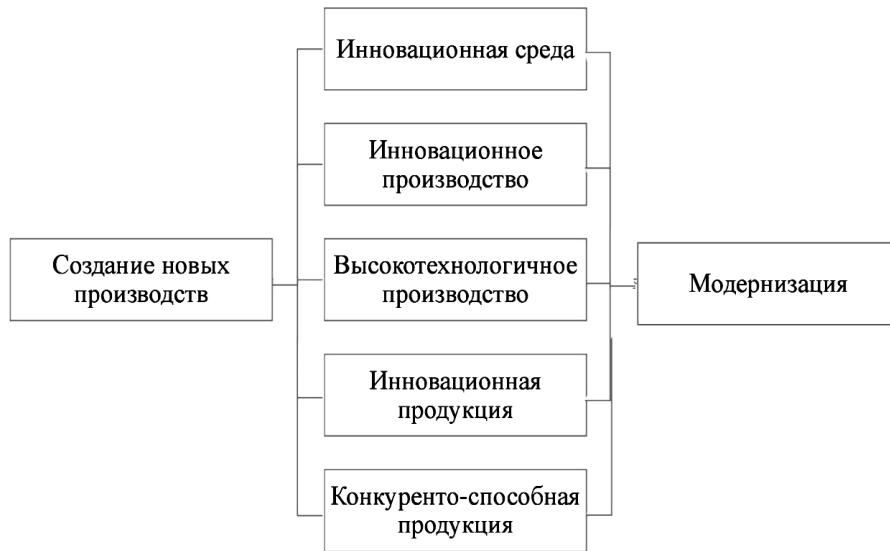

Рисунок. – Взаимосвязь инновационной среды и конкурентоспособности продуктов (услуг)

Специфика производства и сферы услуг в Беларуси такова, что модернизация – это оптимальный способ решения многих проблем, обоснованный необходимым уровнем качества конечного продукта, внутренними возможностями и внешними целями национальной экономики. По сути дела, для большинства отечественных предприятий это «догоняющий» вариант усовершенствований и обновлений, инжиниринг по философии и глубине, но не реинжиниринг, который предполагает революционные преобразования в управленческом мышлении и производственных технологиях в их широком понимании.

В Республике Беларусь инновационная среда в настоящее время нуждается в улучшении. Она находится в состоянии ожиданий эффективного внешнего воздействия со стороны органов государственного и корпоративного управления. Слабо развита предпринимательская активность и готовность идти на оправданные риски, которые самым тесным образом сопряжены с инновационной деятельностью. Особенности организации инновационного процесса связаны с внутренне присущей ему неопределенностью. Неопределенность достижения цели, т.е. вероятность получения положительного результата, составляет на стадии фундаментальных исследований всего 5–10%, увеличиваясь на этапе прикладных исследований до 85–90%, а в процессе разработок достигает 95–97% [8]. Однако и на поздних стадиях инновационного цикла остается существенной неопределенность времени и затрат, необходимых для достижения эффекта. Жесткое нормирование сроков и затрат уменьшает вероятность получения заданного результата, а регламентация результата и сроков связана с недопущением возможности значительного перерасхода средств. В результате мы имеем ряд нежелательных тенденций и очевидных фиаско, связанных с инновационной активностью организаций промышленности Республики Беларусь, что подтверждается данными таблиц 1 и 2.

Таблица 1. – Динамика количества инновационно-активных организаций промышленности Республики Беларусь по видам инновационной деятельности (2011–2017 гг.) [1, с. 182]

Показатели	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2011
Всего организаций промышленности	12619	13667	13605	13008	12035	11976	-643
Всего инновационно-активных организаций	443	411	383	342	345	347	-96
в % ко всем	3,5	3,0	2,8	2,6	2,9	2,9	-0,6
Из них осуществляли затраты на:							
- исследования и разработку новых продуктов и услуг	249	113	110	122	124	136	-113
- в % к инновационно-активным организациям	56,2	27,5	28,7	35,6	35,9	39,2	-17
- приобретение машин и оборудования, связанных с технологиями и инновациями	242	240	203	151	135	139	-103
- в % к инновационно-активным организациям	54,6	58,4	53,0	44,2	39,1	40,0	-14,6
- приобретение новых и высоких технологий	11	16	12	10	6	7	-4

Окончание таблицы 1

Показатели	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2011
- в % к инновационно-активным организациям	2,5	3,6	2,7	2,2	1,3	1,6	-0,9
- приобретение компьютерных программ и баз данных, связанных с технологическими инновациями	29	34	23	16	18	15	-14
- в % к инновационно-активным организациям	6,5	7,7	5,2	3,6	4,1	3,4	-3,1
- производственное проектирование, другие виды подготовки производства для выпуска новых продуктов	169	195	206	184	196	179	-10
- в % к инновационно-активным организациям	38,1	44,0	46,5	41,5	44,2	40,4	+2,3
- подготовка, переподготовка и повышение квалификации персонала, связанные с технологическими инновациями	58	51	40	33	28	32	-26
- в % к инновационно-активным организациям	13,1	11,5	9,0	7,4	6,3	7,2	-5,9
- маркетинговые исследования, связанные с технологическими инновациями	39	43	38	29	27	25	-14
- в % к инновационно-активным организациям	8,8	9,7	8,6	6,5	6,1	5,6	-3,2
- прочие затраты, связанные с технологическими инновациями	21	24	34	33	33	35	+14
- в % к инновационно-активным организациям	4,7	5,4	7,7	7,4	7,4	7,9	+3,2

Таблица 2. – Некоторые показатели оценки уровня технологического развития экономики Республики Беларусь (2011–2017 гг.) [7]

Показатели	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2017 к 2011
Доля высокотехнологичных (включая среднетехнологичные (высокого уровня)) и наукоемких отраслей экономики в ВВП ¹⁾ , %	36,4	31,5	32,6	35,9	35,7	36,6	+0,2
Доля высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности, %	3,5	4,1	3,4	4,7	5,6	5,5	-2,0
Наукоемкость ВВП ²⁾ , %	0,68	0,65	0,51	0,50	0,50	0,59	-0,9
Количество исследователей на 1 млн жителей, чел.	2 076	1 939	1 834	1 786	1 776	1 799	-277
Объем отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) организациями промышленности, трлн руб., с 2016 г. – млрд руб.	36,7	82,9	70,1	75,6	10,5	13,0	-23,7
Удельный вес отгруженной инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции организаций промышленности, %	14,4	17,8	13,9	13,1	16,3	17,4	+3,0
Доля экспорта наукоемкой и высокотехнологичной продукции в общем объеме экспорта, %	34,5	28,3	27,7	30,9	33,2	31,9	-2,6
Удельный вес экспорта высокотехнологичных товаров в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	1,4	1,9	1,9	2,0	2,2	2,1	+0,7
Удельный вес экспорта среднетехнологичных товаров высокого уровня в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	29,8	21,8	20,5	22,2	23,0	21,9	-7,9
Удельный вес экспорта наукоемких высокотехнологичных услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	1,1	2,0	2,4	3,5	4,4	4,5	+3,4
Удельный вес экспорта наукоемких рыночных услуг в общем объеме экспорта товаров и услуг, %	2,2	2,5	2,8	3,1	3,5	3,3	+1,1

¹⁾ ВВП в основных ценах. Данные за 2017 год предварительные.²⁾ Данные за 2017 год предварительные.

В отечественной промышленности в последние годы присутствует явно выраженный тренд снижения большинства качественных и количественных параметров инновационной активности ее субъектов. В течение анализируемого периода (2011 – 2017 гг.) количество инновационно-активных организаций уменьшилось с 3,5% в общем количестве организаций промышленности до 2,9%. Это очень низкий показатель – только каждая третья организация промышленности отнесена к инновационно-активным. Следует отметить, что в соответствии с принятой государственной статистикой методологией «инновационно-активная организация – это организация, осуществляющая затраты на технологические инновации». Вместе с тем, факт осуществления затрат еще не может быть полным основанием для отнесения организаций к инновационно-активным, потому что затраты на технологические процессы или продукты еще не означают их эффективного применения. В 2017 году лишь 7 из 11 976 организаций промышленности осуществляли затраты на приобретение новых и высоких технологий, что составляет всего лишь 1,6%. Их количество за указанный период колебалось от 6 до 16. Но именно высокие технологии являются условием эффективной модернизации и конкурентоспособности получаемых продуктов.

Почти в два раза уменьшилось количество организаций (с 29 до 15), приобретавших компьютерные программы и базы данных, связанные с технологическими инновациями. Для национальной экономики любой страны это абсолютно низкий показатель.

Существенно снизилось внимание к маркетинговым исследованиям инновационных и высокотехнологичных решений. Маркетинговые исследования, связанные с технологическими инновациями, в 2017 году проводили только 25 организаций, что составляло всего 5,6% от общего их количества. В 2011 году таких организаций было 39, или 8,8% от инновационно-активных. Нельзя говорить об эффективной модернизации при отсутствии всестороннего научного исследования рынка инноваций, а также тех рынков, на которые нацелены результаты модернизации. Стоит полагать, что это одна из причин низкой конкурентоспособности многих товаров, услуг и конкретных организаций.

Технологические инновации невозможны без соответствующих компетенций персонала. Но подготовку, переподготовку и повышение квалификации, связанные с технологическими инновациями, в 2017 году проходили работники только 32 организаций, что почти в два раза меньше по сравнению с 2011 годом. Некомпетентный в сфере передовых технологий и техники персонал не способен обеспечить их эффективное использование. Еще к большим издержкам приводит управленческая некомпетентность. При модернизации на основе современных технологий речь необходимо вести не только о внедрении новых технологий и оборудования, сколько о совершенствовании подходов к управлению всеми процессами по созданию современной, конкурентоспособной на внешних рынках продукции. Эту идею модернизации в свое время особо отметил Глава белорусского государства: «Поставить тот или иной завод – это полдела. Еще больший талант нужен в другом – в захвате новых рынков, в продвижении продукции, в снижении себестоимости, в правильном предсказании поведения капризных мировых и региональных рынков. Поэтому один из ключевых моментов модернизации состоит в том, чтобы перестроить не только технологические линии, но и систему управления нашими предприятиями. Чтобы наши руководители усвоили психологию предпринимателя, привыкшего действовать в жестком мире глобальной конкуренции» [2]. Эти и другие явления определяют достаточно удовлетворительный уровень технологического развития экономики Республики Беларусь в целом (см. таблица 2).

Высокотехнологичные организации еще не играют определяющей роли в формировании валового внутреннего продукта нашей страны. Доля высокотехнологичных (включая среднетехнологичные высокого уровня) и наукоемких отраслей экономики в ВВП с 2011 по 2017 год практически не изменилась и составляла в 2017 году 36,6%. В то время, как доля высокотехнологичных производств в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности изменилась за этот период с 3,5 до 5,5%.

В настоящее время основная ставка делается на развитие технологической основы белорусских предприятий путем покупки машин и оборудования, о чем свидетельствует структура затрат на технологические инновации. Так, на покупку машин и оборудования, связанных с технологическими инновациями, в 2017 году направлено 64,2% всех затрат. На исследования и разработки новых продуктов затрачено 14,1% всех расходов на технологические инновации [3]. Для сравнения, в промышленно развитых странах Европы на НИОКР выделяется значительно большая часть в расходах на инновации: Германия – 27,2%, Италия – 61,5%, Франция – 78,7% [4, с. 147].

Таким образом, модернизация отечественных товаропроизводителей сводится преимущественно к приобретению чужих технологий, с помощью которых весьма затруднительно создавать новые продукты, способные конкурировать на современном рынке.

Наукоемкость ВВП перешагнула в своем тренде критический уровень в 1% и в настоящее время составляет 0,59%. Это связано с недофинансированием науки, низкой мотивацией менеджмента организаций к проведению научных исследований и затратам на инновационные проекты. Сокращается количе-

ство исследователей. В расчете на 1 млн жителей Республики Беларусь количество исследователей в 2017 году составило 1799 человек, что на 12,3% меньше по сравнению с 2011 годом. Падает материальная мотивация труда ученых, ухудшается их имидж, а следовательно, и результативность труда.

За 2011–2017 годы количество докторов наук, занятых научными исследованиями, уменьшилось на 13%, кандидатов наук – на 10%. Их удельный вес в количестве занятых исследованиями составляет в настоящее время 20%. При этом 81% докторов наук по возрасту старше 60 лет, а среди кандидатов наук людей такого возраста 36%. В отечественной науке в 2016 и 2017 годах не было докторов наук до 29 лет, и только 4 и 3 доктора наук соответственно в возрасте 30–39 лет. Это свидетельствует о низкой мотивации к исследовательской работе по названным выше причинам.

Отношение номинальной начисленной среднемесячной заработной платы в образовании к номинальной начисленной среднемесячной заработной плате по экономике страны в целом изменилось с 78,7% в 2011 году до 69,0% в 2017 году [5]. Внутренние затраты на научные исследования и разработки в расчете на одного работника, занятого научными исследованиями и разработками в 2017 году, составили 23 тыс. рублей. Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в Беларусь, в расчете на 10 000 человек населения) по сравнению с 2011 годом уменьшился в три раза и составил в 2017 году 0,50 [5]. В соответствии с данными Европейского инновационного табло (EIS-2018) по выпуску аспирантов и докторантов (МСКО 8) на 1000 человек населения в возрасте 25–34 лет Республика Беларусь (показатель 0,7) занимает в рейтинге из 37 стран 32 место [5]. Для сравнения, в Швейцарии этот показатель равен 3,4; в Словении – 3,5; в Дании – 3,2; В Украине – 1,8; Литве – 0,9.

Между тем в ЕС спрос на высококвалифицированных специалистов, согласно докладу исследователей 2014 года, вырастет почти на 16 млн человек в период до 2020 года. В частности, как подчеркивают в Еврокомиссии, требуются ученые, исследователи и инженеры. Чтобы попытаться улучшить эту ситуацию были созданы некоторые инициативы, такие как, например, «Горизонт 2020», Европейское исследовательское пространство (ERA), направленные на поддержку развития карьеры и мобильности исследователей, привлечения молодежи в науку, повышения качества и эффективности подготовки докторантов и поощрения партнерских отношений между научными учреждениями и промышленностью. В этой связи ЕС надо будет обучить и трудоустроить хотя бы один миллион новых исследователей по сравнению с уровнем 2008 г., что является необходимым для достижения уровня интенсивности НИОКР в 3% от ВВП. Бизнес и высшие учебные заведения работают вместе. На уровне ЕС кадры НИОКР, включая научных и других сотрудников, составили 1,27% от общей занятости в 2014 году. Больше половины персонала НИОКР (54,1%) были заняты в предпринимательском секторе. Сектор высшего образования является вторым крупнейшим работодателем персонала НИОКР (31,6%) [6].

Экспортная ориентация инноваций еще недостаточно значима. Удельный вес высокотехнологичных товаров в общем объеме белорусского экспорта товаров и услуг имеет небольшую тенденцию роста, но пока еще крайне незначительную: 2,1% в 2017 году. Удельный вес экспорта среднетехнологичных товаров высокого уровня в общем объеме экспорта товаров и услуг значительно выше и составил в 2017 году 21,9%, что ниже уровня 2011 года на 7,9%. Но именно признание инноваций отечественных производителей в виде экспорта не сырьевых, а высоко- и среднетехнологичных товаров является важнейшим критерием эффективности модернизации и реализуемых инноваций.

Заключение. В результате анализа состояния инновационной среды Республики Беларусь наиболее очевидными являются следующие выводы.

Эффективность модернизации наряду с другими факторами зависит от уровня и эффективности используемых инноваций, а также от методологии их определения и установления уровня их новизны. Методологически важно уточнение, что в современных условиях инновация – это новая или усовершенствованная *по мировым критериям* продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера, *которые реально или потенциально могут быть признаны такими в региональном или мировом масштабе*. Инновационная продукция – это внедренная в производство продукция, являющаяся новой или значительно улучшенной по сравнению с ранее выпускавшейся в части ее свойств или способов использования, получившая новое обозначение или определение (наименование) и *признанная таковой в региональном или мировом масштабе*. Такое понимание актуально как для учетной политики, так и для эффективного внутреннего и внешнего контроля результатов модернизации.

С учетом особенностей инноваций и связанных с ними рисков практические коммерческие намерения и действия по приобретению инновационных продуктов в рамках программ модернизации должны

сопровождаться системой независимых и заинтересованных в объективности экспертных оценок. В этой связи актуально формирование внешнего компетентного механизма независимых экспертных оценок.

Инновационная сфера Республики Беларусь имеет на сегодняшний момент ряд особенностей формирования и развития, обусловленный соответствующими причинами внешнего и внутреннего порядка:

– модернизация не заменяет других способов организации высокотехнологичных производств, она не является единственным возможным способом внедрения инноваций. Это, применительно к белорусским условиям, – оптимальный способ решения многих проблем: обеспечение нужного качества конечного продукта модернизации, внутренних возможностей и конечных внешних целей национальной экономики. Для большинства отечественных предприятий модернизация – «догоняющий» вариант усовершенствований и обновлений, инжиниринг, но не реинжиниринг, который предполагает революционные преобразования в управленческом мышлении и производственных технологиях в их широком понимании;

– инновационная среда Республики Беларусь в настоящее время находится в состоянии ожиданий эффективного внешнего воздействия со стороны органов государственного и отраслевого управления. Имеется ряд нежелательных тенденций и очевидных фиаско, связанных с низкой инновационной активностью организаций;

– количество инновационно-активных организаций и их удельный вес уменьшаются: лишь 1,6% предприятий и организаций осуществляли затраты на приобретение новых и высоких технологий. При общей их недостаточности доминируют технико-технологические инновации (покупка машин и оборудования) в ущерб управленческим и компетентностным;

– не придается значения собственным НИОКР, наукоемкость ВВП по данному показателю перешагнула критический уровень в 1% и составляет в настоящее время 0,59%;

– падает материальная мотивация труда ученых, ухудшается их имидж, следовательно, и результативность труда. Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в Беларуси, в расчете на 10 000 человек населения) по сравнению с 2011 годом уменьшился в три раза и составил в 2017 году 0,50;

– экспортная ориентация инноваций недостаточна, высокотехнологичные товары в общем объеме национального экспорта товаров и услуг занимали в 2017 году 2,1%;

– в отечественной практике последствия нежелательных сценариев для топ-менеджмента организаций значительно превышают возможный положительный эффект. Инновационная предпринимчивость сдерживается бюрократическими процедурами, порой неоправданным контролем и правовой неопределенностью;

– на уровне государственной политики нуждается в усовершенствовании механизм стимулирования инноваций и создания благоприятных условий для их внедрения во всех отраслях экономики. Действующая практика управления инновационной деятельностью не только не стимулирует инновационное мышление директорского корпуса и специалистов, но и тормозит его формирование и развитие через многочисленные бюрократические нормы, требования и запреты, игнорируя факт того, что риски нежелательного сценария развития инновационного проекта всегда высоки, независимо от состояния и особенностей национальной или корпоративной экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Промышленность Республики Беларусь, 2018 г. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2018. – 194 с. – 2019. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/>. – Дата доступа: 18.04.2019.
2. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – 2013. – Режим доступа: <http://president.gov.by/press143813.html>. – Дата доступа: 28.04.2019.
3. Основные показатели инновационной деятельности организаций промышленности [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki>. – Дата доступа: 19.04.2019.
4. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : ИВЦ Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2012. – 157 с.
5. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : ИВЦ Национального статистического комитета Республики Беларусь, 2018. – 136 с.

6. Eurostat Statistics Explained Показатели Европа 2020-R & D и инновации [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <https://www.spbstu.ru/upload/inter/indicators-europe-2020-r-d-innovation.pdf>. – Дата доступа: 28.04.2019.
7. Показатели оценки уровня технологического развития экономики [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/>. – Дата доступа: 18.04.2019.
8. Мухамедьяров, А.М. Инновационный менеджмент [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А.М. Мухамедьяров. – 2019. – Режим доступа: http://thelib.ru/books/a_m_muhamedyarov/innovacionnyy_menedzhment. – Дата доступа: 01.05.2019.

Поступила 22.10.2019

THE INNOVATION ENVIRONMENT AS A PLATFORM FOR EFFECTIVE MODERNIZATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Y. VAITSEKHOVICH

The article considers the close relationship between innovation and effective modernization. The author's interpretation of the essence of innovation and innovative products from the point of view of the national statistical methodology is given. Based on extensive statistical materials, trends in the development of the innovative environment in the Republic of Belarus are identified, its features and undesirable trends are shown. The transition from a favorable innovation environment to high competitiveness is the most effective, and in most cases the only possible tool, the author considers modernization based on domestic and borrowed innovations. The article notes the need to improve the innovation environment in the Republic of Belarus. The author emphasizes the importance of evaluating innovativeness in assessing its level not as applied to the object of modernization, and not even to the domestic economic space, but on a global scale and according to international criteria.

Keywords: innovative environment, competitiveness, modernization, production, industry, technologies, export, effectiveness.

УДК 334.72

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ЯПОНИЯ

В.Н. КОЗЛОВСКАЯ

(Белорусский государственный университет, Минск)

Анализируется опыт поддержки малого и среднего предпринимательства в Европейском союзе и Японии, который охватывает разные аспекты предпринимательской деятельности. Рассмотренный зарубежный опыт позволит привнести новое в государственную политику поддержки малого и среднего предпринимательства Республики Беларусь, что будет способствовать его ускоренному развитию и создаст необходимые условия для устойчивого экономического роста в стране.

Ключевые слова: Малое и среднее предпринимательство, поддержка малого и среднего предпринимательства, Европейский союз, Япония.

Введение. Во многих странах на протяжении столетий предпринимательская деятельность развивалась самостоятельно без вмешательства государства, постепенно преодолевая трудности становления. Послевоенное устройство как Европы, так и Японии было отмечено высокой безработицей и разрушенной экономикой, нуждавшейся в скорейшем восстановлении, необходим был быстрый экономический рост. Помимо преобладавших крупных предприятий (например, во Франции их доля доходила до 70%), возникла новая прослойка малых и средних субъектов хозяйства, так называемый средний класс, требующая внимания со стороны правительства государств. Были созданы государственные институты поддержки, задача которых заключалась в защите интересов предпринимательского сообщества, а также снятии периодически возникавшей социальной напряженности.

Цель данного исследования – анализ опыта поддержки малого и среднего предпринимательства в странах Европейского Союза и Японии на предмет возможного применения в условиях развития экономики белорусского государства.

Основная часть. На данный момент малые и средние предприятия (МСП) составляют 99% всех предприятий ЕС, где занято две трети трудоспособного населения и обеспечивается создание 85% всех новых рабочих мест. Малые и средние предприятия являются важным двигателем устойчивого роста инноваций и занятости в Европе. Политика ЕС в области поддержки МСП имеет разносторонний характер и охватывает все наиболее важные аспекты предпринимательской деятельности.

Исполнительное агентство малого и среднего предпринимательства (EASME) было создано Европейской комиссией для управления несколькими программами. Центральной программой, управляемой EASME, является COSME (программа ЕС по повышению конкурентоспособности малых и средних предприятий). Программа стремится упростить малым и средним предприятиям доступ к финансированию на всех этапах их жизненного цикла – создание, расширение или передача бизнеса. Управление финансовыми инструментами осуществляют Европейский инвестиционный фонд (EIF) через соглашения с финансовыми посредниками (банками, лизинговыми компаниями, гарантийными обществами) в странах ЕС. Программа поддержки малого и среднего предпринимательства COSME, рассчитанная на период с 2014 по 2020 год, с общим бюджетом в 1,3 млрд евро сможет с помощью финансовых посредников мобилизовать до 25 млрд евро на финансирование МСП [1]. Благодаря этой программе упрощается доступ к кредитам и венчурному капиталу, что позволяет предпринимателям сосредоточиться на росте и расширении предпринимательской деятельности.

Финансирование осуществляется с помощью двух финансовых инструментов COSME Loan Guarantee Facility (LGF) и COSME Equity Facility for Growth (EFG). Первый предоставляет гарантии и контрагарантии финансовым посредникам, мотивируя их к предоставлению МСП большего числа кредитов. Этот инструмент включает также секьюритизацию портфелей долгового финансирования (кредитные портфели). Благодаря LGF от 220 000 до 330 000 МСП получают кредиты под гарантii COSME на общую стоимость от 14 до 21 млрд евро [2]. Эти гарантii способствуют многим предпринимателям среднего и малого бизнеса получить финансирование, которое те не смогли бы получить из-за более высокого риска или отсутствия достаточного обеспечения своих проектов. Второй финансовый инструмент – Equity Facility for Growth (EFG) – предназначен для инвестиций в фонды рискового капитала, которые представляют венчурный капитал (инвестиции в акционерный капитал) и мезонинное финансирование для расширения и роста, в частности и для тех МСП, которые работают на экспорт. Ожидается, что через EFG от 360 до 560 предприятий получат инвестиции в акционерный капитал с общим объемом инвести-

ций в размере от 2,6 до 4 млрд евро [3], что позволит повысить конкурентоспособность малых и средних предприятий.

Вторым направлением программы COSME является финансирование сети Enterprise Europe Network (EEN). Сеть предоставляет экспертные консультации малым и средним предприятиям, чтобы получить доступ к государственным фондам и грантам на научные исследования и разработки, инновациям, инвестициям на обучение. Сеть состоит более чем из 600 организаций-членов, в нее входят национальные торгово-промышленные палаты, общественные объединения и союзы поддержки предпринимательства, университеты и научно-исследовательские институты, региональные организации развития. Программа финансирует бизнес-портал «Ваш бизнес в Европе», который предоставляет практическую информацию о ведении предпринимательской деятельности в ЕС. Она также финансирует ряд справочных служб, которые предлагают консультации и поддержку МСП, сталкивающихся с трудностями в вопросах прав интеллектуальной собственности, стандартов или правил закупок в странах-членах ЕС.

Кроме того, программа COSME содействует созданию благоприятной для предпринимательства бизнес-среды, стремясь снизить административную и нормативную нагрузку на МСП путем сокращения ненужного административного и нормативного бремени, включая учет изменений в соответствующем законодательстве Европейского союза.

Не забывают в ЕС оказывать поддержку и микропредприятиям, составляющим 90% европейских предприятий, и социальному предпринимательству. Принятая Европейской Комиссией Программа занятости и социальных инновации (EaSI) направлена на реализацию стратегии «Европа 2020» путем поддержки ЕС по вопросам обеспечения высокого уровня занятости, гарантируя адекватную социальную защиту, борьбу с социальной изоляцией и нищетой. Отсутствие доступа к финансированию является одним из основных препятствий, с которыми сталкиваются микропредприятия. Вследствие этого Европейская Комиссия поручила Европейскому инвестиционному фонду (EIF) в качестве доверенного лица управление двумя финансовыми инструментами. Первый – гарантии EaSI; второй – окно инвестиций в наращивание потенциала EaSI. Программа EaSI напрямую не финансирует предпринимателей, но позволяет выбранным поставщикам микрокредитов в ЕС увеличить кредитование путем выдачи гарантий, тем самым распределяя потенциальный риск потерь поставщиков. Кроме того, Европейская Комиссия оказывает поддержку в создании потенциала отдельных поставщиков микрокредитов. Микрозаймы до 25 000 евро выдаются микропредпринимателям, желающим создать или развить микропредприятие. Инвестиции до 500 000 евро – в социальные предприятия [4]. Таким образом, программа EaSI поддерживает самый уязвимый сегмент предпринимательства, способствует созданию рабочих мест, формирует устойчивый и инклюзивный экономический рост.

Исполнительное агентство малого и среднего предпринимательства (EASME) оказывает поддержку инновационным МСП и стартапам, используя различные финансовые инструменты поддержки в рамках программы ЕС по развитию научных исследований и инноваций «Горизонт 2020». Один из таких инструментов – Программа SME Instrument, реализуемая в рамках деятельности Пилота Европейского инновационного совета (входящего в программу «Горизонт 2020»). Программа SME Instrument предлагает поддержку финансирования и коучинга инновационным МСП с высоким уровнем риска и высоким потенциалом роста, способным за короткое время выйти с новым продуктом или услугой на внешние рынки. Инновационные проекты могут быть представлены в любой области технологий и отраслях производственной сферы. Программа включает три этапа, на каждом этапе происходит отсев участников. Первый – технико-экономическое обоснование. Этап длится около шести месяцев, в результате чего проект получает единовременную сумму (грант) в размере 50 000 евро. Второй этап занимает от 12 до 24 месяцев, где проект получает от 0,5 до 2,5 млн евро [5]. На данном этапе происходит переход от концепции к рынку. Третий этап – коммерциализация (сюда входит предоставление услуг по ускорению предпринимательской деятельности), который позволяет найти деловых партнеров и инвесторов, установить деловые связи и воспользоваться возможностями обучения (во время и после получения гранта) и коучинга.

Еще одна схема поддержки финансирования инновационных малых и средних предприятий в рамках деятельности Пилота Европейского инновационного совета – «Быстрый путь к инновациям», запущенная 27 октября 2017 года как часть программы «Горизонт 2020». Программа направлена на развитие междисциплинарного и межсекторального сотрудничества, обеспечивает финансирование инновационного проекта от его начала до полного окончания и выхода на рынок, открывая финансовые возможности всем малым и средним субъектам инновационной деятельности, нацеленным на радикально новые, прорывные продукты, услуги или бизнес-процессы, открывающие новые рынки. Максимальный размер гранта на один проект составляет 3 млн евро, которыйдается на шесть месяцев, финансируя до 60% проекта. В программе могут участвовать консорциумы в составе от трех до пяти юридических лиц, созданные в трех разных государствах-членах ЕС или ассоциированных странах, участвующих в программе «Горизонт 2020».

Программа обеспечение займов InnovFin для малых и средних предприятий предоставляет гарантии и контрагарантии, что облегчает доступ к кредитному финансированию инновационным МСП

в государствах-членах ЕС и ассоциированных странах, реализуется в рамках программы ЕС по исследованиям и инновациям «Горизонт 2020». Финансирование осуществляется через финансового посредника (местные банки) на поддержку рискованных инноваций с высокой отдачей. Благодаря программе финансовые посредники получают гарантии со стороны ЕИФ, что позволяет упростить доступ инновационным малым и средним предприятиям к кредитам банков для их развития и более быстрого роста. Сумма кредита может составлять от 25 тыс. до 7,5 млн евро сроком от 1 до 10 лет. В случае если финансовые посредники понесут убытки Европейский инвестиционный фонд возмещает часть (до 50% от суммы кредита) понесенных ими финансовых убытков. Программа охватывает 39 стран и до 31 марта 2018 года представила гарантii на сумму 8 078 млн евро, обеспечив инновационным 12 754 МСП получение кредитов под гарантii на сумму более чем 16 367 млн евро, что позволило создать 546 443 рабочих места [6].

На уровне государств-членов ЕС региональное финансирование МСП осуществляется благодаря Европейским структурным инвестиционным фондам (ЕСИФ), которые выступают как основные инструменты инвестиционной политики ЕС до 2020 года, совместно управляются Европейской комиссией и странами ЕС. Более половины финансирования направляется через пять Европейских структурных и инвестиционных фондов: Европейский фонд регионального развития (ЕФРР); Европейский социальный фонд (ЕСФ); Фонд сплочения (ФС); Европейский сельскохозяйственный фонд развития сельских регионов (ЕСФРСР); Европейский фонд морского и рыбного хозяйства. Эти пять Европейских структурных инвестиционных фондов дополняют друг друга, инвестируя в создание новых рабочих мест, окружающую среду и европейскую экономику. Сосредоточены ЕСИФ главным образом в пяти областях: исследования и инновации; цифровые технологии; поддержка низкоуглеродистой экономики; устойчивое управление природными ресурсами. Все эти фонды управляются странами ЕС с помощью соглашения о партнерстве. Каждая страна подготавливает соглашение о сотрудничестве с Европейской Комиссией, определяя, как будут использоваться средства в течение текущего периода финансирования.

Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) и Европейский инвестиционные фонд (ЕИФ) являются двумя главными международными финансовыми институтами ЕС, вместе они формируют Группу ЕИБ, основанную в 2000 году, осуществляющую политику поддержки доступа МСП к финансированию в ЕС, что является приоритетом для Группы ЕИБ. Европейский инвестиционный банк занимается финансированием инвестиционных проектов МСП на этапе роста и зрелости.

Европейский инвестиционный фонд основан в 1994 году, его акционерами являются ЕИБ, Европейский союз в лице Европейской Комиссии, государственные и частные банки. Банк осуществляет планирование и развитие венчурного капитала, предоставляет гарантии и инструменты микрофинансирования, характерного для данного сегмента рынка. Средства предоставляются не на прямую, а через финансовых посредников (местные финансовые институты). Только в 2017 году Группа ЕИБ предоставила финансирование 285 800 малым и средним предприятиям, в которых занято 3,9 млн человек по всему миру на общую сумму 29,6 млрд евро. Чтобы мобилизовать финансовые и технические знания, стать катализатором инвестиций для достижения устойчивого и всеобъемлющего роста ЕИБ и ЕИФ работают вместе [7].

В 2015 году Европейская Комиссия инициировала Инвестиционный план для Европы (План Юнкера), направленный на привлечение европейских инвестиций для создания новых рабочих мест, призванный поддержать предпринимательство и содействовать устойчивому экономическому росту в Европе. Центральным элементом плана выступает Европейский фонд стратегических инвестиций (EFSI) – это инициированный совместный проект Европейской комиссии и Группы Европейского инвестиционного банка ЕИБ (Европейский инвестиционный банк и Европейский инвестиционный фонд), который называют одним из трех столпов Инвестиционного плана Европы. При поддержке EFSI Группа ЕИБ берет на себя финансирование экономически жизнеспособных проектов с более высоким уровнем риска, чем обычные банки. Фонд EFSI осуществляет инвестиции в инфраструктуру, образование, исследования и разработки, возобновляемые источники энергии и поддержку малого и среднего предпринимательства. Поддерживаемые EFSI проекты подчиняются обычным процедурам ЕИБ, проекты проходят стандартную проверку, а также оценку Инвестиционного комитета EFSI, в результате чего принимается решение, имеют ли они право на поддержку в соответствии с гарантиями ЕС. Такие проекты должны быть технически и экономически обоснованными, соответствовать требованиям Инвестиционного плана Европы. Общий объем инвестиций EFSI – 33,5 млрд евро, из которых 26 млрд евро – это средства из бюджета ЕС, 7,5 млрд евро – дополнительно выделенный собственный капитал ЕИБ, что позволит к 2020 году привлечь около 500 млрд евро частных инвестиций [8]. Главная цель – за счет гарантii ЕС, предоставляемых через EFSI, и льготных кредитов привлечь к финансированию как можно больше частных инвестиций, способствуя тем самым повышению конкурентоспособности и увеличению занятости. Финансовые ресурсы, выделяемые EFSI для поддержки малых и средних предприятий, также используются на увеличение финансирования существующих флагманских программ поддержки COSME и InnovFin для малых и средних предприятий. Ожидается, что почти 793 тысячи МСП получат финансовую поддержку от ЕИФ [9]. Таким образом, политика Европейского союза в отношении поддержки доступа к финансированию ма-

лых и средних предприятий все больше отходит от предоставления грантов, а через EFSI стремится стимулировать привлечение частных инвесторов в проекты.

План Юнкера предлагает поддержку инвестиционной среды через Портал инвестиционных проектов ЕС, где начинающие МСП могут зарегистрировать свой проект, найти для себя инвесторов. Кроме того, Европейские инвестиционные консультационные центры (региональные институты, продвигающие Европейскую региональную политику) оказывают поддержку начинающим предпринимателям на местах в каждом из 28 государств-членов, консультируют, дают оценку и оказывают помочь в разработке бизнес-плана.

Вызывает интерес опыт поддержки МСП в Японии. По состоянию на 2014 год в Японии насчитывалось около 3,81 млн предприятий малого и среднего бизнеса, на долю которых приходилось 99,7% всех предприятий в стране. В данном секторе экономики занято около 33,61 млн человек, что составляет около 70% всех рабочих мест в Японии [10 р. 29]. В стране развита институциональная система поддержки, которая содействует созданию и развитию МСП. Существуют различные её инструменты, которые отвечают потребностям разработчиков на каждом этапе проекта.

Агентство малого и среднего предпринимательства (SMEA) – государственный институт, подчиняющийся непосредственно Министерству экономики, торговли и промышленности (METI), занимающийся планированием, формулированием и координацией политики в области поддержки МСП. В функциональные обязанности SMEA входит: разработка и реализация программ развития малого и среднего предпринимательства; сбор информации, анализ и предоставление общей информации, касающейся развития и совершенствования управления МСП; международное сотрудничество по вопросам, находящимся под юрисдикцией Агентства; предоставление финансирования субъектам МСП; координация налоговой системы в отношении МСП; обеспечение справедливости в торговле, развитии малых и средних розничных сетей, поставщиков услуг и оптовиков; совершенствование управления бизнесом, а следовательно, улучшение возможностей для эффективной деятельности предприятий частного сектора малого и среднего звена.

При Министерстве экономики, торговли и промышленности создан и функционирует координационный совет по стратегии развития МСП (должен состоять не более чем из 30 членов). Совет вносит предложения по политике в отношении МСП, предлагает поправки в законодательство; в его состав вошли представители ключевых министерств, префектур, общественных организаций, бизнес-структур и финансовых институтов, а также представители торгово-промышленных палат и союзов. Ежегодно на основе мер, принятых правительством в отношении МСП, и с учетом тенденций, происходящих в сфере функционирования МСП, Агентство малого и среднего предпринимательства готовит «Белую книгу МСП».

Действует созданный SMEA информационный портал «Mirasapo», где пользователи могут получить информацию о мерах государственной поддержки, оказываемой правительством и государственными институтами Японии, узнать о субсидиях и налоговой политике, получить консультацию от более опытных экспертов относительно управления бизнесом.

На региональном уровне политика SMEA проводится посредством восьми региональных бюро METI. Совместно с префектурами они осуществляют региональную политику в области МСП, в каждой из 47 префектур созданы и функционируют государственные центры поддержки МСП. Помимо этого существуют частные организации поддержки, региональные бюро METI проводят аккредитацию организаций поддержки, которые получают сертификат на ведение консультационных услуг в таких областях, как инновационный менеджмент, помочь в написании бизнес-плана, бухгалтерского и налогового учета и т.д. В частности, к организациям поддержки относятся: торгово-промышленные палаты (по всей стране 515 с общим количеством членов 1, 250 млн человек, количество ежегодных консультационных услуг превышает 1,7 млн) [11]; торгово-промышленные союзы (по всей стране около 2000); финансовые институты, налоговые инспекторы и юристы, оказывающие индивидуальные консультационные услуги (на 21 декабря 2018 года по всей стране зарегистрировано 32,268 тыс. организаций поддержки) [12].

Важная роль в Японии отводится поддержке и совершенствованию инфраструктуры МСП, за развитие которой отвечает независимое административное агентство «Организация поддержки малого и среднего предпринимательства и инновационного развития регионов Японии (SMRJ)». Негосударственный национальный институт оказывает всестороннюю помощь, предназначенную для удовлетворения индивидуальных потребностей МСП и осуществляющую путем сотрудничества с муниципалитетами, государственными учреждениями, финансовыми и научно-исследовательскими институтами, другими организациями поддержки в стране и за ее пределами; имеет одно центральное управление (штаб-квартиру) и девять региональных отделений; активно на взаимовыгодной основе сотрудничает с региональными центрами поддержки МСП, торгово-промышленными палатами и ассоциациями по всей стране. Агентство реализует политику в области МСП, предоставляя различные услуги в соответствии со стадией роста предприятия и задачами управления, повышая производительность и эффективность управления, помогая в расширении канала продаж.

Для начинающих инновационных предпринимателей по всей стране создана сеть из 32 инкубационных центров, где предоставляется помощь со стороны экспертов, так называемых «инкубационных

менеджеров», которые консультируют в таких вопросах, как управление, технологии, развитие каналов продаж и финансирование. Существует система вознаграждения инновационного предпринимательства, ежегодно вручаются награды лучшим инновационным проектам и предприятиям, которые способствуют решению социальных вопросов «Japan Venture Awards». С 2000 года 279 владельцев венчурных предприятий получили награды [13].

Помимо инкубационных центров, для тех, кто хочет заняться предпринимательской деятельностью, существуют специализированные центры TIP*S и BusiNest. В центре развития предпринимательства TIP*S через семинары и участие в различных мероприятиях обучают и консультируют желающих начать и развивать свою предпринимательскую деятельность, все мероприятия бесплатны, однако требуют предварительной регистрации. В Центре поддержки для начинающих предпринимателей BusiNest последние могут получить консультации со стороны экспертов-резидентов, воспользоваться лабораторией для проведения научных опытов, услугами бэк-офиса и коворкингом.

Кроме того, Организация поддержки малого и среднего предпринимательства и инновационного развития регионов Японии осуществляет руководство двух онлайн-платформ J-GoodTech и Rin crossing.

Поддержать устойчивый рост высокотехнологичных японских МСП помогает организованная онлайн-платформа «J-GoodTech», на которой зарегистрировано 12 000 японских малых и средних предприятий и 7500 предприятий из других стран по всему миру в области производства, логистики и сферы услуг. Онлайн-платформа предоставляет возможность опубликовать информацию о предприятии, осуществить поиск торговых партнеров, наладить деловое сотрудничество с целью развития совместных проектов через прямую связь, воспользоваться поддержкой координаторов (экспертов), оказывающих содействие в обеспечении бесперебойной связи и обмена информацией, поиске продуктов, технологий и услуг, предлагаемых предприятиями-членами. Все малые и средние предприятия проходят строгий отбор и должны быть одобрены SMRJ. Иностранные предприятия также проходят строгий отбор и утверждаются организациями поддержки в своих странах, что дает возможность вести переговоры только с авторитетными и надежными субъектами малого и среднего бизнеса [14].

В Японии существует очень много традиционных производств с долгой историей, в основном это семейные предприятия, передающие из поколения в поколение старинные технологии и методы производства, использующие традиционные для каждой префектуры местные ресурсы и производящие продукты, олицетворяющие культурные традиции Японии. Чтобы поддержать и осуществлять помощь таким производителям, существует онлайн-платформа «Rin crossing», на которой японские производители размещают сведения о своей продукции бесплатно. В настоящее время зарегистрировано 278 производителей. Онлайн-платформа предоставляет различные бесплатные программы поддержки, семинары по таким вопросам, как маркетинг и производство. Производителям помогают принять участие в иностранных выставках и ярмарках, оказывают содействие в продвижении традиционной японской продукции через магазины и на сайтах ЕС [15]. Таким образом, онлайн-платформа «Rin crossing» служит мостом между производителями и покупателями, поддерживает развитие каналов продаж по всей Японии и на иностранных рынках.

Многие японские предприятия все чаще сталкиваются с проблемой отсутствия преемника. Исследование, проведенное японскими учеными, показало, что в 2006 году 290 000 предприятий ежегодно закрывались, из них 70 000 по причине отсутствия возможности передать преемнику свое дело, что приводит к потере рабочих мест, разрыву сложившихся производственных связей. Так, передача предпринимательской деятельности в собственность от родственника к родственнику сократилась в последние годы с 90% до 60% от общего числа [16]. Чтобы остановить эту тенденцию в 2011 году во всех 47 префектурах были созданы центры поддержки преемственности бизнеса, которые предоставляют экспертов, необходимых для подготовки различных документов, подбирают подходящую кандидатуру для осуществления покупки, а также дают советы, как приступить к продаже и передаче субъекта предпринимательской деятельности, помогают заключить договор. Около 70% прав собственности на субъект предпринимательской деятельности передается через эти организации.

Через сеть региональных отделений по всей стране организация SMRJ координирует деятельность центров поддержки преемственности бизнеса, консультируя специалистов. Кроме того, проводит переподготовку и повышение квалификации через девять университетов МСП по всей Японии. Университеты предоставляют различные учебные программы для специалистов SMRJ и частных организаций поддержки, руководящих менеджеров и будущих руководителей (преемников). Невысокая стоимость обучения и система субсидий позволяют ежегодно около 20 000 человек проходить обучение, начиная с 1962 года более 630 000 учащихся окончили данные университеты [17].

С июня 2007 года в SMRJ задействована «Штаб-квартира поддержки ревитализации малого и среднего предпринимательства» как организация, координирующая деятельность «Советов по поддержке ревитализации малых и средних предприятий», действующих с 2003 года в 47 префектурах по всей стране.

В соответствии с Законом «О повышении конкурентоспособности промышленности» в каждой префектуре были созданы независимые «Советы по поддержке ревитализации малого и среднего предпринимательства» для активизации деятельности, перепрофилирования и раскрытия новых возможностей МСП. Помощь предоставляется в два этапа: 1) проводится анализ производственно-экономической деятельности предприятия, определяются причины проблем на предприятии; 2) разрабатывается план реабилитации (восстановления), в последующем осуществляется дальнейшая координация и курирование, предоставляются любые необходимые консультации.

Таким образом, «Штаб-квартира поддержки ревитализации малого и среднего предпринимательства» оказывает различно е содействие в повышении потенциала местных советов, предоставляя своих экспертов для консультации и обучения, осуществляет сбор информации, сотрудничает с местными организациями поддержки и органами власти, профессиональными экспертами и финансовыми институтами.

Одним из направлений SMRJ выступает активизация центральной городской территории. Поддержка оказывается «Советам по оживлению центральной городской территории», постоянно проводятся семинары, консультации, предоставляется необходимая информация. Идет активное сотрудничество с местными органами власти, предоставляются кредиты муниципалитетам на реализацию проектов по оживлению городских районов. В условиях снижения рождаемости, старения общества поддержка активизации центральной городской территории – актуальная проблема, особенно для малых городов, где постоянно идет отток молодых людей, уезжающих в крупные города. Больше всего страдают малые семейные производства, разрываются торговые и промышленные связи, страдает региональная мелкая и средняя торговля, сфера услуг. Политика оживления городских районов как центров предпринимательства способствует региональному развитию, улучшению жизнедеятельности и развитию национальной экономики.

Особое место в SMRJ уделяется финансированию. Совместно с префектурами, организациями поддержки МСП и региональными финансовыми институтами по всей Японии созданы инвестиционные фонды поддержки предпринимательской деятельности. Существует три типа инвестиционных фондов:

- «Фонд поддержки предпринимательства» – поддерживает малые предприятия на ранних этапах создания и роста, которые созданы и функционируют менее 5 лет;
- «Фонд поддержки роста МСП» – направлен на развитие новых направлений предпринимательской деятельности, способных к быстрому росту;
- «Фонд оживления МСП» – инвестирует в малые и средние предприятия, осуществляющие реструктуризацию своей деятельности, и как возможность, приобретение предприятия в отсутствие преемника.

Таким образом, на разных этапах жизненного цикла предприятия предприниматели могут найти для себя возможность финансирования. Инвестируются стартапы, создающие новый продукт или услугу, малые и средние предприятия, внедряющие новые технологии в производство, предприятия, использующие местные региональные ресурсы, и производители сельскохозяйственной продукции.

Ежегодно SMRJ организует крупномасштабные выставки, ориентированные на малые и средние предприятия, а также венчурные предприятия, способствующие расширению внутренних и внешних каналов продаж. Кроме того, помогает желающим участвовать в зарубежных выставках, поддерживает в период проведения выставки и принимает участие в последующих переговорах с деловыми партнерами. Оказывает помощь в проведении в Японии специализированных международных выставок:

- «FOODEX JAPAN» – крупнейшая международная выставка в Азии, на которой экспонируются продовольственные товары со всего мира, ежегодно за четыре дня ее посещает около 85 тыс. человек [18];
- «Tokyo International Gift Show» – крупнейшая международная выставка подарков, предметов декора и аксессуаров;
- «Выставка создания новых ценностей» – круглогодичная выставка, предназначенная для того, чтобы привлечь новых клиентов и наладить взаимовыгодное сотрудничество в области промышленного производства, зеленых технологий, здравоохранении и социальной помощи (ухода за больными). Кроме того, проводится аналогичная веб-выставка, действующая в течение всего года «Создание новых ценностей NAVI», в настоящий момент в ней зарегистрировано 1 863 участника [19].

По мере развития глобализации экономики и усиления международной конкуренции растет интерес к экспортной экспансии. Проблемы, с которыми сталкиваются МСП, становятся все более сложными и специализированными. В 2012 году при поддержке SMRJ был запущен проект по развитию конкурентоспособности МСП на международном рынке. На данный момент более 700 малых и средних предприятий прошли отборочный конкурс и получили поддержку в формировании стратегии проникновения на международные рынки [20, р. 2]. Малые и средние субъекты бизнеса поддерживаются с помощью сети экспертов как внутри Японии, так и за рубежом, которые помогают определить возможность и целесообразность осуществлять предпринимательскую деятельность на иностранном рынке, оказывают помощь в технико-экономическом обосновании, маркетинговых исследованиях, построении логистической системы, создании сайта на иностранном языке. В вопросах законодательного регулирования большую часть расходов

берет на себя SMRJ. Посредством веб-сайтов поддержки SWBS и «J-Net 21» предприниматели могут получить актуальную информацию о мероприятиях и семинарах, мерах поддержки со стороны правительства в интересующих областях, консультироваться с экспертами и более опытными менеджерами и налаживать контакты с другими предприятиями. Кроме того, в региональных отделениях SMRJ по всей Японии функционируют «Советы по поддержке интернационализации», предоставляющие МСП бесплатные семинары по развитию бизнеса за рубежом, консультации экспертов, оказывается помощь в деловых переговорах с зарубежными партнерами.

Таким образом, SMRJ предоставляет широкий спектр услуг для поддержки МСП, стремящихся к расширению бизнеса за рубежом, начиная с раннего этапа планирования до последующего запуска производства.

Итак, SMRJ является связующим звеном между государственными органами, ТПП, ассоциациями поддержки предпринимателей и государственными региональными центрами поддержки МСП, координируя деятельность названных институтов. Также агентство проводит подготовку и повышение квалификации специалистов для центров поддержки преемственности бизнеса, способствует активизации онлайновой коммерции, участвует в проведении выставок, тем самым расширяя внутренние и зарубежные каналы продаж, предоставляет стартапам инкубаторы и свободные площади.

В Японии создана система государственных финансовых институтов, предоставляющих долгосрочные финансовые средства по низким процентным ставкам для того, чтобы обеспечить доступность финансовых средств для развития малых и средних субъектов предпринимательства, которые не имеют кредитоспособности (кредитной истории), а также не в состоянии взять обычный кредит из-за жестких требований к залогу. Наиболее представительны в данной системе несколько крупных финансовых организаций, филиалы которых размещены по всей территории японского государства.

Японская финансовая корпорация (JFC) – государственный финансовый институт, предоставляющий широкий спектр подобных услуг, имеет один головной офис и 152 филиала по всей стране. Финансовая корпорация играет жизненно важную роль в политике финансирования и страхования МСП в Японии.

Корпорация гарантирования кредитов (CGCs) (51 независимое отделение в регионах страны) является государственным институтом, который поддерживает малые, средние и микропредприятия, выступает в качестве гаранта для частных финансовых институтов. В случае если гарантитный долг не погашен, Корпорация по кредитным гарантитам погашает его. Японская Финансовая корпорация в виде суброгационного платежа (около 80 – 100% гарантитного долга) возмещает CGC. Система кредитных гарантит помогает направить средства из частных финансовых институтов и обеспечить МСП доступ к финансированию. Однако Корпорации по кредитным гарантитам все равно должны попытаться вернуть деньги от МСП, и после возврата всей или части задолженности выплатить JFC. Данный механизм представляет собой систему кредитного страхования в Японии.

По состоянию на конец марта 2018 года доля непогашенных кредитов МСП, гарантированных CGC (непогашенные гарантитные обязательства), составила 22 трлн иен, что охватывает 8% всех кредитов МСП. Кроме того, 1,26 млн МСП, или примерно 33% всех МСП в Японии, привлекали средства с помощью поддержки системы кредитных гарантит [21, р. 51]. Обеспечивая страхование таких гарантит системе кредитного страхования способствует стабильности функционирования и роста МСП за счет содействия плавному поступлению денежных средств.

Банк Шоко Чукин (Shoko Chukin Bank) был основан в 1936 году, является полугосударственным финансовым институтом, доля государства в котором составляет 46%, акционерами банка также выступают кооперативы МСП и их члены. Организация осуществляет деятельность, необходимую для содействия финансированию кооперативов МСП и организаций, состоящих главным образом из малых и средних кооперативов и их членов. Она предоставляет различные виды кредитов, от капиталовложений до краткосрочных оборотных средств, частное размещение облигаций, синдицированный кредит, кредитование под залог активов (ABL) и ликвидацию дебиторской задолженности. Банк Шоко Чукин имеет один головной офис, 100 филиалов по всей стране, три зарубежных представительства, что позволяет предоставлять кредиты местным дочерним компаниям за рубежом (всего 104 месторасположения) [22, р. 1].

К негосударственным финансовым институтам в Японии относятся кредитные кооперативы, выдающие кредиты своим учредителям, кооперативам МСП и их членам. Кооперативные финансовые институты Шинкин банки (Shinkin banks) как одна из разновидностей кредитных кооперативов по всей стране включают в себя 261 региональный банк и около 7300 отделений, которые специализируются на операциях с малыми и средними предприятиями. Возглавляет их Центральный банк Шинкин. Их отличие от кредитных кооперативов заключается в том, что Шинкин банки ограничивают свое кредитование членами, однако их функции такие же, как и у коммерческих банков. Они имеют дела с физическими лицами, которые не являются членами, принимают депозиты, предоставляют обменные услуги, принимают платежи, в том числе за коммунальные услуги, и участвуют во внебиржевых продажах государственных облигаций, целевых инвестиционных фондах и страховании. Кроме того, Шинкин банки предлагают ши-

рокий спектр услуг клиентам в таких областях, как поддержка преемственности предпринимательской деятельности, поддержка стартапов и активизация предпринимательской деятельности в регионе [23].

Местные банки (domestic banks) являются наиболее популярными институтами финансирования частного бизнеса в Японии. К ним относятся: городские банки, региональные банки, региональные банки второго уровня, трастовые банки и т.д. Так, на конец декабря 2017 года доля в финансировании МСП в Японии составила: Японской финансовой корпорации – 4,2%; банка Шоко Чукин – 3,1%; кредитные кооперативы – 3,8%; Шинкин банки – 15,7%; местные банки – 73,2% [22, р. 18].

Заключение. Таким образом, политика ЕС в области поддержки малого и среднего бизнеса, реализуемая через программу «Горизонт 2020» очень разнообразна и позволяет инновационным МСП выбирать подходящий для них инструмент финансирования. В программе участвуют ряд организаций различной экономической направленности, которые обеспечивают кредитование, консультирование и продвижение продукции малых и средних предпринимателей как внутри страны, так и за рубеж. Достаточное внимание уделяется привлечению частных инвесторов, а также консультированию и обучению бизнесменов с целью эффективного развития и продвижения их предприятия на внутреннем и внешнем рынках, как на стадии зарождения, так и в процессе расширения или слияния.

Представляет интерес система поддержки МСП в Японии, которая позволяет получить доступ к долгосрочному и краткосрочному финансированию на достаточно выгодных условиях, занимается поддержкой микропредприятий традиционного семейного типа, организует курсы повышения квалификации и обучающие курсы для предпринимателей, а также различные выставки продукции, способствуя налаживанию контактов в данном экономическом секторе.

Опыт поддержки предприятий малого и среднего бизнеса в ЕС и Японии демонстрирует пути решения многих проблемных вопросов в сфере частного предпринимательства, дает возможность применения аналогичных систем финансовой и организационной помощи предприятиям, а также способствует созданию эффективной политики государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. COSME financial instruments [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: http://ec.europa.eu/growth/access-to-finance/cosme-financial-instruments_en. – Date of access: 17.08.2018.
2. COSME – Loan Guarantee Facility (LGF) [Electronic resource] // European Investment Fund – Mode of access: https://www.eif.org/what_we_do/guarantees/single_eu_debt_instrument/cosme-loan-facility-growth/index.htm. – Date of access: 11.09.2018.
3. COSME – Equity Facility for Growth (EFG) [Electronic resource] // European Investment Fund. – Mode of access: https://www.eif.org/what_we_do/equity/single_eu_equity_instrument/cosme_efg/index.htm. – Date of access: 11.09.2018.
4. Microfinance and Social Entrepreneurship axis of EaSI [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1084&langId=en>. – Date of access: 20.10.2018.
5. COSME financial instruments [Electronic resource] // European Commission – Mode of access: http://ec.europa.eu/growth/access-to-finance/cosme-financial-instruments_en. – Date of access: 01.10.2018.
6. InnovFin SME Guarantee Facility [Electronic resource] // European Investment Fund. – Mode of access: https://www.eif.org/what_we_do/guarantees/single_eu_debt_instrument/innovfin-guarantee-facility/index.htm. – Date of access: 03.10.2018.
7. SMEs and mid-caps [Electronic resource] // European Investment Bank. – Mode of access: <https://www.eib.org/en/projects/priorities/sme/index.htm>. – Date of access: 13.10.2018.
8. What is the European Fund for Strategic Investments (EFSI)? [Electronic resource] // European Investment Bank – Mode of access: <http://www.eib.org/en/efsii/what-is-efsii/index.htm>. – Date of access: 14.10.2018.
9. How does EIF contribute to EFSI [Electronic resource] // European Investment Fund. – Mode of access: http://www.eif.org/what_we_do/efsii/how_does_EIF_contribute/index.htm. – Date of access: 14.10.2018.
10. White Paper on Small and Medium Enterprises in Japan [Electronic resource] // National Association of Small and Medium Enterprise Promotion Organizations. – Mode of access: https://www.chusho.meti.go.jp/pamflet/hakusyo/H30/PDF/2018hakusho_eng.pdf. – Date of access: 20.11.2018.
11. The Japan Chamber of Commerce and Industry [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.jcci.or.jp/about/jcci/index.html>. – Date of access: 08.02.19.
12. The Small and Medium Enterprise Agency [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.chusho.meti.go.jp/keiei/kakushin/nintei/kikan.htm>. – Date of access: 07.02.2019.
13. Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN [Electronic resource]. – Mode of access: <http://j-venture.smrj.go.jp/outline/index.html>. – Date of access: 09.12.2018.

14. Copyright Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN [Electronic resource]. – Mode of access: <https://jgoodtech.jp/pub/en/>. – Date of access: 15.12.2018.
15. Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN [Electronic resource]. – Mode of access: <https://rincrossing.smrj.go.jp/en/>. – Date of access: 17.12.2018.
16. Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.smrj.go.jp/sme/succession/succession/index.html>. – Date of access: 18.12.2018.
17. Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.smrj.go.jp/institute/index.html>. – Date of access: – 18.12.2018.
18. Japan management association [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.jma.or.jp/FOODEX/en/>. – Date of access: – 04.01.2019.
19. Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN [Electronic resource]. – Mode of access: <https://shinkachi-portal.smrj.go.jp/en/>. – Date of access: 05.01.2019.
20. 海外をめざす中小企業、スタートアップのみなさまへ [Electronic resource] // Organization for Small & Medium Enterprises and Regional Innovation, JAPAN – Mode of access: http://www.smrj.go.jp/doc/sme/fs_yushutsu_01.pdf. – Date of access: 06.01.2019.
21. Overview of Operations [Electronic resource] // Japan Finance Corporation. – Mode of access: https://www.jfc.go.jp/n/english/pdf/jfc2018e_3.pdf. – Date of access: 17.01.2019.
22. Shoko Chukin Bank: annual report 2018 [Electronic resource] // Shoko Chukin Bank – Mode of access: https://www.shokochukin.co.jp/english/report/2018/pdf/ar18_all.pdf. – Date of access: 25.01.2019.
23. Annual Report Shinkin Central Bank 2018 [Electronic resource] // Shinkin Central Bank. – Mode of access: http://www.shinkin-central-bank.jp/e/financial/pdf/all_2018.pdf. – Date of access: 31.01.2019.

Поступила 14.10.2019

FOREIGN EXPERIENCE IN SUPPORTING SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES: EUROPEAN UNION AND JAPAN

V. KOZLOVSKAYA

The article analyzes the experience of supporting small and medium-sized businesses in the European Union and Japan, which covers various aspects of business activity. The reviewed foreign experience will allow us to bring new things to the state policy of supporting small and medium-sized businesses in the Republic of Belarus, which will contribute to its accelerated development and create the necessary conditions for sustainable economic growth in the country.

Keywords: Small and medium-sized businesses, support for small and medium-sized businesses, the European Union, Japan.

УДК 331.556.4

ТРУДОВАЯ ЭМИГРАЦИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Е.В. БОГДАНОВА, Е.С. ХОДУНОВА, И.В. СОСИНОВСКАЯ

(*Полоцкий государственный университет*)

Определены сущность функционирования рынка труда в контексте устойчивого развития национальной экономики Беларусь. Рассмотрены законодательные, нормативные и программные документы, определяющие условия развития национального рынка труда. Дано обоснование проблемы эффективной занятости на рынке труда в современных условиях. Сделаны обобщения относительно места мобильности и миграции трудовых ресурсов на рынке труда Республики Беларусь. Проведен анализ трудовой эмиграции на национальном рынке труда Республики Беларусь.

Ключевые слова: рынок труда, занятость, рабочая сила, миграция, международная трудовая миграция.

Введение. В современной экономической науке вопросы устойчивого развития экономики являются достаточно новыми. Непосредственно сам термин «устойчивое развитие» (sustainable development) используется в контексте глобализации. Категория «устойчивое развитие» впервые была использована в 1972 году на Первой всемирной конференции по окружающей среде в Стокгольме. Затем этот же термин прозвучал в докладе Всемирной комиссии по окружающей среде и развитию Организации объединенных наций (United Nations World Commission on Environment and Development, WCED), которая в 1987 году представила отчет «Наше общее будущее» [1].

Ученые А.А. Волошинская, В.М. Комаров, В.А. Коцюбинский в своем научном исследовании определяют концепцию устойчивого развития как «“идеологическую рамку” или “политико-экономический фон”, обусловивший в последнее время генерацию новых формализованных экономических подходов». В представленном труде авторы разбирают экономические теории в соответствии с принадлежностью к майнстриму экономической теории, опираясь на данный подход и прикладную ориентированность [2].

Основная часть. На рисунке 1 представлена авторская схема функционирования рынка труда в контексте концепции устойчивого развития.

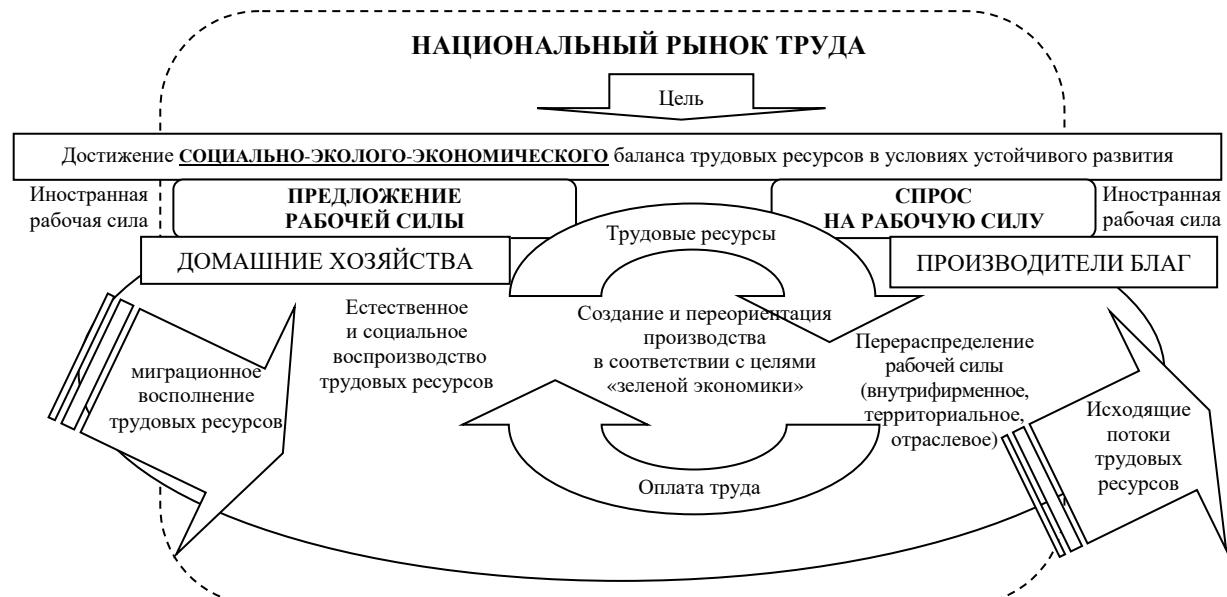

Рисунок 1. – Рециркуляция трудовых ресурсов, участвующая в метаболизме устойчивого развития национального рынка труда

Источник: собственная разработка автора.

В соответствии с представленным подходом, рециркуляция рабочей силы на рынке труда в условиях развития глобальных процессов, ориентации приоритетов устойчивого развития экономики, кроме самовоспроизводства и перераспределения рабочей силы, возможна, в том числе, за счет перелива трудовых ресурсов, а именно – иностранной рабочей силы. При этом устойчивое развитие национального рынка труда достигается посредством привлечения трудовых ресурсов на различные территории страны с соответствующей отраслевой структурой производительных сил регионов, а также путем создания условий для трудовых ресурсов, способствующих поддержанию и развитию трудового потенциала входящей рабочей силы, а также увеличению трудового потенциала уже имеющихся трудовых ресурсов. Высвобождающиеся трудовые ресурсы в результате несоответствия спросу на рабочую силу также переходят на глобальный рынок труда как исходящие потоки трудовых мигрантов.

Состояние и динамика процессов национального рынка труда Республики Беларусь, его регулирование, а также определение направлений устойчивого развития происходит в соответствии с фундаментальными основами, заложенными нормативно-правовыми актами и программными документами Республики Беларусь, такими как:

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [3];

– Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [4];

– Государственная программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016 – 2020 годы [5];

– Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы [6];

– Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы [7];

– Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 18 октября 2016 года № 61 об утверждении инструкции о порядке и условиях возмещения нанимателями органам по труду, занятости и социальной защите затрат на переподготовку или повышение квалификации [8];

– Постановление Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь 30 ноября 2006 г. № 149 об установлении форм документов, необходимых для учета граждан, обратившихся в органы по труду, занятости и социальной защите, и утверждении инструкций по их заполнению [9].

Стоит также отметить, разработанную и утвержденную Президиумом Национальной академии наук Беларуси от 26.02.2018 № 17 Стратегию «Наука и технологии: 2018–2040» [10]. Представленный документ определяет направления новой экономической реальности, основанной на современных тенденциях устойчивого развития экономики, промышленности, социальной сферы в контексте развития цифровизации, электронного пространства, с учетом сохранения экологической обстановки в результате притока инвестиций, развития наукоемких производств на основе интеллектуального капитала.

Представленный перечень документов свидетельствует о том, что на современном этапе развития белорусского государства актуализируются вопросы подготовки кадров, привлечения высококвалифицированных специалистов и кадров различной квалификации на национальный рынок труда Республики Беларусь, в том числе благодаря миграционной привлекательности. Кроме того, важнейшим элементом развития экономики и экономического роста становится обмен опытом посредством мобильности, получение новых знаний через эмиграцию трудовых ресурсов, а также достижение сбалансированной занятости через применение высвобождающейся рабочей силы в экономиках других стран.

Анализ нормативно-правовых актов и программных документов позволил сформулировать ключевые моменты, значимые для понимания специфики условий развития национального рынка труда Республики Беларусь и места миграционных процессов в системе социально-экономических и трудовых отношений:

а) государственная политика в сфере регулирования занятости и национального рынка труда охватывает достаточно широкий спектр социально-экономических и трудовых отношений;

б) в программных документах прослеживается тенденция ориентации развития экономики с упором на экономический рост, основанный на инновационной активности, инвестициях, человеческом и интеллектуальном капитале в контексте глобальных процессов, интеграции и с учетом стратегии устойчивого развития.

Такой вектор реализации поставленных целей социально-экономического развития требует от национального рынка труда сохранения и увеличения трудового потенциала, а также привлечения высококвалифицированной рабочей силы в соответствии с тенденциями экономического роста и изменениями структуры экономики.

Белорусскую модель национального рынка труда Ю.Ю. Рассеко определяет как модель, в которой отмечается «высокая степень колlettivизма как традиционного способа взаимной поддержки работаю-

щих, разная скорость движения к рынку различных отраслей и секторов экономики, неравномерность перехода к рынку в отдельных регионах, городах, сельской местности» [11].

Выработка модели национального рынка труда Республики Беларусь осуществляется самостоятельно с учетом и ориентаций на комбинированный подход, опираясь на опыт зарубежных стран. Выбор комбинированного подхода обусловлен неравномерностью перехода к рыночной экономике в отдельных регионах, городах, сельской местности. Одной из причин послужило неравномерное территориальное распределение преференциальных режимов инвестирования.

Анализ развития свободных экономических зон (СЭЗ) и их расположения на территории Республики Беларусь, а также размещения стратегических экономических объектов свидетельствует об опережении Минского региона в развитии и переходе к рыночным отношениям. Кроме того, образование СЭЗ происходило с временным интервалом, их территории занимают различные площади, разное количественное соотношение резидентов, а также количество занятых. Стоит также отметить преимущества развития Индустриального парка и Парка высоких технологий благодаря привлечению к их созданию и функционированию молодых специалистов, обладающих высокими интеллектуальным потенциалом и уровнем квалификации.

Учитывая направления развития национальной экономики, стоит отметить изменения модели развития национального рынка труда Республики Беларусь. Динамика изменения модели национального рынка труда связана с активным включением национальной экономики в процессы глобализации и наращивания партнерских отношений с иностранными инвесторами, что также способствует активизации мобильности рабочей силы и включению рынка труда Республики Беларусь в процессы международного разделения труда.

Привлечение иностранных резидентов способствует обмену опытом, развитию двухсторонних отношений, обеспечивающих включение Республики Беларусь в процессы глобализации. Кроме входящей иностранной рабочей силы, весьма важным в рециркуляции трудовых ресурсов является изучение и анализ исходящих потоков рабочей силы и применение труда эмигрантов в других странах. В Республике Беларусь регулирование занятых, въезжающих для трудовой деятельности на территорию Республики Беларусь, а также граждан Республики Беларусь, выезжающих для трудоустройства за рубежом, регулирование деятельности организаций и индивидуальных предпринимателей, в том числе выдача разрешительных документов на право осуществления трудовой деятельности в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, также выдача специального разрешения (лицензии) на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, а также внесение изменений в специальное разрешение (лицензию) и другое, осуществляется Департаментом по гражданству и миграции Республики Беларусь.

Трудящиеся-иммигранты могут осуществлять трудовую деятельность в Республике Беларусь при условии получения специального разрешения и заключения трудового договора.

Специальное разрешение выдается иностранцу по ходатайству нанимателя Республики Беларусь. При осуществлении трудовой деятельности у нескольких нанимателей Республики Беларусь иностранцы, не имеющие разрешений на постоянное проживание в Республике Беларусь, обязаны оформить специальное разрешение для работы у каждого из них. Трудоустройство на определенные должности регулируется не общими нормами законодательства о труде, а нормами специального законодательства, которое допускает прием на работу только граждан Республики Беларусь. В частности, иностранные граждане не могут быть приняты на государственную службу в государственные органы, в органы внутренних дел, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, органы финансовых расследований, не могут являться работниками военизированной охраны. Вопросы трудовых отношений относятся к компетенции Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Стоит отметить необходимость их тесного взаимодействия [12].

Выезд и трудоустройство за пределы Республики Беларусь население может осуществлять самостоятельно либо обратившись к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, занимающимся деятельностью, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь.

Анализируя направления самостоятельного выезда с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь отметим такие страны, как Катар, Эстонская Республика, Федеративная Республика Германия, Чешская Республика, Финляндская Республика, Литовская Республика, Турецкая Республика, Соединенные Штаты Америки, Республика Польша, Китайская Народная Республика. Информация о законном пребывании и трудоустройстве в этих странах находится в открытом доступе на сайте Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь.

Выезжающие на работу за границу обязательно должны иметь рабочую визу государства трудоустройства (в случае визового режима), выданную его дипломатическим представительством или консульским учреждением (туристическая виза не дает права заниматься трудовой деятельностью).

Для безопасности лиц, выезжающих с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь и использующих для оформления документов услуги индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, Департамент по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь обновляет списки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих помощь в трудоустройстве лиц, выезжающих за пределы Республики Беларусь на основании специального разрешения (лицензии).

В Республике Беларусь в 2019 году зарегистрировано более 240 юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность на основании лицензии, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь. Соотношение расположения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на трудоустройство лиц, выезжающих за пределы Республики Беларусь в 2019 году, представлена на рисунке 2.

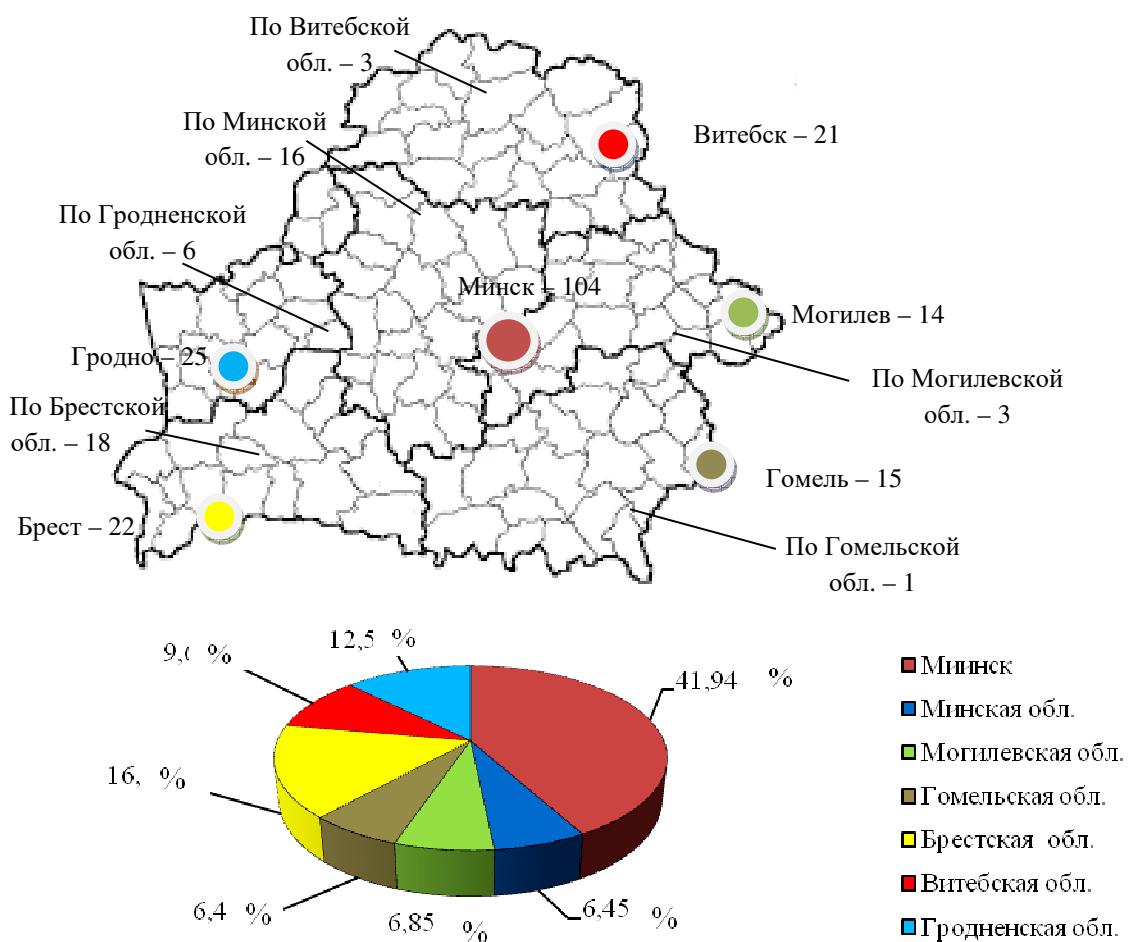

Рисунок 2. – Структура расположения юридических лиц, имеющих специальное разрешение (лицензию) на трудоустройство лиц, выезжающих за пределы Республики Беларусь, по областям Республики Беларусь в 2019 году

Источник: составлено автором по данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

На основании проведенного анализа структуры расположения юридических лиц по областям Республики Беларусь в 2019 году, имеющих специальное разрешение (лицензию) на трудоустройство лиц, выезжающих за пределы Беларуси, можно сделать вывод о том, что их максимальная концентрация находится в городе Минске (41,94%). Рассмотрев регионы Республики Беларусь, стоит отметить, что в 2019 году 16,13 и 12,5% от общей численности юридических лиц, способствующих выезду желающим трудоустройства за пределами Республики Беларусь, расположены в приграничных регионах, в Брестской и Гродненской областях соответственно. Кроме того, в основном юридические лица и индивидуальные предприниматели расположены в областных центрах и столице. Основные направления выезда, предлагаемые лицам с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь организациями города Минска: Российская Федерация, Республика Польша, Федеративная Республика Германия, Латвийская Республика,

Литовская Республика, Объединенные Арабские Эмираты, Финляндия, КНР, Катар, Королевство Бахрейн и другие страны. Более трети организаций, находящихся в городе Минске, занимаются трудоустройством лиц, желающих найти область применения своего труда в России.

Среди вакансий, обеспечивающих спрос на рынке труда со стороны Российской Федерации: студенческие отряды, специалисты в области транспортной логистики и аудиторской деятельности, специалисты по производству и продаже текстильных изделий, персонал детского оздоровительного лагеря, водители по международным перевозкам, строители, монтажники, рабочие строительных специальностей, программисты, офисные работники, модели, инженеры, профессиональные строители (специалисты в области нефтегазовых и электроэнергетических комплексов, промышленное и гражданское строительство), рабочие на производство, работники ювелирного производства, швеи. Кроме того, 39% организаций от общей численности юридических лиц, находящихся в городе Минске, занимаются трудоустройством лиц в Республику Польша. Однако основными вакансиями здесь являются рабочие строительных специальностей.

На рисунке 3 представлена динамика итогов международной внешней трудовой миграции Республики Беларусь в 2011–2018 годах.

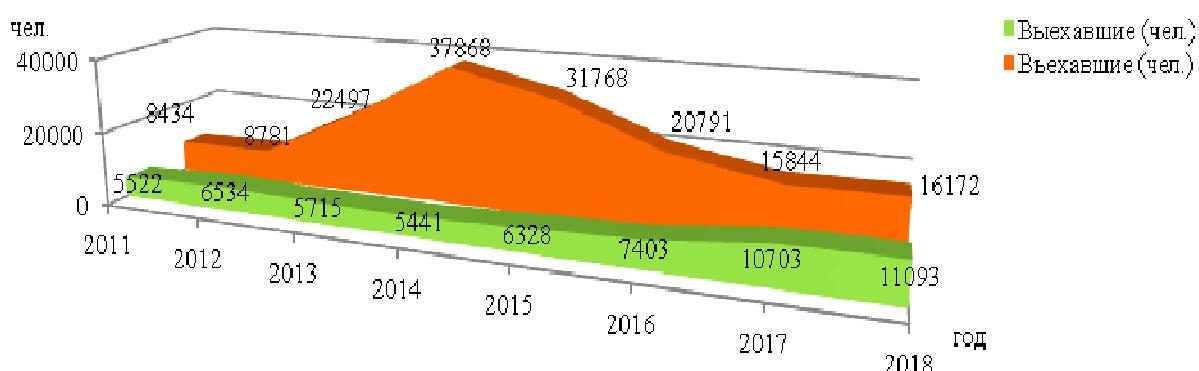

Рисунок 3. – Динамика итогов международной внешней трудовой миграции Республики Беларусь в 2011–2018 годах

Источник: составлено автором по данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь.

На основании анализа внешней трудовой миграции в Республике Беларусь в 2011–2018 годах можно сделать вывод о том, что начиная с 2014 года прослеживается четкая тенденция увеличения количества выехавших для работы на основании подписанных договоров и контрактов за пределы Республики Беларусь. В 2018 году количество выехавших по сравнению с 2014 годом увеличилось более чем в 2 раза и составило 11 093 человека. Учитывая распределение количества лиц, выехавших за пределы Республики Беларусь с целью трудоустройства по областям Республики Беларусь и городу Минску в 2011 и в 2018 году, а также тенденции увеличения объема экспорта рабочей силы за рубеж, можно сделать следующие выводы:

- За период 2011–2018 годов произошли значительные изменения в структуре объема экспорта трудовых ресурсов за пределы Республики Беларусь по областям и городу Минску.
- В 2018 году в сравнении с 2011 годом произошли увеличения по выезжающим с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь по всем областям Республики Беларусь и городу Минску, за исключением Минской области. В период 2011–2014 годов Брестскую область с целью трудоустройства практически не покидали. Однако с 2014 года число выехавших возросло более чем в 10 раз. Подобная ситуация наблюдается и в Гродненской области. Из Гомельской области в 2018 году с целью трудоустройства по трудовым договорам и контрактам за пределы Республики Беларусь выехали 1711 человек, что практически в 3 раза больше, чем в 2011 году.
- В то же время, в 2018 году в сравнении с 2011 годом произошло сокращение выезжающих лиц с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь из Минской области (с 633 до 147 человек).

Динамика количества лиц, выезжающих за пределы Республики Беларусь по трудовым договорам и контрактам, требует детального изучения факторов, выталкивающих трудовые ресурсы из регионов, а также причин, способствующих оседанию рабочей силы и сокращению количества лиц, выезжающих

за пределы Республики Беларусь с целью трудоустройства (по примеру Минской области). Такое изменение структуры трудовой миграции по областям Республики Беларусь и городу Минску свидетельствует в целом о тенденциях изменения устойчивого развития рынка труда по регионам Республики Беларусь, стремлении рабочей силы к перемещениям по ряду причин и готовности к трудовой мобильности.

За период 2011–2018 годов произошли существенные изменения в выборе направлений выезда. Так, в 2011 году при содействии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих лицензию на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, лица, выезжающие с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь, направлялись всего в 10 стран: Германия, Казахстан, Китай, Литва, Молдова, Норвегия, Польша, Россия, США. При этом 76,73% от общей численности лиц, выехавших с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь, выезжали в Российскую Федерацию, 14,99% – Соединенные Штаты Америки, 4,06% – в Польшу, и лишь 4,52% – в другие из перечисленных выше стран. В 2018 году юридические лица и индивидуальные предприниматели, связанные с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, трудоустраивают лиц, выезжающих за пределы Республики Беларусь, более чем в 20 странах. Среди новых стран, куда устремляются выезжающие с целью трудоустройства, популярностью стали пользоваться: Литва (11,62% от общей численности трудовых эмигрантов Республики Беларусь, выехавших по трудовым договорам и контрактам в 2018 году); Чехия (4,45% от общей численности трудовых эмигрантов Республики Беларусь, выехавших по трудовым договорам и контрактам в 2018 году).

Заключение. Анализ трудовой эмиграции на рынке труда Республики Беларусь в условиях устойчивого развития экономики позволяет констатировать следующие выводы:

1. Лица, желающие трудоустроиться за границей, прибегают к помощи как юридических лиц, так и индивидуальных предпринимателей, максимальное количество которых сосредоточено в городе Минске, а также областных центрах страны.

2. Наиболее популярной страной для трудовой деятельности остается Российская Федерация, предлагая широкий спектр вакансий в различных областях занятости трудовых мигрантов.

3. За период 2011 – 2018 гг. динамика внешней трудовой миграции белорусского государства значительно увеличилась, отражая существенный отток трудовых ресурсов за пределы Республики Беларусь. Этот факт требует принятия ряда мер по повышению привлекательности страны для трудоспособного населения как Республики Беларусь, так и зарубежных государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Commission on Environment and Development (1987). Our Common Future [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un-documents.net/our-common-future.pdf/>. – Дата доступа: 18.04.2019.
2. Волошинская, А.А. Современные теории устойчивого развития: подходы, методология, прикладные рекомендации / А.А. Волошинская, В.М. Комаров, В.А. Коцюбинский // Материалы научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год. – М., 2016. – 63 с.
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Дата доступа: 13.07.2019.
4. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf> Дата доступа: 12.08.2019.
5. Государственная программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/uploads/files/Programma-2020.pdf>. – Дата доступа: 12.08.2019.
6. Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Дата доступа: 21.05.2019.
7. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Дата доступа: 21.07.2019.
8. Об утверждении инструкции о порядке и условиях возмещения нанимателями органам по труду, занятости и социальной защите затрат на переподготовку или повышение квалификации [Электронный ресурс] : постановление М-ва труда и социальной защиты Респ. Беларусь 18 окт. 2016 г. № 61. – Режим доступа: <https://www.gb.by/izdaniya/glavnyi-bukhgalter/postanovlenie-mintruda-i-sotszashchity-r-28>. – Дата доступа: 21.07.2019.

9. Об установлении форм документов, необходимых для учета граждан, обратившихся в органы по труду, занятости и социальной защите, и утверждении инструкций по их заполнению [Электронный ресурс] : постановление М-ва труда и социальной защиты Респ. Беларусь от 30 нояб. 2006 г. № 149. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=W20615513>. – Дата доступа: 21.07.2019.
10. Стратегия «Наука и технологии: 2018–2040» [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Национальной академии наук Беларуси от 26.02.2018 № 17. – Режим доступа: http://nasb.gov.by/congress2/strategy_2018-2040.pdf. – Дата доступа: 21.07.2019.
11. Рассеко, Ю.Ю. Анализ состояния региональных рынков труда Республики Беларусь / Ю.Ю. Рассеко // Проблемы управления хозяйствующими субъектами в информационном обществе : материалы Третьего межвуз. науч.-практ. интернет-семинара, г. Минск, 10 марта – 10 апр. 2014 г. [Электронный ресурс] / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: Г.В. Подгорный (гл. ред.) ; И.Г. Возмитель. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2014. – С. 137–140. – 1 электрон. опт. диск.
12. Порядок привлечения в Республику Беларусь иностранной рабочей силы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.gov.by/ru/page/poryadok-privlecheniya-v-respubliku-belarus-inostrannoj-rabochej-sily>. – Дата доступа: 15.06.2019.

Поступила 15.08.2019

LABOR EMIGRATION IN THE LABOR MARKET OF THE REPUBLIC OF BELARUS UNDER THE SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT CONDITIONS

A. BAHDANAVA, E. KHODUNOVA, I. SOSINOVSKAYA

The essence of the functioning of the labor market in the context of sustainable development of the national economy is determined. The legislative, regulatory and program documents that determine the conditions for the development of the national labor market of the Republic of Belarus are considered. The fundamental prerequisites for the sustainable development of the national labor market are identified. The substantiation of the problem of effective employment in the labor market in modern conditions is given. Generalizations are made regarding the place of mobility and labor migration in the labor market of the Republic of Belarus. The issues of regulation of labor emigration in the Republic of Belarus are studied. The analysis of labor emigration in the national labor market of the Republic of Belarus.

Keywords: labor market, employment, labor force, migration, international labor migration.

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

УДК 336.76

ПРОИЗВОДНЫЕ ЦЕННЫЕ БУМАГИ: СУЩНОСТЬ, ВИДЫ, КЛАССИФИКАЦИЯ

И.А. СТРОГАНОВА
(Полоцкий государственный университет)

В представляющей работе исследуется сущность и приводится классификация производных ценных бумаг. В результате теоретического исследования предложено авторское определение производных ценных бумаг. Указывается на необходимость разграничения понятий «производные ценные бумаги» и «производные финансовые инструменты на ценные бумаги». Отмечена сущностная особенность вторичных ценных бумаг.

Ключевые слова: производные финансовые инструменты, срочные финансовые инструменты, производные ценные бумаги, форварды, фьючерсы, опционы, свопы, депозитарные расписки, варранты, опционы эмитента.

Введение. В современной экономической литературе нет единого определения терминов «ценная бумага» и «производные ценные бумаги». Кроме того, данный вопрос затрагивается редко и зачастую вскользь в отечественных научных публикациях. Это объясняется тем, что данный сегмент рынка ценных бумаг практически отсутствует в Беларуси.

Представляется, что рынок производных ценных бумаг является высшим уровнем развития фондового рынка. Растущее значение производных инструментов, а также риски, связанные с ними, делают необходимым рассмотрение основных понятий, связанных с торговлей деривативами (второе название производных финансовых инструментов, чаще иных используемое в международной практике и зарубежной литературе). Причиной появления производных послужила потребность участников рынка в защите от рисков. Главная причина заключения сделок с производными финансовыми инструментами состояла в стремлении производителей продукции защитить себя от волатильности цен на товар в будущем. Производные обеспечили новые возможности защиты от ценовых рисков. Данная функция деривативов актуальна и в настоящее время. Особенно следует отметить роль производных инструментов в управлении валютного и процентного рисков.

Кроме того, рынок производных финансовых инструментов играет важнейшую роль в предоставлении обществу прогнозной экономической информации. По соотношению между текущей спот-ценой базового актива и ценой исполнения контрактов можно судить о том, как рынок оценивает перспективы изменения цены базового актива. Цена производных инструментов является своеобразным индикатором будущей конъюнктуры рынка.

Информация о ценах на срочном рынке дает возможность хозяйствующим субъектам корректировать свои планы в отношении объемов и структуры производства продукции, закупки сырья, размеров выручки, необходимости привлечения заемных средств и т.д. Поэтому рынок производных инструментов способствует развитию конкуренции, оптимальному распределению ресурсов и в конечном счете повышению эффективности экономики.

Вопрос о сущности рынка производных финансовых инструментов (далее – ПФИ) до настоящего времени является дискуссионным. Этот рынок в экономической литературе зачастую отождествляется с рынком срочных финансовых инструментов. Для разграничения рынка производных и срочного рынка необходимо провести четкую грань между понятиями производности, срочности и вторичностью финансовых инструментов.

Основная часть. В рамках решения вопроса о развитии отечественного финансового рынка и его составляющей – фондового рынка Республики Беларусь – проведено исследование теоретических основ и анализ понятийного аппарата фондового, срочного рынков и рынка производных. Изучение теоретических вопросов, методологических основ функционирования финансового рынка и его составляющей – фондового рынка – находится в поле зрения многих ученых и практиков. Данное исследование базируется на работах российских и отечественных исследователей: Г.И. Кравцовой [1], В.П. Чижик [2], А.Б. Фельдмана [3], В.А. Галанова [4], С. Овсейко [6], А. Дорожкина [7].

В ряде источников экономической тематики используется множество определений таких понятий, как «производный финансовый инструмент», «производная ценная бумага», «вторичная ценная бумага», «дериватив», «срочный контракт» и др. В ряде случаев эти термины отождествляются или подменяются,

что можно отчасти объяснить отсутствием единых представлений о том, что именно является объектом сделок на финансовом рынке и что понимается под тем или иным определением [1, с. 350; 2, с. 112].

Российский ученый А.Б. Фельдман отмечает, что такое экономическое явление, как «производные продукты-инструменты», по смыслу выступает исходным для экономического явления, обозначаемого термином «производные ценные бумаги», и должно рассматриваться как более широкое по отношению к нему [3, с. 26].

По мнению А.Б. Фельдмана, «производность основана на изменении во времени рентабельности и массы дохода (прибыли, маржи) при текущих и будущих денежных вложениях (денежных потоков) в непосредственной или опосредованной зависимости от движения (изменения) доходов (уровня и массы) от иных, других видов, типов, способов денежных вложений (денежных потоков), понимаемых как “базис”» [3, с. 33].

Как отмечает ученый А.Б. Фельдман [3, с. 44], «в ряде российских учебных курсов по рынку ценных бумаг используется термин “вторичные ценные бумаги” наряду с термином “производные ценные бумаги”». Тем самым автор указывает на методологическую некорректность применения приводимых определений в отношении «вторичные ценные бумаги» и «производные ценные бумаги».

На данную коллизию указывает и доктор экономических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации В.А. Галанов [4, с. 17]: «...как любое явление, рынок ценных бумаг – многогранная структура, конкретизирующая в многочисленных формах существования (проявлениях) своих объектах...»; В.А. Галановым отмечается полное отличие «таких разных инструментов рынка, как ценная бумага и производный финансовый инструмент» [4, с. 19]. Ученым также подчеркивается, что в методических целях не следует употреблять термин «производная ценная бумага» с тем, чтобы не допускать смешения понятий «вторичные ценные бумаги» и «производные ценные бумагами», что имеет место быть в экономической литературе.

«Производные финансовые инструменты – это контракты, стоимость которых зависит (является производной) от стоимости одного или нескольких лежащих в их основе активов», – отмечает в докторской диссертационной работе А.А. Афанасьев [5, с. 37]. Также А.А. Афанасьев отмечает специфическую особенность ПФИ: «В отличие от первичных производные финансовые инструменты дают возможность получить доход за счет изменения стоимости базового актива, не совершая никаких операций с самим активом» [5].

Кроме того, А.А. Афанасьев подчеркивает, что существует два подхода к определению таких контрактов. При первом подходе подчеркивается «стоимостной» аспект, поскольку производный характер ПФИ выражается в том, что в их основе лежит базовый актив – товары, валюта, фондовые индексы, процентные ставки или любая другая переменная величина. Актив контракта может быть совершенено любым, лишь бы имело место изменение его рыночной цены во времени (ценная бумага, валюта, фондовый индекс, процентная ставка и пр.).

Во втором подходе делается акцент на «временной» характер сделки, а именно на наличие временного интервала между датой заключения и датой исполнения контракта, что в работах других авторов определяется как «срочность».

«Срочность основана на протяженности времени исполнения сделки и расчетов по ней (на сдвиге сроков)», – утверждает А.Б. Фельдман [3, с. 33]. Именно на этом разграничении по сроку «спот» (ближайшие два-три рабочих дня после заключения сделки) построено различие реального (кассового, наличного, спотового) и срочного рынков. Основываясь на характере срочности, создаются продукты – инструменты срочного рынка.

Срочный финансовый инструмент – это финансовый инструмент, где контрагенты соглашаются о поставке (принятии поставки) базисного актива в будущем (через определенный срок свыше двух-трех рабочих дней).

На наличие необходимого условия – срочности при отнесении финансового инструмента к производному – также указывает белорусский ученый-экономист Г.И. Кравцова [1, с. 353]: «Производность финансовых инструментов порождена, главным образом, их срочностью. Срочность как бы встроена в каждую стратегию с использованием производных финансовых инструментов».

Кандидат экономических наук, ученый белорусской школы С.В. Овсейко в своей работе [6] приводит следующее определение деривативов: «деривативы – финансовые инструменты, стоимость которых происходит из стоимости активов, торгуемых на других рынках... Имманентным признаком деривативов выступает их срочный характер» [6, с. 52–53].

Так же как и И.Г. Кравцова [1], Чижик В.П. [2], А.Б. Фельдман [3], В.А. Галанов [4], С. Овсейко [6], на срочный характер ПФИ указывает главный экономист управления методологии банковского учета Национального банка Республики Беларусь А. Дорожкин [7], выделяя наличие *одновременно* трех черт для отнесения финансового инструмента к производному: наличие базисного актива, изменение цены которого отражается на цене финансового инструмента; незначительные инвестиции для приобретения; осуществление расчетов по данному инструменту в будущем [7, с. 21].

В своей работе [8] автором (*И. С. – курсив наш*) также указывается, что «производный инструмент всегда базируется на рыночном активе, цена которого подвержена рыночным колебаниям и ее значение в период действия этого инструмента постоянно изменяется» [8, с. 125]. В [8] также подчеркивается отличительная особенность производных финансовых инструментов – момент исполнения обязательств по контракту отделен от времени его заключения определенным промежутком, т.е. они имеют срочный характер¹.

Приведем примечательное суждение российского исследователя А.Б. Фельдмана по теме настоящей статьи [3, с. 57]: «производные финансовые инструменты представляют фиктивный капитал в чистом виде, являются воплощением этого капитала».

В настоящее время стандартизация финансовых инструментов закреплена в Международных стандартах финансовой отчетности (далее – МСФО) [10], где особо подчеркивается, что решающим фактором для классификации инструмента является не его юридическая форма, а *экономическое содержание*. В соответствии с МСФО финансовый инструмент – это любой договор, при котором одновременно возникают финансовый актив у одной компании и финансовое обязательство или долевой инструмент – у другой [10].

В соответствии с МСФО производным финансовым инструментом является такой финансовый инструмент, который одновременно характеризуется следующими свойствами [10]:

- его стоимость меняется в результате изменения стоимости базового актива – процентной ставки, курса ценной бумаги, цены товара, валютного курса, индекса цен, кредитного рейтинга и пр.;
- его приобретение не требует первоначально никаких или требует значительно меньших инвестиций по сравнению с прочими инструментами, имеющими подобную доходность и подобную реакцию на изменение рыночных условий;
- будет исполнен в будущем, т.е. носит срочный характер.

Последнее из перечисленных свойств свидетельствует о том, что *производные финансовые инструменты являются срочными контрактами*.

«Срочность, по преимуществу, ведет к производности, но и производность мотивирует срочность, приводит к ней. Соответственно самостоятельные свойства срочности и производности, осуществляясь в единстве, создают производные продукты – инструменты», – замечает А.Б. Фельдман [3, с. 33].

Однако, как представляется, далеко не *все контракты с отсроченным исполнением можно отнести к производным*. К примеру, отсрочка платежа за товар предоставляется при коммерческом кредите; также банк по поручению клиента-импортера открывает аккредитив в пользу иностранного поставщика с отсрочкой платежа и т.д. Поэтому ставить знак равенства между понятиями срочности и производности нельзя. По нашему мнению, «срочность» является необходимым, но не достаточным условием «производности».

В свою очередь, финансовый инструмент в зависимости от *способа продажи* может быть:

1) *первичным (начальным)*, предусматривающим реальную продажу (поставку) или покупку (получение) финансовых активов, в результате которых у сторон возникают взаимные требования или обязательства, к которым относят денежные средства, кредиты, депозиты, акции, облигации, векселя, поручительства и т.д.;

2) *производным*, предусматривающим приобретение обязательства или права на покупку (продажу) базовых активов или получение (выплату) дохода при изменении цены базового актива.

В отличие от первичных, производные финансовые инструменты дают возможность получить доход за счет изменения стоимости базового актива, не совершая никаких операций с самим активом.

В Федеральном законе Российской Федерации «О рынке ценных бумаг» [9] определяется: «Финансовый инструмент – ценная бумага или производный финансовый инструмент».

Производный финансовый инструмент – *договор*, за исключением договора репо, предусматривающий одну или несколько из следующих обязанностей [9]:

1) обязанность сторон или стороны договора периодически или единовременно уплачивать денежные суммы, в том числе в случае предъявления требований другой стороной, в зависимости от изменения цен на товары, ценные бумаги, курса соответствующей валюты, величины процентных ставок, уровня инфляции, значений, рассчитываемых на основании цен производных финансовых инструментов, значений показателей, составляющих официальную статистическую информацию, значений физических, биологических и (или) химических показателей состояния окружающей среды, от наступления обстоя-

¹Срочная сделка – заключенная в торговой системе организатора торговли ценными бумагами сделка с финансовым инструментом срочных сделок, влекущая приобретение ее сторонами прав и обязанностей в отношении базисного актива, вытекающих из типовых условий финансового инструмента срочных сделок. Срочные сделки не являются сделками пари (в редакции постановления Министерства финансов Республики Беларусь от 18 ноября 2016 г. № 98 Об утверждении Инструкции о порядке совершения срочных сделок в торговой системе организатора торговли ценными бумагами).

тельства, свидетельствующего о неисполнении или ненадлежащем исполнении одним или несколькими юридическими лицами, государствами или муниципальными образованиями своих обязанностей (за исключением договора поручительства и договора страхования), либо иного обстоятельства, которое предусмотрено федеральным законом или нормативными актами Центрального банка Российской Федерации и относительно которого не известно, наступит оно или не наступит, а также от изменения значений, рассчитываемых на основании одного или совокупности нескольких указанных в настоящем пункте показателей. При этом такой договор может также предусматривать обязанность сторон или стороны договора передать другой стороне ценные бумаги, товар или валюту либо обязанность заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом;

2) обязанность сторон или стороны на условиях, определенных при заключении договора, в случае предъявления требования другой стороной купить или продать ценные бумаги, валюту или товар либо заключить договор, являющийся производным финансовым инструментом;

3) обязанность одной стороны передать ценные бумаги, валюту или товар в собственность другой стороне не ранее третьего дня после дня заключения договора, обязанность другой стороны принять и оплатить указанное имущество и указание на то, что такой договор является производным финансовым инструментом.

Авторами [1–8] в качестве классических примеров ПФИ приводятся: форварды, фьючерсы, опционы и свопы. Типичными примерами производных инструментов МСФО указываются фьючерсные и форвардные договоры, договоры «своп» и договоры опциона [10, с. 374].

Приведем основные характеристики указанных ПФИ.

Фьючерсный контракт (или сокращенно *фьючерс*) – производный финансовый инструмент, представляющий собой соглашение на покупку/продажу стандартного количества товара или финансовых инструментов в определенную дату в будущем по оговоренной цене; форвардный контракт (или сокращенно форвард) – производный финансовый инструмент, представляющий собой соглашение на покупку/продажу товара или финансовых инструментов в определенную дату в будущем по оговоренной цене.

В отличие от фьючерсов *форварды* обычно доводятся до реальной поставки, при этом они не торгуются на биржах, не являются стандартизованными, а количество товара или финансовых инструментов и дата поставки определяются участвующими сторонами на договорной основе. *Опционный контракт* (или сокращенно *опцион*) – производный финансовый инструмент, предоставляющий покупателю право (но не налагающий на него обязанность) купить (в случае опциона колл) или продать (в случае опциона пут) активы, лежащие в основе опциона, в любое время на протяжении указанного периода (американский опцион) либо в указанную дату (европейский опцион) по оговоренной цене. В отличие от форварда покупатель опциона, заплатив определенную цену (премию опциона), получает право по своему усмотрению совершать или не совершать покупку/продажу актива по оговоренной цене.

Своп – производный финансовый инструмент, позволяющий временно обменять одни активы или обязательства на другие активы или обязательства. Как отмечалось ранее [1–8], срочные своп-контракты не являются производными от какого-либо базисного актива. Эта особенность выделяет свопы из общего ряда производных. Исследованию характеристик и особенностям функционирования своп-контрактов будет посвящена специальная статья автора (И. С.).

При имеющихся специфических отличиях указанным ПФИ присущи одновременно три свойства для отнесения их к ПФИ [7, с. 21; 9].

Первое свойство является следствием признака производности финансового инструмента и выражает прямую зависимость ценообразования ПФИ от стоимости базового актива, лежащего в его основе. Это позволяет инвестору получать доход от операций купли-продажи базового актива, не совершая при этом каких-либо действий с самим активом. *Второе свойство ПФИ* позволяет инвестору достичь эффекта финансового рычага, выражющегося в том, что для получения одинакового дохода при операциях на срочном рынке и кассовом (спотовом) рынке одного и того же базового актива в первом случае требуются начальные инвестиции, значительно меньшие по объему. В результате доходность инвестирования, например во фьючерсы, на акции в десятки раз выше в сравнении с инвестированием в сами акции. Причем на срочном рынке имеются еще и дополнительные возможности усиления эффекта финансового рычага. При проведении операций с ПФИ широко практикуется предоставление инвестору так называемого кредитного плеча. Брокер предоставляет своему клиенту кредит, размер которого в несколько раз больше, чем имеющиеся у него собственные средства.

Третье свойство ПФИ – двойственная природа рыночных отношений в производном финансовом инструменте. Поскольку любой инструмент рынка – это соглашение, по крайней мере, двух сторон, поскольку участнику рынка, пытающемуся сохранить свой капитал, должен противостоять другой участник рынка, который согласен рисковать своим капиталом в надежде на получение дохода от данного инструмента рынка. В результате производный инструмент есть и инструмент сохранения капитала, и инструмент его приумножения. В противном случае производный инструмент не мог бы появиться на рынке, цель которого – увеличение капитала, а не только его сохранение [8, с. 133].

От ПФИ следует отличать *производные и вторичные ценные бумаги*, которые сами есть ценные бумаги и одновременно удостоверяют определенные права по отношению к другой ценной бумаге [5, с. 38].

В Законе Республики Беларусь «О ценных бумагах» [10] закреплено следующее определение: *производные ценные бумаги* – ценные бумаги, удостоверяющие права и (или) устанавливающие обязанности по покупке или продаже иных ценных бумаг.

В законодательных актах Российской Федерации единожды встречается определение производных ценных бумаг. В постановлении Правительства от 28 декабря 1991 г. № 78 (в настоящее время не действует, утратило силу) говорится: «производные ценные бумаги – любые ценные бумаги, удостоверяющие право их владельца на покупку или продажу акций, облигаций, государственных налоговых обязательств (акций акционерных обществ, облигаций, государственных долговых обязательств и самих производных ценных бумаг)». В этом же документе утверждалось понятие ценной бумаги: «Ценная бумага – денежный документ, удостоверяющий имущественное право или отношение займа владельца документа по отношению к лицу, выпустившему такой документ».

В частности, В.А. Галанов [4, с. 19] определяет рынок ПФИ на ценные бумаги как рынок срочных контрактов на ценные бумаги, заключаемых не с целью действительной купли-продажи, а лишь с целью получения разницы в их рыночных ценах во времени.

Другими словами, производные ценные бумаги – это ценные бумаги «второго порядка», которые не создают каких-либо имущественных претензий к эмитенту, а дают право на приобретение определенного количества выпускаемых ценных бумаг в будущем. Производные ценные бумаги удостоверяют права владельца на покупку или продажу первичных ценных бумаг. Цена производной ценной бумаги внутренне зависит от цены другой ценной бумаги, цена которой является производной от базисных активов.

Базисный актив производных ценных бумаг – ценные бумаги, выступающие в качестве предмета купли-продажи посредством производных ценных бумаг.

Особенности производных ценных бумаг:

- возникновение производных ценных бумаг основано на том, что цены на первичные активы подвержены изменениям;
- цена производных ценных бумаг базируется, как правило, на вероятном изменении цены первичных активов;
- производные ценные бумаги имеют ограниченное время существования по сравнению с другими цennыми бумагами (как правило, до нескольких месяцев);
- операции с производными цennыми бумагами позволяют получить доход при сравнительно небольшом объеме инвестиций (эффект финансового рычага);
- внешняя форма обращения производных ценных бумаг аналогична форме обращения других ценных бумаг.

Основные цели обращения производных ценных бумаг:

- снижение рисков, связанных с изменением цен на первичные активы;
- получение прибыли от изменения цен на первичные активы;
- ограничение хождения акций и других долевых ценных бумаг.

Производные ценные бумаги прямо не связаны с увеличением акционерного капитала. Они служат средством личного обогащения их владельцев (в случае спекулятивных стратегий, проводимых владельцами) или хеджирования (защиты) финансовых рисков.

В результате анализа понятий «ценная бумага» и «производные ценные бумаги», проведенного в настоящей научной работе, представляется возможным дать авторское определение понятию «*производные ценные бумаги*».

Производной ценной бумагой называется бездокументарная форма выражения имущественного права (обязательства), возникающего в связи с изменением цены лежащего в основе данной ценной бумаги базисного актива – ценной бумаги, которая является предметом купли-продажи посредством производной ценной бумаги.

Далее остановимся на выявлении сущности понятия «вторичные ценные бумаги».

Рынок ценных бумаг в зависимости от стадий кругооборота ценной бумаги подразделяется на два вида – первичный и вторичный.

Первичный рынок – это рынок первых и повторных эмиссий (выпусков) ценных бумаг, на котором осуществляется их начальное размещение среди первых инвесторов. На первичном рынке эмитент (предприятие, государственное учреждение) продает новые выпуски ценных бумаг и получает за них нужные денежные средства. Такие бумаги сразу же приобретают первоначальные инвесторы (за рубежом – финансово-кредитные учреждения или индивидуальные инвесторы). Основное назначение этого рынка – свети продавцов и покупателей специфического товара – ценных бумаг, обеспечить свободный и быстрый перелив капиталов в наиболее эффективные сферы деятельности. Соответственно, важнейшая часть первичного

рынка – полное раскрытие информации для инвесторов, позволяющее сделать обоснованный выбор вида ценной бумаги для вложения денежных средств. Раскрытию информации подчинено все, что происходит на первичном рынке: подготовка проспекта эмиссии, его регистрация и контроль государственными органами с позиции полноты представленных данных, публикация проспектов и итогов подписки и т.д.

Вторичный фондовый рынок – это рынок, на котором обращаются ранее эмитированные на первичном рынке ценные бумаги. При этом дилеры, которые приобрели ценные бумаги на первичном фондовом рынке, продают их по рыночной цене. По сути это отношения между владельцами (инвесторами) по поводу обращения ценной бумаги и отношения между владельцами (инвесторами) и эмитентами по поводу обратного выкупа ценной бумаги.

Основное назначение вторичного рынка ценных бумаг состоит в поддержании ликвидности рынка ценных бумаг, что позволяет реализовать интересы инвесторов. При наличии вторичного рынка инвестор имеет возможность в любой момент продать принадлежащие ему ценные бумаги по рыночной стоимости. Тем самым поддерживается доверие инвесторов к фондовому рынку как инструменту вложения временно свободных денежных средств.

Вторичный рынок состоит из последующих инвесторов, между которыми совершается перепродажа (первая и последующие) ценных бумаг. Вторичная торговля поддерживается банками и специализированными фирмами (инвестиционными институтами). Учет взаимных обязательств участников торгов выполняют клиринговые организации. Перечисление денежных средств от покупателя к продавцу осуществляют коммерческие банки, а ценных бумаг от продавца к покупателю – депозитарии. Фиксация права собственности покупателей на ценные бумаги осуществляется реестродержателями.

Два фондовых рынка ценных бумаг – первичный и вторичный, с одной стороны, взаимосвязаны, а с другой – сильно различаются.

Вторичные ценные бумаги – это ценные бумаги, выпускаемые на основе первичных ценных бумаг, это ценные бумаги на сами ценные бумаги. Обычно в мировой практике вторичные ценные бумаги получают самостоятельные названия, отличающие их от своих основных ценных бумаг и друг от друга.

К ним можно отнести: фьючерсы и опционы на акции, фондовые варранты (опционы эмитента в российской практике, подписные права), депозитарные расписки [1, 2, 4].

Причины появления вторичных ценных бумаг можно разделить на две группы:

1) наличие у владельцев основных ценных бумаг таких прав, которые могут иметь самостоятельную, отдельную от основной ценной бумаги форму существования, которая позволяет лучше и эффективнее как для владельцев основной бумаги, так и для лица, обязанного по ней реализовать соответствующее имущественное (или иное) право;

2) повышение качества существующих основных ценных бумаг путем выпуска на их основе ценных бумаг, более привлекательных для рынка, чем исходная бумага. Речь идет о повышении ликвидности основной ценной бумаги или, например, о снижении некоторых важных для определенных групп ее владельцев рисков, свойственных этой бумаге.

Но, как отмечалось ранее, в качестве базового актива ПФИ может использоваться любой другой товар или переменная величина, в том числе и ценные бумаги. В частности, фьючерс на нефть относится к ПФИ, но при этом не является вторичной ценной бумагой. В то же время среди вторичных ценных бумаг есть такие инструменты, которые можно считать подобными ПФИ ввиду наличия характера срочности – депозитарные расписки и фондовые варранты (опционы эмитента в Российской Федерации) [1, с. 353].

Примером производных ценных бумаг, по мнению А.А. Афансьева [5, с. 38], могут служить:

а) депозитарные расписки – это ценные бумаги, которые получают их владельцы, хранящие свои первичные ценные бумаги в депозитарии (хранилище ценных бумаг, других ценностей – банке или ином кредитном учреждении). Владельцы депозитарных расписок образуют своеобразный картель, общий фонд прибыли они делят между собой согласно ранее установленной пропорции;

б) фондовые варранты на акции и облигации (залоговое свидетельство) – ценные бумаги, которые дают ее владельцу право на покупку других ценных бумаг при их начальном размещении по льготной цене. Их продает эмитент (лицо, выпускающее денежные знаки и ценные бумаги);

в) стрипы – вторичные долговые ценные бумаги, бескупонные облигации, выпускаемые данной компанией под ежегодные процентные платежи по имеющемуся в ее распоряжении портфелю высоконадежных облигаций, обычно государственных. Стрипсы продаются и покупаются как обычные облигации по цене ниже номинала облигации, т.е. с дисконтом. Погашаются стрипы соответствующего года по номинальной стоимости за счет купонного дохода этого же года по облигациям, принадлежащим компании, выпустившей стрипы.

г) специальные подписные права – ценная бумага, дающая право уже существующим акционерам приобретать новые выпуски акций компаний по ценам более низким, чем те, по которым они размещаются на первичном рынке и так далее.

Депозитарные расписки – это довольно развитый финансовый инструмент, которым часто пользуются на фондовых рынках США, Японии и других стран с развитой рыночной экономикой. Депози-

тарная расписка в самом общем виде есть вторичная ценная бумага, выпущенная в форме сертификата авторитетным депозитарным банком мирового значения на акции иностранного эмитента и свидетельствующая о владении определенным количеством акций иностранной компании, депонированных в стране нахождения этой компании, обращение которых осуществляется в другой.

Суть депозитарных расписок заключается в том, что депозитарий, приобретая какую-либо ценную бумагу в собственность, затем выпускает свои собственные расписки для покупателей о том, что они имеют право пользоваться выгодами от этих ценных бумаг.

Депозитарная расписка – ценная бумага, удостоверяющая право собственности на определенное количество акций или облигаций иностранного эмитента [4, с. 146]. Эти ценные бумаги выпускаются при размещении акций на международном рынке.

Российский ученый-экономист В.П. Чижик определяет депозитарную расписку как вторичную ценную бумагу [2, с. 127].

Технически процедура выпуска депозитарных расписок включает в себя следующие этапы:

- 1) выпуск базовых ценных бумаг (акций или облигаций) эмитентом той или иной страны;
- 2) выкуп указанных базовых ценных бумаг иностранным (по отношению к эмитенту) или международным банком (депозитарием) и помещение их на хранение;
- 3) выпуск депозитарных расписок с правами, которые предоставляют базовые ценные бумаги, помещенные на хранение;
- 4) обращение депозитарных расписок в стране в валюте, отличной от страны эмитента.

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации «О рынке ценных бумаг» [9] депозитарная расписка – это именная эмиссионная ценная бумага, не имеющая номинальной стоимости, удостоверяющая право собственности на определенное количество представляемых ценных бумаг (акций или облигаций иностранного эмитента либо ценных бумаг иного иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении акций или облигаций иностранного эмитента) и закрепляющая право ее владельца требовать от эмитента российских депозитарных расписок получения взамен российской депозитарной расписки соответствующего количества представляемых ценных бумаг и оказания услуг, связанных с осуществлением владельцем российской депозитарной расписки прав, закрепленных представляемыми ценными бумагами. В случае если эмитент представляемых ценных бумаг принимает на себя обязательства перед владельцами российских депозитарных расписок, указанная ценная бумага удостоверяет также право ее владельца требовать надлежащего выполнения этих обязанностей [9].

Рыночная стоимость депозитарной расписки зависит от следующего [2, с. 129]:

- курса валюты;
- цены на базовые ценные бумаги;
- условий обращения базовых ценных бумаг и депозитарных расписок;
- ограничений по приобретению базовых ценных бумаг для зарубежных инвесторов.

Продать депозитарную расписку можно двумя путями:

- путем прямой продажи депозитарных расписок на вторичном рынке;
- путем конвертации депозитарных расписок в акции и продажи этих акций на рынке страны компании-эмитента.

Целями выпуска депозитарных расписок, по мнению В.П. Чижик [2, с. 129], являются:

- привлечение дополнительного капитала для реализации инвестиционных проектов;
- создание имиджа, привлекательного для иностранных и отечественных инвесторов, так как депозитарные расписки на акции компаний выпускают известные мировые банки;
- рост курсовой стоимости акций на внутреннем рынке в результате возрастания спроса на эти акции;
- расширение круга инвесторов, привлечение зарубежных портфельных инвесторов.

Для инвесторов депозитарные расписки предоставляют следующие возможности:

- более глубокая диверсификация портфеля ценных бумаг;
- доступ через депозитарные расписки к акциям зарубежных компаний;
- получение высокого дохода на росте курсовой стоимости акций компаний из развивающихся стран;
- снижение рисков инвестирования в связи с несинхронным развитием фондовых рынков в различных странах.

Кроме того, торгуя депозитарными расписками, иностранные инвесторы имеют возможность оценить зарубежные компании.

Остановимся более подробно на анализе свойств такой ценной бумаги, как *варрант*.

Варранты являются одним из основных видов вторичных ценных бумаг, предоставляющих права на приобретение основных ценных бумаг.

Варрант (warrant) – ценная бумага, дающая право на приобретение актива (ценных бумаг) в будущем, что позволяет считать варрант подобным производным финансовым инструментом.

Фондовый варрант (опцион эмитента) – это эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее владельца на покупку в предусмотренный в ней срок и/или при наступлении указанных в ней обстоя-

тельств определенного количества акций эмитента такого опциона по цене, определенной в опционе эмитента [2, с. 130; 4 с. 143; 9].

Фондовый варрант (опцион эмитента) – документ, дающий его владельцу преимущественное право на покупку акций или облигаций какой-то компании в течение определенного срока по установленной цене; это вторичная ценная бумага дающая право на покупку в будущем определенного числа акций или облигаций того же эмитента по фиксированной цене.

Федеральным законом от 28.12.2002 № 185-ФЗ [9] в Российской Федерации введено определение «опциона эмитента»: эмиссионная ценная бумага, закрепляющая право ее владельца на покупку в предусмотренный в ней срок и/или при наступлении указанных в ней обстоятельств определенного количества акций эмитента такого опциона по цене, определенной в опционе эмитента. Опцион эмитента является именной ценной бумагой. Принятие решения о размещении опционов эмитента и их размещение осуществляются в соответствии с установленными федеральными законами правилами размещения ценных бумаг, конвертируемых в акции. При этом цена размещения акций во исполнение требований по опционам эмитента определяется в соответствии с ценой, определенной в таком опционе.

В зарубежной практике имеют право и обменные варранты.

Выпуск фондовых варрантов осуществляется под акции (или облигации), которые должны быть выпущены в обращение, но в течение всего срока существования этих фондовых варрантов они отсутствуют на рынке и появляются лишь по мере обмена варрантов на акции (или облигации). Ценность фондового варранта для его владельца состоит в возможности получения дифференциального дохода в виде разницы между будущей ценой акций и ценой, зафиксированной в варранте.

Фондовый варрант продаётся и покупается на рынке, как и любая другая ценная бумага. Его теоретическая цена (стоимость) определяется, с одной стороны, существующей на каждый момент времени разницей между рыночной ценой акции и ценой, фиксированной в варранте, которая называется его «внутренней» стоимостью, а с другой – зависит от времени, остающегося до истечения срока действия варранта, или «временной» стоимости, в которой отражаются перспективы или ожидания относительно динамики рыночной цены акции данной компании в будущем. Фондовые варранты могут погашаться компанией без обмена на акции, в частности путем выкупа у владельцев и т.п.

По своему экономическому содержанию фондовый варрант представляет собой опционный контракт (или просто опцион) на покупку соответствующей ценной бумаги. Основные отличия данного варранта от опциона на покупку состоят в следующем:

- а) варрант есть ценная бумага, которая эмитируется (выпускается) компанией, а опцион есть срочный контракт, результат заключения опционной сделки;
- б) количество варрантов ограничено размерами эмиссии соответствующей ценной бумаги, а количество заключенных опционных сделок определяется потребностями самого рынка;
- в) варранты выпускаются на длительные сроки, а опционный контракт – это обычно краткосрочный контракт;
- г) в случае выпуска варрантов величина капитала компании (собственного или заемного) увеличивается в ходе реализации варрантов, а заключение опционных сделок не имеет отношения к капиталу компании;
- д) варранты выдаются своим первоначальным владельцам бесплатно, а владелец опциона уплачивает за него премию подписанчику (продавцу) опциона.

Фондовый варрант (подписанное право, опцион эмитента) – ценные бумаги, которые дают право приобрести определенное число ценных бумаг компании по фиксированной или льготной цене.

Таким образом, важнейшими свойствами фондового варранта (подписанного права, опциона эмитента) являются [2, с. 130]:

- это эмиссионная ценная бумага, т.е. выпускается сериями и требует государственной регистрации;
- это производная ценная бумага, которая предоставляет только одно право – купить в будущем акции этого же эмитента;
- цена приобретения акций (или порядок ее определения) устанавливается в момент выпуска опциона эмитента и является обязательным реквизитом такого опциона;
- опцион эмитента является именной ценной бумагой, т.е. выписывается на конкретное имя, а имена владельцев регистрируются в соответствующем реестре;
- для осуществления прав, предоставляемых опционом эмитента, компания должна зарегистрировать новый выпуск дополнительных акций, которые будут проданы владельцу опциона по установленной в опционе цене.

Основная цель выпуска фондового варранта (опциона эмитента) – создание инструмента стимулирования деятельности высшего управленческого персонала общества. Опционы эмитентов представляются топ-менеджерам, содержат цену, по которой они могут выкупить акции компании в определенный момент, что стимулирует менеджеров принимать решения, способствовавшие росту курсовой стоимости акций компании [2, с. 131]. Данный инструмент достаточно давно известен в зарубежной практике,

однако история свидетельствует о том, что результативность такого способа стимулирования является спорной. Зачастую с целью получения сиюминутной выгоды топ-менеджеры предпринимали действия по искусственно завышению цен на акции компании. В тот момент, когда цена акции достигала максимального значения, они реализовывали свои опционы (приобретали акции по цене, установленной в опционе) и продавали указанные акции на рынке, впоследствии цена акции снижалась. Хотя в целом нельзя не признать, что это заслуживающий внимания метод увязки интересов менеджеров компании с интересами ее акционеров.

Депозитарные расписки и фондовые варранты вторичны по отношению к тем ценным бумагам, на которые они выпущены, и удостоверяют определенные права, вытекающие из основных ценных бумаг. С этой точки зрения их можно относить к производным. Но поскольку эти ценные бумаги не обладают одновременно всеми тремя свойствами ПФИ, их нельзя считать *полноценными* производными финансово-выми инструментами.

Цены на расписки меняются в соответствии с изменением цен на базовые ценные бумаги.

В настоящий момент депозитарные расписки на акции компаний котируются на фондовых биржах Европы и США. В мировой практике аналогом российского опциона эмитента на акцию являются фондовый варрант и подписанное право, содержание которых аналогично содержанию опциона эмитента.

Заключение. Проведенный анализ позволяет обоснованно разграничить рынок производных финансовых инструментов и рынок срочных финансовых инструментов. Эти рынки являются во многом перекрывающимися, поскольку на обоих из них обращаются финансовые инструменты, обладающие одновременно свойствами производности и срочности. Вместе с тем каждый из этих рынков содержит свои собственные сегменты. На рынке срочных финансовых инструментов – это финансовые инструменты, обладающие исключительным свойством срочности (отзывные облигации, своп контракты). На рынке производных финансовых инструментов – это финансовые инструменты, обладающие исключительным свойством производности (депозитарные расписки и конвертируемые ценные бумаги). Таким образом, рынок производных финансовых инструментов представляет собой систему экономических отношений между покупателями и продавцами финансовых инструментов, одни из которых обладают свойствами срочности и производности, а другие – исключительно свойством срочности.

Предлагается разграничение рынков производных финансовых инструментов и срочных финансовых инструментов:

- 1) бессрочные непроизводные ценные бумаги – акции;
- 2) срочные непроизводные ценные бумаги – облигации, векселя;
- 3) срочные производные ценные бумаги – опционы, фьючерсы, форварды на развитых фондовых рынках;
- 4) полноценные срочные производные инструменты – опционы, фьючерсы, форварды;
- 5) неполноценные срочные производные инструменты – свопы;
- 6) бессрочные производные ценные бумаги – опцион эмитента на акцию, фондовый варрант, подписанное право, конвертируемые ценные бумаги, депозитарные расписки.

Производной ценной бумагой называется бездокументарная форма выражения имущественного права (обязательства), возникающего в связи с изменением цены лежащего в основе данной ценной бумаги базисного актива – ценной бумаги, которая является предметом купли-продажи посредством производной ценной бумаги.

Что касается вторичных ценных бумаг, их можно отнести к ПФИ лишь частично. Среди вторичных ценных бумаг есть такие инструменты, которые можно считать подобными ПФИ ввиду наличия характера срочности, – депозитарные расписки и фондовые варранты (опционы эмитента в России).

Рынок производных ценных бумаг не существует в качестве обособленного рынка в силу того, что производные ценные бумаги выпускаются и обращаются в том же порядке, что и исходные ценные бумаги.

Учитывая существенный интерес игроков рынка к операциям с ПФИ, возрастает количество участников торговли и их активность по заключению сделок, вследствие чего растет и ликвидность этих инструментов. Это позволяет максимально приблизить цену базового актива к его реальной стоимости. Таким образом, ПФИ способствуют установлению равновесных цен и формированию справедливого рынка.

Производные финансовые инструменты также могут оказывать и негативное воздействие на финансовый рынок. К основным проблемам их использования можно отнести: возможность дестабилизации цен из-за действий спекулянтов; умышленное использование с целью оказания разрушительного влияния на финансовую систему; рынок ПФИ практически не поддается контролю, что может представлять угрозу для стабильности экономики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фондовый рынок / Г.И. Кравцова [и др.] ; под общ. ред. проф. Г.И. Кравцовой. – Минск : БГЭУ, 2016. – 494 с.

2. Чижик, В.П. Рынок ценных бумаг : учеб. пособие / В.П. Чижик. – М. : ФОРУМ: ИНФРА-М, 2018. – 448 с.
3. Фельдман, А.Б. Производные финансовые и товарные инструменты : учебник / А.Б. Фельдман. – М. : Финансы и статистика, 2003. – 304 с.
4. Галанов, В.А. Рынок ценных бумаг : учебник / В.А. Галанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ИНФРА-М, 2017. – 414 с.
5. Афанасьев, А.А. Методологические основы и механизмы деятельности коммерческих банков на рынке производных финансовых инструментов : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. – М., 2002. – 415 с.
6. Овсейко, С. Производные инструменты: сущность понятия [Электронный ресурс] / С. Овсейко // Банкаўскі веснік. – 2012. – № 25. – С. 52–60, № 28. – С. 64–70. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by//bv/Arch/570.pdf>.
7. Дорожкин, А. НСФО 39 и производные финансовые инструменты [Электронный ресурс] / А. Дорожкин // Банкаўскі веснік. – 2006. – № 34 (363). – С. 21–25. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by//bv/Arch/363.pdf>.
8. Строганова, И.А. Исследование производных финансовых инструментов хеджирования валютных рисков / И.А. Строганова // Вестник Полоц. гос. ун-та. Сер. D, Экономические и юридические науки. – 2018. – № 6. – С. 125–134.
9. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Федеральный Закон Российской Федерации от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации <http://docs.cntd.ru/document/9018809>.
10. О введении в действие на территории Республики Беларусь Международных стандартов финансовой отчетности и их Разъяснений, принимаемых Фондом Международных стандартов финансовой отчетности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Национального Банка Респ. Беларусь 19 авг. 2016 г. № 657/20. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/upload/accounting/mfso/post_190816_657_20.pdf. – Дата доступа: 28.05.2019.
11. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь 5 янв. 2015 г. № 231-З // КонсультантПлюс Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

Поступила 22.10.2019

DERIVATIVE SECURITIES: NATURE, TYPES, CLASSIFICATION

I. STROGANOVA

As a result of theoretical research, a new definition of derivative securities is proposed. The necessity of differentiation of concepts – derivative securities and fixed-term securities is specified. The essential feature of secondary securities is noted.

Keywords: derivative financial instruments, derivatives, derivative securities, forwards, futures, options, swaps, Depository receipts, warrants, Issuer options.

УДК 336(476)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ОТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

ЧЖАН МИНЦЗЮНЬ

(Белорусский государственный экономический университет, Минск)

Республика Беларусь рассматривается как страна с транзитивной экономикой. В силу исторических условий, экономического развития и главенства теорий плановой экономики в процессе трансформации Беларусь стала страной с банковской финансовой системой, однако рынок капитала в рассматриваемый период развит крайне слабо, поэтому не может предоставить каналы финансирования для предприятий и субъектов хозяйствования, вследствие чего банковские учреждения естественным образом стали основным источником финансирования развития экономики и финансов. С начала проведения экономических реформ в Беларуси в 1994 году главенствующее положение банков в финансовой системе страны только усилилось, объемы кредитования для физических лиц непрерывно росли, связь между банками и реальным сектором экономики постоянно укреплялась. Несмотря на то, что были предприняты первые шаги по развитию финансовых рынков, роль их по-прежнему оставалась незначительной. Поэтому, давая оценку роли финансовых реформ Беларуси в углублении экономического развития, т.е. оценку их социально-экономической эффективности, следует уделять основное внимание эффективности реформ банковского сектора.

Ключевые слова: эффективность реформ финансовой системы, финансовые учреждения, банковский сектор.

Введение. Обычно, если речь идет об эффективности реформ финансовой системы, на основании статистических данных дается оценка всех составляющих факторов финансовой системы в соответствии с целями трансформации и особенностями финансового развития страны, иными словами, приводится объективное описание и оценка эффективности финансовых учреждений, финансовых инструментов и финансовых рынков [1]. Критерии оценки определяются в зависимости от полноты, совершенства и зрелости всех специфических особенностей финансовой системы, т.е. наличия диверсифицированных финансовых учреждений, многоуровневого финансового рынка и разнообразных финансовых инструментов, а также ее стабильности и последовательности [2].

Во-первых, диверсификация финансовых учреждений является показателем зрелости финансовой структуры. Диверсификация финансовых учреждений означает их возможность предоставить обществу широкий круг разнообразных финансовых продуктов и услуг, удовлетворить потребности в финансировании различных субъектов экономики. Помимо того, на фоне тенденции к универсализации отрасли различные финансовые учреждения должны оказывать пересекающиеся услуги, чтобы повысить свою конкурентоспособность.

Во-вторых, многоуровневый финансовый рынок не всегда является показателем рациональности финансовой структуры, поскольку при низком уровне финансового управления и контроля и функционировании в стране рынка, не соответствующего нормам, чрезмерное развитие финансового рынка, напротив, может привести к образованию экономических пузырей, чрезмерной спекуляции, вызвать слабость и нестабильность финансовой системы. Однако при определенных условиях многоуровневый финансовый рынок может наилучшим образом раскрывать свою роль и удовлетворять спрос субъектов экономики на различных уровнях.

В-третьих, большое разнообразие финансовых инструментов представляет собой конкретное воплощение диверсифицированного развития финансовых учреждений и рынков, благодаря чему могут быть раскрыты такие функции финансовой системы, как функция финансирования денежных средств, функции установления цен и распределения ресурсов, функция финансовых деривативов.

В-четвертых, оценка стабильности финансовой системы складывается из макроэкономической стабильности, стабильности финансовых учреждений, стабильности финансового рынка и т.д. При этом макроэкономическая стабильность является внешним фактором, определяющим стабильность финансовой системы, а стабильность финансовых учреждений и рынков – внутренними.

В-пятых, оценка последовательности финансовой системы, главным образом, касается того, соответствует ли нормам усиление финансового фактора, функционирование финансовых учреждений и финансовая деятельность различных субъектов. Данная оценка воплощается в законах, нормативно-правовых актах и принципах финансовой сферы государства.

Представленные выше данные демонстрируют, что реформы финансовой системы страны затрагивают множество различных сфер, поэтому всесторонне оценить их эффективность крайне сложно. Однако для страны с рыночной финансовой системой именно степень развития банков определяет уровень развития фи-

нансов. Работы большинства исследователей свидетельствуют о том, что практически во всех странах с транзитивной экономикой, включая Беларусь, банковскому сектору в финансовой системе отводится главенствующая роль, реальный сектор экономики получает кредитные средства в основном через внутригосударственное финансирование и банковские кредиты. Ролью и положением финансового рынка можно пренебречь, поэтому при оценке социально-экономической эффективности реформ финансовой системы в Беларуси анализируемая сфера в настоящем исследовании сужается до банковского сектора страны.

В Беларуси процесс реформирования банков был также процессом эволюции их структуры, реформы оказали сильное воздействие на банки. Ниже будет представлен анализ социально-экономической эффективности реформ банков как с точки зрения количественных показателей, таких как масштаб банковской системы, глубина финансов, концентрация на рынке и т.д., так и с точки зрения качественных, таких как ликвидность и доходность банковской деятельности.

Масштаб банковских учреждений и глубина финансов. Масштаб банков является воплощением их места и значимости в национальной экономике, а также отражает степень реализации функции банков как финансовых посредников. Суммарные активы банков также являются одним из индикаторов глубины финансов страны. Как правило, чем более развита финансовая система страны, тем более развиты банки и тем больше их суммарные активы.

Объем суммарных активов белорусских банков с 2001 года постоянно увеличивался вплоть до показателя в 94,6% в 2011 году, однако кризис 2011 года привел к банкротству многих банков и большим потерям банковского сектора. Снижение в банковском секторе, в свою очередь, существенно повлияло на рост экономики, прирост ВВП снизился с 5,54 до 1,73%, а в 2015 и 2016 годах даже отмечался отрицательный прирост. Очевидно, что влияние финансового кризиса на экономику страны было значительным. Поэтому, как представляется, проведение финансовых реформ обязательно скажется на макроэкономике, и если макроэкономическое положение изменится к лучшему, это будет способствовать стабильности банковских учреждений. Касаясь финансовых реформ в Беларуси, заметим, что на начальном этапе их проведения необходимо обеспечить стабильный переход макроэкономики, основной задачей проводимых реформ должны стать устойчивость банковской отрасли и регулирование ее структуры. В противном случае банковская система не сможет нормально реализовывать функцию оптимизации распределения ресурсов, что будет препятствовать экономическому развитию.

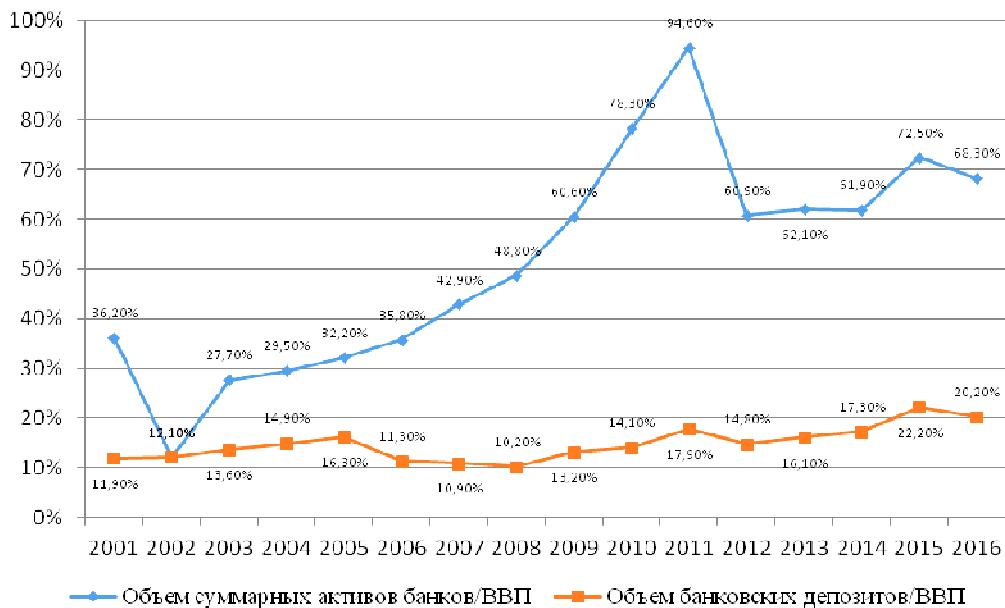

Рисунок 1. – Суммарные активы и депозиты белорусских банков в 2001–2016 гг., % к ВВП

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2006–2017 годы.

Объем суммарных активов банков/ВВП, объем депозитов/ВВП, объем банковского кредитования/ВВП – это показатели, отражающие глубину финансов страны [3]. Данные на рисунках 1, 2 и 3 свидетельствуют о том, что финансовая система Беларуси в исследуемый период, несмотря на проводимые в стране реформы все еще находилась на довольно низком уровне, соответственно низкими оставались и финансовые показатели. Если проводить сравнение с такими находящимися в процессе реформ странами, как Украина, Россия, Польша, Венгрия, Чехия и Китай, уровень Беларуси и Украины будет примерно одинаков, однако он намного ниже уровня других анализируемых стран (таблица 1). Известно, что с 2014 года

из-за политических и военных причин макроэкономика Украины значительно ухудшилась, что сказалось и на развитии финансов. В Беларуси же политическая и экономическая обстановка стабильна, это говорит о том, что реформы в стране реализуются крайне медленно, масштаб банковских учреждений невелик и играет недостаточную стимулирующую роль в развитии экономики.

Таблица 1. – Объем активов банков, кредитов и депозитов частных лиц пяти европейских стран с транзитивной экономикой в 2016 году, доля ВВП

Показатель	Украина	Россия	Польша	Венгрия	Чехия	Китай
Объем активов банков/ВВП, %	53,5	93,2	92,4	97	127,9	286
Объем кредитов частных лиц/ВВП, %	35,1	37,6	54,2	33,2	62,7	156,82
Объем депозитов/ВВП, %	18	30,2	39,5	20,8	43,3	45,805

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2017 гг., сайт Народного банка Китая.

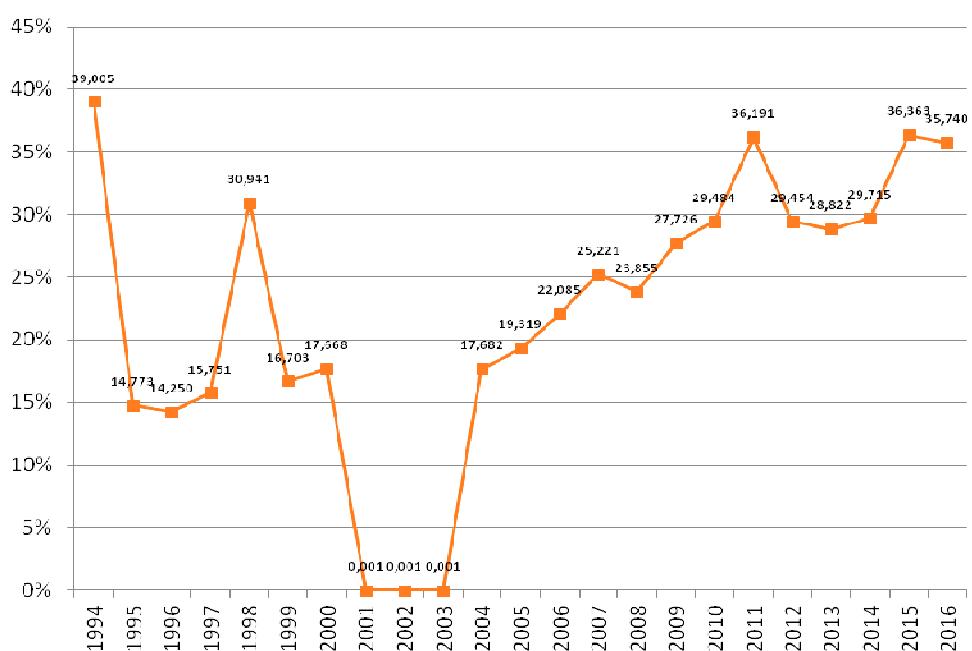

Рисунок 2. – Размер эмиссии денежной массы в широком смысле (M2/ВВП) в Беларуси в 1994–2016 годах, доля ВВП, %

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2006–2017 гг., сайты Всемирного банка и МВФ.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что по мере реформирования банковского сектора в структуре банков Беларуси произошли существенные изменения. Ввиду того, что монетизация экономики страны, усиление финансового фактора и другие показатели находятся на низком уровне, необходимо продолжать реформы банковского сектора, рассматривать его развитие как ключевой фактор стабильности и роста экономики – только так появится движущая сила для экономического роста Беларуси.

Масштаб банковского кредитования. Масштаб банковского кредитования отражает размещение банковского капитала, т.е. то, как банк выполняет функцию посредника. Чем больше масштаб кредитования, тем лучше банковская система страны справляется с функциями предоставления финансирования и стимулирования инвестиций. Поскольку финансовые системы стран с транзитивной экономикой являются банковскими, именно банки являются основным источником внешнего финансирования предприятий, а данные на рисунке 3 указывают на то, что несмотря на постоянный рост объемов кредитования, Беларусь по-прежнему не может сравниться по данному показателю с Китаем, Польшей, Чехией и другими странами.

В странах с транзитивной экономикой рост кредитования частного сектора является основным источником и основной движущей силой роста объемов кредитования, при этом рост кредитования домашних хозяйств происходит за счет роста потребностей их в потреблении и инвестициях, поэтому на сегодняшний день масштаб кредитования частных лиц в Беларуси очень мал, что говорит о низком спросе на потребительские расходы, инвестиций в недвижимость. С одной стороны, это вызвано низким уровнем заработной платы, а с другой – высокой процентной ставкой по кредитам (рисунок 4).

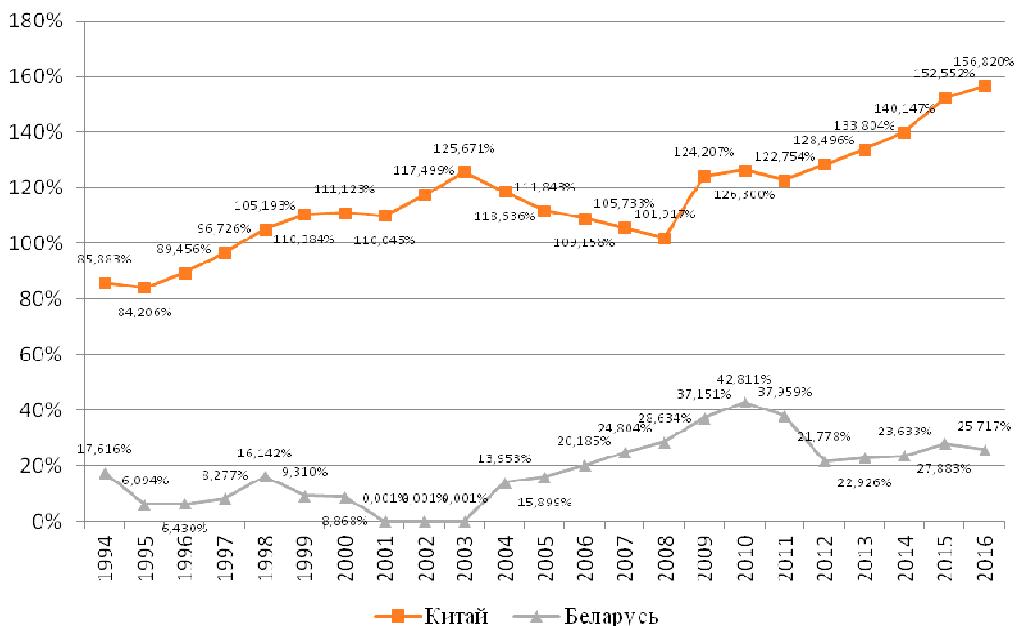

Рисунок 3. – Объемы кредитования частных лиц в Беларусь и Китае в 1994—2016 гг., доля ВВП, %

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦБЕ за 2006—2017 годы, сайты Всемирного банка и МВФ.

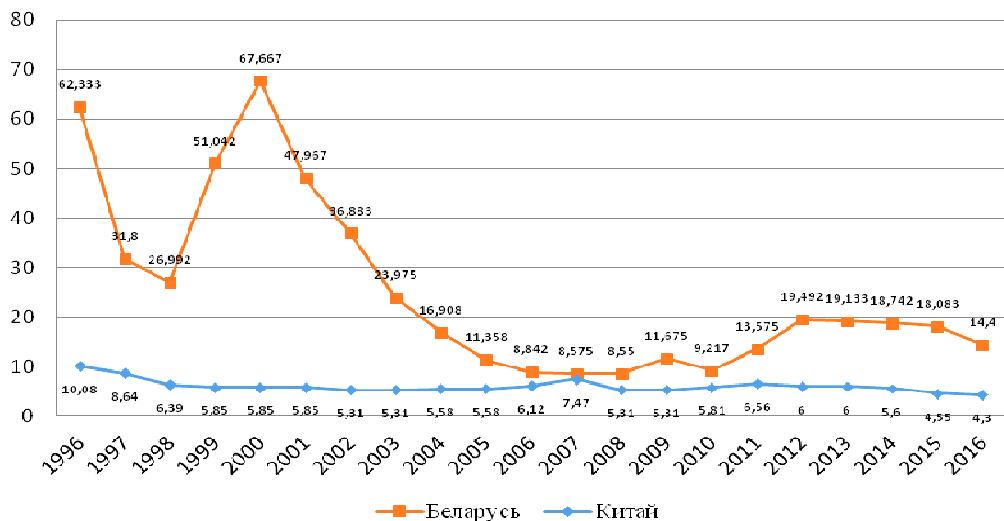

Рисунок 4. – Процентная ставка по кредитам в Беларусь и Китае в 1994—2016 годах, %

Источник: сайты Всемирного банка и МВФ.

Таким образом, можно сказать, что в исследуемый период высокая процентная ставка по кредитам ограничила возможности роста объемов кредитования, а в сочетании с недостатком политической и финансовой поддержки частных предприятий со стороны правительства, отсутствием мотивации населения к открытию собственного бизнеса привело к тому, что роль белорусских банков в финансировании и стимулировании инвестирования в экономическое развитие оказалась крайне малой.

Объем банковских депозитов. Проанализировав активы баланса банков, обратимся к анализу причин пассивов, поскольку глубина финансовых стран отражается также через показатель нормы сбережений. Объем банковских депозитов, общий объем депозитов банков отражает способность банков привлекать и накапливать средства, поскольку только после привлечения необходимого объема сберегательных вкладов банки могут обратить их в инвестиции, стимулируя тем самым экономическое развитие.

Как правило, депозиты домашних хозяйств являются основным источником финансовых банков. Данные об объемах депозитов белорусских банков на рисунке 5 показывают, что норма сбережений находится на уровне 10–20%, а низкий уровень вкладов домашних хозяйств в Беларусь ограничивает объем финансовых банков. Важной практикой, благодаря которой, в частности Китай, добился высоких темпов развития экономики, стала поддержка частного хозяйства, в том числе поддержка политическая и финансовая. Для сравнения, в Китае, государство с транзитивной экономикой, с начального этапа реализации реформ экономик

и норма сбережений поддерживалась на высоком уровне (вдвое выше, чем в Беларуси), что обеспечило достаточный объем инвестиционных средств и стало одной из основных причин быстрого и стабильного роста китайской экономики.

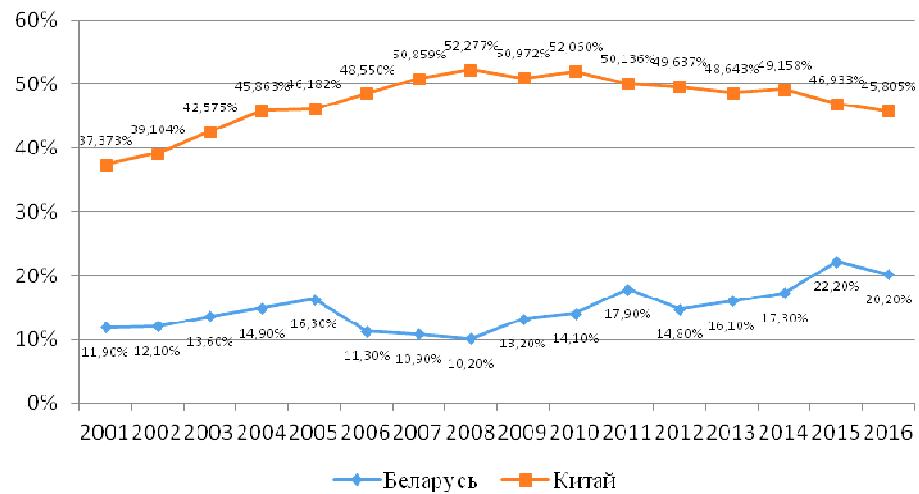

Рисунок 5. – Объем банковских депозитов в Беларусь и в Китае в 2001–2016 годах, доля ВВП, %

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2006–2017 годы, сайты Всемирного банка и МВФ.

Низкая норма сбережений в Беларуси обусловлена продолжительной довольно высокой инфляцией в предыдущие годы, недостатком доверия банкам со стороны граждан, а также недостаточной привлекательностью вознаграждения по вкладам. Иначе говоря, малый объем банковских депозитов означает, что банковская система не может привлечь достаточное их количество и, соответственно, не может представить финансовую поддержку для развития экономики. Конечно, при отсутствии достаточного объема сбережений можно развивать экономику страны за счет иностранных кредитов. Ниже представлен анализ возможного влияния кредитов международных финансовых учреждений на развитие экономики страны.

Уровень концентрации банков. Уровень концентрации банков напрямую отражает уровень конкуренции между ними: чем больше банков, чем больше их общий масштаб, тем выше конкуренция.

В таблице 2 отражено увеличение количества банковских учреждений в Беларусь за последние 10 лет рассматриваемого периода после проведения реформ.

Таблица 2. – Качественные изменения банковских учреждений в Беларусь

Показатель	Год					
	1997	1999	2001	2003	2005	2007
Количество банков	38 (2)	36(4)	29 (9)	30 (17)	30 (18)	27
Показатель	Год					
	2009	2011	2013	2015	2016	
Количество банков	32 (8)	31 (8)	31 (9)	26 (6)	24 (7)	

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2001, 2006–2017 годы.

Из представленных в таблице данных видно, что в 1997 году в стране было наибольшее число банков – 38, в том числе 2 иностранных, в 2016 году осталось только 24 банка. Колебания в количестве банков с иностранным капиталом достаточно велики: в 1997 году было открыто 2 банка, в 2005 их количество увеличилось до 18, а в 2016 году осталось всего 7. В 1996 году в Беларусь была установлена система страхования банковских вкладов, которая гарантировала соблюдение интересов вкладчиков в процессе банкротства банков, в 1998, 2000, 2001 и 2004 годах в нее вносились изменения. Для белорусских банковских учреждений характерно административное вмешательство в их деятельность, невысокая рентабельность, случаи банкротства, укрепление финансовой нестабильности. Кроме того, из-за относительно низкого уровня развития финансовой системы в Беларусь инвестиционные инструменты на фондовом рынке недостаточно разнообразны, развитие банковских операций ограничено, финансовые деривативы и финансовые услуги предоставляются мало. Правительство играет значимую роль в принятии решений, что ведет к низкому уровню самостоятельности финансовой системы, эффективность использования финансовых банковских учреждений снижается, ставка по кредитам растет, риски достаточно высоки. Последствия финансового кризиса в России 1998 года, мирового финансового кризиса 2008 года и белорусского финансового кризиса 2011 года, а также нормативное управление государства банковским рынком в определенной степени повысили способность банков сопротивляться рискам. Данные на рисунках 6, 7 и 8 свидетельствуют о

том (таблица 3), что в сравнении с пятью странами с переходной экономикой – Россией, Украиной, Чехией, Венгрией и Польшей – Беларусь обладает самой высокой концентрацией банковского рынка.

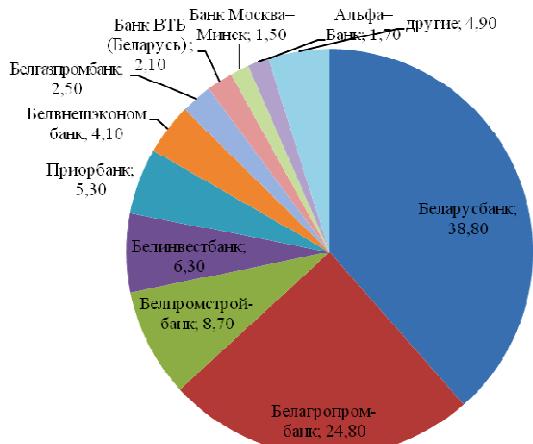

Рисунок 6. – Доля каждого из банков Беларуси в объеме суммарных активов банков в 2011 году, %

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклад Сектора банков ЦБЕ за 2012 год.

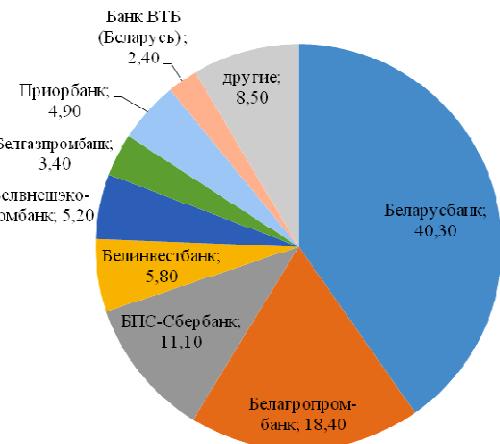

Рисунок 7. – Доля каждого из банков Беларуси в объеме суммарных активов банков в 2014 году, %

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклад Сектора банков ЦБЕ за 2015 год.

Таблица 3. – Доля банков в объеме совокупных банковских активов в шести странах с транзитивной экономикой в 2016 году

Показатель	Россия	Украина	Польша	Венгрия	Чехия	Китай
Доля семи крупнейших банков, %	61,9	62,2	60,7	59,3	68,6	58,02
Доля самого крупного банка, %	27,8	20,1	17,4	20,5	17,0	13,28
Общее количество банков	623	96	63	35	45	2812

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклад Сектора банков ЦБЕ за 2017 год; сайт комитета по надзору за банковской деятельностью КНР; Европейский банк реконструкции и развития, Доклады о переходном процессе за 2015–2016 годы.

Из рисунка 8 видим, что в 2011 году доля активов семи крупнейших банков страны составила 88,7%, в 2014 – 89,1%, в 2016 – 88,8%. Доля более 20-ти остальных банков – всего около 11%. Для самого крупного банка доля активов постоянно растет и в 2016 году достигла 42,9%.

При этом заметим, что доли четырех самых крупных банков Китая составляют 13,28, 11,54, 10,77 и 9,99% [4] соответственно (общая доля – 45,58%). Следует также отметить, что чрезмерная концентрация основных активов в руках нескольких банков обусловила низкую эффективность конкуренции в банковском секторе Беларуси и невозможность осуществления эффективного распределения ресурсов. С точки зрения рынка подобная ситуация приводит к созданию определенной монополии.

Банки предоставляют кредиты только лучшим предприятиям, что ограничивает сферу кредитования для предприятий и приводит к неравномерной структуре распределения капитала между ними. Поэтому у банков нет мотивации к проведению реформ и повышению качества оказываемых услуг, что косвенным образом препятствует реформам финансовой системы и банковских учреждений Беларуси. Помимо этого, проблемы, возникающие в ходе хозяйственной деятельности, у одного банка могут оказывать влияние на стабильность банковской системы в целом, что приведет к снижению способности финансовой системы страны к сопротивлению рискам.

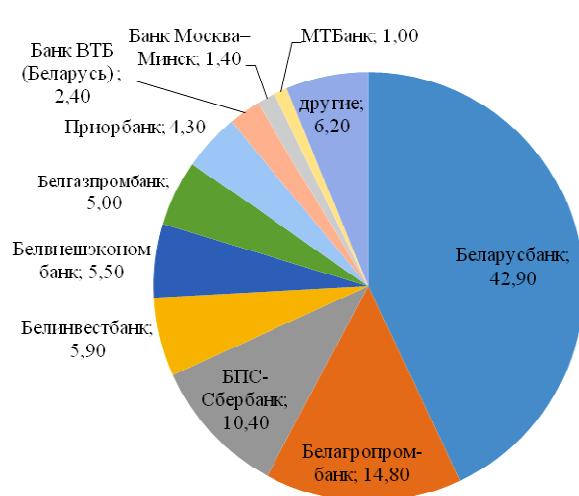

Рисунок 8. – Доля каждого из банков Беларуси в объеме суммарных активов банков в 2016 году, %

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклад сектора банков ЦБЕ за 2017 год; Европейский банк реконструкции и развития, доклад о переходном процессе, 2017 год.

Доля иностранного капитала в активах белорусских банков. Проникновение на рынок банков с иностранным капиталом играет важную роль для стабильности банковских учреждений, это одна из причин, по которой банковская система стран ЦВЕ более стабильна, чем банковская система стран СНГ. Вследствие этого количество банков с участием иностранного капитала и их доля в общем объеме активов коммерческих банков ЦВЕ постоянно растет.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что проникновение иностранного капитала (особенно проникновение банков с иностранным капиталом) играет положительную стимулирующую роль для углубления финансов и стабильности банковских систем стран с транзитивной экономикой [5]. Банки с иностранным капиталом усиливают давление конкуренции на местные банки и повышают эффективность распределения ресурсов за счет привлечения и внедрения новых технологий, предоставления новых услуг и продуктов, повышения показателей, создавая тем самым более эффективную и подвижную финансовую систему, а обострение конкуренции и повышение эффективности снижают издержки посредников, дают заемщикам возможность получения более доступных кредитов и способствуют стабильности банковской системы.

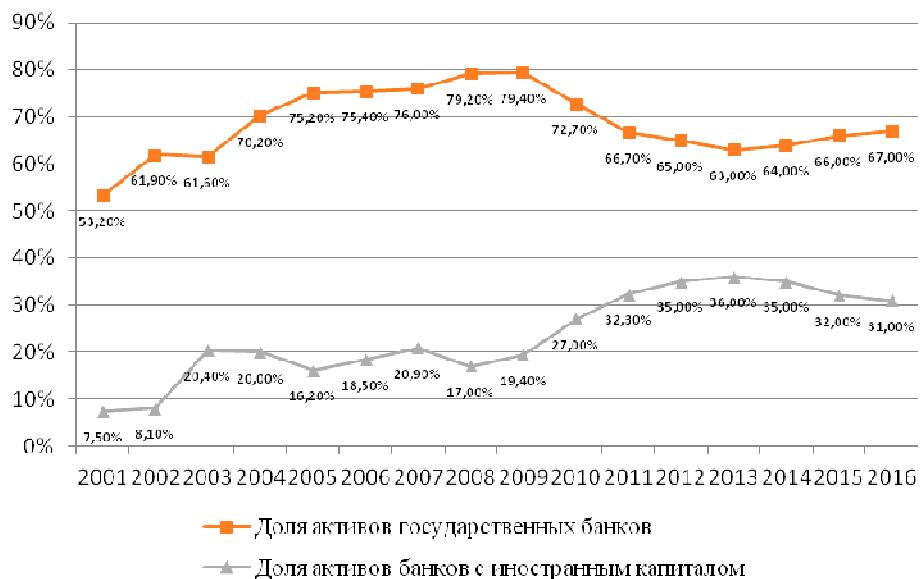

Рисунок 9. – Доля активов государственных банков и банков с иностранным капиталом в Беларуси в 2001–2016 годах

Источник: доклады о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2015–2016 гг.; Аналитические обзоры Раффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2017 год.

Из рисунка 9 видно, что в процессе реализации реформ доля активов иностранных банков постоянно повышалась, а доля активов государственных снижалась, однако в сравнении с показателями таких стран, как Чехия, Польша и Венгрия (таблица 4), доля активов банков с иностранным капиталом все еще остается низкой. Вместе с тем банки с иностранным капиталом сыграли активную роль в развитии банковского сектора Беларуси, в определенной степени способствуя конкуренции и повышению эффективности хозяйственной деятельности государственных банков.

Таблица 4. – Доля активов иностранных банков с участием государственного и иностранного капитала в 2016 году, %

Показатель	Россия	Украина	Чехия	Венгрия	Польша
Доля государственных активов	56,3	51	2,4	6,5	32
Доля иностранных активов	13,0	34	85	60	55

Источник: доклады о переходном процессе ЕБРР за 2015–2016 годы; Аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2011–2017 годы.

Следует отметить, что в процессе привлечения банков с иностранным капиталом необходимо также противостоять рискам их финансов. Слишком высокая доля иностранного капитала препятствует проведению валютной политики государства, кроме того, многие банки с иностранным капиталом, как правило, происходят из стран с достаточно развитой финансовой системой, они обладают передовыми технологиями и предоставляют передовые услуги, что может создавать сложность для органов финансового надзора государства. В случае возникновения кризиса в стране происхождения банков они могут быть отозваны, поэтому правительство должно предотвращать вывоз капитала из финансового сектора своей страны, а также не допускать распространения кризиса на свою страну.

Ликвидность банковского сектора. Если основной причиной банкротства банков является слишком большой удельный вес невозвратных долгов, это означает, что прямая причина их банкротства – недостаток ликвидности. Если проводить сравнение с другими финансовыми учреждениями, особенность банков, заключающаяся в высокой ликвидности кредита и низкой ликвидности активов, является основной причиной их потенциальной нестабильности. Сущность ликвидности коммерческих банков заключается в их способности к получению средств, достаточных для удовлетворения оттока капитала. Вся хозяйственная деятельность коммерческих банков происходит через получение и выплату денежных средств, и валютная ликвидность является ключевым фактором непрерывности их работы [6].

Соотношение между депозитами и кредитами – это традиционный показатель рисков ликвидности банков. Данный показатель в большой степени отражает наличие депозитных финансовых ресурсов: чем он выше, тем ниже ликвидность и тем выше риски. Низкое соотношение между депозитами и кредитами говорит о сильных способностях банка удовлетворять спрос на кредиты, а также противостоять внезапным рискам ликвидности. На рисунке 10 видно, что в Беларусь данное соотношение всегда было высоким, а в 2016 году его значение достигло 120%, что говорит о низкой ликвидности коммерческих банков и их неспособности противостоять внезапно возникшим рискам.

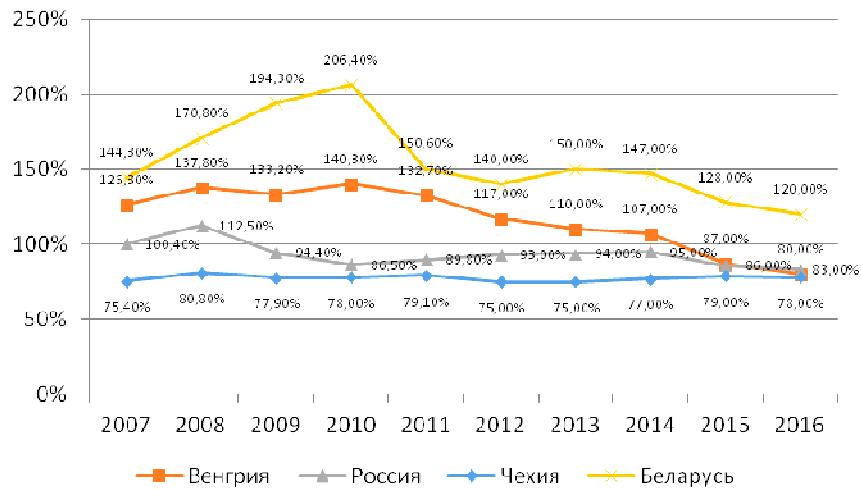

Рисунок 10. – Соотношение между депозитами и кредитами в Беларусь, России, Чехии и Венгрии в 2011–2017 годах

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2011–2017 годы.

Таблица 5. – Соотношение между депозитами и кредитами в пяти странах ЦВЕ в 2016 году, %

Показатель	Россия	Украина	Чехия	Венгрия	Польша
Соотношение между депозитами и кредитами	83	127	78	80	98

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклад Сектора банков ЦВЕ за 2017 год.

Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что в других странах с транзитивной экономикой региона ЦВЕ данный показатель имел тенденцию к снижению, в 2016 году среднее значение достигло 80%, из чего можно сделать вывод о хорошей ликвидности банковских активов и их возможности обеспечивать стабильность финансовой системы. Что касается Китая, для обеспечения стабильного функционирования банковского сектора до 2015 года существовало ограничение для соотношения между депозитами и кредитами – не выше 75%. Поскольку хорошая ликвидность коммерческих банков повышает доверие к ним, снижает финансовые издержки, напрямую увеличивает прибыль и положительно сказывается на стабильном развитии финансовой системы, Беларусь должна управлять показателем ликвидности деятельности коммерческих банков – только так можно обеспечить стабильность финансовой системы, избежать кризисов, связанных с недостаточной ликвидностью и поддержать тем самым развитие экономики.

Рентабельность и коэффициент достаточности капитала коммерческих банков. В мировой практике для оценки общей рентабельности коммерческих банков используются такие показатели, как рентабельность капитала и рентабельность активов. Рентабельность капитала (ROE) представляет собой отношение между валовой прибылью и совокупным капиталом, это важнейший показатель общей рентабельности банка. Он указывает на прибыль, которую каждый банк может получить от своего капитала, а также отражает эффективность капиталовложений банков и способность к получению прибыли. Рентабельность активов (ROA) – это отношение между валовой прибылью и суммарными активами, данный показатель отражает уровень общей рентабельности активов банка. Рентабельность отражает прибыль банка, она является фундаментом для накопления банком капитала и осуществления продолжительной деятельности,

позволяет банкам справляться с краткосрочными кризисами и проблемами и вместе с тем оценить конкурентоспособность отдельного банка во всей финансовой системе. Рентабельность активов белорусских банков находится примерно на том же уровне, что и у других стран ЦВЕ, однако рентабельность активов заметно ниже, чем в Чехии, Венгрии и других странах (таблица 6).

Таблица 6. – Рентабельность активов (ROA) и ROE) банков Беларуси и трех стран ЦВЕ, %

Годы	Беларусь		Россия		Чехия		Венгрия	
	ROA	ROE	ROA	ROE	ROA	ROE	ROA	ROE
2007	1,70	10,70	2,50	19,00	1,50	20,10	1,30	25,40
2008	1,40	9,60	1,80	13,30	1,20	15,20	1,20	21,70
2009	1,40	8,90	0,70	4,90	1,70	10,10	1,50	25,80
2010	1,70	11,80	1,70	12,50	0,20	2,30	1,30	21,90
2011	1,70	14,90	2,00	17,10	0,20	1,70	1,20	19,40
2012	1,80	12,70	2,30	18,20	0,40	3,80	1,40	21,80
2013	1,90	13,80	1,90	15,20	0,50	4,50	1,30	18,60
2014	1,70	13,10	0,90	7,90	1,30	13,20	1,20	16,80
2015	1,00	8,40	0,30	2,30	0,20	2,30	1,20	16,80

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2011–2017 годы; доклады о переходном процессе ЕБРР за 2011–2017 годы.

Коэффициент достаточности собственного капитала – это отношение собственного капитала банка к взвешенным по риску активам. Данный показатель отражает окончательную способность банка к погашению долга. Чтобы не допустить возникновения ситуации, когда банки ведут деятельность с небольшим капиталом и высокой кредиторской задолженностью, за счет чего добиваются высокой ставки доходности, что в конечном итоге может привести к возникновению систематических рисков. Базельский комитет по банковскому надзору установил показатель коэффициента достаточности собственного капитала на уровне 8%. Из-за мирового финансового кризиса 2008 года в 2010 году был принят новый свод правил банковского регулирования – Базель III¹.

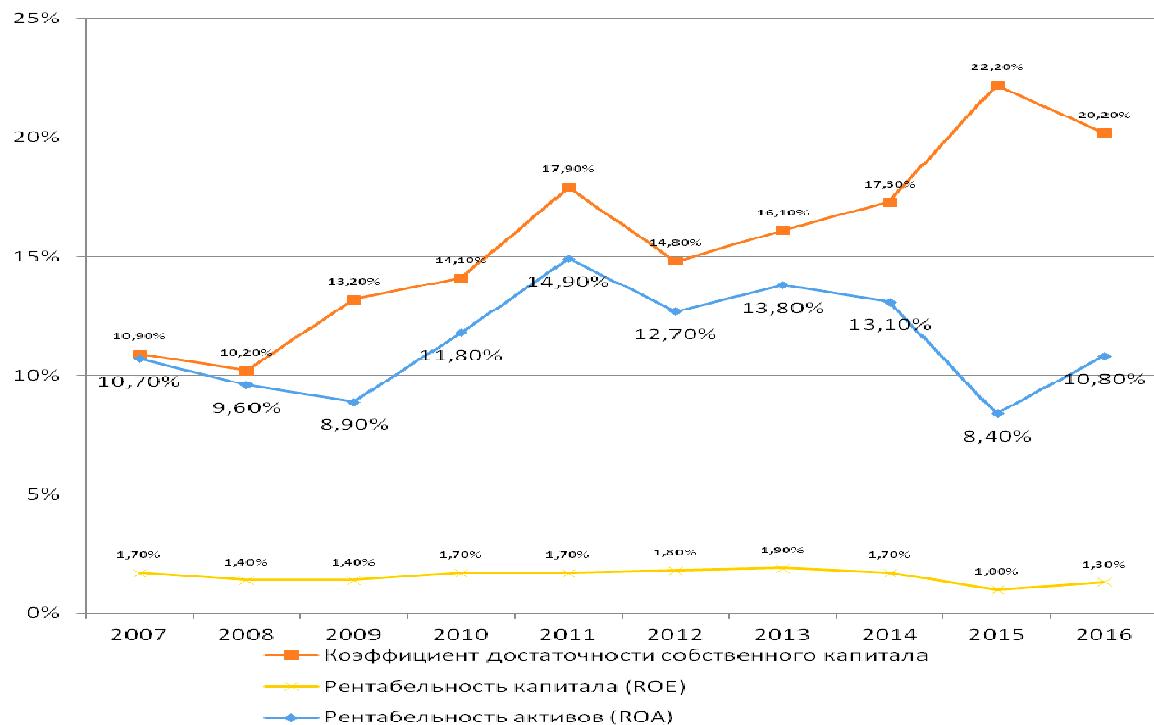

Рисунок 11. – Динамика коэффициента достаточности собственного капитала и рентабельности активов банков Беларуси в 2007–2016 годах

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклады Сектора банков ЦВЕ за 2011–2017 годы.

¹В 2010 году Базель III ужесточил стандарты надзора над достаточностью банковского капитала. Коэффициент достаточности капитала остался неизменным – на уровне 8%. Коэффициент достаточности «сердцевинного капитала» повысился с 4 до 6%; одновременно с этим 2,5% было зарезервировано на обеспечение амортизационного капитала и не более 2,5% – на противоциклический резервный капитал. Таким образом, требования к достаточности «сердцевинного капитала» установились на уровне 8,5–11%.

Как видим, коэффициент достаточности капитала белорусских банков с 2007 года придерживался тенденции к росту, достигнув в 2016 году показателя в 20,20% (см. рисунок 11). Это не только соответствует всем требованиям Базель III, но и превосходит их. Этот показатель также выше аналогичного в пяти странах с транзитивной экономикой (таблица 7), что гарантирует способность финансового сектора Беларуси сопротивляться различным рискам и снижает вероятность возникновения социальных потрясений вследствие финансового кризиса.

Таблица 7. – Коэффициент достаточности капитала и доля безнадежных кредитов шести стран ЦВЕ в 2016 году, %

Показатель	Россия	Украина	Чехия	Венгрия	Польша	Беларусь
Коэффициент достаточности собственного капитала	13,1	12,7	18,5	20,1	17,5	18,6
Доля безнадежных кредитов	7,0	26,7	4,9	6,4	7,0	12,8

Источник: аналитические обзоры Райффайзенбанка, доклад Сектора банков ЦВЕ за 2011–2017 гг.

Доля безнадежных кредитов – это доля просроченных кредитов в общем объеме задолженности по кредитам, один из важнейших индикаторов оценки условий безопасности кредитных средств банков. Чем выше доля безнадежных кредитов, тем больше объем просроченных кредитов в объеме задолженности по кредитам. Низкая доля безнадежных кредитов указывает на небольшой объем просроченных кредитов в объеме задолженности по кредитам.

С 2012 года из-за влияния финансового кризиса 2011 года в Беларуси наблюдался рост данного показателя: с 5,5% до 4,5% (2013 г.); 4,4% (2014); 6,8 (2015 г.). В 2016 году он достиг 12,8%, что на 5% выше, чем в четырех анализируемых странах ЦВЕ [7]. Эти данные свидетельствуют о том, что риск невозвратных кредитов в белорусских банках крайне велик, основными причинами сложившейся ситуации являются медленное развитие реального сектора экономики и медленная реализация реформ. Многие предприятия, получившие кредит, не способны выплатить его вовремя, что оказывает отрицательное воздействие на безопасность кредитных средств. Для обеспечения качества активов банков, их стабильной деятельности и конкурентоспособности в Беларуси требуется углубить реформы финансовой системы, добиваться того, чтобы финансы служили опорой развития реальной экономики, повышать эффективность использования средств, повышать рентабельность банковского сектора и качество активов, регулировать структуру банковских операций, гарантируя тем самым стабильное развитие всего банковского сектора.

Заключение. Таким образом, на основании анализа полученных результатов можно сделать следующие выводы:

1. На начальных этапах своей трансформации финансовая система Беларуси была крайне слаба из-за влияния господствовавшей ранее системы планового хозяйствования. Банки сталкиваются со многими трудностями, коэффициент достаточности капитала снижается, у государственных предприятий имеются большие безнадежные кредиты, распределение банковских кредитов зависит от распоряжений правительства, а не основывается на эффективности распределения ресурсов. Все банковские сети, кроме ОАО «АСБ Беларусбанк», представлены мало, их руководство и работники не обладают достаточным опытом, система платежей несовершенна и низкоэффективна, а рынок ценных бумаг фактически не работает. В финансовой системе банкам отводится лидирующая роль, рынок краткосрочного финансирования находится в зачаточном состоянии, рынок долгосрочного капитала также практически не развивается.

2. Из-за того, что в финансовой системе Беларуси на момент проведения исследования наблюдается нехватка финансовых источников, которые могут эффективно заменить банки, и если не углубить реформы банковской системы, развитию реальной экономики невозможно оказать финансовую поддержку, что может привести к возникновению макроэкономических проблем. Эскалация подобной ситуации не позволит сформироваться нормальному циклу развития экономики, доля безнадежных кредитов в общем объеме банковских кредитов будет непрерывно расти, что пошатнет стабильность банков и может привести к нарушению стабильности всей финансовой системы и кредитному кризису в экономике.

3. В силу исторических причин Беларусь пошла по пути создания банковской финансовой системы, однако практика развития финансовых систем развитых стран и теоретические исследования свидетельствуют, что банки и рынки находятся в постоянных отношениях замещения и взаимодополнения, поэтому одновременно с преимущественным развитием банковской системы в Беларуси следует постоянно привлекать стратегических инвесторов внутри страны и из-за рубежа, а также активно создавать эффективно функционирующий рынок капитала, формировать законченную систему финансовых рынков.

4. Одной из конечных целей трансформации финансовой системы является повышение эффективности реальной экономики и продолжительный экономический рост, но достаточно низкая эффективность банковской финансовой системы Беларуси препятствует развитию экономики.

Беларусь следует углублять финансовое развитие, диверсифицировать финансовые учреждения, стремиться к многоуровневому финансовому рынку капитала, разнообразию финансовых инструментов,

а также стабильности и последовательности финансовой системы, исходя из анализа реальных количественных показателей финансовой системы Китая, свидетельствующих о том, что развитие финансов играет положительную роль в совершенствовании реальной экономики, а углубление финансов может стимулировать экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гао, Цзяньлян. Развитие финансов в Китае и выбор моделей структурных реформ, а также анализ их эффективности / Гао Цзяньлян // Теория и практика финансов и экономики. – 2002. – Вып. 5. – С. 25–29.
2. Чжуан, Цишань. Сравнение конкурентоспособности банков стран с переходной экономикой / Чжуан Цишань, Доу Фэйфэй // Исследования мировых финансов. – 2008. – Вып. 3. – С. 25–32.
3. Ян, Линь. Развитие финансов и рост реальной экономики / Ян Линь. – Пекин : Китайские финансы, 2002.
4. Ассоциация банков Китая: Список 100 сильнейших банков за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sohu.com/a/203937259_499067. – Дата доступа: 12.11.2017.
5. Ван, Цзянь. Влияние проникновения иностранного капитала на банковские системы пяти стран Центральной и Восточной Европы / Ван Цзянь, Чжуан Цишань // Исследования междунар. экономики. – 2004. – Вып. 11. – С. 59–65.
6. Чжуан, Цишань. Стабильность финансовых систем пяти стран ЦВЕ на основе показателей / Чжуан Цишань, Доу Фэйфэй // Газета Университета финансов и экономики г. Гуйчжоу. – 2005. – Вып. 2. – С. 7–12.
7. Комитет по надзору над банковской деятельностью. Доля безнадежных активов коммерческих банков в 2016 г. составила 1,74 % [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://finance.sina.com.cn/stock/t/2017-01-25/doc-ifxzytnk0020303.shtml>. – Дата доступа: 25.01.2017.

Поступила 20.09.2018

EVALUATION OF THE EFFECTIVENESS OF REFORMING THE FINANCIAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF BELARUS

ZHANG MINGJUN

Belarus is a country with a transitive economy. Due to historical conditions, the development of economy and the domination of the theories of the planned economy in the process of transformation, Belarus became a country with a banking financial system, the capital market is extremely weak and therefore cannot provide financing channels for enterprises and business entities, as a result of which banking institutions naturally became source of financing for the development of economy and finance. Since the beginning of economic reforms in Belarus in 1994, the dominant position of banks in the country's financial system has enforced, credit of individuals has grown steadily, the relationship between banks and the real economy has been constantly strengthened; Although the first steps were taken to develop financial markets, their role remained insignificant. Therefore, giving an assessment of the role of financial reforms in Belarus in deepening economic development, that is, an assessment of their socio-economic effectiveness, should focus on the effectiveness of banking sector reforms.

Keywords: financial system reform efficiency, financial institutions, banking sector.

**ОСОБЕННОСТИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СПЕЦИФИКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ОРГАНИЗАЦИЯХ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ЗАХОРОНЕНИЕ КОММУНАЛЬНЫХ ОТХОДОВ
И ИЗВЛЕЧЕНИЕ БИОГАЗА В КОНТЕКСТЕ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**

P.O. ТРУБОВИЧ
(Полоцкий государственный университет)

Деятельность по захоронению и переработке коммунальных отходов представлена в виде бизнес-процессов, которые напрямую зависят от этапов жизненного цикла полигона. Содержание и определенная последовательность бизнес-процессов в рамках каждого этапа позволили выделить соответствующие им специфические объекты бухгалтерского учета. Сформулированы определения новых объектов учета, таких как газообразный (энергетический) ресурс и ассимиляционный ресурс; обоснована возможность признания их активами организации. Представленные объекты бухгалтерского учета способствуют формированию целостной учетно-аналитической информационной базы, обеспечивающей принятие управленческих решений в рамках реализации задач по устранению экологических проблем, потребления природного капитала и ресурсосбережения.

Ключевые слова: жизненный цикл полигона, объекты бухгалтерского учета, коммунальные отходы, энергетический ресурс (биогаз), ассимиляционный ресурс, природный капитал, условные обязательства.

Введение. Рост потребления в последние десятилетия во всем мире привел к существенному увеличению объемов захоронения коммунальных отходов, которые снижают уровень экологической безопасности. В соответствии с Национальной стратегией по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь на период до 2035 года деятельность организаций, осуществляющих сбор коммунальных отходов, их захоронение, направлена на решение экологических проблем, ресурсосбережение путем совершенствования систем и методов обращения с коммунальными отходами в рамках действующего принципа «приоритетности использования отходов по отношению к их обезвреживанию или захоронению и вовлечению в гражданский оборот» [1].

Деятельность организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза, имеет ряд особенностей, таких как:

- специфика приобретаемых прав на сбор, переработку и захоронение отходов;
- различные способы сбора отходов и их накопления на специально оборудованных площадках, сортировки и обезвреживания;
- различные способы захоронения и дегазификации;
- приобретение права собственности на вторичные ресурсы;
- отсутствие прямой связи между понесенными затратами на сбор, сортировку на площадке полигона и объемами полученных вторичных материальных ресурсов, вовлечение в хозяйственный процесс которых предполагает экономическую эффективность и целесообразность;
- отсутствие прямой связи между понесенными затратами на сбор и захоронение отходов и объемами полученных энергетических ресурсов (биогаза), между высокой стоимостью организации и внедрением мероприятий, связанных с минимизацией экологических рисков и воздействия на окружающую среду;
- длительный период между началом деятельности по захоронению отходов, извлечению биогаза и деятельность по закрытию полигона и рекультивации земель;
- существенные суммы обязательств по рекультивации полигонов.

Результаты деятельности анализируемых организаций напрямую зависят от качественных и количественных характеристик отходов, сложившегося климата, в котором локализуется полигон; контролируемых и бесконтрольных эмиссий загрязняющих веществ в процессе деструкции отходов и ассимиляции получаемых при этом конечных продуктов в окружающей среде. Деятельность организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза, сложная и комплексная, ориентирована на ресурсо- и энергосбережение, рациональное природопользование. Однако полнота и содержание учетно-аналитической информации не в полной мере соответствует требованиям эффективного обращения с коммунальными отходами.

С учетом специфики и особенностей деятельности исследуемых организаций с целью построения комплексной системы бухгалтерского учета в контексте «зеленой» экономики целесообразно изучить соответствующие бизнес-процессы. Совокупность, последовательность и содержание бизнес-процессов организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза, рассмотрим в рамках жизненного цикла полигона.

Основная часть. Техническим кодексом установившейся практики Республики Беларусь «КТП 17.11-02-2009 (02120/02030) Объекты захоронения твердых коммунальных отходов. Проектирование и эксплуатация», Инструкцией Российской Федерации «Инструкция по проектированию, эксплуатации и рекультивации полигонов для твердых бытовых отходов» обозначены следующие *этапы жизненного цикла полигона (ЭЖЦ):* 1) проектирование и застройка полигона; 2) эксплуатация; 3) закрытие и рекультивация.

Требования нормативных документов не прописывают определенные сроки установки оборудования по удалению биогаза из тела полигона в период эксплуатации последнего. Технический кодекс Республики Беларусь ориентирует в большей степени на создание системы дегазификации (устранение биогаза из тела полигона) на этапе рекультивации объекта захоронения, когда объект может еще находиться в периоде активного формирования газовых эмиссий. В то время как требования Европейского союза в части проектирования, строительства и эксплуатации полигонов в настоящее время предусматривают проектирование объектов захоронения, которые не создадут сверхнормативной нагрузки на окружающую среду после вывода их из эксплуатации. Такая направленность предотвращает перенос проблемы эмиссий на неопределенное время в будущем, а также необходимость постоянного технического обслуживания и соответствующие затраты не будут возложены на последующие поколения [2; 3].

Таким образом, дегазификация предполагается в период эксплуатации полигона, а не на завершающем этапе. В связи с этим в международной практике актуальным из существующих подходов к созданию объектов захоронения, отвечающих принципам минимизации эмиссий на постэксплуатационном этапе, является строительство полигонов-биореакторов. Работа такого полигона направлена на ускоренную управляемую стабилизацию отходов, когда максимальный объем эмиссий выделяется в окружающую среду в период активной эксплуатации объекта, а долгосрочные эмиссии объекта уже не будут влиять на качество окружающей среды. В отличие от обычного полигона, эксплуатация полигона-биореактора позволяет контролировать и управлять процессами стабилизации массива захоронения, снижая или увеличивая объемы образования фильтрата и биогаза, в зависимости от технического состояния объекта и ассимилирующей способности окружающей среды [4].

Проанализировав документы Республики Беларусь, Российской Федерации и международные подходы в части проектирования, эксплуатации и рекультивации полигонов, в таблице 1 представим совокупность и последовательность бизнес-процессов для организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза на поверхность полигона.

Таблица 1. – Бизнес-процессы организации, осуществляющей захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза по этапам жизненного цикла полигона-реактора

ЭЖЦ полигона	Совокупность бизнес-процессов	Содержание
1. Проектирование и застройка полигона	- обустройство полигона	Подбор площадки для объекта захоронения; проектирование, строительство и устройство производственной и санитарно-защитных зон, включая размещение производственной зоны по сортировке и обработке коммунальных отходов; Установка устройств, трубопровода (биогазового комплекса) для сбора, разделения газоводяной смеси фильтрата и биогаза
2. Эксплуатация	- сбор и транспортировка коммунальных отходов на объекты захоронения; - сортировка отходов на специальных сортировочных линиях непосредственно перед их захоронением; - захоронение коммунальных отходов; - сбор фильтрата, извлечение биогаза	Сбор и транспортировка коммунальных отходов; разгрузка отходов на рабочей площадке; сортировка отходов, вовлекаемых повторно в экономический процесс, от отходов, подлежащих захоронению; складирование отходов в котлован полигона (захоронение). Сбор фильтрата и извлечение биогаза; обезвреживание фильтрата
3. Закрытие и рекультивация	- вывод полигона из эксплуатации и рекультивация земель	Проведение технических и биологических мероприятий. Технические мероприятия включают работы по уплотнению тела полигона, по засыпке образовавшихся провалов, выводу из эксплуатации сооружений систем дегазации для сбора свалочного газа и т.д. Биологические мероприятия предполагают работы, связанные с подготовкой почвы, подбором посадочного материала

Источник: собственная разработка на основе нормативных документов.

В соответствии с обозначенными этапами жизненного цикла полигона и соответствующими им бизнес-процессами выделим специфические объекты бухгалтерского учета в целях построения комплексной системы бухгалтерского учета для организаций, осуществляющих захоронение и извлечение биогаза, информационная база которых будет отвечать интересам реализации задач в области экологии, природопользования и экономики ресурсосбережения в Республике Беларусь.

Так, на первом этапе «Проектирование и застройка полигона» возникают обязательства, исполнение которых ожидается в будущем в период закрытия полигона: расходы на вывод полигона из эксплуатации и рекультивацию земель, а также вывод основных средств из эксплуатации, предназначенных для извлечения биогаза (скважины, трубопроводы, компрессоры и др.). Это экологические обязательства с неопределенным сроком исполнения и неопределенной величиной, поскольку между моментом проектирования и застройки полигона и его закрытием может пройти длительный период времени – от 10 до 40 лет, в течение которого могут измениться не только стоимость вышеназванных услуг, но и технологии рекультивации земель и вывода основных средств из эксплуатации.

В соответствии с МСФО 37: «существующее обязательство с неопределенным сроком исполнения или неопределенной величины – это резерв» [5]. Аналогичное определение данной категории приводится в Инструкции «Резервы, условные обязательства и условные активы», утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 28 декабря 2005 года № 168 [6].

Неопределенность момента выполнения экологического обязательства организацией вызвана продолжительным периодом (до 30 лет и более) эксплуатации полигона, в течение которого могут возникать различного характера факторы, способные повлиять на преждевременное прекращение осуществления хозяйственной деятельности или продления сроков эксплуатации полигона.

Неопределенность величины обязательств может быть вызвана технологическими изменениями (рисками) вывода полигона из эксплуатации либо ростом (падением) ставки дисконтирования, сокращением периода дисконтирования, что, в свою очередь, требует переоценки сформированного резерва. Существующая неопределенность срока исполнения обязательств и величина их размеров могут вызвать некоторые сложности в формировании резерва на этапе проектирования и застройки полигона, последующей его переоценки и учета переоценки на этапе эксплуатации полигона. В рамках действующего национального законодательства по бухгалтерскому учету отсутствуют рекомендации в части определения ставки дисконтирования и переоценки (пересчета) резерва в случае ее изменения. Разъяснения КРМФО (IFRIC) 1 «Изменения в существующих обязательствах по выводу объектов из эксплуатации, восстановлению природных ресурсов и иных аналогичных обязательствах» также не позволяют разрешить все спорные вопросы, возникающие на практике.

Как видим, на первом этапе жизненного цикла полигона требуется выделение нового объекта бухгалтерского учета – резерв под исполнение экологических обязательств в условиях неопределенности.

Второй этап «Эксплуатация полигона» включает ряд последовательных бизнес-процессов, первый из которых предполагает сбор коммунальных отходов и вывоз их на полигоны. Данный процесс завершается транспортировкой накопленных коммунальных отходов на объекты сортировки, где идентифицируются вторичные материальные ресурсы, такие, например, как ветошь, картон, пластик и т.д. Анализ нормативно-законодательной базы в части ресурсосбережения и обращения с отходами в Республике Беларусь, Российской Федерации, Республике Молдова, Украине свидетельствует о возможности повторного использования отходов коммунального хозяйства при наличии основополагающего признака – потребительских свойств, которые могут быть задействованы в экономическом процессе. Так, отходы коммунального хозяйства, обладающие потребительскими свойствами, которые могут быть вовлечены в экономическую деятельность, являются вторичными ресурсами.

В свою очередь, вторичные ресурсы делят в международной практике на «вторичные материальные ресурсы» и «вторичные энергетические ресурсы». Государственный стандарт Республики Беларусь «Энергосбережение. Основные термины и определения» 1770-2009, Закон Российской Федерации «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности», Закон Украины об энергосбережении, Закон Республики Молдова «Об энергоэффективности» вторичные энергетические ресурсы трактуют с позиции энергетического потенциала различных энергоносителей (включая отходы).

Исследование отечественной нормативно-законодательной базы и стран ближнего зарубежья в части ресурсосбережения, вторичных материальных ресурсов и обращения с отходами показало, что категория «вторичные материальные ресурсы» может обладать как материальными, так и энергетическими потребительскими свойствами (потенциалом). Представляется, что отнесение вторичного ресурса к материальной или к энергетической категории исходит от намерений дальнейшего использования ресурса в зависимости от преобладающих потребительских свойств у отхода и технологических возможностей организации. Так, «категория вторичные материальные ресурсы» может включать категорию «вторичные энергетические ресурсы». Например, отсортированное битое стекло – это вторичный материальный ресурс, который может быть использован как сырье для производства готовой продукции или полуфабрикатов из стекла. В то же время отходы картона, опилки, ветошь могут быть использованы в дальнейшем производстве топливных брикетов в качестве вторичного энергетического ресурса.

Таким образом, в процессе сортировки помимо затрат, связанных с сортировочной работой, образуются вторичные материальные ресурсы, обладающие потребительской ценностью, которые выступают объектом бухгалтерского учета и подлежат оценке. Отходы, не имеющие ресурсной ценности, подлежат складированию и трамбовке в специально подготовленном котловане.

В теле типичного полигона, где непрерывно накапливаются отходы, происходит непрерывное взаимодействие отходов с природной средой, что приводит к постепенному метаногенезу – процессу обра-

зования биогаза. Причем газообразование, как правило, неравномерное и достигает максимальных запасов и эмиссий на заключительной стадии этапа эксплуатации. Полигон-биореактор с разложением органических веществ в анаэробных условиях подразумевает дополнительное увлажнение отходов для оптимальной жизнедеятельности микроорганизмов с целью активного газообразования в период эксплуатации полигона [4]. При недостаточном увлажнении массива избыточное выделение тепла может привести к возгоранию полигона и стать причиной серьезных негативных экологических, технологических и социальных последствий. Соответственно, на втором этапе функционирования полигона, в период активного образования биогаза в толще полигона, вероятность возникновения экологических и социальных обязательств возрастает. К тому же, эти обязательства обладают неопределенностью: период наступления обязательств и их размеры нельзя определить с точностью, впрочем, как и 100-процентную вероятность их возникновения. Полагая, что затраты по устранению последствий возгорания могут быть весьма высокими, имеет смысл сформировать резерв под устранение социально-экологического и технологического ущерба либо на этапе проектирования и застройки полигона, либо в первой фазе эксплуатации полигона в период незначительного образования возгорающихся веществ в массе отходов.

Наличие в составе биогаза метана, свидетельствует о природном происхождении ресурса [7]. Подтверждением того, что биогаз входит в состав минеральных веществ, служит практически идентичный химический состав с природным газом. Запасы биогаза как составляющая минеральных ресурсов образуют энергетический потенциал отдельной организации и государства в целом. В свою очередь, минеральные ресурсы выступают элементом национального богатства каждой страны. Запасы биогаза в теле полигона могут выступать в роли ресурсной базы в производстве при наличии технологической возможности и экономической рентабельности его извлечения на поверхность полигона.

Итак, в рамках нашего исследования биогаз представляет собой *энерго-экономический потенциал (запасы метана), генерируемый путем разложения отходов коммунального хозяйства в теле полигона под воздействием микроорганизмов, извлечение которого на поверхность земли и его дальнейшее использование предполагает эколого-экономическую целесообразность* [8, с. 453].

Рассматривая метанообразования на объектах захоронения как конечную ступень в цепочке преобразования веществ: «органические вещества (первичный ресурс) – продукция – органические отходы – метан (вторичный ресурс) – энергия», использование термина «вторичный» к энергетическому ресурсу вполне допустимо. В данном контексте понимается, что первичные ресурсы образуются и накапливаются в биостроительных (природных) условиях, а вторичные ресурсы подвергаются преобразованию и образуются в техногенных условиях хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что при погружении отходов в грунт котлована и последующем формировании свалочного газа остатки отходов являются прямыми источниками загрязнения экосистемы, которые оказывают антропогенное воздействие на почву, грунтовые воды, атмосферный воздух и т.д. Вместе с тем взаимоувязанные компоненты природной среды способны в пределах определенных норм усваивать отходы, перерабатывать их и выводить за пределы экосистемы, обеспечивая тем самым её стабильное состояние и функционирование.

На сегодняшний день в международной практике в экосистемный (природный) капитал включают ресурсы, регулирующие и поддерживающие функционирование экосистемы, – это ресурсы, образующиеся посредством непрерывных биохимических процессов и энергетических потоков в экосистеме, которые обеспечивают устойчивое экологическое состояние окружающей среды. Регулирующие ресурсы (регулирование качества воздуха, переработка отходов и прочих нежелательных токсичных веществ экосистемой и др.) приобретают все больший интерес ученых как эколого-экономическая категория. Так зародилась новая область исследований определения стоимостной оценки, учета потенциала и потребления регулирующих и поддерживающих ресурсов экосистем в целях расчета индикаторов устойчивого развития и показателей экологической устойчивости. Например, опубликованный в 2012 году документ «Экспериментальный экосистемный учет» (System of Environmental-Economic Accounting: Experimental Ecosystem Accounting), разработанный отделом статистики ООН, содержит предложения в отношении учета экосистемных активов, которые включают регулирующие и поддерживающие нематериальные ресурсы экосистемы.

На текущий момент в международной практике субъекты природопользования, как правило, не отражают в бухгалтерском учете данные об ожидаемых потоках регулирующего и поддерживающего экосистемного ресурса, его потребления, что приводит к искажению информации об экологическом ресурсном потенциале и деградации экосистемы, а также к отсутствию необходимой информационной базы для достоверного определения показателя национального богатства и расчета макроэкономических индикаторов устойчивого развития страны в рамках «зеленой» экономики.

Исследуя понятия «ассимиляционная емкость», «ассимиляционный ресурс» и «ассимиляционный потенциал» в работах таких авторов, как С.М. Вишнякова, Г.А. Вишняков, В.И. Алеушкин, Н.Г. Бочарова, Ю.В. Никитенко [9], Шарон Бедер (Sharon Beder), Том Баркер (Tom Barker), Мартин Мортимер (Martin Mortimer) [10; 11], а также международного стандарта «Биоразнообразие, экосистемы и экосистемные услуги» (Biodiversity, ecosystems and ecosystem services) нами предложено следующее определение:

ассимиляционный ресурс – непрерывный поток экосистемного ресурса, продуцируемый системой функционально взаимосвязанных компонентов природной среды, который способен обезвреживать, усваивать, перерабатывать определенное количество отходов или выбросов в рамках допустимой антропогенной нагрузки, выводить их за пределы данной экосистемы, тем самым обеспечивая стабильное (устойчивое) ее функционирование; а также ресурс, изменения потоков которого зависят от качественных характеристик самой экосистемы (компонентов природной среды), с одной стороны, и от антропогенного воздействия на нее субъектом хозяйствования (человеком) – с другой стороны [8, с. 454].

На текущий момент запасы биогаза в теле полигона и ассимиляционный запас экосистемы не находят своего отражения в системе бухгалтерского учета организаций Республики Беларусь, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза, как элементы природного капитала, в то время как в этом имеется необходимость. Отсутствие учета потребления природного капитала исключает дальнейшую возможность расчета национального благосостояния, размеров национального богатства и «зеленого» ВВП. На международном уровне, вместе с тем, происходят реформы в системе учета и отчетности субъектов экономики, которые вызваны осознанной необходимостью включения в нее информации об использовании экосистемного (природного) капитала. Предпосылкой тому стало многообразие опубликованных за последние годы докладов стран мирового сообщества по вопросам рационального природопользования, устойчивого экономического развития с учетом вклада природного капитала.

Газообразный (энергетический) ресурс и ассимиляционный ресурс могут выступать активами организации, если удовлетворяют критериям актива. В Республике Беларусь одним из таких критерии является наличие права собственности на объект, что соответствует статической теории баланса. По действующему законодательству Республики Беларусь газообразный ресурс (биогаз) и ассимиляционный ресурс не могут быть включены в состав активов, так как исключительное право собственности на компоненты природной среды принадлежит государству [12, ст. 13, 44]. Отсутствие в балансе данных показателей искажает информацию о ресурсном и экономическом потенциале организации, в то время как экономический и природный потенциал субъекта хозяйствования отражает способность обеспечивать свое долговременное функционирование и решение своих стратегических задач.

В целях раскрытия информационного содержания о фактах хозяйствования, которое отвечает интересам ряда пользователей, полагаем допустимым применение динамической теории бухгалтерского учета для признания газообразного ресурса отходов коммунального хозяйства и ассимиляционного ресурса в качестве активов. Так, МСФО принимают динамическую теорию бухгалтерского учета, в основу которой положен принцип отражения в балансе всех используемых активов независимо от права собственности на них.

Рассматривая *газообразные (энергетические) ресурсы отходов коммунального хозяйства* как актив, полагаем, верным будет признание данного объекта в качестве долгосрочных запасов. Объяснением тому служит неравновременная (нестабильная) эмиссия биогаза в теле полигона на протяжении нескольких лет.

Итак, в бухгалтерском учете запасы газообразных ресурсов отходов коммунального хозяйства выступают долгосрочными активами, входящими в состав запасов минеральных ресурсов (установленные по результатам лабораторных тестирований и оценки экспертов). Так как организациями, занимающимися захоронением коммунальных отходов, производятся выбросы отходов в окружающую среду регулярно, то потребляемый поток ассимиляционного ресурса осуществляется на постоянной основе. То есть использование данного ресурса представляет непрерывный долгосрочный характер. В связи с чем считаем целесообразным запасы ассимиляционного ресурса в бухгалтерском учете также признать долгосрочным активом. Соответственно, на этапе эксплуатации полигона возникает необходимость введения в систему бухгалтерского учета новых объектов учета: запасы биогаза и ассимиляционные запасы экосистемы как элементы природного капитала.

В своем исследовании мы будем исходить из того, что вторичные энергетические ресурсы (ВЭР), подвергнутые обработке (переработке), представляют собой вторичное сырье (ВС), которое является исходным материалом для последующего производства тепла или выработки энергии. В рамках исследования деятельности извлечения свалочного газа под «обработкой» следует понимать извлечение биогаза на поверхность из тела полигона, его очистка в специальных установках от ненужных примесей. Соответственно, следующим объектом бухгалтерского учета выделим вторичное энергетическое сырье – биогаз, извлеченный на поверхность полигона и очищенный от ненужных примесей, т.е. прошедший дополнительную обработку.

Изучая метанообразование в теле полигона не только с позиции экономического потенциала организации и государства, но и с точки зрения потребностей снижения выбросов парниковых газов в атмосферный воздух, следует отметить внедрение в международную практику системы торговли квотами на соответствующие выбросы. Подобный рыночный механизм был разработан в рамках международных программ по изменению климата и Киотского Протокола в целях создания государствами наиболее эффективных методов снижения выбросов. Механизм предполагает, что страны получают квоты на выбросы углекислых газов, которыми они могут распоряжаться по своему усмотрению: использовать в собственных производственных целях, продавать, покупать, обменивать на иные активы. Так, накопление запасов квот (разрешений) по выбросам парниковых газов становится активом для организации, осу-

ществляющей захоронение отходов и извлечение биогаза, который может быть реализован с целью получения дополнительного дохода. Так как неконтролируемые эмиссии в рамках зоны полигона имеют место быть, соответственно, запас квот на выбросы парниковых газов у организации может выступать объектом бухгалтерского учета в качестве актива.

На третьем этапе «Вывод полигона из эксплуатации и рекультивация земель» предполагается проведение соответствующих технических и биологических мероприятий. Технические мероприятия включают расходы по работам уплотнения тела полигона, засыпки образовавшихся провалов, вывода из эксплуатации сооружений систем дегазации для сбора свалочного газа и т.д. Биологические мероприятия предполагают затраты, связанные с подготовкой почвы, подбора посадочного материала и т.д. Следовательно, на этапе вывода полигона из эксплуатации и рекультивации земель субъект хозяйствования исполняет свои экологические обязательства. На данном этапе в бухгалтерском учете отражается использование сформированного резерва под вывод полигона из эксплуатации и рекультивации,дается оценка его сформированной (переоцененной) величине в соответствии с текущими расходами в период закрытия полигона.

Предполагается, что на завершающем этапе – постэксплуатационном – массив отходов, который не был подвергнут деструкции либо находится на завершающей стадии разложения и образования биогаза, несет определенную экологическую нагрузку на экосистему, которая не превышает допустимые значения и ассимилируется в пределах экосистемы полигона. Таким образом, в период рекультивации следует также обозначить ассимиляционный ресурс в качестве объекта бухгалтерского учета.

В таблице 2 представим специфические объекты бухгалтерского учета в организациях, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза, в соответствии с выделенными этапами жизненного цикла полигона.

Таблица 2. – Специфические объекты бухгалтерского учета в организациях, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза, в соответствии с выделенными бизнес-процессами по этапам жизненного цикла (ЭЖЦ) полигона-реактора

ЭЖЦ полигона	Совокупность бизнес-процессов	Специфические объекты бухгалтерского учета
1. Проектирование и застройка полигона	Обустройство полигона	- резерв под исполнение экологических обязательств в условиях неопределенности
2. Эксплуатация	Сортировка отходов на специальных сортировочных линиях непосредственно перед их захоронением	- вторичные материальные ресурсы (отходы, выступающие ресурсом для дальнейшего производства продукции)
	Захоронение и накопление коммунальных отходов в теле полигона	- ассимиляционный ресурс (ассимиляционный запас экосистемы) - вторичный энергетический ресурс (запасы биогаза) - резерв под исполнение экологических обязательств в условиях неопределенности
	Извлечение биогаза	- вторичное сырье (биогаз после обработки и извлечения на поверхность полигона); - разрешение (лицензии) на выброс газообразований в атмосферу; - ассимиляционный ресурс (ассимиляционный запас экосистемы);
3. Закрытие и рекультивация	Вывод полигона из эксплуатации и рекультивация земель	- резерв под исполнение экологических обязательств в условиях неопределенности; - ассимиляционный ресурс (ассимиляционный запас экосистемы)

Источник: собственная разработка.

Заключение. Таким образом, деятельность организаций, осуществляющих захоронение коммунальных отходов, ориентированная на рациональное и эффективное обращение с отходами, имеет свою отличительную специфику, бизнес-процессы которой определяются соответствующими этапами жизненного цикла полигона. На каждом из обозначенных этапов выделенные специфические объекты бухгалтерского учета будут способствовать формированию целостной учетно-аналитической информационной базы, обеспечивающей принятие управленческих решений в рамках реализации задач по устранению экологических проблем, потребления природного капитала и ресурсосбережения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная стратегия по обращению с твердыми коммунальными отходами и вторичными материальными ресурсами в Республике Беларусь до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.by/upload/docs/filea1a9a20a06fc7fe5.pdf>. – Дата доступа: 11.11.2018.

2. Lechner, P. The road to sustainable Landfilling [Электронный ресурс] / P. Lechner, M. Huber-Humer // Proceedings Thirteenth International Waste Management and Landfill Symposium. – Sardinia, 2011. – Режим доступа: <https://www.sardiniasymposium.it/public/documents/Previous%20Edition/S11%20FINAL%20PROGRAMME>.
3. Greedy, D.R. Sustainable landfills under the EU concept. – From Sanitary to Sustainable Landfilling – why, how, and when? [Электронный ресурс] / D.R. Greedy // 1st International Conference on Final Sinks. – Vienna, 2010. – Режим доступа: https://publik.tuwien.ac.at/files/PubDat_188108.pdf. – Дата доступа: 11.11.2018.
4. Матвеев, Ю.Б. Полигоны бытовых отходов: ситуация и перспективы [Электронный ресурс] / Ю.Б. Матвеев, А.Ю. Пухнюк // Полигоны бытовых отходов. – 2013. – № 6. – Режим доступа: <http://uabio.org/img/files/news/pdf/msw-lanfills-situation-matveev-pukhniuk.pdf>. – Дата доступа: 11.11.2018.
5. Резервы, условные обязательства и активы : МСФО 37 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finotchet.ru/articles/154>. – Дата доступа: 25.01.2017.
6. Об утверждении Инструкции по бухгалтерскому учету «Резервы, условные обязательства и условные активы» [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь 28.12.2005 № 168. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/ru/accounting/methodology/acts/doc/caa5d7015a28f7e1.html>. – Дата доступа: 25.01.2017.
7. Биогаз полигона ТБО как источник энергии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://srsgroup.su/biogaz-poligona-tbo-kak-istochnik-energii.php>. – Дата доступа: 10.09.2017.
8. Трубович, Р.О. Особенности выделения объектов бухгалтерского учета в организациях, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза по этапам жизненного цикла полигона [Электронный ресурс] / Р.О. Трубович // Устойчивое развитие экономики : международные и национальные аспекты : электрон. сб. ст. II междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Полоцкого государственного университета, Новополоцк, 7–8 июня 2018 г. / Полоц. гос. ун-т. – Новополоцк, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
9. Экология и охрана окружающей среды. Толково-терминологический словарь / С.М. Вишнякова [и др.]. – М. : Всемирный следопыт, 1998.
10. Sharon Beder, The Nature of sustainable Development [Электронный ресурс] / Sharon Beder. – 2nd ed., Scribe, Newham, Victoria, 1996. – Р. 125. – Режим доступа: <http://www.uow.edu.au/~sharonb/STS300/science/regulation/infoprinciple.html>. – Датадоступа: 10.09.2017.
11. The Economics of Ecosystems and Biodiversity: The Ecological and Economic Foundations [Электронный ресурс]. Thomas Elmqvist [et al.]. – Режим доступа: <http://www.teebweb.org/our-publications/teeb-study-reports/ecological-and-economic-foundations>. – Дата доступа: 10.09.2017.
12. Закон Республики Беларусь. Конституция Республики Беларусь 1994 г/ (с изм. и доп. от 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351>. – Дата доступа: 10.09.2017.

Поступила 18.07.2019

**THE OBJECTS OF ACCOUNTING IN ORGANIZATIONS,
WHICH CARRY OUT THE DISPOSAL OF MUNICIPAL WASTE
AND BIOGAS EXTRACTION IN THE CONTEXT OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT**

R. TRUBOVICH

The activities of municipal waste disposal and processing are presented in the form of business processes that directly depend on the stages of the landfill life cycle. The content and a certain sequence of business processes within each stage allowed to identify the specific accounting objects. Definitions of new objects in accounting as gaseous (energy) resource and assimilation resource are formulated, and the possibility to recognize them as an assets of the organization is proved. The presented objects of accounting contribute to the formation of an integrated accounting and analytical information base, providing management decisions in the framework of the tasks to eliminate environmental problems, consumption of natural capital and resource saving.

Keywords: life cycle of the landfill, municipal waste, energy resource (biogas), assimilation resource, natural capital, conditional liabilities

ТЕОРИЯ ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.534

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ МАНДАТОВ ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТОВ БЕЛАРУСИ И ПОЛЬШИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

канд. юрид. наук, доц. О.В. ЧМЫГА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматриваются основания возникновения и прекращения мандатов членов Парламентов Беларуси и Польши с точки зрения юридической науки. Проанализированы данные юридические категории в сравнительном аспекте на основании существенной общности рассматриваемых сопредельных государств и их правовой доктрины в историческом, региональном и правовом контекстах. Множественность схожих законодательных положений (они преобладают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением и обусловлена преимущественно общими корнями польско-белорусского института парламентаризма. Отличные же друг от друга характеристики названных юридических категорий проявляются, прежде всего, в формальном их выражении – процедуре реализации.

Ключевые слова: парламент, члены парламента, депутат, мандат, основания возникновения и прекращения, сейм, сенат.

Введение. Значимым элементом правового положения членов Парламентов Беларуси и Польши являются основания возникновения и прекращения мандата депутата Сейма, члена Сената Национального собрания Республики Польша, а также основания возникновения и прекращения мандата депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь.

Учитывая достаточно дискуссионный характер названных правовых элементов в статусных конструкциях членов Парламентов с точки зрения современной юридической науки, а также существенную общность рассматриваемых сопредельных государств в историческом, региональном и правовом контекстах, проанализируем данные категории подробнее в сравнительном аспекте.

Основная часть. Итак, единственным основанием и юридическим фактом приобретения мандата депутатом Палаты представителей выступают прямые выборы. Юридическим же фактом, порождающим наделение членов Совета Республики парламентским мандатом, является факт косвенных выборов, а также факт назначения Президентом белорусского государства.

Следует отметить, что число мандатов депутатов нижней палаты белорусского Парламента – Палаты представителей – конституционная норма определяет в количестве 110. Совет Республики, будучи верхней палатой Парламента белорусского государства, является палатой территориального представительства. Общее число мандатов членов верхней палаты белорусского Парламента составляет 64. От каждой области и города Минска тайным голосованием избираются на заседаниях депутатов местных Советов депутатов базового уровня каждой области и города Минска по восемь членов Совета Республики. Восемь членов Совета Республики назначаются Президентом Республики Беларусь. Суммарное же количество мандатов парламентариев согласно Конституции Республики Беларусь составляет 174.

Законодательную власть в Республике Польша осуществляют Сейм и Сенат.

Сейм является нижней палатой Парламента и состоит из 460 депутатов, которые также наделяются мандатом в результате выборов. Выборы в Сейм в польском государстве являются всеобщими, равными, прямыми и пропорциональными и проводятся тайным голосованием.

Сенат же, являясь верхней палатой, состоит из 100 сенаторов. Польские сенаторы приобретают свой мандат на основании всеобщих, прямых выборов, проводимых при тайном голосовании. Общее количество мандатов членов польского Парламента равно 560.

Как прямые, так и косвенные выборы в Республике Беларусь проводятся на основании принципов всеобщности, равенства, свободы, тайного голосования на выборах, что характеризует белорусское государство в качестве демократического и правового. Показательным в этом отношении является высказывание белорусского профессора Г.А. Василевича, который справедливо отметил, что лишь при условии «проведения свободных и честных выборов можно говорить о том, что воля народа как единственного источника власти и полученные результаты голосования полностью совпадают» [1, с. 149].

Следует подчеркнуть, что четырехлетний срок исполнения полномочий белорусских парламентариев определяется днем первого заседания вновь избранных палат Парламента и заканчивается в день открытия первого заседания Палаты представителей, Совета Республики нового созыва (за исключением случаев, предусмотренных статьей 8 базового Закона) [2]. Данный факт означает, что момент возникно-

вения права на реализацию своего мандата у вновь избранного члена Парламента определяется днем первого заседания Палаты представителей, Совета Республики. Парламентарии же предыдущего состава осуществляют свои полномочия вплоть до указанного момента. В случае войны срок полномочий парламентариев может быть продлен.

Что же касается польского государства, то согласно части 1 статьи 98 Конституции Польши Сейм и Сенат, так же, как и палаты Парламента Беларуси, избираются на четырехлетний срок полномочий. Данное правило, как считает польский исследователь, профессор Павел Сарнецки, свойственно парламентской традиции Польши [3, с. 242]: оно сложилось в послевоенный период и существует с 1952 года (как известно, до второй мировой войны срок полномочий Парламента в Польше составлял 5 лет). Между тем только последние четыре созыва польского Парламента (1993–1997; 1997–2001; 2001–2005; 2007–2011) просуществовали полный четырехлетний срок. Данное обстоятельство, как справедливо подчеркивает профессор Лешек Гарлицки [3, с. 200], объясняется тем, что в предыдущие годы бурные политические события не позволяли придерживаться названного периода (например, Сейм пятого созыва (2005–2007) досрочно прекратил свое существование на основании самороспуска).

Отметим, что в части 1 статьи 98 Основного Закона Польши установлено, что срок полномочий Сейма и Сената начинается в день, в который Сейм собирается на первое заседание и продолжается до дня, предшествующего дню собрания Сейма нового созыва. Данные положения сохраняют свою силу и в случае сокращения либо продления сроков полномочий Сейма. По нашему мнению, названное конституционное правило призвано исключить всякую возможность превышения исполнительной властью своих полномочий в период, когда срок полномочий одного состава Сейма и Сената уже истек, а вновь избранного – ещё не начался, что позволяет надлежаще обеспечить стабильность работы и преемственности всей государственной власти.

Действительно, «невозможно обусловливать возникновение полномочий депутата признанием этих полномочий тем представительным органом, в который депутат избран... Это означало бы противоречие самой демократической сути института народного представительства» [4, с. 23–25].

Важно отметить, что польский законодатель предусмотрел лишь одно обстоятельство, при возникновении которого допускается продление срока полномочий Сейма и Сената. В частности, в соответствии с Конституцией Польши, «во время действия исключительного, положения, а также в течение 90 дней по его окончании не может быть сокращен срок полномочий Сейма, проведен общепольский референдум, не могут проводиться выборы в Сейм, Сенат, органы местного самоуправления, а также выборы Президента республики, а сроки полномочий этих органов соответственно продлеваются». При этом под исключительным положением в данной норме понимается военное положение, чрезвычайное положение, а также положение стихийного бедствия.

Конституционная норма Республики Беларусь (статья 93) установила следующий порядок начала работы палат Парламента. Первая после выборов сессия палат Парламента созывается Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов и начинает свою работу не позднее чем через 30 дней после выборов. Следует отметить, что в Республике Беларусь процесс признания полномочий народных избранников связан с соблюдением особой процедуры, нормативно определенной в регламентах палат Парламента.

Первое же заседание новоизбранного Сейма происходит в назначенный Президентом Польши срок и согласно установленной процедуре. Так, первое заседание нижней палаты открывает Маршал-старейшина, назначенный Президентом из числа старейших по возрасту депутатов. При этом примечательным, на наш взгляд, является то обстоятельство, что прежде чем приступить к осуществлению свободного мандата на первом заседании Сейма, депутаты приносят перед Сеймом следующую присягу: «Торжественно клянусь честно и добросовестно выполнять обязанности перед народом, оберегать суверенитет и интересы государства, делать все для благополучия родины и блага граждан, соблюдать конституцию и иные законы Республики Польша». Кроме того, присяга может быть принесена с добавлением предложения «Да поможет мне Бог». Процедуру принесения депутатской присяги, а также выборы Маршала Сейма проводит Маршал-старейшина. При этом депутаты, не присутствовавшие на заседании Сейма, а также депутаты, получившие мандат в срок полномочий Парламента, приносят депутатскую присягу на первом заседании, на котором они присутствуют. После же принесения депутатами присяги Маршал-старейшина проводят выборы Маршала Сейма. После избрания абсолютным большинством голосов при поименном голосовании Маршал Сейма принимает руководство заседанием.

Как представляется, нормативное закрепление положения об обязательном принесении и белорусскими парламентариями присяги на первом заседании каждой из палат Парламента в целях обеспечения эффективности их деятельности стало бы вполне логичным заключительным этапом официального признания их мандата. Полагаем, принесение присяги допустимо проводить перед Центральной комиссией Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов в лице ее Председателя.

Что касается оснований прекращения полномочий парламентариев, то в этой связи интересной с точки зрения юридической теории представляется позиция российского исследователя Л.А. Нудненко, которая считает, что «утрата депутатского мандата возможна в результате погашения и досрочного прекращения. Погашение депутатского мандата происходит независимо от воли и сознания самого депутата» [5, с. 149]. Депутатский мандат, как утверждает Л.А. Нудненко, погашается по окончании срока полномочий законодательного органа государственной власти и, соответственно, выделяет следующие основания погашения депутатского мандата: факт смерти депутата; объявления гражданина, являющегося депутатом, бывшем отсутствующим или умершим в соответствии с решением суда, вступившим в законную силу; признание гражданина, являющегося депутатом, решением суда ограниченно дееспособным или недееспособным [5, с. 149–150]. Несмотря на всю оригинальность такого подхода, мы не видим необходимости в выделении термина «погашение» мандата парламентария в качестве уникального. Полагаем, что утрату мандата народного избранника в результате погашения и досрочного прекращения целесообразно объединить общей теоретико-правовой категорией «прекращение» мандата указанного лица, поскольку, следуя правилам формальной логики, данная дефиниция поглощает термины «погашение» и «досрочное прекращение» мандата члена Парламента. При этом основания прекращения полномочий парламентария допустимо, на наш взгляд, классифицировать на два вида.

Так, в первом случае мандат прекращается в связи с истечением конституционного срока полномочий указанного лица.

Как мы уже отмечали выше, срок мандата и польских, и белорусских парламентариев составляет четыре года. При этом данный срок определяется периодом легислатуры Парламентов соответствующих государств и предусматривается конституционными нормами. Отметим, что указанное положение, устанавливающее периодичность выборов в Парламент, соответствует Протоколу № 1 к Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод. Это свидетельствует о приверженности рассматриваемых государств общепризнанным нормам международного права. Как обоснованно отмечает А.А. Безуглов, срок полномочий депутата не может быть очень коротким, так как в этом случае депутат не сможет приобрести в практической деятельности необходимые навыки «по управлению государственными делами» и слишком частая обновляемость представительных органов отрицательно влияет на эффективность их работы [4, с. 20]. Полагаем, что сроки полномочий польских и белорусских парламентариев, определенные в Конституциях, являются оптимальными, поскольку на современном этапе развития польского парламентаризма, а также в условиях, когда депутат Палаты представителей осуществляет свои полномочия в Парламенте на профессиональной основе (если иное не предусмотрено Конституцией Республики Беларусь), а член Совета Республики – на профессиональной основе либо без отрыва от трудовой (служебной) деятельности, период работы законодательного органа власти должен быть достаточно продолжительным (4–6 лет).

Во втором случае мандат парламентария, на наш взгляд, прекращается в связи с досрочным прекращением его полномочий, а также в случае досрочного прекращения полномочий (роспуска) палат Парламента, что, по нашему мнению, является исключением из указанного выше правила.

Отметим, что согласно базовому Закону [2] полномочия депутата Палаты представителей, члена Совета Республики по решению соответствующих палат досрочно прекращаются: 1) в связи с избранием или назначением депутата Палаты представителей, члена Совета Республики на должность, занятие которой согласно Конституции Республики Беларусь и базовому Закону [2] несовместимо с выполнением полномочий депутата Палаты представителей, члена Совета Республики; 2) в связи с письменным заявлением депутата Палаты представителей, члена Совета Республики о сложении полномочий по состоянию здоровья либо ввиду иных обстоятельств, препятствующих их исполнению; 3) в случае признания их судом недееспособными или ограниченно дееспособными; 4) при несогласии депутата Палаты представителей нового созыва в течение трех месяцев перейти на профессиональную работу в Палату представителей; 5) в случае признания выборов или полномочий отдельных депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики недействительными; 6) в случае прекращения гражданства Республики Беларусь; 7) в случае отзыва депутата Палаты представителей, члена Совета Республики; 8) в связи с письменным заявлением депутата Палаты представителей, члена Совета Республики о сложении полномочий по личным причинам. В базовом Законе закреплены и некоторые иные основания досрочного прекращения полномочий члена Парламента.

В связи с последним пунктом изложенного выше перечня оснований досрочного прекращения полномочий парламентариев, обращает на себя внимание справедливое замечание российского исследователя А.А. Безуглова, который, рассуждая о досрочном прекращении полномочий парламентариев, указывает «на ту легкость, с которой они могут это сделать по своему желанию: достаточно написать письменное заявление, ... войти в состав органа управления хозяйственного общества или иной коммерческой организации, заняться предпринимательской деятельностью» [6, с. 648–649]. Данная проблема актуальна для любого государства (в том числе для Беларуси и Польши) – сложный процесс приобретения

мандата парламентария, связанный с преодолением целого ряда препятствий как финансового, так и политического характера, достаточно характерен и существен для любого государства. Денежные средства, израсходованные из государственного бюджета на выборы «несостоявшегося» парламентария, могли бы быть гораздо более успешно применены, например, в сфере охраны материнства и детства, что, несомненно, соответствовало бы социальной сущности и белорусского государства. В этой связи, полагаем, в Республике Беларусь имеет определенный смысл установление обязанности, обращенной к парламентарию, желающему досрочно прекратить свои полномочия по названному основанию, выплатить в республиканский бюджет нормативно зафиксированного размера денежную компенсацию, покрывающую расходы белорусского государства, затраченные на проведение его избирательной кампании. Названная мера позволит достичь максимально целевого распределения средств белорусских налогоплательщиков, что важно для демократического и правового государства. В этой связи представляется достаточно насущным внесение соответствующего дополнения в статью 8 действующего базового Закона [2].

Полагаем, что существующий перечень оснований досрочного прекращения полномочий белорусских народных представителей мог бы быть несколько шире. В частности, в целях оптимизации деятельности членов Парламента Республики Беларусь его допустимо дополнить рядом иных оснований, таких, к примеру, как выезд парламентария на постоянное место жительства за рубеж; самороспуск Палаты представителей, Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и некоторыми иными

Примечательно, что в ряде зарубежных государств инициатором досрочного прекращения полномочий может быть политическая партия, если депутат утратил членство в партии, от которой он был избран [7, с. 327]. Полагаем, что данное законодательное правило неэффективно, поскольку существенно ограничивает деятельность парламентария как представителя. В белорусском законодательстве не закреплено подобное основание.

Нет указанного основания и в перечне оснований досрочного прекращения мандата парламентария, сформулированного польским законодателем. Названный перечень не настолько широк как белорусский и предусматривает следующие основания досрочного прекращения мандата члена Национального собрания Республики Польша.

В частности, национальный законодатель закрепляет досрочное прекращение действия мандата депутата Сейма на основании отказа названного выборного лица от принесения присяги или уклонения его от принесения присяги. В случае возникновения подобного обстоятельства, глава нижней палаты Парламента, предварительно испросив мнение Комиссии по Регламенту и депутатским делам, принимает решение об утверждении прекращения действия депутатского мандата уклонившегося лица, а также о замещении освобожденного мандата и оформляет его постановлением, которое должно быть опубликовано в Официальном Вестнике Республика Польша «Монитор Польски».

Данный перечень оснований досрочного прекращения мандата члена Национального собрания Польши целесообразно, как представляется, было бы дополнить еще одним основанием – неявка депутата Сейма, члена на определенное количество заседаний соответствующей палаты польского Парламента без уважительной причины. Подобное основание досрочного прекращения мандата представителя, будучи формой определенной политической ответственности данного выборного политика, по нашему мнению, способствовало бы максимально эффективной реализации им своих профессиональных обязанностей.

Отметим вместе с тем, что рассмотренное выше легальное правило отнюдь не является единственным основанием досрочного прекращения полномочий польских парламентариев.

В польском нормативном массиве закреплено также правило о том, что мандат депутата Сейма и члена Сената может быть досрочно прекращен на основании роспуска палат Парламента. В частности, Сейм имеет право сократить срок своих полномочий постановлением, принятым большинством не менее 2/3 голосов предусмотренного законом числа депутатов. Важно подчеркнуть, что подобное сокращение срока полномочий нижней палаты Парламента одновременно означает и сокращение срока полномочий Сената.

В польском законодательстве существует и еще одно основание досрочного прекращения полномочий палаты польского Парламента, а следовательно и мандатов ее членов. Так, Президент, узнав мнение глав Сейма и Сената, имеет право в случаях, определенных польской Конституцией (ст. 155, 225), отдать приказ о сокращении срока полномочий Сейма.

В частности, согласно статье 155 Конституции Польши в случае необразования Совета Министров в порядке ч. 3 ст. 154 Президент Республики в течение 14 дней назначает Председателя Совета Министров и по его предложению остальных членов Совета Министров, а также принимает их присягу. Сейм в течение 14 дней со дня назначения Совета Министров Президентом обязан предоставить ему вотум доверия большинством голосов в присутствии не менее половины предусмотренного законом числа депутатов. В случае же непредставления Совету Министров вотума доверия Президент сокращает срок полномочий Сейма и назначает выборы. В соответствии же со статьей 225 Конституции Польши, если в течение 4 месяцев со дня внесения в Сейм проекта закона о государственном бюджете он не будет

представлен Президенту Польши на подпись, Президент может в течение 14 дней отдать приказ о сокращении срока полномочий Сейма.

Как и в предыдущей ситуации, в случае принятия Президентом Польши решения о сокращении срока полномочий Сейма, вместе с этим одновременно сокращается и срок полномочий верхней палаты. При этом, отдав подобный приказ, глава польского государства обязан одновременно назначить выборы в Сейм и Сенат, установить их дату на день, приходящийся на период не более 45 дней со дня издания приказа о сокращении срока полномочий Сейма, а также созвать первое заседание новоизбранного Сейма не позднее, чем на пятнадцатый день после дня проведения выборов. Отметим, что полный перечень оснований прекращения мандата депутата Сейма, члена Сената Польши закреплен в статье 213 Закона Польши от 12 апреля 2001 года.

Заключение. Анализируя установленную законодателями рассматриваемых в данном исследовании государств нормативную природу оснований возникновения и прекращения мандатов депутатами Сейма, членами Сената и сравнивая их с аналогичными правовыми категориями статусной конструкции депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики, находим в данных правомочиях как общие, так и отличные друг от друга характеристики. Множественность схожих законодательных положений (они преобладают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением и, по нашему мнению, обусловлена, главным образом, общими корнями польско-белорусского института парламентаризма. Их суть состоит в том, что основания возникновения и прекращения мандата парламентариев, являясь неотъемлемым элементом их правового статуса, определяют временной период реализации полномочий членов Парламента как польского, так и белорусского государства. Отличные же друг от друга характеристики названных юридических категорий проявляются, прежде всего, в формальном их выражении, а именно в процедуре их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, Г.А. Конституция и проблемы совершенствования избирательного права в Республике Беларусь / Г.А. Василевич // Журн. Российской права. – 1999. – № 5/6. – С. 149–157.
2. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 1998 г., № 196-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Prawo konstytucyjne Rzeczypospolitej Polskiej ; Paweł Sarnecki (red.). – Warszawa, Poland : Wydawnictwo C.H. Beck, 2011.
4. Безуглов, А.А. Советский депутат. Государственно-правовой статус / А.А. Безуглов. – М. : Юрид. лит., 1971. – 221 с.
5. Нудненко, Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации / Л.А. Нудненко. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 473 с.
6. Безуглов, А.А. Конституционное право России : учеб. для юрид. вузов : полн. курс : в 3 т. / А.А. Безуглов, С.А. Солдатов. – М. : Профобразование, 2001. – Т. 2. – 831 с.
7. Крылова, Н.С. Конституционные модели законодательной власти / Н.С. Крылова // В кн.: Сравнительное конституционное право : учеб. пособие. – М., 2002.
8. Ustawa z dnia 12 kwietnia 2001 r. – Ordynacja wyborcza do Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej i Senatu Rzeczypospolitej Polskiej (tekst jednolity: Dz. U. z 2001 r. Nr 46, poz. 499 ze zm.

Поступила 24.10.2019

LEGAL GROUNDS FOR THE CREATION AND TERMINATION OF MANDATES OF MEMBERS OF THE PARLIAMENTS OF BELARUS AND POLAND: COMPARATIVE ASPECT

O. CHMYGA

The grounds of origin and termination of mandates of members of Parliaments of Belarus and Poland from the point of view of the legal theory have now debatable character. In work these legal categories in comparative aspect on the basis of an essential community of the considered adjacent states and their legal doctrine in historical, regional and legal contexts are analysed.

Keywords: Parliament, members of Parliament, member, mandate, grounds of origin and termination, the Sejm, the Senate.

УДК 342.4(476)

СОВРЕМЕННЫЕ ГРАНИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДЕМОКРАТИЗМА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

П.В. СОЛОВЬЁВ
(Полоцкий государственный университет)

Рассматривается вопрос формирования новых подходов в реализации нормотворческого принципа демократизма. Предложена идея трансформации двух основных нормотворческих инструментов принципа демократизма – института нормотворческих инициатив граждан и института публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов – в единую систему совместного осуществления государством и населением нормотворческой деятельности на основе краудсорсинговых технологий. При этом автором обозначен ряд возможных проблем в условиях реализации на практике данной концепции; предлагается рассматривать принцип демократизма в нормотворческой деятельности не только в традиционном контексте учёта интересов населения при создании нормативных правовых актов, но и через идею ограничения абсолютного влияния государственных органов на концепцию создаваемых нормативных правовых актов.

Ключевые слова: нормотворчество, нормотворческий процесс, нормотворческий принцип демократизма, нормотворческие инициативы граждан, публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов, краудсорсинговые технологии.

Введение. Принцип демократизма в теории нормотворчества считается базовым принципом нормотворческой деятельности, поскольку реализация данного принципа служит основой выражения в нормативных правовых актах общесоциальной справедливости, что является сущностной основой права. Принцип демократизма в нормотворчестве может быть определён как установление свободного демократического порядка подготовки, обсуждения и принятия нормативных актов, посредством которого народ выражает свои интересы в праве.

Нормотворческий принцип демократизма имеет достаточно широкий набор механизмов, обеспечивающих его реализацию. В первую очередь, это институты представительной демократии (парламент, президент, местные органы самоуправления и др.). В современных государствах главная роль в нормотворчестве принадлежит именно публичным органам власти, создаваемым для осуществления государственной власти на постоянной и квалифицированной основе, и в данном случае вопрос демократизма нормотворчества становится одним целым с важнейшей конституционно-правовой проблемой – представительство народа в публичных органах власти.

Однако нормотворческий принцип демократизма также реализуется и через институты непосредственной демократии, которые нашли широкое применение во многих государствах, и имеют немаловажное значение в современном нормотворческом процессе. Это целый ряд инструментов: нормотворческие инициативы граждан (в том числе право законодательной инициативы); публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов; императивные и консультативные референдумы по вопросам принятия, изменения, отмены, толкования нормативных правовых актов; обращения граждан и юридических лиц в государственные органы по вопросам нормотворческой деятельности; общественно-консультативные советы при нормотворческих органах и др.

В современном нормотворческом процессе наибольшую практическую реализацию получили первые два института: нормотворческие инициативы граждан и публичные обсуждения проектов нормативных правовых актов. Законом Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» 2018 года [1] впервые достаточно полно регламентирован институт публичных обсуждений проектов нормативных правовых актов, что должно стать новым импульсом дальнейшей демократизации и открытости нормотворчества. Институт нормотворческих инициатив граждан также закрепляется данным Законом, однако без достаточной процедурной регламентации. На сегодняшний день в Республике Беларусь институт нормотворческой инициативы граждан целостно урегулирован лишь в отношении законодательной инициативы граждан посредством Закона Республики Беларусь от 26 ноября 2003 года «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» [2].

Основная часть. На наш взгляд, в развитие Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» можно предложить новый подход к реализации данных институтов в условиях стремительно-го развития информационных технологий и внедрения в порядок их реализации краудсорсинговых технологий. Краудсорсинг – это решение каких-либо задач силами заинтересованных лиц, деятельность ко-

торых координируется на базе информационных технологий [3, с. 44–45], что позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью. Технологии краудсорсинга находят своё применение во многих сферах общества, и нормотворческий процесс не стал исключением. В свете краудсорсинговых технологий институт нормотворческих инициатив граждан из процедуры по сбору подписей в поддержку нормотворческой инициативы трансформируется в специализированные сайты, которые позволяют предлагать нормотворческие инициативы, информировать общественность о предлагаемых инициативах, собирать голоса в поддержку инициативы или голосовать против инициативы. Данная модель реализована на практике, например, в Российской Федерации через конституционно-правовой институт «Российская общественная инициатива», а также в других странах [4].

В свою очередь, в свете краудсорсинговых технологий институт публичных обсуждений нормативных правовых актов из направления письменных или электронных замечаний и предложений по проекту в нормотворческий орган преобразуется в специализированные сайты обсуждения проектов, которые позволяют голосовать за или против проекта в целом, его отдельные статьи, размещать замечания по проекту, формулировать к проекту предложения, которые также могут быть оценены другими пользователями. Здесь уже можно говорить о понятии «совместное правотворчество» – «общественность принимает участие в самом процессе создания текста, а не только в обсуждении предлагаемых официальными структурами проектов» [5, с. 300]. На наш взгляд, в Республике Беларусь в ближайшей перспективе должно быть создано организационное обеспечение для совместного нормотворчества государственных органов и граждан. Нормотворческий принцип демократизма должен быть трансформирован в новую систему взаимодействия государства и населения через переход от подготовки проекта нормативного правового акта государством и его последующей оценки гражданами к процедуре совместного осуществления нормотворческой деятельности, в том числе на стадиях планирования, нормотворческой инициативы и подготовки проекта. Например, видится разумным проводить публичные консультации ещё на стадии формирования правотворческой политики по правовому регулированию наиболее важных вопросов. Необходимо введение института публичных обсуждений на стадии планирования нормотворческой деятельности и инициатив. Публичные консультации по завершённому проекту нормативного правового акта таят в себе опасность обсуждения проекта с изначально неверной нормотворческой концепцией (либо вовсе ненужного акта), и в данном случае частичные правки не обеспечат эффективность такого нормативного правового акта, так как надо менять весь вектор нормотворческого решения, что не всегда приемлемо для амбиций нормотворческого органа, который уже подготовил проект. Организационно это можно реализовать лишь через краудсорсинговые технологии.

Как отмечают конституционалисты, перед современным конституционным правом стоит задача осмыслиения краудсорсинга как новой формы непосредственной демократии и разработки гарантий, связанных с реализацией конституционных прав и свобод граждан в условиях распространения краудсорсинговых технологий [6; 7]. Краудсорсинговые технологии в нормотворчестве могут быть охарактеризованы как с положительной, так и с отрицательной стороны. В свою очередь, использование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве позволяет осуществить сбор и анализ информации, обсудить и выработать нормотворческое решение широким кругом лиц с различными точками зрения, широтой планирования и креативностью, а значит получить более качественный нормативный правовой акт. Использование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве повышает лояльность общества к принимаемым нормативным правовым актам, поскольку общественность является одним из авторов этого решения. Краудсорсинговые проекты нормативных правовых актов позволяют разделить политическую ответственность за качество и эффективность будущего нормативного правового акта между государством и общественностью.

Однако краудсорсинговые технологии в нормотворчестве имеют ряд отрицательных характеристик. Использование исключительно краудсорсинговых технологий в нормотворчестве может повлечь нерепрезентативность результатов данных институтов, поскольку не все социальные группы в равной степени имеют доступ к сети Интернет или не считают его активное использование необходимой частью своей жизни. Подобная проблема должна решаться через переход к преимущественному использованию краудсорсинговых технологий в нормотворчестве, т.е. превалирование краудсорсинговых технологий в нормотворчестве при сохранении возможности реализовать своё право на нормотворческую инициативу или участие в публичном обсуждении проекта вне краудсорсинговых технологий.

При этом краудсорсинговые технологии в нормотворчестве позволяют принять участие в выработке нормотворческого решения широкому кругу лиц (часто с противоположными точками зрения). Нормотворческое решение также должно быть согласовано и с позицией государственных органов, здесь возникает проблема совмещения разрозненных позиций в целостный и согласованный нормативный

правовой акт. Как представляется, это проблема должна решаться на основе сущностных требований нормотворческого принципа демократизма: нормативные правовые акты должны в первую очередь выражать интересы населения, а не государственных органов; интерес большинства имеет больший вес, чем интерес меньшинства; интерес меньшинства должен быть удовлетворён через компромиссное решение.

В целом следует отметить, что трансформация двух основных нормотворческих инструментов принципа демократизма – института нормотворческих инициатив граждан и института публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов – в единую систему совместного осуществления государством и населением нормотворческой деятельности на основе краудсорсинговых технологий позволит перевести нормотворчество на новый уровень легитимности. В современных условиях «весьма острыми остаются проблемы преодоления отчуждения государства от общества... доверие к власти становится категорией не только политической, но и экономической... действия государства должны быть открыты, понятны и контролируемые обществом» [8, с. 5].

Продолжая исследование новых граней в реализации нормотворческого принципа демократизма, также можно обозначить проблему в воплощении данного принципа не только с позиций отражения в нормативных правовых актах интересов народа, но, по крайней мере, с точки зрения ограничения абсолютного влияния государственных органов на концепцию проектов нормативных правовых актов. Данный вопрос может быть представлен на примере такой стадии нормотворческого процесса, как подготовка проекта нормативного правового акта, главным образом, законов, поскольку именно они призваны играть ключевую роль в регулировании общественных отношений.

В соответствии с ч. 1 ст. 99 Конституции Республики Беларусь право законодательной инициативы принадлежит: Президенту, депутатам Палаты представителей, Совету Республики, Правительству, а также гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек [9]. Практика законодательного процесса в Республике Беларусь свидетельствует о том, что доминирующим субъектом права законодательной инициативы является Правительство, поскольку порядка 90% законо-проектов направляется в Парламент Советом Министров. Президент вносит 8–10% проектов законов. На долю депутатов Палаты представителей, Совета Республики приходится не более 1–2% проектов законов [10, с. 284]. Гражданами в Парламент не было внесено ни одного законопроекта, что является как следствием недостаточной политической активности белорусского населения, так и результатом усложнённой процедуры Закона Республики Беларусь от 26 ноября 2003 года № 248-З «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь».

В силу этого законодательный процесс в Республике Беларусь имеет ограниченный круг разработчиков законопроектов – органы исполнительной власти (Правительство, министерства и государственные комитеты, подчинённые учреждения и организации). Отдельно в качестве разработчика проектов законов также следует выделить Национальный центр законодательства и правовых исследований, который является научно-практическим государственным учреждением, подчинённым Президенту. Подобное положение дел с высокой долей законопроектов, разрабатываемых исполнительными органами, объяснимо, так как разработка современного закона требует значительных информационных, кадровых, организационных ресурсов, которыми исполнительная власть обладает. Ведущая роль органов исполнительной власти в качестве разработчика законопроектов типична для развитых демократических государств.

Заключение. Однако складывается ситуация, при которой разработкой законопроектов занимаются исполнительные органы, которые, как показывает практика, склонны противопоставлять себя обществу и человеку, преследовать свои корпоративные интересы. Велика вероятность, что при разработке законо-проекта исполнительными органами, в сфере деятельности которых будет реализовываться закон, в случае коллизии прав, свобод человека и интереса системы государственной службы, предпочтение будет отдано последнему. Как, собственно, и вся концепция законопроекта будет строиться с позиций субъекта исполнительной власти (чрезмерная и детальная регламентация общественных отношений, превалирование разрешительной процедуры над заявительной, сохранение и расширение аппарата государственного управления и т.п.). Разумеется, на страже интересов личности и общества находится Парламент, рассматривающий и принимающий законы. Однако при превалировании законопроектов, разработанных органами исполнительной власти, их «мировоззрение» по правовому регулированию общественных отношений будет основой для всего массива нормативных правовых актов.

Именно по этой причине видится необходимым развитие института альтернативных проектов нормативных правовых актов, а не использование существующей системы запросов и консультаций исполнительных органов по отдельным вопросам разработки проектов. Только в таком случае возможно достигнуть многообразия концепций, а значит и вероятности выбора наиболее оптимальной модели правового регулирования, отражения интересов граждан в нормативных актах. В этой связи представляется возможным нормативно установить обязанность нормотворческих органов при работе с наиболее важ-

ными и сложными вопросами правового регулирования инициировать разработку альтернативных проектов законодательных актов. Координатором такой деятельности может быть Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА

1. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 26 нояб. 2003 г. № 248-З : в ред. от 4 июня 2015 г. № 268-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Парфенов, Р.В. Краудсорсинг в области права: российский опыт и перспективы / Р.В. Парфенов // Законодательство и экономика. – 2013. – № 7. – С. 44–52.
4. Чеботарев, Г.Н. Гражданская законодательная инициатива как форма осуществления населением государственной власти / Г.Н. Чеботарев, К.А. Иванова // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 4. – С. 59–64.
5. Соколова, А.А. Демократическая культура в законопроектной деятельности: практика «Crowdsourcing» / А.А. Соколова // Юридическая техника. – 2016. – № 10. – С. 299–301.
6. Дзидзоев, Р.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства / Р.М. Дзидзоев, А.М. Тамаев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 8. – С. 66–70.
7. Курячая, М.М. Технологии краудсорсинга в юридической практике / М.М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 6. – С. 31–37.
8. Комарова, В.В. Эффективность консультативных форм прямого народовластия / В.В. Комарова // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 2–5.
9. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. Пляхимович, И.И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. / И.И. Пляхимович. – Минск : Амалфея, 2015. – Т. 2. – 984 с.

Поступила 10.11.2019

MODERN ASPECTS OF THE PRINCIPLE OF DEMOCRATISM IMPLEMENTATION IN RULE-MAKING PROCESS

P. SOLOVIEV

The article presents new approaches to implementation of the rule-making principle of democratism. The article proposes the idea of transforming the two main rule-making tools of the democratism principle – the institution of the rule-making initiative of citizens and the institute of public discussions of draft legal acts into a single system of joint implementation by state and citizens of rule-making activities based on crowdsourcing technologies. In this case, the author designates a number of possible problems in the conditions of implementation of this concept in practice. The article also proposes to consider the principle of democratism in law-making not only in the traditional context of taking into account the interests of citizens when creating legal acts, but also through the concept of limiting the absolute influence of the state on the concept of draft legal acts.

Keywords: rule-making; rule-making process, rule-making principle of democratism; rule-making initiatives of citizens; public discussions of draft legal acts; crowdsourcing technology.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ

О.Г. КОЛОШИЧ

(Государственное предприятие «Белазронавигация», Минск)

Исследуется проблема приемной семьи как формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Раскрывается понятие приемной семьи на основании анализа существующей научной доктрины. Выделяются новые отличительные особенности приемной семьи как формы устройства детей-сирот. Обосновывается выделение видов приемной семьи с учетом правового статуса ребенка, передаваемого на воспитание в приемную семью, времени нахождения ребенка в приемной семье, состояния здоровья ребенка.

Ключевые слова: понятие приемной семьи, признаки приемной семьи, виды приемной семьи.

Введение. Социальное сиротство всегда являлось негативным социально-правовым феноменом в обществе. В ситуации, когда воспитание ребенка в кровной семье невозможно по различным причинам, государство использует различные институты для надлежащего воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семейной среде.

В представляющей работе приемная семья рассматривается как форма устройства детей-сирот на воспитание в семью, раскрываются ее существенные признаки на основе анализа научной доктрины. Выводы сделаны с учетом проведенного автором практического исследования института приемной семьи в Минской области в 2018 году.

Основная часть. Вопрос об определении сущности приемной семьи как правового явления в настоящее время не нашел своего однозначного решения, в первую очередь, вследствие отсутствия легальной дефиниции в действующем законодательстве Республики Беларусь. Соответственно, и в правовой доктрине семейного права отсутствует однозначное определение данного института.

Представляется, что для определения содержания понятия приемной семьи необходимо выявить его существенные признаки и их сущность.

Приемную семью В.А. Цветков обоснованно определяет как «временную, профессиональную семейную форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, предусматривающую оплату труда приемных родителей (супругов или отдельных граждан, взявших детей на воспитание) и государственное содержание детей» [1, с. 38]. Специфическим признаком приемной семьи В.А. Цветков выделяет также следующее: «приемная семья – это индивидуальная форма устройства, так как воспитание и защита прав приемного ребенка осуществляется конкретным физическим лицом. В связи с этим правоотношениям по функционированию приемной семьи присущ фидуциарный, т.е. лично-доверительный характер, обязывающий приемного родителя лично исполнять обязанности по договору» [1, с. 37]. Выделение этого признака не раскрывает сущности приемной семьи, полагаем, что при избрании любой из форм семейного устройства лицо, которое определено выполнять обязанности по воспитанию, должно лично выполнять свои обязанности, не может их перекладывать на другое лицо.

Российскими авторами, такими как А.М. Нечаева [2, с. 304], А.Н. Левушкин [3], Н.П. Петрова [4], обоснованно выделяются следующие признаки приемной семьи:

- приемная семья основывается на договоре, который заключается в письменной форме по просьбе лиц, желающих воспитывать ребенка в своей семье;
- сторонами в данном договоре являются приемные родители и органы опеки и попечительства;
- лица (лицо), заключающие договор, могут быть бездетные супруги или те, у кого есть собственные дети, как взрослые, так и несовершеннолетние;
- труд родителей в приемной семье оплачивается в зависимости от количества взятых на воспитание детей; повышенную оплату имеют семьи, взявшие на воспитание малолетних детей, детей-инвалидов и иного;
- ежемесячно выплачиваются денежные средства за счет бюджета органов местного самоуправления соответственно сложившимся в данном регионе ценам;
- приемная семья пользуется различного рода льготами в соответствии с принимаемыми органами местного самоуправления решениями.

По мнению О.Н. Низамиевой, особенности приемной семьи заключаются в том, что «во-первых, в основании устройства ребенка в приемную семью лежит сложный юридический состав, включающий в себя акт органа опеки и попечительства о назначении опекуна и попечителя, выполняющих

свои обязанности возмездно (приемных родителей), и договор о приемной семье. Во-вторых, приемная семья – это временная форма устройства детей, поскольку договор о приемной семье носит срочный характер, приемная семья образуется на срок, предусмотренный договором. В-третьих, при передаче ребенка в приемную семью он не утрачивает правовых связей со своими родителями и иными родственниками, между приемными родителями и детьми не возникает ни алиментных обязательств, ни наследственного правопреемства. В-четвертых, приемные родители осуществляют свои функции за вознаграждение. В-пятых, приемная семья пользуется различного рода мерами социальной поддержки, определяемыми договором о приемной семье в соответствии с законодательством. В-шестых, приемная семья, как и любая иная семья, не является самостоятельным субъектом права, за ней не признается статуса юридического лица» [5].

Как справедливо обосновывает в семейно-правовой доктрине Р.Л. Мурзин, «приемная семья, во-первых, основывается на договоре о передаче ребенка на воспитание в приемную семью, заключаемом приемными родителями и органами опеки и попечительства; во-вторых, отличительной чертой приемной семьи является особый статус лица (лиц), взявшего ребенка на воспитание в приемную семью, и самого ребенка: приемные родители и приемные дети. В-третьих, особенностью, определяющей специфику приемной семьи, является оплата труда приемных родителей, зависящих от числа взятых на воспитание детей. В-четвертых, приемная семья пользуется различного рода льготами, устанавливаемыми законодательством» [6, с. 155–156].

Небезосновательно О.В. Фетисова указывает на особенности приемной семьи, отличные от выше-приведенных мнений. Так, приемную семью О.В. Фетисова разделяет на несколько групп: *первая группа* – правовым основанием создания приемной семьи является договор о передаче ребенка на воспитание в приемную семью; *вторая группа* характеризуется тем, что приемная семья – это семья профессиональная, т.е. говоря «о профессионализме родителя-воспитателя, который осуществляет воспитание приемного ребенка на основе жизненного опыта, опыта, приобретенного в процессе воспитания собственных детей, своих представлений о роли семьи и родителей в жизни ребенка», к этому добавляются профессиональные знания в процессе обучения, возмездный характер деятельности приемного родителя, который включает оплату труда приемных родителей; зачисления работы по воспитанию детей в трудовой стаж, право на получение пенсии; основное предназначение приемного родителя – замещение родных родителей ребенка и выполнение основных родительских функций; подвергается в наибольшей степени вмешательству в ее дела со стороны компетентных органов; приемная семья способствует решению такой социальной проблемы, как безработица; *третья группа* – присущи особенности, которые приемные родители и их воспитатели приобретают после заключения договора [7, с. 49–53].

Однако мы не разделяем точку зрения О.В. Фетисовой на определение «профессионализма» приемного родителя и считаем, что жизненный опыт и опыт воспитания приемных детей не может пониматься как профессионализм, так как это одно из условий создания приемной семьи.

Представляется, что реализация данной формы устройства детей не решает проблемы безработицы. В основе отношений приемной семьи лежат семейно-правовые связи, которые основаны на личных отношениях. Не всегда приемный родитель имеет педагогическое образование. Приемная семья не должна рассматриваться как вид профессиональной деятельности, эти отношения по правовой природе не являются трудовыми и имеют семейно-правовую сущность.

Вполне оправданно В.А. Цветков под профессиональностью понимает грамотное воспитание ребенка (детей) по поручению государства, т.е. «приемные родители должны обладать необходимыми педагогическими навыками и знаниями» [1, с. 11].

С мнением В.А. Цветкова можно согласиться в части того, что приемные родители должны обладать необходимыми педагогическими навыками и знаниями для реализации воспитательных функций в приемной семье, а определение профессионализма через категорию «грамотность» не будет признаком профессионализма.

Подготовка приемных родителей состоит из освоения образовательной программы обучающих курсов. Однако с учетом того, что освоение образовательной программы обучающих курсов не направлено на приобретение профессии, подготовка приемных родителей в рамках создания приемной семьи не может быть приравнена к получению педагогического образования.

Обоснованно З.Н. Гаджиева называет и другие специфические признаки приемной семьи. По ее мнению, «приемная семья устанавливается только по договору о приемной семье, содержание которого, а также условия и порядок его прекращения прямо предусмотрены законом; предусматривает передачу в одну приемную семью не только братьев и сестер, но и всех детей, являющихся родственниками, вне зависимости от степени родства. Также отличается особым субъектным составом приемных родителей, прямо указанным в законе (только супруги или отдельное лицо); возможность приема в семью до 8 детей; исключительно договорным и возмездным характером; наличие особо оговоренных законом

Правил создания приемной семьи и осуществления контроля за условиями жизни и воспитания ребенка (детей) в приемной семье» [8].

По мнению И.Л. Шамраевой, «приемную семью следует определять в качестве особенного социально-педагогического явления, поскольку она представляет собой уникальную форму устройства и обеспечения воспитания детей, оставшихся без родительского попечительства. Граждане, осуществляющие семейное воспитание таких детей, именуются приемными родителями, а ребенок, подлежащий воспитательному воздействию с их стороны, соответственно – приемным ребенком» [9, с. 15].

Утверждения указанных авторов о признаках приемной семьи являются обоснованными и соответствуют действующему законодательству Российской Федерации, однако с некоторыми из них можно согласиться лишь частично. Точка зрения З.Н. Гаждиевой относительно того, что признаком приемной семьи является обязательное принятие всех детей, являющихся родственниками приемного ребенка, вне зависимости от степени родства, является весьма спорной.

Одновременно в приемную семью можно передавать одного или несколько детей. При передаче в приемную семью не допускается разъединение братьев и сестер, за исключением случаев, когда это отвечает их интересам (ст. 173 Кодекса о браке и семье – КоБС). На наш взгляд, императивная норма для обязательного воспитания всех братьев и сестер может быть применена при создании приемной семьи, однако во время функционирования приемной семьи ее применение может вызвать трудности. Помещение вновь выявленных детей, которые имеют родственные отношения с приемным ребенком, должно происходить с учетом интересов всех воспитывающихся в семье детей.

Изучив доктринальные подходы к определению признаков приемной семьи, статья 170 КоБС и Положение о приемной семье, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 1999 г. № 1678 (далее – Положение о приемной семье), можно сделать вывод, что действующими признаками приемной семьи, закрепленными в законодательстве, являются следующие:

- возникновение приемной семьи на основании решения органа опеки и попечительства;
- наличие договора об условиях воспитания и содержания детей и трудового договора;
- временная форма устройства детей-сирот на воспитание в семью;
- возмездная форма устройства детей;
- приемные родители прошли подготовку для воспитания детей в приемной семье.

Новыми признаками приемной семьи, не установленными в правовых актах, но вытекающими из правовой природы и социально-правовой сущности приемной семьи, являются:

- отсутствие близкого родства между приемными родителями и приемными детьми при создании приемной семьи;
- выбор приемными родителями пола, возраста, состояния здоровья приемного ребенка (детей), передаваемого на воспитание в приемную семью;
- совмещение безвозмездного и возмездного выполнения обязанностей по воспитанию приемного ребенка;
- наличие опыта воспитания детей.

Представляется, что введение новых признаков приемной семьи способствует формированию отличительных особенностей и эффективной модели организации приемной семьи, является теоретической основой для выработки научно обоснованного понятия приемной семьи в национальном законодательстве.

Таким образом, с учетом признаков, закрепленных в законодательстве, и новых можно дать следующее определение приемной семьи. *Приемная семья – это временная форма устройства детей-сирот на воспитание в семью, в которой приемные родители самостоятельно выбирают приемного ребенка, не связаны близким родством с приемным ребенком, выполняют свои обязанности на основании договора, совмещают безвозмездное и возмездное выполнение обязанностей по воспитанию приемного ребенка, прошли подготовку и имеют опыт воспитания детей.*

Рассмотрение признаков приемной семьи невозможно без выявления основной цели ее организации и функционирования. Цель приемной семьи, как считает Т.И. Дружинина, заключается в создании таких условий, чтобы приемный ребенок находился как можно дольше в отношениях с приемными родителями, не менял этих родителей и тем самым имел надежду, что существующие связи сохранятся в будущем, по достижении им совершеннолетия [10, с. 161]. Цель приемной семьи как формы воспитания детей в семье и основное назначение приемной семьи Р.А. Шукуров видит в подготовке приемных детей к самостоятельной жизни [11, с. 7]. На воспитание ребенка как «специфическое назначение приемной семьи», которое «влечет за собой особые правовые последствия», указывает в своем исследовании Л.Ю. Михеева [12, с. 85].

По справедливому мнению Н.Ф. Звенигородской, ученые в данном случае говорят о цели приемной семьи как форме устройства детей, так как воспитание ребенка в приемной семье будет целью приемной семьи именно как формы устройства детей [13, с. 12].

В нашем научном исследовании предлагается новаторский научно обоснованный подход к приемной семье в Республике Беларусь. Возможно выделение следующих моделей организации и функционирования приемной семьи.

Ресурсная приемная семья создается для устройства ребенка, который признается нуждающимся в государственной защите и изымается из семьи в соответствии со статьей 85-1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье и Декретом Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г. № 18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях».

В настоящее время в приемную семью помещаются дети-сироты. При изъятии ребенка из семьи ребенок по общему правилу помещается в детский социальный приют или иное учреждение. Нововведением является возможность передачи на воспитание в приемную семью ребенка, признанного нуждающимся в государственной защите и отобранного у родителей (единственного родителя).

Механизм реализации данного положения имеет свои особенности и заключается в следующем. В органах опеки и попечительства необходимо создать список ресурсных приемных семей, которые готовы принять ребенка, нуждающегося в государственной защите, на воспитание в свою семью в течение суток без помещения его в детский социальный приют или иное учреждение. Ребенок находится в ресурсной приемной семье до устранения причин изъятия ребенка из семьи и возвращения его в биологическую семью или принятия решения об избрании формы устройства согласно статье 118 КоВС.

Длительная приемная семья создается с целью непрерывного воспитания приемного ребенка в возрасте от 7 до 18 лет в одной приемной семье без перехода из одной приемной семьи в другую, детский дом семейного типа, детское интернатное учреждение.

Основная цель создания длительной приемной семьи – воспитание детей-сирот, которые не были усыновлены, помещены под опеку и попечительство, не имеют близких родственников, и только с помощью приемной семьи как формы устройства могут реализовать свое право на семейное воспитание. Посредством длительной приемной семьи, на наш взгляд, у приемного ребенка появится возможность быть усыновленным приемными родителями. Указанная цель обосновывается тем, что требования к приемным родителям и усыновителям совпадают, содержатся в одних статьях КоВС. Также важным аргументом служит тот факт, что, как отмечает О.В. Фетисова, «по общему правилу, обе семьи являются чужими по отношению к ребенку» [7, с. 36].

Согласно проведенному анализу полученных ответов приемных родителей установлено, что для граждан к созданию приемной семьи побуждает любовь к детям, желание помочь детям, которые остались без попечения кровных родителей. Материальная общность между приемными родителями и приемными детьми определяется тем, что приемные родители содержат приемного ребенка за счет собственных средств, так как потребности приемного ребенка превышают размер ежемесячных денежных выплат на него.

В Республике Беларусь в соответствии со статьей 59 КоВС семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления.

Отдельные ученые, например А.Н. Левушкин, под семьей понимают «круг лиц, связанных взаимными правами и обязанностями в сфере личных неимущественных и имущественных отношений, возникающих на основании родства, заключения брака, усыновления и иных юридических фактов, лежащих в основе семейных правоотношений. Семейные отношения – это отношения, складывающиеся между супругами и бывшими супругами, между родителями и детьми, между лицами, заменяющими родителей, и ребенком, оставшимся без попечения родителей, а также отношения между иными субъектами семейного права» [14, с. 56].

Необходимо соотнести *длительную приемную семью* с признаками семьи, содержащимися в статье 59 КоВС. Первым признаком семьи является объединение совместно проживающих лиц – родителей и детей. Приемную семью можно рассматривать как объединение лиц – приемных родителей, кровных и приемных детей, между которыми возникают взаимные права и обязанности, предусмотренные законодательством. Семейным законодательством установлено, что приемные родители и приемный ребенок при определенных условиях могут проживать отдельно, однако раздельное проживание не означает отсутствие приемной семьи между ними или прекращение ее существования (ст. 158 КоВС). Следующий признак семьи, содержащийся в статье 59 КоВС, – наличие прав и обязанностей, которые вытекают из брака, близкого родства и усыновления. Правовое содержание данного признака обсуждается учеными и является основным исследуемым и спорным вопросом. Основной предмет обсуждения заключается в правовом положении форм устройства детей на воспитание в семью в контексте семьи. Так, рассматривается соотношение прав и обязанностей, возникающих между субъектами при реализации форм устройства на воспитание в семью, кроме усыновления, с правами и обязанностями, существующими в семье и при усыновлении.

Мнения ученых в отношении форм устройства детей различны. Некоторые ученые понятие семьи связывают с правами и обязанностями, которые вытекают из иных форм принятия детей на воспитание в семью. В частности, В.А. Рясенцев определяет семью как «круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений» [15, с. 43]. Данное мнение разделяет С.А. Муратова, которая определяет семью «как объединение совместно проживающих

лиц, связанных взаимными правами и обязанностями, возникающими из брака, родства, усыновления или иной формы устройства детей на воспитание в семью» [16, с. 37]. Другой автор, И.М. Кузнецова, рассматривает семью как «круг лиц, связанных личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание в семью» [17, с. 10].

Таким образом, иные формы принятия детей на воспитание (опекунская семья, приемная семья, детский дом семейного типа) авторами понимаются как признак семьи.

Некоторые государства постсоветского пространства в семейном законодательстве своих стран определяют иные формы устройства детей, а именно приемную семью как признак, характеризующий семью (ст. 3 Семейного кодекса Украины; п. 29 ст. 1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье»; ст. 111 и 137 Семейного кодекса Республики Армения; ст. 116 Семейного кодекса Азербайджанской Республики; ст. 150 Семейного кодекса Республики Узбекистан).

По мнению других ученых, иная форма устройства детей-сирот не является основанием для существования и признаком семьи. Согласно Г.К. Матвееву, семья – это «основанное на браке или родстве объединение лиц, связанных между собой взаимными личными и имущественными правами и обязанностями, взаимной моральной и материальной общностью и поддержкой, рождением и воспитанием потомства, ведением общего хозяйства» [18, с. 48].

Статья 59 КоВС форму устройства ребенка, оставшегося без родительского попечения, не рассматривает как признак семьи, указывая исчерпывающий перечень оснований возникновения семьи.

Представляется, что *длительная приемная семья* как форма устройства детей-сирот на воспитание в семью обладает большинством признаков, присущих полной семье и содержащихся в статье 59 КоВС.

В длительной приемной семье между приемными родителями и приемным ребенком возникают отношения, которые можно рассматривать как семейные (ст. 59 КоВС). Именно приемная семья представляет собой объединение приемных родителей, приемных детей и биологических детей приемных родителей, в котором исчезает разделение между детьми по признаку происхождения, приемный ребенок становится членом семьи – возникает эмоциональная привязанность, моральная и материальная общность, поддержка, ведется общее хозяйство с учетом прав и обязанностей, предусмотренных законодательством и договором об условиях воспитания и содержания детей. Можно констатировать: чем дольше приемная семья живет, тем устойчивее становятся семейно-правовые связи в ней.

Однако данная коллизия требует внесения изменений в статью 59 КоВС. Предлагается статью 59 дополнить словами «создания приемной семьи». *Индивидуальная приемная семья* создается для удовлетворения потребностей в семейном воспитании детей-сирот, которые относятся к категории детей-инвалидов, детей с особенностями психофизического развития. Для создания индивидуальной приемной семьи необходима дополнительная подготовка приемных родителей для воспитания и ухода за приемным ребенком.

Заключение. Введение новых признаков приемной семьи является теоретической основой для установления понятия приемной семьи и его закрепления в национальном законодательстве.

С учетом признаков, закрепленных в законодательстве и новых, можно дать определение приемной семьи. *Приемная семья – это временная форма устройства детей-сирот на воспитание в семью, в которой приемные родители самостоятельно выбирают приемного ребенка, не связаны близким родством с приемным ребенком, выполняют свои обязанности на основании договора, совмещают безвозмездное и возмездное выполнение обязанностей по воспитанию приемного ребенка, прошли подготовку и имеют опыт воспитания детей.*

Полагаем, что приемная семья не может являться только формой воспитания детей. Определение приемной семьи как формы воспитания сужает область общественно-правовых отношений по функционированию приемной семьи до одной функции приемного родителя – воспитание ребенка. Необходимо обеспечить содержание ребенка, получение образования и защиту его прав и законных интересов, ухода и надзора за ребенком, а также иные обязанности для защиты прав и законных интересов приемных детей, создания надлежащих условий для их полноценного развития в обществе.

Классификация приемных семей как форм устройства и воспитания детей в Республике Беларусь в зависимости от правового статуса ребенка, передаваемого на воспитание в приемную семью, времени нахождения ребенка в приемной семье, состояния здоровья ребенка будет способствовать реализации прав детей-сирот на воспитание в семье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цветков, В.А. Приемная семья как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.А. Цветков. – Омск, 2005. – 239 л.

2. Нечаева, А.М. Семейное право : учебник / А.М. Нечаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2006. – 327 с.
3. Левушкин, А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства государственных участников СНГ / А.Н. Левушкин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА ; Закон и право, 2013. – 327 с.
4. Петрова, Н.П. Правовой статус приемной семьи [Электронный ресурс] / Н.П. Петрова // Консультант Плюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
5. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Электронный ресурс] / З.А. Ахметьянова [и др.] ; отв. ред. О.Н. Низамиева. – М. : Проспект, 2010 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
6. Мурзин, Р.Л. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей: семейно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.Л. Мурзин. – М., 2006. – 203 л.
7. Фетисова, О.В. Приемная семья как способ семейного воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по законодательству Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / О.В. Фетисова. – М., 2005. – 239 л.
8. Гаджиева, З.Н. Дефиниция «приемная семья» и ее признаки в действующем законодательстве России [Электронный ресурс] / З.Н. Гаджиева // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2019.
9. Шамраева, И.Л. Приемная семья как форма устройства и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей (по законодательству Белгородской области) / И.Л. Шамраева // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 3. – С. 14–18.
10. Дружинина, Т.И. Некоторые проблемы приемной семьи как формы семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей / Т.И. Дружинина // Защита прав ребенка в современной России : материалы науч.-практ. конф. ; Ин-т государства и права Рос. акад. наук ; отв. ред. А.М. Нечаева. – М., 2004. – С. 158–163.
11. Шукров, Р.А. Приемная семья по семейному праву России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р.А. Шукров. – Белгород, 2004. – 163 л.
12. Михеева, Л.Ю. Опека и попечительство: теория и практика / Л.Ю. Михеева ; под ред. Р.П. Мананковой. – М. : Волтерс Кluver, 2004. – 356 с.
13. Звенигородская, Н.Ф. Правовая природа договора о приемной семье и соглашения приемной семьи о создании фермерского хозяйства / Н.Ф. Звенигородская // Вопросы ювенальной юстиции. – 2008. – № 6. – С. 17–20.
14. Левушкин, А.Н. Направления совершенствования Семейного кодекса Российской Федерации / А.Н. Левушкин // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 1. – С. 55–57.
15. Рясенцев, В.А. Семейное право : учебник / В.А. Рясенцев. – М. : Юрид. лит., 1971. – 293 с.
16. Муратова, С.А. Семейное право : учебник / С.А. Муратова. – 2-е изд., перераб. – М. : Эксмо, 2006. – 448 с.
17. Кузнецова, И.М. Семейное право : учебник / И.М. Кузнецова. – М. : Юристъ, 1999. – 118 с.
18. Матвеев, Г.К. Советское семейное право : учебник / Г.К. Матвеев. – М. : Юрид. лит., 1985. – 208 с.

Поступила 13.09.2019

CONCEPT AND SIGNS OF A FOSTER FAMILY

O. KOLOSHICH

The article is devoted to the study of the foster family as a form of device for orphans and children left without parental care. The article reveals the concept of a foster family based on an analysis of the existing scientific doctrine. New distinctive features of the foster family as a form of device for orphans are highlighted. It also substantiates the allocation of types of a foster family, taking into account the legal status of the child transferred to foster care, the time spent by the child in the foster family, and the state of health of the child.

Keywords: *foster family concept, foster family signs, foster family types.*

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 347.77

ДОМЕН И ДОМЕННОЕ ИМЯ: ОТЛИЧИЯ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

T.B. СЕМЁНОВА
(Полоцкий государственный университет)

Обосновано, что право администрирования домена первого (верхнего) уровня не является имущественным, а представляет собой реализацию полномочий Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь как специально уполномоченным государственным органом в сфере безопасности использования национального сегмента сети Интернет по использованию домена в соответствии с пунктом 13 Указа Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 года № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». Правоотношения, связанные с использованием доменных имен второго и последующих уровней, по своей правовой природе являются гражданско-правовыми.

Ключевые слова: домен, доменное имя, национальный домен, родовой домен, доменное имя второго и последующих уровней, имущественное право, гражданский оборот, администрирование домена, объект гражданского права.

Введение. В Республике Беларусь проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен и их места в системе объектов гражданских прав стали обсуждаться только в течение последних десяти лет. Это было обусловлено возникновением судебных споров, связанных с использованием доменных имен, а также защитой прав на них. В силу существования множества точек зрения на правовую природу и сущность права на доменное имя до настоящего времени не сформировался единый подход к тому, что представляет собой домен и доменное имя.

Основная часть. Следует разграничивать понятия «домен» и «доменное имя». Домен – это область пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен DomainNameSystem (далее – DNS) и централизованно администрируется [1, с. 33].

Самая первая группа символов в доменном имени обозначает домен первого (верхнего) уровня, расположенная перед ней – доменное имя второго уровня и т.д. Например, у домена первого уровня «.COM» (доменная зона «.COM») может быть доменное имя второго уровня «TELE.COM», у доменного имени второго уровня «TELE.COM» могут быть доменные имена третьего уровня «SOFT.TELE.COM» и «HARD.TELE.COM» и т.д. Поскольку доменное имя читается слева направо, оно, таким образом, последовательно называет уровни – от самого низкого к самому высокому [2, с. 25].

Минимальное количество символов в доменном имени – 2; максимальное – 63. Регистрация доменного имени осуществляется посредством регистратора доменных имен, однако иногда для регистрации требуется соответствие определенным требованиям (например, в зоне «.EU» можно зарегистрироваться только в том случае, если регистрант является физическим или юридическим лицом ЕС) [3, с. 134].

Регистрация доменного имени возможна только при отсутствии его в Реестре зарегистрированных и в перечне зарезервированных доменных имен. Это основные условия, при соблюдении которых регистрируется доменное имя. Значит, в Правилах регистрации доменных имен уже содержится механизм, предотвращающий незаконное использование чужого доменного имени.

Изначально система доменных имен DNS поддерживала только 37 символов – это буквы латинского алфавита, цифры и дефис. Сегодня активно внедряются системы с использованием символов национальных алфавитов.

В 2009 году прошла презентация первого в глобальной сети кириллического домена – «.РФ». Позднее, в 2014 году, кириллический домен появился и в Беларуси – «.БЕЛ» [4], представляющий собой первый домен, который поддерживает как русский, так и белорусский алфавиты. В этом и заключается его основное преимущество с коммерческой точки зрения – наименование сайта становится более понятным для его аудитории, так как кириллический домен лучше воспринимается визуально и на слух. Однако с правовой точки зрения у данного нововведения есть существенные недостатки – возможна регистрация одноименных доменных имен в двух зонах «.BY» и «.БЕЛ», что впоследствии может привести к судебным разбирательствам в том случае, если доменные имена буду принадлежать разным владельцам. Правовая коллизия, возникающая при столкновении прав владельцев доменных имен в зонах «.BY» и «.БЕЛ», может стать предметом для отдельного научного исследования. Зарегистрировать доменное имя в зоне

«.БЕЛ» может как резидент, так и нерезидент Республики Беларусь. Регистратор вправе поручать заключать договоры, предусматривающие регистрацию доменных имен, только в отношении заявителей-нерезидентов и только иностранным юридическим лицам.

Важным является также и тот факт, что была введена приоритетная регистрация для владельцев одноименных средств индивидуализации, а также государственных органов и государственных организаций. Согласно Положению о порядке и условиях приоритетной регистрации доменных имен в доменной зоне «.БЕЛ», «при определении права на приоритетную регистрацию доменного имени, эквивалентного или сходного до степени смешения с фирменным наименованием, комиссией принимаются во внимание как полные, так и сокращенные варианты фирменных наименований, указанных в учредительных документах, без учета указания на организационно-правовую форму юридического лица» [5]. В настоящий момент, после того как завершен период приоритетной регистрации доменных имен для государственных органов, владельцев товарных знаков и фирменных наименований юридических, можно констатировать, что возможны ситуации столкновения прав как правообладателей средств индивидуализации, так и правообладателей владельцев прав на идентичные или схожие доменные имена в двух зонах – «.ВЫ» и «.БЕЛ».

Что касается белорусских правовых реалий, то в Инструкции «О порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет» (далее – Инструкция), утвержденной приказом Оперативно-аналитического центра при Президенте Республике Беларусь № 47 от 18 июня 2010 года (в редакции приказов Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь от 06.03.2012 № 23, от 15.07.2013 № 46, от 26.02.2015 № 16, от 28.11.2016 № 85), определяющей порядок регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет, дается следующее определение:

«Доменное имя (домен) – символическое (буквенно-цифровое) обозначение, сформированное в соответствии с международными правилами адресации сети Интернет, предназначенное для поименованного обращения к информационному ресурсу сети Интернет и соответствующее определенному сетевому адресу» [6].

Данное определение нельзя считать удачным по следующим основаниям:

– в нем не отражена способность доменных имен индивидуализировать информационный ресурс в сети Интернет, т.е. выступать в качестве средства индивидуализации;

– определение не описывает специфику прав на доменные имена, получаемые владельцами, однако на практике передача прав на доменные имена широко распространена, а также почти у каждого аккредитованного белорусского регистратора в договоре регистрации доменного имени предусмотрена возможность передачи прав на доменное имя другому лицу (смена администратора доменного имени);

– определение не признает доменное имя в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, в то же время практика показывает, что доменные имена, обладая коммерческой ценностью, активно участвуют в гражданском обороте.

В отношении понятия доменного имени В.Б. Наумов определяет понятие «домен» как «обозначение в доменном имени, конкретизирующее путь к информационному ресурсу в телекоммуникационной сети», и отмечает следующее: «...для анализа общественных отношений, связанных с доменными именами, важно повторить, что существующая система доменных имен имеет ряд существенных особенностей:

– она едина для всей сети Интернет и иерархична;

– она факультативна и предоставляет возможность лицам самостоятельно выбирать и регистрировать незанятые названия;

– для зарегистрированных доменных имен обеспечивается их уникальность на всем адресном пространстве сети Интернет;

– экономически система строится на возмездной основе» [7, с. 46].

Доменное имя А.В. Попцов рассматривает как средство индивидуализации: «Доменное имя – это средство индивидуализации, представленное в виде уникального символического обозначения, служащее для адресации и индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет, обладающее коммерческой ценностью и способностью приносить прибыль» [8, с. 234]. Хотя свойство любого доменного имени обладать коммерческой ценностью и способностью приносить прибыль кажется сомнительной.

Представляется, что указанные определения не в полной мере раскрывают специфику доменного имени как объекта гражданских прав, поскольку сконцентрированы главным образом на цели использования доменного имени, оставляя вне рамок исследования следующие вопросы: отнесение доменного имени к одной из групп объектов гражданских прав, основания возникновения прав на доменное имя, характер правомочий администратора доменного имени.

Достаточно четкое определение, по нашему мнению, предлагает Е.И. Гладкая, определяя доменное имя как объект гражданского права, не признанный законодательством, технически являющийся средством адресации в сети Интернет, объектом гражданского оборота, результатом интеллектуальной деятельности, в предпринимательской сфере могущий выполнять функции, аналогичные функциям средств индивидуализации, который при легальном совпадении со средством индивидуализации пользуется за-

щитой по соответствующему законодательству о таковом [9]. Однако нельзя согласиться с отнесением доменного имени в полной мере к категории неохраняемых объектов интеллектуальной собственности. Стоит отметить, что данная характеристика доменного имени с правовой точки зрения не дает практического результата – Е.И. Гладкая не указывает на правовой режим в отношении доменного имени.

В соответствии со статьей 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь (ГК) к объектам гражданских прав относятся вещи, включая деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытою информацию; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага [10].

Исследователь С.П. Гришаев указывает, что под вещами понимаются созданные как человеком, так и природой объекты материального мира, в том числе и денежные средства, удовлетворяющие определенные человеческие потребности. Под имущественными правами понимаются права требования, «вытекающие из членства в хозяйственных обществах и товариществах, производственных кооперативах, биржевых сделок, ценных бумаг и т.д.» [11]. При этом С.П. Гришаев отмечает, что «под информацией как объектом гражданско-правового регулирования следует понимать любые знания, сведения или данные о чем-либо или о ком-либо, которые объективно существуют, хранятся и передаются» [11].

Очевидно, что доменное имя не может быть признано объектом материального мира. Небезынтересным является подход Р. Мерзликиной и И. Долиной к определению доменного имени: «...доменное имя – это неимущественное благо, на которое приобретается личное неимущественное право в силу закона» [12].

Целесообразно выделить два понятия: «домен» (domain) как некая область адресного пространства и «доменное имя» (domainname) как словесная форма конкретного адреса [13, с. 16–17].

Исследователь Ю.Ф. Вацковский определяет домен как «область подключения устройства (группы устройств) к условному иерархическому пространству сети Интернет, индивидуализируемая цифровым IP-адресом», а доменное имя как «уникальное символическое обозначение, зарегистрированное в реестре доменных имен и предназначенное для облегчения адресации по цифровому IP-адресу устройства, подключенного к условному иерархическому пространству сети Интернет» [14, с. 87].

В частности, В.О. Калягин разделяет понятия «домен» (понимая под ним область адресного пространства) и «доменное имя» (представляемое в качестве словесной формы конкретного адреса) [13, с. 16–17]. По его мнению, «доменное имя – это зарегистрированное в установленном порядке словесно-цифровое обозначение, заменяющее при взаимодействии человека с компьютером цифровой IP-адрес компьютера, подключенного к сети» [15, с. 33], в то время как «домен – это область пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен и централизовано администрируется» [1, с. 33].

Однако указанные определения касаются технической стороны функционирования доменных имен и не отражают в полном объеме такой особенности доменных имен, как выполнение функции по индивидуализации информационного ресурса.

По мнению А.С. Андронова, «доменное имя – уникальное обозначение, состоящее в системе доменных имен и служащее для идентификации ресурса в сети Интернет. Домен является единственной возможностью адресации к ресурсу и фактически выполняет функции его наименования» [15].

Приведённое выше определение стало объектом обоснованной критики известного юриста-правоведа, пристально занимающегося проблематикой правового регулирования доменных имен, А.Г. Серго, который говорит, что «оба определения трактуют понятие «доменное имя» через систему доменных имен (DNS), что не совсем удачно».

Профессор А.Г. Серго отмечает, что зарегистрированное, но неделегированное (несопоставленное с конкретным информационным ресурсом в сети Интернет) доменное имя не будет «направлять пользователя к IP-адресу» и, соответственно, не будет «идентифицировать ресурс в сети Интернет» ввиду отсутствия самого ресурса. В своих научных исследованиях А.Г. Серго предложил следующее определение: «Домен (доменное имя) – это уникальное условное обозначение, служащее для индивидуализации информационных ресурсов в международной компьютерной сети Интернет» [16, с. 48–49]. Как видно из определения, автор считает нецелесообразным разделять понятия «домен» и «доменное имя» и рассматривает их как равнозначные, придерживаясь той точки зрения, что международные технические стандарты (RFCs), определяющие функционирование компьютерной сети Интернет (в частности, RFC-1034), рассматривают понятия домена (domain) и доменного имени (domainname) как синонимы [16, с. 89]. В то же время А.Г. Серго отмечает, что «теоретически возможно разделение понятий «доменное имя» (полное наименование домена, включающие все домены вышестоящего уровня), «домен» (наименование домена последнего (самого нижнего) уровня) и «доменную зону» (указание на домен верхнего (первого) уровня), но практически необходимости в этом нет. Более того, введение терминологии, отличной от общепринятой в мире, лишь усложнит интеграцию в мировое информационное сообщество. Кроме того, международные технические стандарты (RFCs), определяющие функционирование компьютерной сети Интернет (RFC-1034), рас-

сматривают понятие домена (domain) и доменного имени (domainname) как синонимы. Представляется, что подход, заложенный в международных стандартах, является предпочтительным» [16, с. 89].

Тем не менее в соответствии с частью 3.1 главы 3 Технического стандарта RFC-1034 «домен идентифицируется доменным именем и состоит из той части пространства доменного имени, которая находится на или ниже доменного имени, которое определяет домен. Домен есть поддомен другого домена, если он находится внутри такого домена» [17]. В пункте 1 главы 3 Технического стандарта RFC-1591, отражающего концепцию структуры доменных имен, говорится о том, что «основным требованием является то, что для каждого домена существует свой координатор, управляющий пространством доменных имен в этом домене»; также в пункте 3 той же главы сказано, что «назначаемый координатор должен равно относиться ко всем группам в домене, которые запрашиваются в доменных именах» [18]. Кроме того, в техническом протоколе RFC-1591 перечислены различные домены: «.COM», «.EDU», «.NET», «.ORG» и другие – они называются доменами, а не доменными именами. В соответствии с «Руководством по доменным именам для начинающих», созданным ICANN, «первым шагом по регистрации доменного имени является выбор домена верхнего уровня и наименования второго уровня, которое мы хотели зарегистрировать в домене. Доменное имя состоит из двух частей: символов, которые следуют за последней точкой в доменном имени, и символов, которые идут после нее. Часть, следующая за последней точкой, называется «домен верхнего уровня или расширение». Символы, которые находятся слева от точки, называются «домен второго уровня или обозначение». Эта та часть доменного имени, которую пользователи ассоциируют со своим интернет-сайтом или электронной почтой» [19].

Согласно дефиниции Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) «доменные имена – понятные человеку формы интернет-адресов, которые обычно используются для того, чтобы найти веб-сайт» [20].

При толковании вышеприведенного определения можно утверждать, что доменное имя является средством индивидуализации, ввиду того что обладает следующими *признаками*: перципируемо человеком; используется для поиска веб-сайта, то есть отделять (индивидуализировать) веб-сайт от других веб-сайтов; является носителем информации – по доменному имени можно уяснить тематику интернет-сайта.

Принципиальное значение имеет классификация доменных имен, которую целесообразно провести по двум основаниям. Во-первых, домены первого (верхнего) уровня подразделяются на родовые домены первого (верхнего) уровня / generic top-level domains (gTLDs) и на национальные домены первого (верхнего) уровня / country code top-level domain (ccTLD). Во-вторых, доменные имена подразделяются по уровням: первый (верхний), второй, третий и последующий. Каждый уровень доменного имени несет в себе определенную функцию.

1. Домены первого (верхнего) уровня. Изначально создано 250 доменов первого (верхнего) уровня: 7 родовых и 243 национальных. Ведением реестра родовых доменов первого (верхнего) уровня занимается Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами / Internet Corporation for Assigned Names and Numbers (далее – ICANN). Цель каждого родового домена первого (верхнего) уровня – использование определенным типом организации.

По типу организации выделяют следующие домены: «.COM» – коммерческие сайты, занимаются каким-либо бизнесом; «.NET» – сетевые, телекоммуникации; «.EDU» – образовательные; «.GOV» – правительственные; «.INFO» – информационные сайты, справочная информация; «.ORG» – для некоммерческих организаций и др.

Изначально данная классификация была проведена для того, чтобы пользователи сети Интернет могли определить, к какой именно области деятельности относится тот или иной сайт. Стоит отметить, что с течением времени приведенные выше домены подверглись смешению, и в настоящее время по типу организации не оказывают конструктивного значения для пользователей сети Интернет.

В дополнение к родовым доменам первого (верхнего) уровня и национальным доменам верхнего уровня создан один специальный домен верхнего уровня – «.arpa», который используется для целей технической инфраструктуры: администрации «.arpa» ICANN совместно с Техническим сообществом Интернет под руководством Органа по архитектуре Интернет (the Internet Architecture Board) [21].

Национальный домен первого (верхнего) уровня отвечает за территориальную принадлежность домена к определенной стране, либо типу организации. Национальные домены первого (верхнего) уровня соответствуют двухбуквенным кодам согласно стандарту ISO 3166 Международной организации по стандартизации. Это, в частности, «.RU» (для Российской Федерации); «.BY» (для Республики Беларусь); «.EU» (для ЕС). Доменная зона «.EU» предусматривается Регламентом Европейского парламента и Совета от 22 апреля 2002 г. № 733/2002. По критерию принадлежности к территориальным зонам (регионам) домены могут быть следующие: «.BY» – Республика Беларусь; «.RU» – Российская Федерация; «.UA» – Украина; «.EE» – Эстония; «.GB» – Великобритания; «.US» – США; «.CA» – Канада; «.AU» – Австралия; «.IT» – Италия; «.FR» – Франция; «.ES» – Испания; «.CN» – КНР и др.

В свою очередь, родовые домены подразделяются на спонсируемые и неспонсируемые. Выделяют также домены ограниченного пользования, домены для инфраструктуры сети Интернет, а также зарезервированные домены, имеющие преимущественно технический характер.

Существенным пробелом в регулировании родовых доменов является то, что при регистрации соответствующих доменов зачастую не предъявляются требования к сфере деятельности. Данный факт приводит к неопределенности. Так, на интернет-сайте, который идентифицируется доменным окончанием «.COM», можно найти информацию некоммерческого характера. В настоящее время в связи с нехваткой доменов обсуждается вопрос о введении в действие еще нескольких родовых доменов.

Также интерес вызывает проблема так называемых псевдородовых доменов, так как они представляют собой национальные домены, которые используются в качестве родовых юридическими и физическими лицами, не являющимися резидентами государств – владельцев данных доменных зон. Например, домен «.MD» с истинным обозначением «Moldova (Молдова)» используется как «MajorDoctor – сектор здравоохранения».

Правоотношения, связанные с регистрацией и администрированием родовых доменов, национальных (а также псевдородовых) доменов и доменов первого (верхнего) уровня, являются публично-правовыми ввиду того, что администратор домена не обладает в отношении вверенных ему доменных имен имущественным правом.

2. Доменное имя второго уровня – (англ. second-leveldomain (SLD) – часть доменного имени, отделенная точкой от следующего сразу за ней домена первого уровня. Доменное имя второго уровня является уникальным идентификатором сайта (названием сайта). У владельца доменного имени второго уровня есть возможность создать огромное количество доменных имен третьих и последующих уровней. Таким образом, владелец домена «TUT.BY» имеет возможность создать доменное имя, которое будет относиться к третьему уровню – «FINANCE.TUT.BY».

3. Доменное имя третьего уровня – это любое доменное имя в пределах доменного имени второго уровня. Такой вид доменного имени обычно используется для создания мини-сайтов, либо отдельных разделов на основе главного сайта. Как правило, доменное имя третьего уровня принадлежит владельцу доменного имени второго уровня. Таких доменных имен третьего уровня можно создавать неограниченное количество. В качестве примеров доменных имен третьего уровня могут быть: «GO.MICROSOFT.COM», «ENG.MICROSOFT.COM». Как правило, доменные имена третьего уровня используются с целью логического разделения сайта.

Вопросы отсутствия необходимой и достаточной правовой регламентации отношений, связанных с приобретением и использованием доменных имен, являются предметом многолетнего научного обсуждения, как и вопросы определения места доменного имени в системе объектов гражданских прав.

В юридической литературе правоотношение определяется двояко:

- фактическое общественное отношение, которое урегулировано нормой права,
- общественное отношение, которое возникает в результате воздействия нормы права на фактическое общественное отношение [22].

Правоотношения в отрыве от норм права не существуют. Нормы права не регулируют правоотношения. Они регламентируют фактические отношения и тем самым порождают правовые.

В Республике Беларусь отношения, связанные с функционированием доменных имен, регулируются Инструкцией. Данным документом предусмотрены следующие юридические действия относительно доменных имен: регистрация, делегирование, трансфер, администрирование.

Под администрированием домена подразумевается реализация администратором домена полномочий по его использованию в соответствии с Инструкцией, в том числе по передаче прав на администрирование домена, отказу от этих прав, трансферу, изменению информации для делегирования домена.

Делегирование домена – передача регистратором в национальную доменную зону, а также последующее использование информации о домене и серверах доменных имен (DNS), обеспечивающих его функционирование, их сетевых адресах (гл. 1 Инструкции).

Сведения, необходимые для делегирования доменного имени, заносятся в реестр на основании информации, предоставленной администратором регистратору, осуществлявшему регистрацию домена, а администратор, в свою очередь, вправе в любое время направлять регистратору заявки на прекращение или возобновление делегирования домена, за исключением периодов, когда делегирование приостановлено администратором национальной доменной зоны.

Трансфер домена – смена регистратора домена. Трансфер осуществляется на основании заявок администратора домена, направленных регистратору, с которым заключен договор на регистрацию, и регистратору, с которым предполагается заключение нового договора на регистрацию. При трансфере администратор домена заключает с новым регистратором договор на регистрацию со сроком действия до окончания срока действия регистрации доменного имени, предусмотренного договором на регистрацию с прежним регистратором. Операция по трансферу (включая заключение договора на регистра-

цию с новым регистратором) осуществляется в семидневный срок с момента получения заявки администратора домена действующим регистратором (п. 29 Инструкции).

В Республике Беларусь органом, занятым в регистрации и делегировании доменов в зоне «.BY» и «.БЕЛ», является Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. В соответствии с международным стандартом ISO3166-1 домен «.BY» – это двухбуквенный домен верхнего уровня Республики Беларусь. Национальным администратором доменов «.BY» и «.БЕЛ» служит Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь. Технический администратор белорусской доменной зоны ООО «Надежные программы» стал членом организации ccNSO (Country Code Names Supporting Organization), которая объединяет регистратуры национальных доменов мира под эгидой ICANN.

Гражданско-правовые отношения, связанные с использованием доменных имен, возникают, изменяются и прекращаются на основании актов административного характера. Соглашения администратора национальной доменной зоны с регистраторами регламентируют вопросы их взаимодействия при осуществлении регистраторами деятельности по регистрации доменных имен.

Домены первого (верхнего) уровня в отличие от доменных имен второго и последующих уровней играют более значимую роль для обеспечения стабильного функционирования системы адресации в сети Интернет. Так, в обязанности администратора национального доменного имени верхнего уровня (Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь) входят:

- организация и проведение работ по технической защите информации и регистрации имен в национальном сегменте сети Интернет;
- осуществление координации деятельности по технической защите информации информационно-аналитических сетей, комплексов технических средств, баз данных, информационных систем, систем связи и управления государственных органов;
- подготовка проектов нормативных правовых актов в области технической защиты информации;
- осуществление в пределах своих полномочий контроля деятельности по обеспечению технической защиты информации в государственных органах, организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности;
- участие в межведомственных рабочих группах, временных творческих коллективах и иных органах для решения вопросов технической защиты информации;
- оказание на договорной основе собственникам, владельцам, пользователям информации услуг по ее технической защите;
- участие в организации технической защиты информации при осуществлении сотрудничества Республики Беларусь с иностранными государствами;
- подготовка предложений по международному сотрудничеству в области технической защиты информации [23].

От того, какой субъект контролирует домены первого (верхнего) уровня, зависит стабильность функционирования системы адресации в целом, соблюдение прав и законных интересов администраторов доменных имен второго уровня.

Целесообразно отметить, что право администрирования доменов первого (верхнего) уровня не может рассматриваться как имущественное, а представляет собой реализацию полномочий Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь как специально уполномоченным государственным органом в сфере безопасности использования национального сегмента сети Интернет, по использованию домена в соответствии с Инструкцией. Ни ICANN, ни администратор национального домена первого (верхнего) уровня (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) не обладают имущественным правом в отношении родовых доменных имен верхнего уровня, не являются собственником указанных доменных имен, но обладают полномочиями по их администрированию. Соглашение, заключенное между администратором национального домена первого (верхнего уровня) (Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь) и ICANN, в рамках которого администратор национального домена первого (верхнего уровня) наделяется полномочием администрирования соответствующей доменной зоны («.BY» и «.БЕЛ»), выступает не как договор оказания услуг, а как соглашение о сотрудничестве, так как в рамках него каждая из сторон обязуется совершить определенные действия, цель которых – обеспечение надлежащего функционирования адресации в рамках доменной зоны.

Полномочия в отношении администрирования домена первого (верхнего) уровня («.BY» и «.БЕЛ») возникли: у ICANN, первоначально в силу соглашения между корпорацией и Министерством торговли США [24], а в последующем в силу принятых на себя обязательств в рамках устава; у администратора национального домена первого (верхнего) уровня (Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь) в силу соглашения между ним и ICANN.

Домены первого (верхнего) уровня и доменные имена второго и последующих уровней, не обладая существенными различиями с технической точки зрения, имеют разную правовую природу. Данное

различие возникает в силу того, что право администрирования доменов первого (верхнего) уровня, т.е. возможность определять правила регистрации, порядок делегирования и функционирования доменной зоны, затрагивает публичные интересы. Так, правительственный консультационный комитет при ICANN в руководящих принципах отметил, что национальные домены первого (верхнего) уровня управляются исходя из публичных интересов, включающих интересы интернет-сообщества и действующих от его лица правительства соответствующих государств [25].

Представляется, что администрирование домена первого (верхнего) уровня не может рассматриваться в качестве имущественного права, а представляет собой полномочие, предоставленное в рамках соглашения и необходимой для выполнения взятых на себя в рамках такого соглашения обязательств. В отличие от права на домены первого (верхнего) уровня, права на доменные имена второго и последующих уровней как объект гражданского права представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства в сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства. Указанное право может быть передано полностью или в части, на возмездной или безвозмездной основе по сделке или же перейти к другому лицу в силу закона.

Стоит обратить внимание, что подход, признающий право на доменное имя имуществом, при этом допускающий, что «доменное имя может являться вариантом использования охраняемых обозначений» [26, с. 172], является наиболее универсальным с точки зрения применимости в различных правовых системах и соответствует международному опыту.

Заключение. Домены первого (верхнего) уровня и доменные имена второго и последующих уровней, не обладая существенными отличиями с технической точки зрения, имеют разную правовую природу. Администрирование домена первого (верхнего) уровня не может рассматриваться в качестве имущественного права. Домены первого (верхнего) уровня («.BY» и «.БЕЛ») не являются объектами гражданских прав и не способны к гражданскому обороту. Таким образом, можно сделать *вывод*, что домены первого (верхнего) уровня («.BY» и «.БЕЛ») не являются объектами гражданских прав и не способны к гражданскому обороту, соответственно, научного интереса по исследуемой теме не представляют.

В отличие от доменов первого (верхнего) уровня доменные имена второго и последующих уровней как объект гражданского права представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства в сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства. Указанное право может быть передано полностью или в части, на возмездной или безвозмездной основе по сделке или же перейти к другому лицу в силу закона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калятин, В.О. Право в сфере Интернет / В.О. Калятин. – М. : Норма, 2004. – 480 с.
2. Матвеев, Д.И. Использование товарного знака в доменном имени / Д.И. Матвеев // Проблемы правовой информатизации. – 2006. – № 2. – С. 25–29.
3. Голик, В.С. Эффективность интернет-маркетинга в бизнесе / В.С. Голик. – Минск : Дикта, 2008. – 195 с.
4. Александров, А.А. Правовая регламентация защиты доменов от неправомерных захватов / А.А. Александров // Проблемы в российском законодательстве. – 2010. – № 4. – С. 133–135.
5. Петровский, С.В. Правовое регулирование оказания Интернет-услуг : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Петровский ; Рос. правовая акад. М-ва юстиции Российской Федерации. – М., 2002. – 27 с.
6. Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет : утв. Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь 06.03.2012 ; текст по состоянию на 10 апр. 2016 г. [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.04.2016.
7. Серго, А.Г. Доменное имя с точки зрения права / А.Г. Серго // Интеллектуальная собственность // Авторское право и смежные права. – 2004. – № 12. – С. 46–48.
8. Попцов, А.В. История появления и сущность доменного имени / А.В. Попцов // Современные гуманитарные исследования. – 2009. – № 5. – С. 234–238.
9. Гладкая, Е.И. Правовая квалификация доменного имени / Е.И. Гладкая // Цивилист. – 2009. – № 4. – С. 48–53.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. от 05.01.2016 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.
11. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. С.П. Гришаева, А.М. Эрделевского. – М. : Юристъ, 2006. – 939 с.

12. Мерзликина, Р. Проблемы правового регулирования отношений в сфере доменных имен / Р. Мерзликина, И. Долина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2007. – № 4. – С. 28–36.
13. Калятин, В.О. Доменные имена / В.О. Калятин. – М. : ИНИЦ «Патент», 2006. – 188 с.
14. Вацковский, Ю.Ф. Судебная защита средств индивидуализации от незаконного использования в доменных именах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ю.Ф. Вацковский. – М., 2009. – 162 л.
15. Доменные споры: компромиссный вариант ; комментарии А.С. Андронова корреспонденту Рунет.РУ // Юридическое агентство «Интеллект и право» [Электронный ресурс]. – М., 2005. – Режим доступа: <http://www.i-p.ru/articles/3/>. – Дата доступа: 01.10.2012.
16. Серго, А.Г. Доменные имена / А.Г. Серго. – М. : Бестселлер, 2006. – 368 с.
17. Domain names – concepts and facilities [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <http://tools.ietf.org/html/rfc1034>. – Date of access: 08.01.2019.
18. Domain Name System Structure and Delegation [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <http://tools.ietf.org/html/rfc1591>. – Date of access: 08.01.2019.
19. Beginner's Guide to Domain Names [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <http://www.icann.org/en/about/learning/beginners-guides/domain-names-beginners-guide06dec10-en>. – Date of access: 08.01.2019.
20. Frequently Asked Questions: Internet Domain Names. World Intellectual Property Organization [Electronic resource]. – 2019. – Mode of access: <http://www.wipo.int/amc/en/center/faq/domains.html#1>. – Date of access: 08.01.2019.
21. Функции IANA. Общие сведения о функциях Администрации адресного пространства Интернета (IANA) Reports [Электронный ресурс] // Официальный сайт ICANN. – Режим доступа: <https://www.icann.org/en/system/files/files/iana-functions-18dec15-ru.pdf>. – Дата доступа: 08.01.2011.
22. Гражданское право : учеб. : в 2 ч. – Ч. 1 / В.Н. Годунов [и др.] ; под общ. ред. проф. В.Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2000. – 976 с.
23. ccTLDBackgroundMaterials [Электронный ресурс] // Официальный сайт ICANN. – Режим доступа: <https://www.icann.org/resources/pages/background-2012-02-25-en>. – Дата доступа: 08.01.2011.
24. ICANN's Major Agreements and Related Reports [Электронный ресурс] // Официальный сайт ICANN. – Режим доступа: <https://www.icann.org/resources/pages/agreements-en/>. – Дата доступа: 08.01.2019.
25. GAC Operating Principles [Электронный ресурс] // GAC Statements Concerning ccTLDs. – Режим доступа: <http://archive.icann.org/en/cctlds/gac-statements-concerning-cctlds-16dec01.htm>. – Дата доступа: 08.01.2019.
26. Кожемякин, Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д.В. Кожемякин. – М., 2016. – 197 л.
27. Семёнова, Т.В. Основные сущностные характеристики доменного имени как объекта гражданского права / Т.В. Семёнова // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2017. – № 1. – С. 26–30.

Поступила 10.09.2019

DOMAIN AND DOMAIN NAME: DIFFERENCES IN LEGAL REGULATION

T. SIAMIONAVA

The author has established that the domain administration right of the first (top) level is not property, and is an implementation of powers of the Operational and analytical center under the President of the Republic of Belarus as a specially authorised state body in the sphere of safety of usage of the national segment of the Internet, by using the domain name in accordance with paragraph 13 of the Decree of the President of the Republic of Belarus dated 1 February 2010 № 60 «On measures for revising use of the national segment of the Internet». Legal relations related to the use of domain names of the second and subsequent levels, by their legal nature are civil.

Keywords: domain, domain name, national domain, generic domain, domain name of the second and subsequent levels, property law, civil turnover, domain administration, object of civil law.

УДК 341+346.7

НАПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ЦИФРОВОГО РЫНКА

Д.С. МАРКЕВИЧ, О.Р. КОЧЕРГА

(Институт экономики Национальной академии наук Беларусь, Минск)

Предлагаются направления гармонизации концептуальных подходов к правовому регулированию общественных отношений в сфере использования цифровых технологий для проведения согласованной политики на евразийском пространстве. Рассмотрен опыт наднационального регулирования в рамках СНГ, ЕАЭС, а также Европейского Союза; выделены наиболее общие тенденции. Авторами разработаны и обоснованы предложения по совершенствованию договорно-правовой базы в рамках евразийского интеграционного пространства. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях перспектив интеграции по вопросам формирования единого цифрового рынка, а также при разработке механизмов правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, гармонизация правового регулирования, цифровые технологии, право ЕС, евразийская интеграция.

Введение. С развитием общественных отношений в сфере цифровой экономики объективно формируется необходимость системного пересмотра сложившихся подходов и механизмов правового регулирования, что обуславливает трансформацию договорно-правовой базы на уровне ряда международных и региональных объединений, союзов. Важным становится устранение всевозможных барьеров, которые препятствуют развитию цифровой экономики, главными из которых выступают правовая неопределенность, а также наличие в национальном законодательстве норм, необоснованно налагающих ограничения на деятельность субъектов в сфере цифровизации.

Проблемы международного сотрудничества в сфере цифровой экономики не так давно стали предметом научного исследования в зарубежной и отечественной литературе, отдельным аспектам формирования единого цифрового рынка ЕС посвящены работы Н.С. Ревенко, Е.С. Гущина, К.С. Хатчинсона, О.Ю. Якимова, А.И. Соловьева, В.П. Куприяновского, С.А. Соловьева и других. Изучением вопросов обеспечения процессов цифровизации на уровне ЕАЭС занимаются такие исследователи, как В.Е. Понаморенко, Г.В. Петрова, А.А. Кантарович; вопросы регулирования использования финансовых технологий и использования единой электронной валюты отражены в работе Е.Л. Логинова, Ю.А. Романовой, В.Ю. Борталевич. Кроме того, организационно-правовые аспекты обеспечения цифровизации экономики содержатся в документах Европейской комиссии, Евразийской экономической комиссии, Всемирного банка, Организации экономического сотрудничества и развития, Всемирной торговой организации и др.

Вместе с тем существует необходимость дальнейшего исследования тенденций и перспектив в сфере обеспечения интеграции по вопросам цифровизации национальных экономик в рамках ЕАЭС, а также других интеграционных образований. Прежде всего, необходимо уделить внимание ликвидации правовых, организационных и иных барьеров, препятствующих развитию общих цифровых рынков, а также рассмотреть отдельные направления формирования единого цифрового рынка ЕС с целью возможной адаптации имеющихся моделей для евразийского экономического пространства.

Основная часть. Значительная работа по стимулированию интеграционных процессов в сфере цифровизации проведена в рамках Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 года № 12. Согласно названному документу к направлениям развития цифровой экономики были отнесены: цифровая трансформация отраслей экономики и кросс-отраслевая трансформация, цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами, развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов [1]. Для реализации закрепленных в цифровой повестке целей был принят целый ряд специальных актов на уровне ЕАЭС: Решение Евразийского Межправительственного Совета от 1 февраля 2019 года № 1 «О механизмах реализации проектов в рамках цифровой повестки Евразийского экономического союза»; Концепция создания условий для цифровой трансформации промышленности в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств-членов Союза (одобрена Распоряжением Коллегии ЕЭК № 166 от 30 октября 2018 года; другие).

Важным условием согласованной цифровизации национальных экономик также служит сотрудничество в рамках СНГ, которое обеспечивается посредством гармонизации информационного законода-

тельства, разработки и внедрения современных приложений ИКТ; совершенствования механизмов взаимодействия государств-участников СНГ по развитию рынка в сфере ИКТ; обеспечения информационной безопасности; регионального мониторинга инфокоммуникационного развития государств-участников СНГ и ряда других мероприятий, нашедших свое отражение в Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плане действий по ее реализации, утвержденной Решением Совета Глав Правительств СНГ от 28 октября 2016 года [2].

Несмотря на ряд положительных тенденций и преимуществ от осуществления названных мероприятий, стоит указать на два основных недостатка, о которых идет речь в Докладе о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС: *во-первых*, наличие проблем точечного характера, которые обусловлены необходимостью гармонизации законодательства, а также снижения барьеров или упрощения административных процедур; *во-вторых*, возникновение системных проблем, связанных с глобальной конкурентоспособностью систем и процессов, реализуемых на пространстве Союза [3].

В рассматриваемом контексте целесообразно обратиться к опыту ЕС, в котором с 2010 года в рамках выполнения мероприятий Цифровой повестки дня для Европы началась масштабная и планомерная работа по формированию единых организационных и правовых основ создания единого цифрового рынка ЕС. Основа была заложена сообщениями Европейской Комиссии: «Стратегия цифрового единого рынка для Европы», а также «По направлению к современному, более европейскому авторскому праву», в рамках реализации которых был принят ряд директив и регламентов, а также выполнено несколько проектов, направленных на сближение национального законодательства государств-членов ЕС. Важным условием успешного формирования единого цифрового рынка стали инициативы по поводу сближения национального законодательства государств-членов ЕС в сфере защиты интеллектуальной собственности. Так, заслуживают внимания инициативы по введению Европейского патента, созданию Единого европейского патентного суда, развитию правового регулирования в сфере использования патентных пулов, инновационных ваучеров, инновационного посредничества, а также по унификации права союза в виде единого кодекса авторского права, обеспечивающего, с одной стороны, единообразную эффективную и согласованную защиту прав авторов, в том числе в цифровой среде, а с другой – свободное движение информации, являющейся объектом защиты авторского права, в рамках союзного пространства.

Согласно пресс-релизу Совета ЕС от 15 апреля 2019 года были приняты еще два документа, направленные на создание единого цифрового рынка: Директива об отдельных аспектах, касающихся контрактов на поставку цифрового контента и цифровых услуг, а также Директива по некоторым аспектам, касающимся контрактов на продажу товаров, и о внесении поправок в Регламент (ЕС) 2017/2394 и Директиву 2009/22/ЕС, а также отмены Директивы 1999/44/ЕС. Названные акты должны, прежде всего, обеспечить защиту прав потребителей цифровых услуг и товаров с цифровым компонентом (например, умные холодильники), а также снизить транзакционные издержки производителей, связанные с правовой неопределенностью и необходимостью адаптации имеющихся контрактов к требованиям, существующим на уровне национального законодательства каждого из государств-членов ЕС [4].

Обеспечить защиту прав потребителей цифровых услуг также призван Генеральный регламент по защите данных в ЕС (Регламент 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 24 октября 2016 года о защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных и отменяющий Директиву 95/46/ЕС) [5].

Несмотря на стремительное развитие права ЕС, стоит отметить, что государства-члены по-разному относятся к реализации цифровых инициатив и к имплементации рассматриваемых норм в национальное законодательство. Так, в апреле 2016 года представители одиннадцати стран ЕС (Чехия, Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и др.) направили письмо одному из заместителей председателя Европейской комиссии о том, что цифровую экономику следует рассматривать как возможность, а не угрозу существующим отношениям, тем самым критикуя прямое государственное регулирование цифровых платформ. В качестве альтернативы была предложена ориентация на дальнейшее развитие единого цифрового рынка, на создание правовых основ и механизмов, адекватно отражающих потребности цифровой эпохи, подчеркнута необходимость снижения регуляторного бремени для малых и средних инновационных предприятий [6]. Другие государства-члены ЕС (Германия, Франция и Италия) все же предприняли попытки установить специальное регулирование в сфере цифровой экономики, в частности, во Франции принят Закон от 07 октября 2016 года «О цифровой республике» [7].

Расхождение в национальных политиках государств-членов ЕС обусловило развитие иных образований, ставящих перед собой целью сотрудничество государств по вопросам развития цифровой экономики, например, The Digital 9 – объединение цифровых правительств Эстонии, Соединенного Королевства, Республики Корея, Израиля, Канады, Мексики, Португалии, Уругвай; Северный совет – межпарламентский форум, основанный Швецией, Норвегией, Исландией, Данией и Финляндией, в рамках которого на конференции 2017 года «Цифровой Север» была подписана декларация, затрагивающая вопросы под-

держки цифровизации, в том числе через формирование трансграничной цифровой инфраструктуры, устранение технических и правовых барьеров, совершенствование практики государственных закупок, обеспечение информационной безопасности, защиты персональных данных и т.д.; Вишеградская группа (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) – 28 марта 2017 года подписана «Варшавская декларация» по взаимному сотрудничеству в сфере инноваций и цифровых технологий и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наднациональное регулирование в рамках ЕС направлено на упорядочение отношений участников в сфере цифровой экономики при помощи инструментов «мягкого права», в том числе через определение принципов деятельности участников цифрового взаимодействия. Реализация более радикальных мер, в том числе осуществление совместных проектов, и трансформация национального законодательства зависят от степени открытости экономики, а также политики, проводимой правительством в рассматриваемой сфере. При этом важным условием формирования общего рынка цифровых услуг является разработка совместных механизмов по защите прав потребителей, а также установление единых правил для поставщиков и производителей.

Еще одним аспектом является налаживание эффективной защиты интеллектуальной собственности, которая может быть обеспечена при условии проведения гармонизации законодательства. Так, для ЕАЭС В.Н. Лопатиным выделены следующие наиболее проблемные вопросы в данной сфере: определение системы охраняемых объектов интеллектуальной собственности, а также механизмов гражданско-правовой и таможенной защиты, отсутствие единого понимания категории контрафактной продукции, а также методов по противодействию распространению контрафактной продукции [8, с. 24].

Следующим направлением совершенствования правового регулирования общественных отношений в сфере цифровой экономики может стать гармонизация подходов по регламентации оборота цифровых активов. В настоящее время в Республике Беларусь и Российской Федерации сложились разные подходы к определению правового режима многих базовых категорий цифровой экономики. В данном контексте в качестве примера можно обозначить криптовалюты и токены, именуемые криptoактивами. В первую очередь, необходимо отметить существенные различия в определении соотношения рассматриваемых понятий. В частности, проект Федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах» № 419059-7 [9] (далее – проект Федерального закона) предусматривает наличие родового понятия – цифровой финансовый актив (далее – ЦФА), который представляет собой имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств. В свою очередь, и токен, и криптовалюта выступают разновидностями ЦФА. При этом в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики» [10] (далее – Декрет) токен выступает родовым понятием по отношению к криптовалюте.

Кроме того, анализ предложенных определений демонстрирует различие подходов к определению конститутивных признаков рассматриваемых понятий. Так, *Декрет дает следующие определения токена и криптовалюты: цифровой знак (токен) – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой; последняя, в свою очередь, представляет собой биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.*

При этом согласно статье 2 проекта Федерального закона токен – это вид ЦФА, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций, а криптовалюта – вид ЦФА, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций.

Как видно, Декрет большее внимание уделяет сущностным особенностям рассматриваемых объектов, в то время как проектом Федерального закона суть рассматриваемых ЦФА раскрывается в основном через их технические признаки. Подобный подход вызывает вопрос: если в качестве конститутивных признаков объектов предлагаются технические характеристики, являются ли они основанием для создания в отношении таких объектов специального правового режима? Очевидно, что указанное целесообразно только в том случае, если технические характеристики предполагаемого объекта правового регулирования придают специфику возникающим по поводу него общественным отношениям, при этом подобные особенности и должны быть отражены терминологически. Полагаем целесообразным учитывать указанное при осуществлении гармонизации подходов к определению правового режима токенов и криптовалют в рамках ЕАЭС.

Заметны также определенные различия в некоторых вопросах регламентации процедуры ICO и ее субъектного состава. Например, в соответствии с п. 3.3 Декрета на отношения (деятельность, операции) резидентов Парка высоких технологий с использованием токенов не распространяются законодательство о ценных бумагах, секьюритизации, требования о лицензировании профессиональной

и биржевой деятельности по ценным бумагам. При этом проект Федерального закона распространяет на процедуру выпуска токенов, а также в отношении правового статуса операторов обмена цифровых финансовых активов некоторые положения Федерального закона Российской Федерации 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг».

Вместе с тем важно учитывать, что режим токена включает в себя право, зафиксированное самим токеном (цифровая репрезентация определенного объекта), а также возникшее в результате такой репрезентации самостоятельное право на токен. И если второе вполне закономерно выступает правом собственности или иным вещным правом, то характер зафиксированного токеном права может быть разнообразным (вещное право, обязательственное право, право на результаты интеллектуальной деятельности и т.д. [11, с. 39]). В этой связи выделяют несколько разновидностей токенов:

- 1) «продуктовые токены», которые могут быть использованы для оплаты сервисов или ценностей, предоставляемых платформой;
- 2) обеспеченные токены – оцифрованные права на традиционные объекты гражданских прав (товары, работы, услуги и др.);
- 3) корпоративные токены, предоставляющие право на получение части прибыли от деятельности платформы и/или участие в ее развитии посредством голосования по определенным вопросам [11, с. 38].

Очевидно, что эмиссия и обращение продуктowego токена не требуют регулирования, аналогичного регулированию корпоративного или обеспеченного токена, что свидетельствует о необходимости использования дифференцированного подхода при осуществлении гармонизации правового регулирования оборота криptoактивов в рамках ЕАЭС.

Обобщая изложенное, отметим следующее. Процесс определения правовой природы и режима оборота токенов и криптовалют в настоящее время представляет собой крайне непростую задачу для каждого отдельно взятого государства, а необходимость выработки гармонизированных подходов к рассматриваемому вопросу в рамках различных интеграционных образований в разы ее усложняет. Принимая во внимание имеющийся в Республике Беларусь и Российской Федерации опыт правового регулирования рассматриваемых отношений и реализации проектов по эмиссии токенов и криптовалют, представляется возможным осуществление гармонизации подходов к определению правового режима обращения криptoактивов в рамках Союзного государства (например, посредством принятия нормативного акта Союзного государства) и дальнейшее использование указанного опыта при формировании единого цифрового рынка в рамках ЕАЭС.

Также некоторые различия наблюдаются и при определении правовой природы и режима смарт-контрактов. В целом смарт-контракт по своей природе и функциональным возможностям выступает одновременно в следующем качестве:

- 1) информации в форме программного кода;
- 2) формы договора;
- 3) способа исполнения обязательств по договору;
- 4) способа обеспечения исполнения обязательств по договору.

Анализ подходов к определению правовой природы и правового режима смарт-контрактов, предусмотренных в рамках проекта Федерального закона Российской Федерации «О цифровых финансовых активах» № 419059-7 и Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 года № 8 «О развитии цифровой экономики», позволяет сделать вывод о том, что определения смарт-контракта, содержащиеся в данных актах, отражают различные сочетания указанных выше признаков. Кроме того, ни одним из предложенных в рассматриваемых актах определений смарт-контракта они не учтены в полном объеме.

Необходимо отметить, что рассмотренные качества смарт-контракта определяют его преимущества перед устоявшимися в хозяйственном обороте формами сделок. Целесообразно обеспечить возможность использования указанных преимуществ субъектами хозяйствования государств-членов ЕАЭС даже при отсутствии унифицированных подходов к определению правового режима токенов и/или криптовалют, поскольку функционирование смарт-контрактов как способа исполнения и обеспечения исполнения обязательств по договору возможно и вне связи с указанными категориями. С этой целью возможна разработка и принятие наднационального акта в рамках ЕАЭС, определяющего правовую природу смарт-контракта, порядок и условия его использования, а также отдельные положения процессуального характера, к которым можно отнести порядок судебной защиты прав, возникших по смарт-контрактам, определение места смарт-контракта в системе доказательств; вопросы применимого права и подведомственности и подсудности споров по смарт-контрактам и др. [12]. При этом полагаем целесообразным обеспечить объективное отражение в данном акте всего комплекса признаков смарт-контрактов с целью использования в хозяйственной деятельности всех его функциональных возможностей.

Заключение. С учетом происходящих процессов цифровой трансформации экономики необходимы создание и реализация общих подходов к правовому регулированию экономической деятельности

в цифровой среде. В условиях правовой неопределенности, многочисленных вызовов существующему правопорядку нуждаются в согласованном пересмотре некоторые механизмы по защите интеллектуальной собственности, прав потребителей, а также законных интересов поставщиков и производителей цифровых товаров и услуг.

С учетом опыта ЕС видится необходимость разработки и принятия специального акта на уровне ЕАЭС, в котором следует: определить понятие цифровых услуг, а также товаров с цифровым компонентом; предусмотреть правовые механизмы по защите прав потребителей, в том числе дополнительные обязанности поставщиков в части разработки и предоставления обновлений для программного обеспечения, для потребителей – обязанность их установления и др.; правила определения подсудности по данной категории дел и порядок разрешения споров; распределение бремени доказывания и иные процессуальные гарантии для сторон.

Гармонизация национального законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере защиты интеллектуальной собственности особенно актуальна по вопросам определения системы охраняемых объектов интеллектуальной собственности, противодействия контрафактной продукции и т.д.

Кроме того, создание и функционирование единого рынка цифровых активов в рамках ЕАЭС невозможно в отсутствие унифицированных подходов к регулированию базовых вопросов создания и оборота токенов и криптовалют, что подразумевает, в первую очередь, обеспечение единообразного понимания правовой природы объектов рассматриваемых правоотношений и равных прав и обязанностей субъектов правоотношений в сфере оборота криптоактивов.

Учитывая, что в настоящее время национальное законодательство большинства государств-членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере находится на стадии формирования, представляется целесообразным обеспечить унификацию подходов к регулированию криптоактивов в рамках ЕАЭС на наднациональном уровне до принятия национальных нормативных правовых актов, что позволит обеспечить формальную определенность, предсказуемость и стабильность правового регулирования рассматриваемых отношений, которые способны гарантировать эффективную реализацию и защиту прав субъектов экономических отношений.

Принимая во внимание имеющийся в Республике Беларусь и Российской Федерации опыт правового регулирования рассматриваемых отношений и реализации проектов по эмиссии токенов и криптовалюты, представляется возможным осуществление гармонизации подходов к определению правового режима обращения криптоактивов в рамках Союзного государства (например, посредством принятия нормативного акта Союзного государства) и дальнейшее использование указанного опыта при формировании единого цифрового рынка в рамках ЕАЭС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [Электронный ресурс] : Решение Высшего Евразийский экономического совета № 12 от 11.10.2017 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003–2019. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91700293>. – Дата доступа: 02.05.2019.
2. О Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плане действий по ее реализации [Электронный ресурс] : Решение Совета Глав Правительств СНГ от 28 октября 2016 года / Интернет-портал СНГ // СНГ, 2019. – Режим доступа: www.e-cis.info/foto/pages/25825.doc. – Дата доступа: 02.05.2019.
3. Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС [Электронный ресурс] / Евразийская экономическая комиссия, 2019 г. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0133605/pd_06032019. – Дата доступа: 02.05.2019.
4. EU adopts new rules on sales contracts for goods and digital content [Electronic resource] / European Council, 2019. – Mode of access: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/04/15/eu-adopts-new-rules-on-sales-contracts-for-goods-and-digital-content/>. – Date of access: 02.05.2019.
5. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC [Electronic resource] / European Union, 1998–2019. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>. – Date of access: 02.05.2019.
6. Joint Letter from the United Kingdom, the Czech Republic, Poland, Luxembourg, Finland, Sweden, Denmark, Estonia, Latvia, Lithuania and Bulgaria / GOV.UK [Electronic resource] // Government of UK, 2019. – Mode of access: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/513402/platforms-letter.pdf. – Date of access: 02.05.2019.

7. О цифровой республике [Электронный ресурс] : Закон Франции от 7 окт. 2016 г. № 2016-1321 / Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2019. – Режим доступа: https://www.wipo.int/news/ru/wipolex/2016/article_0014.html. – Дата доступа: 02.05.2019.
8. Лопатин, В.Н. Проблемы и перспективы евразийского трансграничного пространства доверия при переходе к цифровой экономике / В.Н. Лопатин // Сборник материалов науч.-практ. конф. «Научные чтения памяти профессора В.И. Семенкова» ; Нац. Центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь – Минск : Четыре четверти, 2017. – С. 17–38.
9. О цифровых финансовых активах [Электронный ресурс] : Законопроект № 419059-7 // СОЗД ГАС «Законотворчество» ; Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, 2019. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7#bh_histras. – Дата доступа: 02.05.2019.
10. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Савельев, А.И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений / А.И. Савельев // Закон. – 2018. – № 2. – С. 36–51.
12. Дядькин, Д.С. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования [Электронный ресурс] / Д.С. Дядькин, Ю.М. Усольцев, Н.А. Усольцева // Universum: экономика и юриспруденция. – 2018. – № 5(50). – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806>. – Дата доступа: 02.05.2019.

Поступила 30.07.2019

**DIRECTIONS OF INTERNATIONAL COOPERATION
IN THE SPHERE OF LEGAL SUPPORT FOR THE FORMATION OF A SINGLE DIGITAL MARKET**

D. MARKEVICH, O. KOCHERGA

The directions of harmonization of conceptual approaches to the legal regulation of public relations in the field of digital technologies for the implementation of a coherent policy in the Eurasian space are proposed. The experience of supranational regulation within the CIS, the EEU, and the European Union is considered; the most general trends are highlighted. Authors developed and substantiated proposals for improving the legal framework within the Eurasian integration space. The results can be used in further studies of integration prospects for the formation of a single digital market, as well as in the development of mechanisms for legal regulation of public relations in the digital economy.

Keywords: digital economy, harmonization of legal regulation, digital technologies, EU law, Eurasian integration.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**УДК 342.922****СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ИХ КОМПЕТЕНЦИЯ****канд. юрид. наук М.В. ГУБИЧ****(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)**

Рассматривается система субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников органов внутренних дел, дается ее авторская дефиниция, определяются место каждого ее элемента, функциональное предназначение и системообразующие связи с другими элементами. Раскрывается иерархическая структура рассмотренной совокупности. Выявлены особенности правового положения субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников органов внутренних дел, не входящих в эту систему.

Ключевые слова: субъекты и объекты административного права, информационная безопасность, национальная безопасность, правовая защищенность, сотрудники органов внутренних дел.

Введение. Концепцией национальной безопасности Республики Беларусь определены основные функции системы обеспечения национальной безопасности, выполнение которых предполагает дальнейшее совершенствование имеющихся подсистем и механизмов, обеспечивающих надежность и устойчивость ее функционирования [1]. Одним из направлений указанной деятельности выступает совершенствование обеспечения информационной безопасности работников правоохранительных органов, в т.ч. сотрудников органов внутренних дел (ОВД). Данный нормативный правовой акт закрепляет необходимость решения задач обеспечения национальной безопасности на основе системного подхода, в т.ч. посредством реализации субъектами обеспечения информационной безопасности работников органов и организаций, составляющих силы обеспечения национальной безопасности, комплекса взаимосвязанных политических, экономических, правовых, управлеченческих, социальных, информационных и иных средств, направленных на выявление, предупреждение и нейтрализацию внутренних и внешних рисков, вызовов и угроз безопасности [1]. Исключительно важную роль для обеспечения эффективности функционирования указанных субъектов играет правильная, научно обоснованная организационная структура – система субъектов обеспечения информационной безопасности работников органов и организаций, составляющих силы обеспечения национальной безопасности, а также сотрудников ОВД – как ее подсистема.

Основная часть. До настоящего времени учеными и практиками не выработано единого определения понятия «система». Исследователями высказываются все новые точки зрения относительно указанного термина, которых насчитывается более двух десятков. Как отмечают А.М. Кориков и С.Н. Павлов, различия в определениях состоят в двойственности понятия «система», т.к. «с одной стороны, оно используется для обозначения объективно существующих феноменов, а с другой – как метод изучения и представления феноменов, т.е. как субъективная модель реальности» [2, с. 38]. Учитывая, что изучение указанной проблемы не входит в предмет настоящего исследования, представляется верным согласиться с господствующей трактовкой понятия «система», в соответствии с которой под ней понимают совокупность взаимодействующих, относительно самостоятельных элементов, объединенных выполнением некоторой общей функции, не сводимой к функциям ее компонентов [1, с. 29].

Взяв за основу вышеприведенное определение, под системой субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД в общем виде следует понимать совокупность взаимодействующих элементов данной системы, деятельность которых обеспечивает информационную безопасность сотрудников ОВД. Это позволяет заключить, что основная форма деятельности элементов системы – взаимодействие.

По мнению С.Н. Князева, «научное объяснение взаимодействия как философской категории сводится к тому, что оно является результатом углубляющегося понимания всеобщей связи конкретных проявлений материи» [3, с. 101]. Он выделяет три типичных вида содействия: комменсализм, мутуализм и коопeração. Примером комменсализма является вид взаимоотношений, при котором один из элементов системы извлекает пользу из совместного существования. Достаточно широко распространены мутуалистические (взаимовыгодные) отношения – система субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД и их компетенция к случайным контактам, пред-

ставляют собой устойчивые взаимосвязи. *Кооперация* – такой вид содействия, в результате которого две и более взаимодействующие системы извлекают обуюдную пользу.

Взаимодействие субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД характеризуется наличием всех выделяемых видов содействия, вместе с тем преобладающим видом взаимодействия объективно выступает кооперация.

В научной литературе присутствует мнение, что атрибутивным признаком создания «любой системы является ее способность обеспечить главную потребность человека – безопасность. В какой системе эта способность будет выше или какая система продемонстрирует посредством применения мер воздействия разного уровня интенсивности эту способность, в той системе и пожелает оказаться большинство людей. Именно поэтому подавляющей причиной образования системы безопасности является не столько желание отстаивать некую идею, сколько желание обеспечить собственную безопасность, обезвредить источник угрозы» [4, с. 23].

Согласно И.В. Прангишвили, «...понятие системы не распространяется адекватно на любой объект исследования, например, на систему с дезинтегрирующими и иррациональными типами связей и взаимодействий, либо на совокупности объектов, которые заведомо не имеют целостности и интегративного качества, или они связаны антагонистическими, конфликтными взаимодействиями» [5, с. 37]. В этой связи необходимо выделить следующие элементы рассматриваемой системы: субъекты обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД, а также внутрисистемные связи.

Другие авторы, В.А. Ананич и В.В. Шеин, отмечают, что на деятельность ОВД оказывают влияние многочисленные факторы, для нейтрализации которых необходимо проведение целого ряда мероприятий. «Эти мероприятия должны проводиться целенаправленно, постоянно, ими должны заниматься не только государственные органы, но и граждане, общественные объединения» [6, с. 175].

Разделяя данную точку зрения, следует указать, что субъекты обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД многочисленны и разнообразны: граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, индивидуальные предприниматели, общественные объединения, юридические лица; органы государственного управления, их структурные подразделения, должностные лица, которые наделены определенными полномочиями в данной сфере. Такая многосубъектность обусловлена комплексным характером деятельности по обеспечению информационной безопасности сотрудников ОВД. Важно, что основным субъектом обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД является государство, осуществляющее функции в данной сфере посредством органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

Защита жизни, здоровья, чести, достоинства, прав, свобод и законных интересов участников общественных отношений от преступных и иных противоправных посягательств относится к важнейшим функциям государства. Решение основных вопросов в правоохранительной сфере входит в компетенцию органов государственного управления общей компетенции. Рассматривая деятельность Президента, Национального собрания, Совета Министров Республики Беларусь, Совета Безопасности Республики Беларусь в сфере обеспечения безопасности сотрудников ОВД, необходимо учитывать, что система субъектов обеспечения безопасности сотрудников ОВД является подсистемой более высокого уровня – национальной безопасности. В этой связи решение вопросов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД указанными субъектами осуществляется, как правило, в комплексе вопросов в сфере национальной безопасности.

Значимые функции в обеспечении информационной безопасности сотрудников ОВД осуществляют Президент Республики Беларусь. Согласно ст. 79 Конституции Республики Беларусь Президент является Главой государства, гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина [7]. Он принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности. Президент осуществляет общее руководство системой обеспечения национальной безопасности путем реализации своих полномочий в этой сфере через Совет Безопасности Республики Беларусь и его рабочий орган – Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь, а также через Совет Министров Республики Беларусь.

Глава государства формирует и возглавляет Совет Безопасности Республики Беларусь, определяет состав и порядок его деятельности, назначает на должность и освобождает от занимаемой должности Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь; определяет стратегию обеспечения внутренней и внешней безопасности, меры по обеспечению социально-политической и экономической стабильности в обществе; осуществляет контроль и координирует деятельность государственных органов по обеспечению безопасности; издает декреты, указы и распоряжения, имеющие обязательную силу на всей территории Республики Беларусь, обеспечивает их исполнение. Президент Республики Беларусь определяет основные направления деятельности государства по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внешних внутренних угроз.

В соответствии с Законом Республики Беларусь «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» Президент Республики Беларусь осуществляет общее руководство ОВД; утверждает положения о МВД и его департаментах; о прохождении службы в ОВД, Дисциплинарный устав ОВД, текст Присяги лиц рядового и начальствующего состава; определяет штатную численность ОВД; согласовывает по представлению министра внутренних дел структуру центрального аппарата МВД; принимает решения об образовании, реорганизации и ликвидации департаментов МВД и организаций, входящих в систему ОВД; устанавливает перечень должностей высшего начальствующего состава ОВД и соответствующие этим должностям специальные звания; назначает на должность и освобождает от должности министра и его заместителей, а также руководителей других подразделений и организаций, входящих в систему ОВД; утверждает перечень вооружения, боевой и специальной техники, специальных средств, состоящих на вооружении; устанавливает порядок и нормы материально-технического обеспечения ОВД; принимает решения о привлечении ОВД для усиления охраны общественного порядка, обеспечения режимов чрезвычайного положения и военного положения; устанавливает перечень объектов, подлежащих обязательной охране ОВД; принимает решения по вопросам правовой и социальной защиты сотрудников ОВД и членов их семей; осуществляет иные полномочия, предусмотренные законодательными актами Республики Беларусь [8].

Таким образом, Президент Республики Беларусь, являясь Главой государства, осуществляет функцию координации деятельности по обеспечению национальной безопасности, в т.ч. безопасности сотрудников ОВД. Указанный элемент рассматриваемой системы является ее стратегическим центром, что позволяет ему эффективно выполнять возложенные на него задачи.

Для обеспечения реализации функций Президента по управлению государством, формированию внутренней, внешней и военной политики в области безопасности, по сохранению государственного суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя, поддержанию социально-экономической стабильности в обществе, защите прав и свобод граждан создан Совет Безопасности Республики Беларусь. В соответствии со ст. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 5 августа 1994 г. № 24 «О создании Совета Безопасности Республики Беларусь» Совет Безопасности является конституционным органом, который создается и целях подготовки решений Президента Республики Беларусь по основным направлениям внутренней, внешней и военной политики в сфере обеспечения безопасности Республики Беларусь. В соответствии со ст. 3 названного Указа основными задачами Совета Безопасности являются: определение приоритетов жизненно важных интересов личности, общества и государства, выявление внутренних и внешних угроз объектам безопасности; определение основных направлений стратегии безопасности Республики Беларусь и организация подготовки государственных программ поддержания надлежащей безопасности Республики Беларусь; подготовка рекомендаций Президенту по вопросам формирования внешней, внутренней и военной политики; разработка предложений по координации деятельности органов исполнительной власти по реализации принятых решений в сфере обеспечения безопасности и оценки их эффективности [9].

Таким образом, Совет Безопасности является высшим коллегиальным координационно-политическим органом, созданным в целях реализации полномочий Президента Республики Беларусь в области обеспечения национальной безопасности. Исходя из изложенного, а также принимая во внимание, что указанный элемент системы является обеспечивающим полномочия Президента Республики Беларусь в сфере национальной безопасности, он наряду с Главой государства занимает центральное место в системе субъектов обеспечения национальной безопасности.

Система органов исполнительной власти во главе с Советом Министров Республики Беларусь осуществляет функции по непосредственному обеспечению национальной безопасности. Так, согласно ст. 19 Закона Республики Беларусь «О Совете Министров Республики Беларусь» Правительство в соответствии с Конституцией, законами, актами Президента Республики Беларусь в области обеспечения законности и правопорядка принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, охране собственности, общественного порядка, борьбе с преступностью, обеспечивает защиту личности от любых противоправных действий, посягательств на жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство, а также защиту граждан как на территории Республики Беларусь, так и за ее пределами, руководит деятельностью подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций по обеспечению законности и правопорядка, реализации государственных программ по борьбе с преступностью [10].

Совет Министров обеспечивает исполнение решений Президента Республики Беларусь по вопросам правовой и социальной защиты сотрудников ОВД и членов их семей; осуществляет иные полномочия, делегированные ему Президентом Республики Беларусь, а также полномочия, предусмотренные законодательными актами Республики Беларусь.

Совет Министров Республики Беларусь в области обеспечения законности и правопорядка принимает меры по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, охране собственности и обще-

ственного порядка, борьбе с преступностью; обеспечивает защиту личности от любых противоправных действий, посягательств на жизнь, здоровье, имущество, честь и достоинство, а также защиту граждан; определяет основные направления правовой работы в подчиненных ему республиканских органах государственного управления и иных государственных организациях; руководит деятельностью подчиненных ему республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций в области правового просвещения граждан, а также по обеспечению законности и правопорядка, реализации государственных программ по борьбе с преступностью. Совет Министров организует разработку и формирование государственного оборонного заказа, оснащение ОВД вооружением, военной техникой, другими материальными ценностями и ресурсами, а также решает вопросы строительства и размещения на территории Республики Беларусь объектов ОВД. Кроме этого Правительство определяет объемы материальных ценностей и бюджетных ассигнований на нужды системы МВД.

Таким образом, основная задача Совета Министров как субъекта обеспечения безопасности сотрудников ОВД состоит в непосредственной реализации на надведомственном уровне стратегических решений, принятых Президентом Республики Беларусь и Советом Безопасности, а также организации выполнения требований нормативных правовых актов в сфере информационной безопасности сотрудников ОВД.

Министерства и государственные комитеты Республики Беларусь в соответствии с законодательством Республики Беларусь, реализуя задачи, возложенные на них, участвуют в обеспечении различных аспектов безопасности сотрудников ОВД в соответствии со своей компетенцией. Руководствуясь законами, декретами, указами, распоряжениями Президента Республики Беларусь, постановлениями Правительства Республики Беларусь, они реализуют политику государства, направленную на защиту жизненно важных интересов объектов безопасности, в т.ч. информационной безопасности сотрудников ОВД. В этой связи органы исполнительной власти Республики Беларусь также являются компонентом системы субъектов обеспечения безопасности сотрудников ОВД.

Национальное собрание Республики Беларусь в пределах своей конституционной компетенции обеспечивает законодательное регулирование отношений в сфере ОВД; устанавливает общие принципы, основы деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в сфере ОВД. Свои полномочия в сфере обеспечения информационной безопасности ОВД парламент реализует в различных правовых формах: во-первых, он осуществляет законодательную деятельность, т.е. принимает соответствующие законы; во-вторых, распорядительную деятельность путем принятия постановлений Палаты представителей и Совета Республики по вопросам распорядительного и контрольного характера, касающимся деятельности ОВД. Парламент осуществляет законодательное регулирование информационной безопасности сотрудников ОВД. Национальное собрание придает деятельности остальных элементов системы обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД правовой характер, устанавливает правовые пределы такой деятельности, посредством издания законов формирует формальное правовое единство целей, задач и полномочий, правовую общность элементов системы.

Судебные органы Республики Беларусь осуществляют правосудие посредством гражданского, уголовного, хозяйственного и административного судопроизводства. В соответствии с Кодексом Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей суды в Республике Беларусь призваны защищать гарантированные Конституцией Республики Беларусь и иными актами законодательства личные права и свободы, социально-экономические и политические права граждан, конституционный строй Республики Беларусь, государственные и общественные интересы, права организаций, индивидуальных предпринимателей, а также обеспечивать правильное применение законодательства при осуществлении правосудия, способствовать укреплению законности и предупреждению правонарушений.

Таким образом, суд как элемент системы обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД оценивает с позиции права те либо иные явления, негативно воздействующие на безопасность лиц рядового и начальствующего состава, и принимает решение о привлечении виновных в нарушении правовых норм, направленных на охрану общественных отношений в сфере информационной безопасности сотрудников ОВД, к установленной законом ответственности.

Прокуратура Республики Беларусь – единая и централизованная система органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на территории Республики Беларусь. В соответствии со ст. 12 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» прокуратура координирует правоохранительную деятельность государственных органов, осуществляющих борьбу с преступностью и коррупцией, деятельность иных организаций, участвующих в борьбе с преступностью [12], а также осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением ОВД законодательства Республики Беларусь [8].

Задачами прокуратуры являются обеспечение верховенства права, законности и правопорядка, защита прав и законных интересов граждан и организаций, а также общественных и государственных интересов. Осуществляя надзор за точным и единообразным исполнением всеми субъектами обеспече-

ния информационной безопасности сотрудников ОВД законов, декретов, указов и иных нормативных правовых актов; исполнением законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; исполнением закона в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания; соответствием закону судебных постановлений, а также за соблюдением законодательства при их исполнении; соблюдением законодательства при исполнении наказания и иных мер уголовной ответственности, мер принудительного характера, прокуратура обеспечивает соблюдение точного и единообразного применения норм права в сфере информационной безопасности сотрудников ОВД, гарантирует функционирование остальных элементов системы в соответствии с поставленными перед ними целями в рамках предоставленных им полномочий, сдерживает их отклонение от заданных параметров, что, в свою очередь, является дополнительным фактором, обеспечивающим стабильность работы элементов системы субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД.

Необходимо отметить, что государственное управление в сфере информационной безопасности сотрудников ОВД осуществляется централизованно главным образом высшими органами государственной власти. Однако из этого не следует, что органы местного управления и самоуправления стоят в стороне от решения вопросов в рассматриваемой сфере. Так, они обеспечивают потребности ОВД в материальных средствах, энергетических и других ресурсах и услугах, выделяют для нужд ОВД земельные участки, предоставляют служебные помещения и жилую площадь, коммунальные, бытовые и другие услуги в соответствии с законодательством Республики Беларусь. По верному утверждению В.И. Шабайлова, «компетенция и деятельность областных, районных, городских, поселковых, сельских советов, их исполнкомов неотделима от решения общегосударственных задач и функций» [13, с. 130]. В этой связи наряду с органами исполнительной власти органы местного управления и самоуправления являются важным элементом системы субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД, позволяющим системе эффективно взаимодействовать с внешней средой.

Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь определено, что эффективному решению задач в обеспечении информационной безопасности должно способствовать постоянное целенаправленное взаимодействие между государственным сектором и негосударственными субъектами обеспечения информационной безопасности в форме государственно-частного партнерства с целью привлечения компетенций, кадров, технологий, капитала частных предприятий, повышения отдачи использования бюджетных средств и активов предприятий, совместной разработки и реализации инвестиционных и иных проектов в области информационной безопасности [14, п. 96].

К негосударственным субъектам обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД относятся различные общественные формирования, содействующие органам правопорядка, общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», ветеранские организации и др. Данные элементы системы можно рассматривать как вспомогательные элементы системы, выполняющие функции по непосредственному воздействию на внешнюю среду, что не снижает их значимости в обеспечении функционирования всей системы субъектов. Как и государственные субъекты обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД, указанные элементы системы выполняют функцию непосредственного воздействия на внешнюю среду. Специфичность рассматриваемых элементов заключается в том, что по правовому положению их можно отнести к элементам внешней среды; вместе с тем, выполняя свои функции, они также являются субъектами обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД. Это обстоятельство позволяет говорить о значимой роли данного элемента системы в обеспечении осуществления ее целей.

Граждане, не являющиеся сотрудниками ОВД, также могут рассматриваться в качестве субъектов рассматриваемой системы. Основная роль граждан в обеспечении информационной безопасности лиц рядового и начальствующего состава – создание благоприятных условий выполнения сотрудниками ОВД возложенных на них задач: оказание разносторонней помощи (сообщение правоохранительным органам о ставших им известными фактах готовящихся, совершаемых или совершенных правонарушений, в т.ч. и в отношении сотрудников ОВД, причинах и условиях, способствующих их совершению); содействие в работе по профилактике и пресечению правонарушений; пропаганда правовых знаний, способствующих предупреждению правонарушений, и др.

Законом Республики Беларусь «Об участии граждан в охране правопорядка» предусмотрена возможность граждан выступать субъектами рассматриваемой сферы правоотношений в следующих формах: индивидуальное участие; внештатное сотрудничество с правоохранительными органами, участие в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка; членство в добровольных дружинах; участие в советах общественных пунктов охраны правопорядка [15].

На основании вышеизложенного можно заключить, что обеспечение информационной безопасности сотрудников ОВД в большей либо меньшей степени составляет компетенцию всех без исключения государственных субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД, а также может осуществляться и негосударственными субъектами. При этом для их классификации, а также выяв-

ления закономерностей во взаимосвязях отдельных субъектов применимы общепринятые критерии классификации, разработанные административно-правовой наукой: территориальный масштаб деятельности, основания образования, объем и характер компетенции, порядок решения подведомственных вопросов, конкретная направленность компетенции, источник финансирования, место в системе органов власти и организационно-правовая форма.

По нашему мнению, негосударственные субъекты системы обеспечения безопасности сотрудников ОВД следует рассматривать в качестве вспомогательных элементов, основное назначение которых состоит в непосредственном воздействии на внешнюю среду, создании благоприятных условий осуществления сотрудниками ОВД служебной деятельности. При этом вспомогательная роль данных субъектов не уменьшает их роли в достижении целей рассматриваемой системы.

Таким образом, при уяснении места каждого элемента системы субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД и ее сущности, осуществляемых функций выявляются системообразующие связи, которые и характеризуют перечисленную совокупность элементов как систему. Системообразующие связи придают рассматриваемой системе целостность и завершенность.

Как отмечает И.В. Прангисвили, «благодаря системообразующим связям свойства системы оказываются не просто суммой свойств, составляющих ее отдельные элементы, а определяются наличием и спецификой связей и отношением между элементами, т.е. их следует рассматривать как интегративные свойства, или качество системы как целое» [5, с. 50].

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что совокупность субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД обладает всеми признаками системы. Каждый элемент системы занимает в ней определенное место, имеет свое функциональное предназначение и системообразующие связи с другими элементами. Степень участия выделенных нами субъектов в обеспечении информационной безопасности сотрудников ОВД различна, отличаются также формы и методы их деятельности. Совокупность субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД имеет формализованный и законченный вид, т.е. является единым целым функциональным элементом системы безопасности сотрудников ОВД.

К внутренним целям системы субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД следует отнести также и обеспечение ее устойчивости, стабильности функционирования, поддержание единства, жизнеспособности и эффективности, обретение оптимальных содержательно-функциональных параметров. Данные цели достигаются правильным и действенным расположением элементов, эффективным использованием системообразующих связей.

Внешние цели заключаются в изменении внешней среды в соответствии с интересами информационной безопасности сотрудников ОВД и поддержании ее в состоянии, обеспечивающем минимальную вероятность реализации факторов опасности сотрудникам ОВД, своевременное реагирование на их появление, пресечение и устранение. Указанные цели достигаются путем взаимодействия системы с внешней средой, эффективного управляющего воздействия ее элементов на социальные процессы, а также гибкостью и оперативностью системы, наличием управляющей воли субъектов.

Основываясь на вышесказанном, под *системой субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД* следует понимать совокупность государственных органов, общественных организаций, а также граждан, характеризуемую наличием системных связей и упорядоченностью элементов, осуществляющих воздействие на внешнюю среду в целях создания и поддержания необходимого уровня информационной защищенности сотрудников ОВД, посредством осуществления мер и средств нормативно-правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных воздействию факторов опасности и риска сотрудников ОВД.

Как уже отмечалось, не все субъекты обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД можно отнести к субъектам административно-правового обеспечения информационной безопасности рассматриваемой категории граждан, т.к. субъектами административно-правового обеспечения могут выступать только субъекты, наделенные государственно-властными полномочиями, что предполагает возможность применения мер государственного принуждения в рамках, установленных законом.

В этой связи систему субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД составляют: субъекты общей компетенции (Президент Республики Беларусь, Совет Безопасности Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь и органы исполнительной власти); субъекты специальной компетенции, которых следует разделить на два уровня: руководители органов, учреждений и организаций системы МВД (несут персональную ответственность за организацию и состояние работы по обеспечению информационной безопасности сотрудников ОВД в подчиненных подразделениях); подразделения и должностные лица ОВД, обеспечивающие информационную безопасность сотрудников ОВД.

Анализ положений нормативных правовых актов Республики Беларусь позволяет выделить такие основные функции субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности со-

трудников ОВД, как: прогнозирование, выявление и оценка возможных угроз, дестабилизирующих факторов, причин их возникновения и последствий проявления; разработка концептуальных документов (доктрины, концепции, стратегии и программы) в сфере деятельности ОВД; создание нормативно-правовой основы, в том числе и административно-правовой, необходимой для эффективного функционирования ОВД; совершенствование организационной структуры системы субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД; комплексное кадровое, финансовое, материальное, техническое, информационное и иное обеспечение ОВД; разработка научно обоснованных предложений и рекомендаций по принятию управленческих решений по повышению эффективности деятельности ОВД, а также оценка ее результативности; контроль.

Систему субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД можно рассматривать как юридически упорядоченную внутренне согласованную совокупность различных по своей организационно-правовой форме органов, соподчиненных на основе разделения компетенции между ними и образующих интегрированное единство в процессе обеспечения безопасности сотрудников, осуществляющих воздействие на внешнюю среду в целях создания и поддержания необходимого уровня информационной защищенности сотрудников ОВД посредством осуществления мер и средств нормативно-правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных воздействию факторов опасности и риска сотрудников ОВД. Эта система имеет свою вертикальную иерархическую структуру и горизонтальные уровни, выполняет в соответствии с государственной политикой в сфере национальной безопасности повседневное оперативное управление обеспечением безопасности сотрудников ОВД.

Заключение. На основании результатов проведенного исследования представляется целесообразным сделать следующие выводы:

1) рассмотренная совокупность субъектов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД обладает всеми основными признаками системы. Каждый ее элемент занимает определенное место, имеет свое функциональное предназначение и системообразующие связи с другими элементами. Рассматриваемая совокупность элементов имеет иерархическую структуру и формальную определенность;

2) особенностью правового положения субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД, не входящих в систему ОВД, является то, что решение вопросов обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД указанными субъектами осуществляется, как правило, в комплексе вопросов в сфере национальной безопасности;

3) под системой субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД следует понимать юридически упорядоченную внутренне согласованную совокупность различных по своей организационно-правовой форме органов, соподчиненных на основе разделения компетенции между ними и образующих интегрированное единство в процессе обеспечения безопасности сотрудников, осуществляющих воздействие на внешнюю среду в целях создания и поддержания необходимого уровня информационной защищенности сотрудников ОВД посредством осуществления мер и средств нормативно-правового, организационного, правоохранительного и иного характера, адекватных воздействию факторов опасности и риска сотрудников ОВД;

4) иерархическую систему субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников ОВД составляют: субъекты общей компетенции (Президент Республики Беларусь, Совет Безопасности Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь и органы исполнительной власти); субъекты специальной компетенции, которых следует разделить на два уровня: руководители органов, учреждений и организаций системы МВД (несут персональную ответственность за организацию и состояние работы по обеспечению информационной безопасности сотрудников ОВД в подчиненных подразделениях); подразделения и должностные лица ОВД, обеспечивающие безопасность сотрудников ОВД.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 нояб. 2010 г. № 575 : в ред. от 30 дек. 2011 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Кориков, А.М. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие / А.М. Кориков, С.Н. Павлов. – Томск : Том. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2008. – 264 с.
3. Князев, С.Н. Управление: искусство, наука, практика : учеб. пособие / С.Н. Князев. – Минск : Армита-Маркетинг : Менеджмент, 2002. – 512 с.
4. Липак, В.А. Необходимость формирования системы национальной безопасности / В.А. Липак // Право и безопасность. – 2003. – № 2. – С. 21–25.
5. Прангшишвили, И.В. Системный подход и общесистемные закономерности / И.В. Прангшишвили. – М. : Синтег, 2000. – 521 с.

6. Шеин, В.В. Содержание, формы и методы деятельности органов внутренних дел при чрезвычайных ситуациях / В.В. Шеин, В.А. Ананич // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2006. – № 1. – С. 172–176.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 10-е изд., стер. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 62 с.
8. Об органах внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З : в ред. от 9 янв. 2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. О создании Совета Безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 5 авг. 1994 г. № 24 : в ред. от 15 окт. 2009 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
10. О Совете Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 23 июля 2008 г. № 24 : в ред. от 17 июля 2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Вилинов, А.М. Управление социальными системами на основе творчества : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.08 / А.М. Вилинов. – М., 2002. – 318 л.
12. О прокуратуре Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З : в ред. от 18 июля 2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Шабайлов, В.И. Правовое регулирование социально-культурной деятельности / В.И. Шабайлов ; науч. ред. В.А. Кругалевича. – Минск : Наука и техника, 1981. – 183 с.
14. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
15. Об утверждении положения о главном управлении собственной безопасности Министерства внутренних дел Респ. Беларусь : приказ М-ва внутр. дел Респ. Беларусь от 28 авг. 2013 г. № 400.

Поступила 09.08.2019

**SYSTEM OF SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE
AND LEGAL ENSURING INFORMATION SECURITY
OF EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS AND THEIR COMPETENCE**

M. GUBICH

The article discusses the system of subjects of ensuring information security of employees of the internal affairs bodies, gives its author's definition, determines the place of each of its elements, its functional purpose and system-forming links with other elements. Discloses the hierarchical structure of the considered population. The peculiarities of the legal status of subjects of administrative and legal support of information security of police officers who are not part of the system of internal affairs bodies are revealed.

Keywords: subjects and objects of administrative law, information security, national security, legal security, employees of internal affairs.

УДК 342.951(476)

**ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
«НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ»:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

A.C. ВАЛЕВКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассмотрен один из элементов состава административного правонарушения «недобросовестная конкуренция» – объективная сторона. Основная часть исследования посвящена как общей характеристике данного элемента административного правонарушения, так и квалифицирующим признакам каждой из форм недобросовестной конкуренции, предусмотренных в антимонопольном законодательстве Республики Беларусь. Дано авторское определение понятия «объективная сторона административного правонарушения «Недобросовестная конкуренция»».

Ключевые слова: *объективная сторона, недобросовестная конкуренция, формы недобросовестной конкуренции, состав административного правонарушения, административная ответственность.*

Введение. Рыночные отношения подразумевают согласованную работу трех основных механизмов: конкуренции, спроса и предложения, ценообразования, которые приводят систему хозяйства в движение. Хозяйствующие субъекты вынуждены вступать в конкурентные отношения между собой, однако субъекты не всегда являются честными и добросовестными. Справедливо замечание С.С. Лосева, что защита от недобросовестной конкуренции выступает как самостоятельный правовой институт, который заслуживает детального изучения в силу своей значимости для развития конкуренции и предпринимательских отношений [1, с. 26].

Вопросы административной ответственности за недобросовестную конкуренцию – предмет исследования в научных трудах С.С. Лосева [1], Д.И. Серегина [8], Э. Маркварта [9], Т. Пономаревой [17], М.К. Васильевой [19], М.М. Поповского, Д.Е. Богданова [20] и других ученых.

Основная часть. Недобросовестная конкуренция – одно из правонарушений в сфере антимонопольного регулирования. Так, в рамках проводимой работы по контролю за соблюдением антимонопольного законодательства Министерством антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) за январь–март 2019 года рассмотрено 93 обращения хозяйствующих субъектов.

Комиссией по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства МАРТ рассмотрены материалы по 32 заявлениям о нарушении антимонопольного законодательства. В результате установлены 3 факта нарушения Закона Республики Беларусь от 12.12.2013 № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»), из трех установленных фактов нарушения антимонопольного законодательства один факт касается запрета на недобросовестную конкуренцию путем введения в заблуждение, один факт – запрета на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и (или) использованием объектов интеллектуальной собственности [2].

С 29 октября 2018 г. вступил в действие Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [3], в соответствии с которым в новой редакции изложена ст. 11.26 Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [4], предусматривающая административную ответственность за недобросовестную конкуренцию. В составе административного правонарушения, предусмотренного ст. 11.26 КоАП «Недобросовестная конкуренция», не раскрывается определение понятия недобросовестной конкуренции, не дается интерпретация ее различных форм. Таким образом, КоАП дает отсылку на специальный законодательный акт в сфере антимонопольного регулирования – Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» [6].

Одним из ключевых элементов состава любого административного правонарушения является объективная сторона. По мнению Д.Г. Заряна, объективная сторона правонарушения представляет собой внешнее проявление правонарушения, заключающегося в деянии, последствиях, причинной связи, протекающих в определенном месте и в определенный временной промежуток с применением конкретных способов, орудий или средств в условиях окружающей обстановки [5, с. 8].

Рассмотрение объективной стороны данного административного правонарушения представляется важным по нескольким причинам:

- объективная сторона выражается в предусмотренных нормой административно-деликтного законодательства признаках, а именно внешнем проявлении, и является неотъемлемым элементом любого правонарушения для его определения;
- недобросовестная конкуренция – явление комплексное;
- недобросовестная конкуренция выражается через формы, которых в антимонопольном законодательстве несколько.

Следует обратить внимание на то, что диспозиция нормы, содержащейся в абзаце 10 ч. 1-й ст. 1-й Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», раскрывает объективную сторону данного правонарушения и выражается в совершении взаимосвязанных между собой действий хозяйствующих субъектов-конкурентов. Однако одного определения недостаточно для признания того или иного противоправного действия недобросовестной конкуренцией, которая идентифицируется через формы, которые различаются между собой по способу выражения на товарном рынке.

Необходимо дать общую характеристику объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ст. 11.26 КоАП «Недобросовестная конкуренция».

Во-первых, деятельность, осуществляемая между недобросовестным хозяйствующим субъектом и лицом (лицами), потерпевшим (потерпевшими) от его действий, т.е. другими хозяйствующими субъектами, должна быть профессиональной и приносить доход, должна осуществляться в рамках одного товарного рынка – деятельность конкурентов, занятых в одной сфере производства либо оказания услуг, проявляться в виде негативных последствий для хозяйствующего субъекта – конкурента.

Во-вторых, правонарушение, являющееся недобросовестной конкуренцией, есть действие.

В ходе рассмотрения ст. 11.26 КоАП и ст. 1 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» нами установлено, что акты, являющиеся недобросовестной конкуренцией, могут быть выражены в действиях. При этом необязательно, чтобы данные действия на момент совершения административного правонарушения имели конкретный результат – негативные последствия для конкурента могут выражаться в виде предположений о нанесении вреда деловой репутации. Данные утверждения подтверждаются и п. 9 Методических рекомендаций по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции, утвержденной приказом МАРТ от 18.09.2017 г. № 154 (далее – Методические рекомендации) [12].

Однако подход в белорусском антимонопольном законодательстве в том, что акты недобросовестной конкуренции всегда выражаются в виде действий, не в полной мере совпадает с Типовыми положениями по защите от недобросовестной конкуренции, подготовленными Всемирной организацией интеллектуальной собственности в 1996 г. [7]. Недобросовестной конкуренцией должны признаваться любое действие или практика.

Термин «практика» служит дополнением к термину «действие», т.е. имеет место наличие поведения, выражющегося в уклонении от определенных действий. Например, отказ предоставить достаточную информацию, касающуюся правильного использования товара или возможных побочных последствий его использования.

Такого мнения придерживаются такие авторы, как Л.Е. Гукасян, А.В. Залесов, Д.И. Серегин. По их мнению, несмотря на то, что законодатель не признает недобросовестную конкуренцию в форме бездействия, нельзя отрицать получение конкурентных преимуществ и причинения вреда контрагентам в результате совершения бездействия [8, с. 19].

Позицию указанных авторов разделяет Э. Маркварт [9]. С его точки зрения, возможна ситуация, когда хозяйствующий субъект воздерживается от совершения определенных действий, которые он в силу существующих общепринятых норм поведения или требований добродорядочности должен был бы совершить, сознавая при этом, что такое бездействие может привести к приобретению им преимуществ в конкурентной борьбе, считая правильным рассматривать поведение хозяйствующих субъектов в целом, охватывая как действия, так и бездействие.

В данном случае также стоит обратить внимание на мнение А.И. Бойко, что форма действия «бездействие» выражается в пассивном, но волевом поведении. Таким образом, лицо не совершает действий, которые оно должно совершить определенным образом в силу обязанности, возложенной на него законом. Соответственно, парадокс бездействия в том, что внешне пассивное поведение в юридическом плане является активной формой деятельности [10].

В-третьих, действия конкурента должны быть направлены на приобретение преимуществ в предпринимательской деятельности.

В ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) закреплено, что цель предпринимательской деятельности заключается в извлечении прибыли [11]. Следовательно, по отношению к конкуренту должно признаваться все то, что приводит к получению прибыли в большем размере. В соответ-

ствии с п. 11 Методических рекомендаций [12] преимуществом в предпринимательской деятельности за счет недобросовестной конкуренции хозяйствующего субъекта (хозяйствующих субъектов) может служить:

- получение за счет недобросовестных действий прибыли в большем размере, в т.ч. за счет меньших расходов в производстве и продвижении своих товаров, а также за счет увеличения объема реализации товаров, обеспечиваемого сокращением объема реализации товаров конкурентов;
- увеличение объема потребительского спроса товаров за счет не собственных вложений, а имеющейся на рынке известности товаров конкурентов и их товарных знаков (логотипов, обозначений и т.п.).

В-четвертых, действия конкурента должны противоречить требованиям закона, иным законодательным актам и актам антимонопольного законодательства. Не менее важным является и то, что действия конкурента, которые формально не противоречат антимонопольному законодательству, могут быть признаны недобросовестной конкуренцией из-за противоречия требованиям добросовестности и разумности.

Так, в п. 3 Методических рекомендаций закреплено, что имеется в виду под требованиями добросовестности и разумности [12].

Требования добросовестности представляют собой принцип гражданских правоотношений, устанавливающих необходимость заботливого, осмотрительного поведения, при котором исключается любое проявление неосмотрительности, небрежности, незнания прав, обязанностей и законных интересов других участников гражданских правоотношений, предполагающих отношение к чужим обязанностям и правам как к своим собственным; требования разумности – принцип гражданских правоотношений, устанавливающий необходимость соотнесения действий участников правоотношений с условиями и явлениями объективной реальности, социально-экономической действительности, обычно предъявляемыми требованиями и обычаями, профессиональными правилами.

К недобросовестным действиям, противоречащим требованиям добросовестности и разумности, следует относить, в т.ч. действия, связанные со сферой исключительных прав на средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг, сущность которых состоит в злоупотреблении правом [12].

К вышеперечисленному целесообразно добавить неисполнение меры реагирования антимонопольного органа (МАРТ) – предостережения о недопустимости совершения действий (бездействия), которые могут привести к нарушению антимонопольного законодательства, в т.ч. и к недобросовестной конкуренции.

В-пятых, для признания противоправного деяния недобросовестной конкуренцией является причинение или создание угрозы причинения убытков или ущерба деловой репутации конкурента (конкурентов).

В ст. 14 ГК закреплено определение убытков, которое включает в себя реальный ущерб и упущенную выгоду [11].

Деловая репутация согласно белорусскому гражданскому законодательству является нематериальным благом и представляет собой совокупность мнений, которые отражают оценку деятельности хозяйствующего субъекта другими участниками хозяйственного оборота.

Пример из правоприменительной практики

ОДО «А» требовало признать недействительным в судебном порядке решение антимонопольного органа об установлении факта недобросовестной конкуренции (ОДО «А» разместило на своем сайте в сети Интернет ложные сведения о товарах конкурента (ЧТУП «Б»)). ОДО «А» считало, что отсутствуют доказательства конкурентных отношений между ОДО «А» и ЧТУП «Б» и доказательства возможности причинения убытков ЧТУП «Б» в связи с размещением информации в отношении товара. Суд установил, что оба хозяйствующих субъекта действовали на одном товарном рынке. Целью сообщения было создание негативного представления о товаре иного производителя (продавца) и формирование у потребителей мнения о значительном преимуществе товара ОДО «А». Решение антимонопольного органа было оставлено в силе [13].

Вышеперечисленные признаки недобросовестной конкуренции являются ее неотъемлемыми частями, т.е. проявляются через взаимосвязанные между собой действия, которые несут или могут нести негативные последствия для конкурентов (потерпевших), и реализуются через определенные формы.

В настоящее время предусмотрено шесть различных форм недобросовестной конкуренции, которые содержатся в открытом перечне и закреплены в Законе «О противодействии монополистической деятельности и защите конкуренции».

Объективная сторона административного правонарушения «Недобросовестная конкуренция» представляет собой деяния, выраженные в следующих формах:

- 1) дискредитация;
- 2) введение в заблуждение;
- 3) некорректное сравнение;
- 4) приобретение и (или) использование объектов интеллектуальной собственности конкурента
- 5) создание смешения;
- 6) незаконное получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну.

Рассмотрим каждую из представленных форм подробнее.

Дискредитация находится на первом месте в перечне форм недобросовестной конкуренции, запрет на которую закреплен в ст. 25 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», и является одной из самых известных форм. Самый первый нормативный правовой акт в сфере антимонопольного регулирования Республики Беларусь – Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» № 2034-XII от 10.12.1992 – содержал нормы, относящиеся к дискредитации [14].

Ранее данная форма заключалась в непосредственном распространении или через других лиц в СМИ, рекламных или иных изданиях посредством любых электронных СМИ и иными способами ложных, недостоверных или искаженных сведений о предпринимательской деятельности, финансовом состоянии, научно-технических и производственных возможностях, товарах конкурента, а также включала в себя распространение хозяйствующим субъектом непосредственно или через других лиц в любой форме и любыми способами заявлений, которые содержали информацию, порочащую деловую репутацию хозяйствующего субъекта либо его учредителя (участника, собственника имущества) или работника, и могли ослабить доверие к хозяйствующему субъекту как производителю товаров.

На сегодня в новой редакции Закона «О противодействии монополистической деятельности и защите конкуренции» понятие дискредитации сужено до «распространение сведений» и только хозяйствующим субъектом-конкурентом «ложных, неточных или искаженных сведений».

Основными признаками дискредитации являются:

- распространение сведений (информации), причем способ распространения сведений не имеет значения (публикации в СМИ, размещение в сети Интернет и т.д.);
- распространяемые сведения должны быть недостоверными, ложными, неточными или искаженными;
- сведения должны соответствовать определению недобросовестной конкуренции в части направленности на получение преимуществ в предпринимательской деятельности по отношению к конкурентам, а также способности причинить убытки или причинить вред их деловой репутации.

На основании подпункта 17.2 п. 17 Методических рекомендаций под *ложными сведениями* следует понимать намеренно искаженные сведения, которые полностью или частично не соответствуют действительности; под *недостоверными* – сведения, которые соответствовали фактическим данным, но с течением времени утратили достоверность; под *неточными* – сведения, которые частично не соответствуют действительности, но соответствуют представлениям распространяющего их лица; под *искаженными* – сведения, которые полностью не соответствуют действительности, но соответствуют представлениям распространяющего их лица [12].

При квалификации действий Комиссией МАРТ по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства, которые являются недобросовестной конкуренцией в форме дискредитации, следует обратить внимание на то, что вышеупомянутые сведения должны быть зафиксированы (сообщены неопределенному кругу лиц, опубликованы посредством печатных СМИ, в радио-, теле- и видеопрограммах, размещены в глобальной компьютерной сети Интернет (в т.ч. размещение в любой социальной сети), продемонстрированы на плакатах, стендах, световых табло или иных формах) и иметь причинно-следственную связь с причиненными убытками (либо возможностью причинения убытков) либо нанесением (возможностью нанесения) вреда деловой репутации.

Пример из правоприменительной практики

29.12.2017 Ассоциация «А» в сети Интернет на своем сайте разместила рейтинг «черных кредитных брокеров», в состав которого входило ООО «Б» (4-е место по критерию «мнение пользователей» и 4-е место по критерию «мнение Ассоциации»). Данная информация, размещенная на сайте Ассоциации «А», была направлена на формирование у потенциального потребителя негативного мнения в отношении ООО «Б», что запрещено ст. 25 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Допущенное нарушение установлено решением МАРТ и не оспаривалось участниками административного процесса.

Согласно протоколу об административном правонарушении совершенным деянием был причинен имущественный вред в размере свыше сорока базовых величин (объем выручки ООО «Б» в период с декабря 2017 г. по март 2018 г. снизился) [15].

Важно отметить, что высказывание личного мнения должностными лицами хозяйствующего субъекта о конкуренте в устной приватной беседе не может быть актом дискредитации. Однако Типовые положения о защите от недобросовестной конкуренции указывают даже на такие методы передачи информации, как жесты, которые тоже должны быть приняты во внимание [7].

Введение в заблуждение. Запрет на данную форму недобросовестной конкуренции закреплен в ст. 26 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции».

В первую очередь стоит отметить тот факт, что сведения, способные ввести в заблуждение, относятся к недобросовестному хозяйствующему субъекту. Целью введения в заблуждение является приобретение преимуществ недобросовестным хозяйствующим субъектом на товарном рынке путем введения в заблуждение других конкурентов и потребителей в отношении предлагаемых им товаров (работ, услуг). Потерпевшими выступают потребители, контрагенты и конкуренты, которые под воздействием введения в заблуждения отдают предпочтение в пользу товара, сведения о котором не соответствуют реальным данным, а выбор, сделанный вышеуказанными лицами, может носить определяющий характер в пользу такого недобросовестного конкурента.

Как мы уже отметили выше, сведения о товаре при совершении акта недобросовестной конкуренции – введение в заблуждение, всегда являются недостоверными. Данная форма недобросовестной конкуренции чаще реализуется через рекламу.

При квалификации данного правонарушения необходимо руководствоваться ст. 26 Закона Республики Беларусь от 10.05.2007 № 255-З «О рекламе» (далее – Закон «О рекламе») в части ненадлежащей рекламы, которая определяется как недобросовестная, недостоверная, неэтичная, скрытая и иная реклама, при производстве и (или) размещении (распространении) которой допущены нарушения законодательства [16]. Введение в заблуждение посредством рекламы также влечет меры административной ответственности, предусмотренной ст. 12.15 КоАП «Нарушение законодательства о рекламе» [4].

Введение в заблуждение может осуществляться в отношении таких характеристик товара, как:

– *качество потребительских свойств товара.* Осуществляется в любой форме и любым способом не соответствующих действительности сведений о товаре недобросовестного конкурента. При этом, как отмечает С.С. Лосев, не имеет значения степень ложного представления о таких товарах [1];

– *количество товара, предлагаемого к продаже* (наличие такого товара на рынке, возможности его приобретения на определенных условиях, фактический размер спроса на такой товар);

– *место изготовления.* По мнению Т. Пономаревой, место производства товара может обозначать как страну происхождения товара, так и иные географические объекты, на территории которых осуществлялось производство товара. Имеет значение и использование обозначений, ассоциирующихся у потребителей с географическим объектом посредством цветового сочетания (флаг страны) [17];

– *изготовитель товара.* Осуществляется посредством ложного указания происхождения товара и (или) применения обозначений, которые ассоциируются у потребителей с другими изготовителями;

– *условия, на которых недобросовестный конкурент предлагает свой товар.* Наиболее частым примером выступает неполная информация об условиях, на основании которых товар может быть приобретен со скидкой;

– *некорректное сравнение.* Запрет на данную форму недобросовестной конкуренции содержится в ст. 27 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», в которой нет определения некорректного сравнения. Вместо этого приводится открытый перечень действий, которые будут считаться некорректным сравнением.

В отличие от предыдущей формы недобросовестной конкуренции некорректное сравнение содержит корректные данные о конкуренте и (или) его товаре, но является неправильным или неточным.

Российские авторы Л.В. Щербачева и А.В. Лобаков полагают, что введение в заблуждение и некорректное сравнение взаимосвязаны. Так, некорректное сравнение может сопровождаться одновременным распространением ложных и искаженных сведений о конкуренте, а введение в заблуждение – некорректным сравнением [18, с. 201].

Основным критерием определения данной формы недобросовестной конкуренции выступает действие – сравнение (с товаром и (или) конкурентом).

Можно выделить негативное и позитивное некорректное сравнение. Негативное некорректное сравнение направлено на умаление качества товара конкурента и превозношение своего. Для данного вида характерно использование следующих слов: «номер один», «первый», «лучший», «единственный» и др. Второй вид некорректного сравнения, именуемый также сравнение-паразит, включает в себя пози-

тивное качество товара конкурента и его сложившуюся деловую репутацию. В качестве примера можно привести такое утверждение: «Наш товар так же хорош, как и товар другого лица», из которого видно, что качества товара конкурента не задеваются, однако используются сложившиеся позитивные характеристики конкурента [19, с. 59].

Некорректное сравнение, как и введение в заблуждение, может распространяться любым способом и в любой форме.

Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и (или) использованием объектов интеллектуальной собственности. Данная форма недобросовестной конкуренции содержится в ст. 28 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и предусматривает два варианта противоправных действий, которые могут выступать как самостоятельные акты недобросовестной конкуренции в форме приобретения и (или) использования объектов интеллектуальной собственности либо могут совершаться в совокупности.

Результатом совершения таких действий правообладатель (в данном случае – недобросовестный конкурент) может получить преимущества перед другими конкурентами, а сами конкуренты несут или могут понести убытки в виде упущеной выгоды.

В данном случае объектом регистрации будет товарный знак, фирменное наименование, которые использовались конкурентом для индивидуализации своей деятельности до того, как такое же обозначение начал использовать или зарегистрировал недобросовестный хозяйствующий субъект-конкурент.

Имеет значение и факт приобретения товарного знака или фирменного наименования хозяйствующим субъектом, который сделал это первым, а также масштаб использования средств индивидуализации, их реклама и продвижение.

Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения. Данная форма недобросовестной конкуренции содержится в ст. 29 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и включает понятие «сходство до степени смешения», которое является определяющим в правовом регулировании товарных знаков и знаков обслуживания. Основным назначением товарных знаков и знаков обслуживания является отличие товаров, работ и услуг, производимых одними лицами, от товаров, работ и услуг, производимых другими лицами.

Угроза правообладателя товарного знака или знаков обслуживания состоит в том, что потребитель из-за создавшихся условий смешения дезориентируется относительно производителя. Негативными последствиями таких действий могут являться снижение прибыли и угроза репутации правообладателя товарного знака или знака обслуживания. В таком случае начинает работать соответствующий закон рыночной экономики: чем хуже репутация, тем меньше товары, работы и услуги данного бренда будут покупать и, как следствие, хозяйствующий субъект будет терпеть убытки и даже может быть вытеснен с рынка [20].

В п. 17.1 Методических рекомендаций указано, что смешение осуществляется в отношении производимых и реализуемых ими товаров, в т.ч. путем копирования, имитации дизайна упаковки или этикетки товара (внешнего оформления); в отношении их промышленной и торговой деятельности результате не только незаконного использования товарных знаков или фирменных наименований, но и любых других средств [12]. К последним можно относить, например, дизайн упаковки, печатные шрифты, указание на место нахождения предприятия. В качестве критерия для выявления смешения товаров может выступать наличие различительной способности с точки зрения приобретения товара, на котором используется индивидуализирующее его обозначение, известности и узнаваемости у потребителей, в т.ч. благодаря затрачиваемым производителем товара средствам на его продвижение. Методические рекомендации не содержат такой признак сходства, как звуковое (фонетическое) сходство.

В Российской Федерации такой признак (как один из квалифицирующих для определения сходства до степени смешения) содержится в Правилах составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков (утв. приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 20.07.2015 № 48) [21].

Звуковое (фонетическое) сходство есть наличие близких и совпадающих звуков в сравниваемых обозначениях; близость звуков, составляющих обозначения; расположение близких звуков и звукосочетаний по отношению друг к другу; наличие совпадающих слогов и их расположение; число слогов в обозначениях; место совпадающих звукосочетаний в составе обозначений; близость состава гласных; близость состава согласных; характер совпадающих частей обозначений; вхождение одного обозначения в другое; ударение [21].

В судебной практике Российской Федерации звуковое сходство является наиболее распространенным признаком, на который ссылаются суды, в связи с наиболее простым способом его выявления.

Запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с незаконным получением, использованием, разглашением информации, составляющей коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну. Данная форма недобросовестной конкуренции содержится в ст. 30 Закона «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции». Для квалификации данного деяния недобросовестной конкуренцией необходимо установить следующие обстоятельства:

– наличие факта незаконного получения, использования, разглашения охраняемых законом видов тайн. Закон не разъясняет возможные негативные последствия вследствие совершения такого рода действий, однако лицо, нарушающее такой запрет, должно осознавать противоправный характер своих действий;

– в отношении охраняемой законом тайны (например, коммерческой) должен быть установлен соответствующий режим, иначе информация не приобретет правовой статус тайны и лицо не сможет быть привлечено к административной ответственности. Так, в соответствии с абзацем 9 ч. 1-й и ст. 1-й Закона Республики Беларусь 05.01.2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» (далее – Закон «О коммерческой тайне») [22] под режимом коммерческой тайны понимаются правовые, организационные, технические и иные меры, принимаемые в целях обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну. Примечательным является и то, что в соответствии с абзацем 8 ч. 1-й и ст. 1-й Закона «О коммерческой тайне» разглашение коммерческой тайны может быть осуществлено не только в форме действия (устно, письменно, с помощью технических средств), но и в форме бездействия. Однако в данном случае деяние в форме бездействия будет квалифицироваться по ст. 22.13 КоАП «Разглашение коммерческой или иной охраняемой законом тайны либо персональных данных» [4];

– наличие правоотношений, связывающих хозяйствующего субъекта и работника (бывшего работника). Данные правоотношения могут быть либо трудовыми, либо гражданско-правовыми.

Работник (контрагент) – лицо, которое обладает служебной или коммерческой тайной, нарушает запрет на использование, разглашение, если получение такой информации осуществлялось с незаконным преодолением принятых обладателем информации, составляющей коммерческую тайну, мер обеспечения по охране конфиденциальности этой информации, а также если лицо, приобретающее информацию тем или иным способом, знало или имело достаточные основания полагать, что эта информация составляет коммерческую тайну, обладателем которой является другое лицо (конкурент), и что осуществляющее передачу этой информации лицо действует без разрешения ее законного обладателя.

Так, М.А. Рыльская указывает на такие особенности коммерческой тайны, как обладание информацией, содержащей такую тайну у работника, уже прекратившего трудовые отношения с нанимателем, сохранение обязанности работника не разглашать информацию, составляющую коммерческую тайну, полученную в ходе трудовой деятельности [23].

Белорусский законодатель предусмотрел вариант развития таких событий в ч. 1-й и ст. 17 Закона «О коммерческой тайне». Работники, получившие доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну, и подписавшие обязательство о неразглашении коммерческой тайны, после прекращения трудового договора (контракта) с нанимателем обязаны соблюдать конфиденциальность таких сведений в течение срока действия обязательства о неразглашении коммерческой тайны либо до момента отмены режима коммерческой тайны в отношении сведений, составляющих коммерческую тайну, к которым работник имел доступ, если этот момент наступит ранее окончания срока действия обязательства о неразглашении коммерческой тайны.

В ходе совершения данных противоправных действий по незаконному получению, использованию, разглашению информации, составляющей коммерческую, служебную, иную охраняемую законом тайну, лицо может быть привлечено помимо административной ответственности к дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой и уголовной ответственности.

Заключение. Антимонопольное законодательство Республики Беларусь признает недобросовестную конкуренцию, выраженную в форме активных действий, направленных на положительный результат для недобросовестного хозяйствующего субъекта и на негативный для конкурента. В науке данный вопрос остается открытым в силу наличия актов бездействия, приведенных нами выше, которые могут привести к административному правонарушению, предусмотренному ст. 11.26 КоАП «Недобросовестная конкуренция», хотя и не рассматриваемых белорусским законодателем как акты недобросовестной конкуренции, но находящиеся с ними в тесной взаимосвязи.

Проанализировав ст. 11.26 КоАП «Недобросовестная конкуренция», мы пришли к выводу, что данное правонарушение – это не единственный противоправный акт поведения недобросовестного хозяйствующего субъекта, это комплекс противоправных действий (актов). В свою очередь, «направленность на приобретение преимуществ (выгод) в предпринимательской деятельности» – это не только неотъемлемый квалифицирующий признак недобросовестной конкуренции, но и ее итог (результат).

Таким образом, объективная сторона административного правонарушения «Недобросовестная конкуренция», предусмотренного ст. 11.26 КоАП, представляет собой определенное действие (действия), а именно акты, которые противоречат антимонопольному законодательству или требованиям добросовестности и разумности, проявляются в формах недобросовестной конкуренции и направлены на нарушение нормальных условий конкуренции среди хозяйствующих субъектов определенного товарного рынка, последствием совершения которых конкуренты претерпевают или могут претерпеть негативные последствия в ходе осуществления своей предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев, С.С. Институт защиты от недобросовестной конкуренции в законодательстве Республики Беларусь / С.С. Лосев // Юрид. мир. – 2014. – № 6. – С. 26–32.
2. Комиссия по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Сайт М-ва антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/sites/mart/home/activities/komission.html>. – Дата доступа: 19.04.2019.
3. О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2018 № 131-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-З : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2019 г. № 171-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Зарян, Д.Г. Объективная сторона правонарушения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Д.Г. Зарян ; Волж. ун-т им. В.Н. Татищева. – М., 2006. – 28 с.
6. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 дек. 2013 г. № 94-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 № 98-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
7. Типовые положения о защите от недобросовестной конкуренции [Электронный ресурс] // Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/tu/intproperty/832/wipo_pub_832.pdf. – Дата доступа: 18.04.2019.
8. Гукасян, Л.Е. Законодательство о защите от недобросовестной конкуренции: пути совершенствования / Л.Е. Гукасян, А.В. Залесов, Д.И. Серегин // Патенты и лицензии. – 2004. – № 5. – С. 19.
9. Маркварт, Э. Сравнительный анализ регулирования недобросовестной конкуренции в законодательствах ФРГ, Европейского Союза и Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04 / Э. Маркварт. – М., 1998. – 187 с.
10. Бойко, А.И. Преступное бездействие / А.И. Бойко. – СПб. : Пресс, 2003. – 320 с.
11. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
12. Методические рекомендации по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства в части недобросовестной конкуренции [Электронный ресурс] : утв. приказом министра антимонопольного регулирования и торговли Респ. Беларусь от 18 сент. 2017 г. № 154 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
13. Постановление судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 17.06.2014 (дело № 23 – 17/2014/328A/521K).
14. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции : Закон Респ. Беларусь от 10 дек. 1992 г. // Ведамасці Вярхойнага Савета Рэсп. Беларусь. – 1992. – № 36. – Ст. 569.
15. Решение от 13 июня 2018 г. № 111/43-2018 о нарушении антимонопольного законодательства в отношении УП «ФинансПортал», Ассоциации кредитных и финансовых организаций «Кредитные брокеры» [Электронный ресурс] // Сайт М-ва антимонопольного регулирования и торговли. – Режим доступа: https://www.mart.gov.by/sites/mart/home/activities/komission/nedobrosostvostnaya_konkurenciya/nedobr_2018.html. – Дата доступа: 01.08.2019.
16. О рекламе [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2017 г. № 52-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
17. Пономарева, Т. Формы недобросовестной конкуренции: введение в заблуждение [Электронный ресурс] / Т. Пономарева // Отрасли права : аналитический портал. – Режим доступа: <http://xn--7sbaj7auwnfflh.xn--p1ai/article/26959>. – Дата доступа: 19.04.2019.
18. Щербачева, Л.В. Недобросовестная конкуренция / Л.В. Щербачева, А.В. Лобаков // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – № 8. – 2010. – С. 200–204.
19. Васильева, М.К. Недобросовестная конкуренция: понятие и формы. Банкротство как одна из форм недобросовестной конкуренции / М.К. Васильева // Достижения науки и образования. – № 12 (13). – 2016. – С. 56–62.

20. Поповский, М.М. Признаки недобросовестности конкуренции, связанные с созданием смешения [Электронный ресурс] / М.М. Поповский, Д.Е. Богданов // Юрид. центр «Зайцев и партнеры». – Режим доступа: <https://zaytcevpartners.ru/priznaki-nedobrosovestnosti-konkurentsii>. – Дата доступа: 18.04.2019.
21. Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков [Электронный ресурс] : утв. приказом М-ва экон. развития Российской Федерации от 20 июля 2015 г. № 48 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
22. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2013 г. № 16-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
23. Рыльская, М.А. Ответственность за нарушение прав обладателя коммерческой тайны / М.А. Рыльская // Транспорт. дело России. – № 12. – 2011. – С. 105–108.

Поступила 28.08.2019

**OBJECTIVE SIDE OF THE ADMINISTRATIVE OFFENSE
“UNFAIR COMPETITION”:
THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS**

A. VALEVKO

One of the elements of the administrative offense “unfair competition” is considered - the objective side. The main part of the study is devoted to considering both the general characteristic of this element of an administrative offense and the qualifying features of each form of unfair competition provided for in the antitrust laws of the Republic of Belarus. The author gives his definition of the concept “the objective side of the administrative offense «Unfair competition».

Keywords: objective side, unfair competition, forms of unfair competition, the composition of an administrative offense, administrative responsibility.

УДК 343.9

ЭКСПЕРТИЗА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

канд. юрид. наук Б.В. АСАЁНОК
(Военная академия Республики Беларусь, Минск)

Рассматриваются актуальные вопросы использования результатов специальных знаний в административном процессе. Эти знания могут быть применены как в форме судебных экспертиз, так и в форме экспертиз, не обладающих статусом судебных. Вместе с тем единство научного способа познания доказательств позволяет говорить о сближении позиций в оценке результатов судебных и несудебных экспертиз при ведении административного процесса. Предлагается ряд рекомендаций по совершенствованию действующего административно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: специальные знания, административный процесс, судебная экспертиза, несудебная экспертиза.

Введение. Вопросы использования специальных знаний в форме экспертизы уже достаточно давно являются традиционными в рамках различных видов процессуальной деятельности. В связи с этим следует обратить внимание на тот факт, что общепринято понимаемые в едином ключе вопросы экспертной деятельности в рамках отраслевого процессуального законодательства (административно-, гражданско-, хозяйственно- и уголовно-процессуального) получили несколько отличающиеся векторы развития. И это, в частности, касается экспертизы в административном процессе.

Вопрос о правовом регулировании экспертизы в административном процессе, как может представляться, определен достаточно четко и однозначно. Статьи 6.3 и 6.7 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП) [1] определяют заключение эксперта в качестве источника доказательств. Статьей 4.7 ПИКоАП определен субъект ее проведения – эксперт, а ст. 10.15–10.17 ПИКоАП – порядок ее проведения в административном процессе. Общие правила регламентации экспертизы практически аналогичны тем, которые отражены в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) [2].

Вместе с тем особенности формирования и оценки доказательств в административном процессе несколько отличаются от порядка, предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством, затрагивая тем самым возможность широкого вовлечения в процесс созиания доказательств результатов юрисдикционной деятельности всех органов, ведущих административный процесс. Учитывая данный факт, законодатель разрешил использование результатов служебной деятельности, облеченные в установленную законодательством форму, в качестве источников доказательств в административном процессе. Следствием данной ситуации, как представляется, стало закрепление в ч. 2 ст. 6.3 правила, согласно которому источником доказательств признаются документы и другие носители информации, полученные в порядке, предусмотренном не только ПИКоАП, но и иными законодательными актами. Это значит, что в административном процессе возможно использовать в качестве источников доказательств результаты экспертиз, которые назначаются и проводятся не только в порядке, предусмотренном ПИКоАП, но и в порядке, предусмотренном иными законодательными актами.

Однако законодатель не дал легального определения экспертизы в административном процессе, что закономерно ставит вопросы: какие экспертизы имеет в виду законодатель – все или только те, которые оформлены в порядке, предусмотренном в ПИКоАП? чем считать результаты экспертизы, осуществленной и оформленной в порядке, предусмотренном иными (кроме ПИКоАП) законодательными актами?

Сказанное обусловило необходимость более детально изучить особенности экспертизы (как судебной, так и не имеющей судебного характера) в административном процессе. И если судебной экспертизе в различных отраслях законодательства процессуального характера посвящено множество специальных исследований, то в отношении экспертиз несудебного характера, следует согласиться с О.Г. Кузнецовым [3, с. 17], комплексных исследований не проводилось. В качестве единичных работ теоретико-правового характера, близких к изучаемой нами проблематике, следует назвать работы А.А. Разуваева [4] и И.А. Закирова [5]. Вопросам экспертизы в административном процессе посвящено немного источников [6–14; и др.].

Основная часть. Термин «экспертиза» широко распространен в законодательстве Республики Беларусь, но его четкое юридическое определение в отечественном законодательстве, применимое к разным направлениям правоприменительной деятельности, в т.ч. и к административном процессу, отсутствует. В связи с этим при формировании комплексного взгляда на данную проблему представляется оправданным

обратить внимание на содержание понятия экспертизы с учетом подходов к его толкованию, сложившихся на различных уровнях источников:

- 1) толкование в общенациональной справочной литературе – общенациональное толкование (оно является самым широким по содержанию);
- 2) доктринальное и нормативное общеправовое толкование;
- 3) отраслевое нормативное и доктринальное толкование;
- 4) межотраслевое нормативное и доктринальное толкование.

Обобщая общенациональное определение экспертизы, считаем необходимым указать следующие его черты: исследование; проводится сведущим лицом; имеет определенные основания и цели [16, с. 787; 17, с. 1394; 18, с. 81].

Применительно к доктринальному и нормативному общеправовому толкованию есть возможность выделить следующие признаки экспертизы:

- 1) экспертиза – это исследование;
- 2) проведение экспертизы требует наличия каких-либо специальных компетенций у субъекта ее проведения;
- 3) экспертиза необходима для решения какого-либо значимого вопроса (как вариант, имеющего юридическое значение);
- 4) экспертиза проводится в рамках определенной процедуры, урегулированной правовыми нормами (степень урегулированности может быть различной: от детальной регламентации до рамочного указания).

Можно назвать еще ряд признаков (субъектом является сведущее лицо; экспертиза оформляется определенным документом, имеющим формализованный характер и т.п.), но они, на наш взгляд, – частные аспекты названных.

В русле общеправового регулирования есть и отдельные попытки придать юридическое оформление экспертизе. Лишь отдельные акты содержат нормативное определение понятия экспертизы (например, в ч. 1 ст. 1 постановления Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 07.12.2002 № 20-7 «О модельном законе “О государственной экспертизе”») [19]. Однако не все сущностные черты экспертизы нашли отражение в вышеприведенных определениях.

Наиболее важный момент, который указывается практически во всех специализированных источниках, посвященных отраслевому процессуальному определению понятия экспертизы, – это проведение исследования, представляющего собой преобразование имеющегося знания об объекте экспертизы в новое. Именно это роднит все экспертизы, регулируемые нормативными правовыми актами.

Говоря об отраслевом доктринально- и нормативно-правовом толковании понятия и содержания экспертизы, следует указать на следующие его черты:

- 1) практически каждая из отраслей процессуального законодательства самостоятельно регулирует вопрос о назначении и производстве экспертизы;
- 2) несмотря на некоторую близость в правовом регулировании, имеются и существенные различия в содержании отраслевых толкований;
- 3) практически ни одна отрасль процессуального законодательства Республики Беларусь не дает определения понятию экспертизы, однако существует достаточное количество научных исследований по доктринальному определению таких понятий;
- 4) закрепление отраслевых понятий экспертизы осуществлено достаточно единообразно и выглядит следующим образом: а) экспертиза в административном процессе; б) экспертиза в гражданском процессе; в) экспертиза в уголовном процессе; г) экспертиза в хозяйственном процессе.

Правовое регулирование экспертизы в административном процессе осуществляется в рамках ст. 10.15–10.24 ПИКоАП. Основанием к ее назначению согласно ст. 10.15 ПИКоАП является наличие необходимости в специальных знаниях в науке, технике, искусстве, ремеслах и иных сферах деятельности. Экспертиза назначается постановлением должностного лица органа, ведущего административный процесс (ст. 10.16 ПИКоАП).

Среди государств ближнего зарубежья вопросы экспертизы в административном процессе (производстве по делам об административных правонарушениях) регулируются сравнительно схоже. Так, правовые нормы, посвященные экспертизе, порядку ее назначения и оформлению результатов, есть в аналогичных кодексах Азербайджана [20, ст. 392], Казахстана [21, ст. 772, 773], Таджикистана [22, ст. 787], Российской Федерации [23, ст. 26.4]. Несколько более ограниченно (через указание на вид доказательств – заключение эксперта и участника производства – эксперта) дана правовая регламентация экспертизы в Кодексе Украины об административных нарушениях [24, ст. 251 и 273]. Аналогичный подход изложен в законодательстве Кыргызской Республики [25, ст. 553 и 557], Латвийской Республики [26, ст. 243 и 265], Республики Молдова о правонарушениях [27, ст. 390 и 425], Республики Туркменистан [28, ст. 243 и 264].

Вопросы отраслевого и межотраслевого правового регулирования экспертизы в определенной степени усложняются необходимостью учета тех особенностей, которые порождены параллельным существованием двух правовых категорий: «экспертиза» и «судебная экспертиза». Относительно законодательства Республики Беларусь необходимо сказать следующее. Ни в кодексах, ни в иных законах, регламентирующих порядок назна-

чения и проведения экспертиз в рамках отдельных видов процессуальной деятельности, не указано определение понятия «судебная экспертиза». К тому же и сам термин «судебная экспертиза» отсутствует. Указывается только термин «экспертиза». Причиной этого может быть как «самоочевидность» судебного характера процессуальной экспертизы, так и традиция технико-юридического закрепления экспертизы в процессуальном законодательстве.

Не проясняет данную ситуацию и постановление Пленума Верховного Суда от 29.03.2001 № 1 (в ред. от 31.03.2016 № 1) «О судебной экспертизе по уголовным делам» [29].

Вместе с тем в указе Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности» изложено легальное определение судебно-экспертной деятельности, из которого можно вывести признаки судебной экспертизы применительно к законодательству Республики Беларусь [30, абз. 3 п. 422-4]. Из данной нормы следует, что судебная экспертиза связана с разрешением вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности. Предназначением судебной экспертизы установлено оказание услуг в установлении фактических обстоятельств по делам, рассматриваемым в суде, и делам об административных правонарушениях. Таким образом, сфера применимости судебной экспертизы была определена в рамках отраслевого процессуального законодательства: административного, гражданского, хозяйственного и уголовного процессов. При этом, несмотря на определение экспертизы в качестве судебной (в буквальном толковании, по сути, связанной с судом, судопроизводством), к сферам применения судебной экспертизы не отнесено конституционное судопроизводство. Сложно судить о причинах такого подхода, тем более что абз. 3 ст. 2 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей дает четкий перечень видов судопроизводств: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного, административного судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам» [31]. Остается также открытым вопрос, какая же по форме экспертиза (если не судебная) осуществляется в рамках конституционного судопроизводства с учетом того, что во всех остальных видах судопроизводства экспертиза определена как судебная. Суд является только одним из около трех десятков органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях (ст. 3.1 ПИКоАП), но название судебной традиционно носит и экспертиза, назначаемая в сфере административного процесса.

Многие из изученных нами источников указывают на достаточно бесконфликтное совместное и взаимозаменяемое использование терминов «экспертиза» и «судебная экспертиза» в отраслевых процессуальных источниках. Одна из немногих публикаций, обобщающих правовое регулирование экспертизы в Российской Федерации, заключает, что экспертизы делятся на две группы: судебные и иные (последние из которых, в свою очередь, делятся на государственные, независимые и общественные) [32, с. 96]. При этом констатируется, что «... отсутствует какой-либо единый нормативный правовой акт, определяющий единые принципы, а также правовые и организационные основы экспертизы в Российской Федерации» [32, с. 90].

Имеется достаточное количество публикаций, которые, несмотря на отсутствие в названии термина «судебные экспертизы», вместе с тем рассматривают вопросы назначения, проведения и оценки результатов именно судебных экспертиз. Эти исследования касаются преимущественно вопросов уголовного процесса и охватывают собой достаточно серьезный пласт публикаций о судебной экспертизе. Большинство работ посвящено именно вопросам судебных экспертиз в целом. В качестве отдельного предмета научного внимания зачастую определяются и криминалистические экспертизы как вид судебных экспертиз.

Представляется, что заключение судебного эксперта в любом случае должно признаваться допустимым, если оно составлено с соблюдением процессуального законодательства, регулировавшего назначение и производство экспертизы по ранее имевшему место делу юридического характера. Таким образом, заключение эксперта, полученное в административном процессе, должно признаваться допустимым и в уголовном процессе с учетом проверки на относимость, достоверность и достаточность. Подобная проблема существует не только в Республике Беларусь, но и в Российской Федерации, где отдельные авторы предлагают аналогичный порядок ее разрешения [33, с. 136–137; 34, с. 22]. В частности, Е.В. Крыгин [9, с. 11] поддерживает единый порядок правового регулирования экспертизы в целом в рамках всей правоприменительной деятельности.

Обозначенный выше подход к пониманию экспертизы представляется не в полной мере корректным в административном процессе. Установление каждой экспертизы, проводимой в рамках процессуального законодательства, в качестве судебной можно посчитать неоправданным расширительным толкованием. С точки зрения буквального толкования судебные правоотношения, как и отношения по поводу судебной экспертизы, могут возникать лишь там, где имеет место участие суда в том либо ином юридическом процессе. Если это участие не предусмотрено, то и использование термина «судебный» с точки зрения чистоты юридической лексики несколько сомнительно.

Апеллирование к доводу, что термин «судебный» есть якобы фиксация значимости доказательств для суда, приводит к созданию единственного прецедента среди процессуальных действий, когда образуется тенденция распространить «судебный» характер на процессуальные действия вне судебных стадий. Так, в уголовном процессе результаты осмотра, обыска на стадиях возбуждения уголовного дела или предварительного

расследования, наряду с результатами экспертизы, могут быть использованы в качестве доказательств при судебном разбирательстве уголовного дела. Но на этом основании УПК не называет осмотр и обыск, проведенные на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного дела, судебными. Возникает вопрос, почему результаты экспертного исследования выносятся в особую группу – «судебные доказательства»?

Еще раз оговоримся, что сказанное ни в коем случае не является посягательством на статус судебных экспертиз как особый межотраслевой институт процессуальных отраслей права. Мы обращаем внимание лишь на то, что в административном процессе специфика использования специальных компетенций указывает на некоторую ограниченность в использовании судебно-экспертных исследований. Оперативность административного процесса по временным рамкам и особенности выявления административных правонарушений по результатам несудебных экспертиз позволяют говорить об особом месте последних в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, следует обратить внимание на особый характер несудебных экспертиз при доказывании в административном процессе. Но у них имеется и ряд существенных недостатков: *отсутствие единых методик*, применимых во всех случаях аналогичного характера; *отсутствие возможности непосредственно в момент назначения ориентировать исследование на вопросы, которые в дальнейшем могут предметом рассмотрения в рамках определенной юридической процедуры* (например, для доказывания по делу об административном правонарушении); *невозможность ознакомить с назначением экспертизы заинтересованных участников административного процесса* (т.е. невозможность учесть их права и законные интересы, затронутые фактом проведения экспертизы и ее результатами); *отсутствие возможности ознакомления соответствующего сведущего лица, проводящего экспертизу*, с его процессуальными правами, обязанностями и юридической ответственностью за отказ от дачи заключения и за дачу заведомо ложного заключения как одна из правовых гарантий достоверности заключения эксперта [35, с. 38]. Что касается последнего недостатка, то его значимость относительна. Сами нормы об административной (также и уголовной) ответственности за дачу заведомо ложного заключения служат материально-правовым средством обеспечения достоверности заключения эксперта. И если достоверность заключения (или возможность проверки достоверности) может быть обеспечена иным образом, то и значение установления процессуальной обязанности и административной ответственности нивелируется.

Однако есть и очевидные преимущества несудебной экспертизы: *отсутствие жестких процессуальных сроков*, ограничивающих время ее проведения; *меньший временной разрыв* между временем совершения нарушения и временем проведения экспертизы; *большая интегрированность* в специфичную сферу государственного управления, где осуществляется регулирование, контроль и надзор, а также выявление административных правонарушений; зачастую гораздо *больший уровень взаимодействия* между лицом, назначившим экспертизу, и лицом, ее проводящим (что обусловлено ведомственным характером ряда экспертиз).

Судебные экспертизы имеют с несудебными экспертизами больше общих черт, чем различий, что указано выше при рассмотрении признаков экспертизы в ее общеправовом аспекте. Главное в этой схожести – экспертиза в любой ее форме есть исследование конкретного объекта. Результаты данного исследования зачастую неповторимы в будущем. То есть в отличие от иных документов и носителей информации (источник доказательств в контексте ст. 6.11 ПИКоАП) результаты экспертизы носят не справочный, удостоверительный, а исследовательский характер. Это предопределяет необходимость в единстве подходов по проверке достоверности результатов и судебных, и несудебных экспертиз.

Представляется важным для обеспечения полноценного использования результатов экспертиз, не являющихся судебными, в процессе доказывания по делам об административных правонарушениях предложить ряд рекомендаций правового и методического характера.

Существенным в оценке материалов дела об административном правонарушении, в частности результатов экспертиз, является свободная оценка судом и органом, ведущим административный процесс, таких материалов, т.е. оценка, не отягощенная «шаблонами» доказательственных правил и алгоритмов, учитывающая все критерии оцениваемых доказательств в равной мере. Отсутствие принципа административного процесса о свободе оценке доказательств сковывает инициативу участников административного процесса в полной и всесторонней оценке доказательств, сводя ее, прежде всего, к соответствию процессуальной форме. Имея более жесткую регламентацию доказательственного права, УПК представляет органу, ведущему уголовный процесс, по своему усмотрению оценивать значимость доказательств. Это право содержит вместе с тем и большую меру личной ответственности суда и органа уголовного преследования, поскольку представляет им возможность включать в систему доказательств и исключать из данной системы те либо иные фактические данные. Ценой ошибки может быть и неправосудное решение, а может быть и юридическая ответственность субъекта принятия решения. Но этот принцип позволяет преодолеть уже отжившие, закоснелые элементы процессуальной формы в пользу новых способов и средств собирания, проверки и оценки доказательств. В силу этого важным следует считать установление подобного принципа в ПИКоАП, который наряду со ст. 6.3 и 6.11 ПИКоАП позволит выявлять и развивать новые средства и способы доказыва-

ния без коренного преобразования норм ПИКоАП. Представляется, что рассматриваемый принцип должен найти отражение в гл. 2 ПИКоАП в следующем виде:

«Оценка доказательств по внутреннему убеждению.

Суд и орган, ведущий административный процесс, оценивают доказательства, руководствуясь данным Кодексом, иными законодательными актами и своим внутренним убеждением.

Никакие доказательства не имеют для участников административного процесса заранее установленной силы».

Кроме того, на основании изложенных выше доводов следует урегулировать вопрос о соотношении результатов судебной экспертизы и экспертизы, не имеющей характер судебной, путем внесения соответствующих изменений в гл. 6 ПИКоАП, и это необходимо сделать путем унификации подходов к оценке результатов судебных экспертиз и экспертиз, не являющихся судебными.

Заключение. Данные предложения не только не ограничивают статус судебных экспертом в административном процессе, но и создадут предпосылки для совершенствования всех видов экспертной деятельности, связанных с производством по любому виду дел, имеющих юридический характер. Возможно, в настоящее время назрел вопрос (с учетом наработки практики организации экспертной деятельности в рамках различных государственных органов и субъектов, осуществляющих экспертную деятельность на общественных и индивидуальных началах) о создании унифицированного банка данных методик экспертных исследований. Можно предположить, что работа над таким банком данных (или реестром методик) была бы наиболее эффективной в рамках межведомственной комиссии под эгидой ведущего государственного органа в данной сфере государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 26 дек. 2006 г., № 194-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З : в ред. от 20 янв. 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. Кузнецов, О.Г. Судебная экспертиза: актуальные проблемы и перспектива развития в Республике Казахстан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.Г. Кузнецов ; Казах. нац. ун-т им. аль-Фараби. – Алматы, 2008. – 50 с.
4. Разуваев, А.А. Экспертиза как средство повышения эффективности процесса правореализации (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.А. Разуваев ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2006. – 26 с.
5. Закиров, И.А. Правовая экспертиза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.А. Закиров ; Нижегород. правовая акад. (ин-т). – Н. Новгород, 2006. – 27 с.
6. Абдуллаев, С.Ж. Криминалистическая экспертиза в расследовании преступлений: логико-концептуальный и организационный вопросы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.Ж. Абдуллаев ; Караганд. юрид. ун-т им. Б. Бейсенова. – Караганда, 2003. – 27 с.
7. Голованов, А.А. Криминалистическое обеспечение административного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Голованов ; Рос. гос. ун-т им. И. Канта. – Калининград, 2005. – 23 с.
8. Иванов, А.В. Есперт у провадженні у справах про адміністративні правопорушення : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / А.В. Иванов ; Харків. нац. ун-т внутр. справ. – Харків, 2009. – 18 с.
9. Крыгин, Е.В. Криминалистическая экспертиза в административном процессе (по материалам судебно-экспертных учреждений) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 ; 12.00.02 / Е.В. Крыгин. – Харьков, 1982. – 13 с.
10. Лоза, Ю.Я. Експертиза в адміністративному судочинстві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.07 / Ю.Я. Лоза ; Міжрегіон. академія управління персоналом. – Київ, 2001. – 19 с.
11. Фоченкова, Н.А. Использование криминалистических знаний при обнаружении и исследовании доказательств в административном процессе (по материалам России и Литвы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Фоченкова ; Калинингр. юрид. ин-т МВД РФ. – Калининград, 2003. – 19 с.
12. Максимова, Е.А. Экспертиза промышленной безопасности опасных производств и объектов в экологическом праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Е.А. Максимова ; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2002. – 24 с.
13. Ветрова, А.А. Доказывание и доказательства в административном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / А.А. Ветрова ; Волгогр. институт экономики, социологии и права. – М., 2008. – 22 с.
14. Калюжный, Ю.Н. Административное расследование в механизме производства по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Ю.Н. Калюжный ; Акад. упр. МВД России. – М., 2005. – 28 с.
15. Кузякин, Ю.П. Концептуальные основы использования специальных знаний в производстве по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Ю.П. Кузякин ; Рос. правовая акад. М-ва юстиции РФ. – М., 2008. – 38 с.
16. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 5700 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1986. – 797 с.

17. Большой энцикл. слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 1999. – 1456 с.
18. Лилуашвили, Т.А. Экспертиза в советском гражданском процессе / Т.А. Лилуашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1967. – 218 с.
19. О Модельном законе «О государственной экспертизе» [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 07 дек. 2002 г., № 20-7 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
20. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/134/154.php>. – Дата доступа: 24.06.2018.
21. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31577399#pos=1;-117. – Дата доступа: 24.06.2018.
22. Кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414710#pos=1;-117. – Дата доступа: 24.06.2018.
23. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661. – Дата доступа: 24.06.2018.
24. Кодекс Украины об административных нарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kodeksy.com.ua/ka/kodeks_ukrainy_ob_administrativnyh_narusheniyah.htm. – Дата доступа: 24.06.2018.
25. Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30232566. – Дата доступа: 24.06.2018.
26. Кодекс Латвийской Республики об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/library/varchakaniravaxaxtumner/Latvia.PDF>. – Дата доступа 24.06.2018.
27. Кодекс Республики Молдова о правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/330333/>. – Дата доступа: 24.06.2018.
28. Кодекс Республики Туркменистан об административных правонарушениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=4878>. – Дата доступа: 24.06.2018.
29. О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г., № 1 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 31 марта 2016 г. № 1 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
30. О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь 01 сент. 2010 г., № 450 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 22 нояб. 2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
31. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 29 июня 2006 г., № 139-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 28 июля 2018 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
32. Муженская, Н.Е. Экспертиза в российском законодательстве : руководство-справочник для следователя, дознавателя, судьи / Н.Е. Муженская. – М. : РГ-Пресс, 2015. – 744 с.
33. Трифонова, Н.А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Трифонова ; Байкал. гос. ун-т экономики и права. – Иркутск, 2006. – 22 с.
34. Пилявец, С.В. Использование специальных знаний в производстве по делам об административных правонарушениях: вопросы правовой регламентации деятельности специалиста / С.В. Пилявец // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права : материалы ежегод. всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д.ю.н., проф., засл. деятеля науки РФ В.Д. Сорокина (22 марта 2012 г.) : в 2 ч. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та МВД России, 2012. – Ч. 1. – С. 196–201.
35. Петрухин, И.Л. Экспертиза как средство доказывания в советском уголовном процессе / И.Л. Петрухин. – М. : Юрид. лит., 1964. – 266 с.

Поступила 15.08.2019

EXPERTISE IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS: PROBLEMS AND WAYS OF IMPROVEMENT

B. ASAENOK

The article is devoted to topical issues of the use of the results of special knowledge in the administrative process. This knowledge can be used both in the form of forensic examinations, and in the form of expertise that does not have judicial status. At the same time, the unity of the scientific method of knowledge of evidence allows us to speak about the convergence of positions in assessing the results of judicial and non-judicial examinations in the conduct of the administrative process. A number of recommendations are proposed to improve the current administrative procedure legislation.

Keywords: special knowledge, administrative process, forensic examination, non-judicial examination.

УДК 342.56

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УСЛОВИЯХ УНИФИКАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО И ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Д.И. ЧИКАТОВСКИЙ

(Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск)

Анализируется отраслевая принадлежность процессуальных норм, регулирующих административное судопроизводство, определяются целесообразность и общие подходы к осуществлению их унификации и систематизации. Разработка в Республике Беларусь единого процессуального кодекса, регламентирующего судопроизводство по гражданским и экономическим делам, предполагает разрешение в рамках законотворческого процесса вопроса о дальнейшем совершенствовании законодательства об административном судопроизводстве и перспективах развития института административной юстиции. Рассмотрена правовая природа административного судопроизводства и возможность его отдельного процессуально-правового регулирования как самостоятельной формы осуществления судебной власти в Республике Беларусь.

Ключевые слова: административная юстиция, публичные правоотношения, административное судопроизводство, суд, процессуальное законодательство, административный иск.

Введение. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2013 г. № 6 «О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь» функционирует система судов общей юрисдикции, возглавляемая единым высшим судебным органом – Верховным Судом Республики Беларусь. Целью проведения масштабного структурного реформирования судоустройства, определенной данным Декретом, явилось обеспечение единства судебной практики, повышение качества осуществления правосудия, дальнейшее развитие специализации судов и судей при рассмотрении дел [1]. Как результат – обеспечена практическая реализация конституционного принципа единства судебной власти, а также его дополнительное правовое закрепление в нормах Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [2], изложенного в связи с проведением судебно-правовой реформы в новой редакции.

Совершенствование судебной системы Республики Беларусь создало все институциональные предпосылки для дальнейшей синхронизации судебной практики, выработки общих правовых подходов к процессу правосудия, реализации единой судебной политики в целом. В этой связи одним из путей решения указанных задач является осуществление унификации процессуальных норм, составляющих гражданское судопроизводство и судопроизводство по экономическим делам, ввиду их общей правовой природы.

Вместе с тем в юридической науке и правоприменительной практике отсутствует единство мнений по ряду концептуальных вопросов, связанных с совершенствованием процессуального законодательства, регулирующего рассмотрение судами гражданских и экономических дел. К таким вопросам следует отнести необходимость определить перспективы осуществления специализированного административного судопроизводства, нормы о котором не выделены в отдельный законодательный акт, а регулируются в рамках Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) [3] и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК) [4].

Необходимость совершенствования правовых основ рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, с учетом смещения в них частных и публичных начал и предметной взаимосвязи с административным процессуальным правом представляет особую актуальность в условиях проводимой в Республике Беларусь унификации цивилистического процессуального законодательства. Поэтому цель данного исследования заключается в определении отраслевой принадлежности процессуальных норм об административном судопроизводстве и отдельных направлений их совершенствования на основе различно сложившегося в юридической науке и правоприменительной практике подхода к пониманию института административной юстиции.

Основная часть. Для Республики Беларусь характерно сохранение ряда традиций правового регулирования судебного контроля за административной юрисдикцией с использованием гражданской и экономической процессуальной формы судопроизводства. Порядок рассмотрения судами дел по спорам в сфере публичного управления основывается на тех же принципах, что и другие виды производств, при этом ГПК и ХПК отражают определенную специфику таких дел.

Актуальные вопросы концепции и структуры единого ГПК, перспектив и правовых основ создания системы административной юстиции (административных судов) в Республике Беларусь являлись предметом рассмотрения на заседаниях Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь (далее – Совет).

В 2016 г. Совет признал необходимым осуществить унификацию положений гражданского и хозяйственного процессуального законодательства посредством подготовки проекта единого ГПК. В связи с этим было решено провести сравнительный анализ процессуальных институтов, регламентированных ГПК и ХПК, определить базовую модель правового регулирования судопроизводства с сохранением норм, определяющих особенности в отношении отдельных категорий дел [5].

В 2017 г. Республиканской конференцией судей как органом судебного сообщества Республики Беларусь, функционирующем в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей (гл. 17), принята резолюция, в которой обозначена необходимость разработки и внедрения единого процессуального кодекса для рассмотрения гражданских и экономических дел и споров [6, с. 5].

В целях формирования единообразной правоприменительной практики и дальнейшего совершенствования законодательства абзацем восьмым подпункта 3.1 п. 3 протокола поручений Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, данных 5 апреля 2019 г. по итогам совещания по вопросам совершенствования деятельности системы судов общей юрисдикции, от 30 мая 2019 г. № 9 предусмотрена разработка Верховным Судом Республики Беларусь совместно с Национальным центром законодательства и правовых исследований до 1 января 2022 г. проекта единого процессуального кодекса, регулирующего судопроизводство по гражданским и экономическим делам [7].

При этом в 2013 г. Совет также признал целесообразным совершенствование в Республике Беларусь института административной юстиции для обеспечения эффективной судебной защиты прав граждан и организаций в публичных правоотношениях. В этих целях было решено продолжить изучение проблем, связанных с расширением подведомственности судов по административно-правовым спорам, введением административного судопроизводства для рассмотрения административных дел, возникающих из публичных правоотношений, а также развитием специализации судей по рассмотрению дел данной категории [8].

С учетом мнения ряда ученых-процессуалистов следует отметить, что административное судопроизводство основано на гражданской процессуальной форме и не предусматривает полного разграничения порядка защиты публичных и частных интересов заявителей [9, с. 47].

В связи с отсутствием отдельного нормативного закрепления норм об административном судопроизводстве и их включением в соответствующие главы ГПК и ХПК перспективы совершенствования данного вида судопроизводства не могут обсуждаться в отрыве от нормотворческой деятельности по унификации цивилистического процессуального законодательства.

Порядок рассмотрения административно-правовых споров связан с судебным контролем за законностью правовых актов субъектов публичной власти и существенно отличается от иных видов производств в гражданском и хозяйственном процессах, регулирующих рассмотрение гражданских и экономических дел. Поэтому для определения целесообразности создания отдельной единой процессуальной модели правосудия в сфере административной юстиции и изъятия соответствующих норм из сферы действия ГПК и ХПК следует проанализировать некоторые отличительные особенности гражданского и хозяйственного процессуального законодательства в отношении административно-правовых споров.

Если в ГПК общие правила осуществления правосудия по делам, возникающим из административно-правовых отношений, объединены в одно производство и содержатся в отдельной главе 29, учитывающей особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб на правомерность актов публичной администрации, то в ХПК положения об административном судопроизводстве рассредоточены по отдельным главам.

Например, подобные нормы содержатся в главе 25 ХПК, регулирующей производство по делам о проверке законности ненормативных правовых актов, действий (бездействия) государственных и иных органов, должностных лиц, а также в отдельных статьях главы 30 ХПК, предусматривающей иные виды производств в суде, рассматривающем экономические дела. В их числе ст. 266 ХПК, определяющая порядок рассмотрения судами дел по жалобам на нотариальные действия или отказ в их совершении, ст. 266-3 ХПК об обжаловании постановлений, действий (бездействия) судебного исполнителя.

Существуют отличия в определении подсудности гражданских и экономических дел в сфере публичных правоотношений. В рамках гражданского судопроизводства по общим правилам подсудности, предусмотренным ст. 46 ГПК, заявление о возбуждении дел, возникающих из административно-правовых отношений, подается по месту нахождения органа публичной власти. Для осуществления правосудия в сфере предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности такое заявление предъявляется в соответствии с исключительной подсудностью, установленной ст. 51 ХПК, в суд, рассматривающий экономические дела, по месту нахождения заявителя.

Некоторые содержащиеся в положениях гражданского и хозяйственного процессуального законодательства определения также не единообразно сформулированы. В частности, имеющиеся в нормах ХПК и ГПК понятия «дело, возникающее из административных и иных публичных правоотношений» и «дело, возникающее из административно-правовых отношений» соответственно. В последнем определении не в полной мере учтен объем отношений, которые могут быть предметом судебного разбирательства по административным делам, а также пределы судебного контроля за правомерностью в сфере правленческой деятельности.

Подобные отличия в нормах, регулирующих одни и те же публично-правовые отношения только между различными их участниками, необоснованы и не вызываются правоприменительной практикой, поэтому нуждаются в унификации.

Ряд приведенных существенных отличий, затрагивающих сферу административного судопроизводства, в условиях функционирования в Республике Беларусь объединенной системы судов общей юрисдикции подтверждают в т.ч. необходимость не только дальнейшей унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства, но и разработки общих единообразных подходов к системе процессуальных правил рассмотрения судами публично-правовых споров.

Ввиду высокой значимости административной юстиции как института защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц при их взаимодействии с государственными органами следует определить целесообразность включения норм об административном судопроизводстве в единый Гражданский процессуальный кодекс либо предусмотреть их систематизацию в отдельном законодательном акте.

В странах постсоветского пространства специализированное административное судопроизводство внедрено в Азербайджане, Армении, Грузии, Латвии, Литве, Молдове, России, Украине и Эстонии, а в Беларуси, Казахстане, Киргизстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане административное судопроизводство осуществляется в рамках гражданского процесса и его отдельных видов производств или других разновидностей.

Согласно определению, данному Т.В. Пешковой, под административным судопроизводством следует понимать самостоятельный вид правосудия по разбирательству и разрешению в особом процессуальном порядке административно-правовых споров между гражданами, юридическими лицами и организациями публичной власти в целях защиты прав, свобод и законных интересов частных лиц от нарушений со стороны органов публичной власти [10, с. 26].

Однако при определении путей развития административной юстиции к такому особому процессуальному порядку может быть отнесено правовое регулирование административного судопроизводства как в рамках единого ГПК, так и посредством отдельного законодательного акта отрасли административного процессуального права – Кодекса административного судопроизводства.

Одним из средств унификации правосудия по гражданским и экономическим делам в рамках единого гражданского процесса, по мнению И.Н. Колядко, может выступать институт административного иска, при условии урегулирования его особенностей для дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. В качестве предпосылки для внедрения в ГПК административного иска указывается достаточно полное регулирование значительных особенностей разрешения публично-правовых споров в главе 29 ГПК, а также отсутствие упоминания в Конституции Республики Беларусь видов правосудия [9, с. 47–48].

Вместе с тем в России институт административного искового заявления к органу публичной власти внедрен не в рамках гражданского и (или) арбитражного процессуального законодательства, а путем принятия отдельного нормативного правового акта, регулирующего порядок рассмотрения административных дел, – Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС) [11].

Несмотря на то, что в ст. 118 Конституции Российской Федерации указаны формы осуществления судебной власти, в т.ч. административное судопроизводство [12], нормы КАС не распространяются на отношения в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Порядок рассмотрения дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений, в арбитражных судах Российской Федерации по-прежнему осуществляется по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [13]. Причем нормы данного Кодекса, в сравнении с ГПК и ХПК, содержат категорию «административное судопроизводство». Поэтому принятие КАС не привело к единообразной и полноценной систематизации административно-процессуальных норм, составляющих предмет правового регулирования административного судопроизводства, посредством кодификации.

В условиях отсутствия в Республике Беларусь регламентации видов правосудия на конституционном уровне, она произведена в рамках положений Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей. В ст. 2 данного Кодекса упоминается административное судопроизводство, что предполагает возможность его отдельного процессуально-правового регулирования по аналогии

с регулированием иных форм осуществления судебной власти, нормы о которых содержатся в соответствующих кодексах.

Безусловно, внедрение искового средства защиты субъективных публичных прав по административным делам, в отличии от жалобы (заявления), предоставит сторонам более широкие процессуальные гарантии для соблюдения их прав, включая предъявление встречного иска и завершение спора путем примирения сторон. При этом данное процессуальное средство позволит суду не ограничиваться проверкой законности актов публичной администрации и правомерности действий управлеченческих органов, а разрешить спор о праве административном.

Существенное отличие административного иска от цивилистического заключается в закреплении в состязательном процессе обязанности субъекта публичной власти во всех случаях, в т.ч. являясь как истцом, так и ответчиком, доказать законность своих действий [9, с. 48].

В то же время введение в гражданское процессуальное законодательство понятия административного иска, имеющее целью ограничить иск публично-правового характера от частного, вызывает дискуссию о возможности дальнейшего развития специализированного административного правосудия посредством совершенствования гражданской процессуальной формы, а также в целом о сущности и перспективах правовой регламентации административного судопроизводства.

Концептуальным представляется определение возможности судебного разрешения спора, предмет которого затрагивает сферу деятельности публичных органов, «отношения власти и подчинения» между фактически неравными субъектами, в рамках единого гражданского процессуального законодательства. Последнее призвано урегулировать порядок рассмотрения дел различных категорий в области частного материального права между равноправными участниками гражданских правоотношений.

Ряд представителей цивилистической науки утверждают о нераздельности гражданского и административного судопроизводства, обосновывая принадлежность последнего к цивилистическому типу. Напротив, ученые-административисты выступают за необходимость выделения самостоятельной и не связанной с иными отраслями права и актами законодательства административно-процессуальной формы, регулирующей рассмотрение дел в сфере административной юстиции.

Таким образом, в юридической науке сформировалось несколько подходов к унификации процессуального законодательства. Один из них следует трактовать в широком смысле, при котором предлагаются включить в содержание цивилистического процесса и соответственно единого Гражданского процессуального кодекса, также нормы об административном судопроизводстве. Другой – в узком смысле, в рамках которого предусматривается объединение правил гражданского судопроизводства и судопроизводства по экономическим делам с изъятием сферы административной юстиции из данных видов правосудия в целях ее отдельного правового регулирования.

Проанализировав результаты административной реформы, реализованной в Российской Федерации в 2015 г. посредством принятия КАС, необходимо отметить, что изменение источника правового регулирования административного судопроизводства не прекратило дискуссий научного сообщества о правовой природе отношений, регулируемых таким Кодексом, и об отраслевой принадлежности процессуальных норм об административном судопроизводстве.

В ходе обсуждения сущности цивилистического процесса в условиях его унификации по-прежнему утверждается цивилистическая правовая природа дел, возникающих из публичных правоотношений, которая не изменилась в связи с их отнесением к сфере регулирования КАС, что подтверждается наличием в административных делах частноправового интереса и установленным порядком рассмотрения таких дел [14, с. 92].

Вопреки цели создания эффективной модели административно-процессуального законодательства факт принятия КАС расценивается и как законодательное обособление части судебных процессуальных процедур, придающее им значение специальных, в рамках унификации и дифференциации единого цивилистического процесса, что не создало новую процессуальную форму или иную концепцию судопроизводства [15, с. 9].

В этой связи высказывается принципиально иная точка зрения о путях унификации цивилистического процесса не только посредством разработки и принятия единого Гражданского процессуального кодекса в различных его формах, но и в рамках отдельных процессуальных регламентов в условиях существования единой доктрины. При этом предлагается внесение изменений в различные акты процессуального законодательства, направленных на создание универсальных правил и определение единообразного подхода к основным концептуальным положениям такой единой процессуальной цивилистической доктрины, с сохранением специальных правил и процедур в определенном виде судопроизводства [14, с. 93].

Однако несмотря на взаимосвязь административного судопроизводства с цивилистическим процессом определенные изъятия из ГПК и ХПК в виде отдельных норм отражают специфику материально-

го административного права как объекта рассмотрения дел в административном судопроизводстве. Поэтому следует признать административно-правовую отраслевую принадлежность данного вида судопроизводства, которое следует определить как государственно-властную деятельность судебных органов по рассмотрению публично-правовых споров.

Учитывая единство принципов правосудия в отношении всех видов судопроизводства, среди которых независимость судей, гласность, состязательность сторон и др., по нашему мнению, административное судопроизводство не тождественно каким-либо другим видам судопроизводства и не является их подвидом. Каждое судопроизводство абсолютно самостоятельное, поскольку процессуальные правила, их составляющие, основываются на соответствующих материальных правоотношениях.

В рамках административного судопроизводства такую правовую базу составляют нормы законодательства в сфере административного права и правоотношения между участниками публично-правовых отношений в связи с осуществлением управленческой деятельности. В ходе реализации публичных полномочий могут возникать различные правовые споры, в т.ч. требующие судебного разрешения. Поэтому указанные отношения должны обеспечиваться соответствующими административно-процессуальными нормами, которые не только предусматривают правовое регулирование государственной деятельности, например в сфере рассмотрения обращений граждан и юридических лиц, административных процедур и др., но и эффективный механизм судебной защиты.

В сфере публично-правовых отношений процессуальным средством судебной защиты должно выступать административное судопроизводство как один из институтов административной юстиции и неотъемлемая составляющая правового государства. При этом к специфике данной формы судебной власти следует отнести подведомственность судам административных дел различных категорий, выходящих за пределы предмета гражданского процессуального права, что обуславливает необходимость их отнесения к административному судопроизводству.

Заключение. Образование объединенной системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь обусловило дальнейшее совершенствование правовой системы и судебной власти посредством разработки единого процессуального законодательства в сфере осуществления правосудия по гражданским и экономическим делам. При этом в процессе унификации процессуального законодательства подлежит разрешению вопрос о структурном оформлении процессуальных норм, регулирующих осуществление административного судопроизводства.

Правовая природа цивилистического и административного процессов существенно отличается между собой ввиду наличия собственных предметов правового регулирования сферы частных и публичных общественных отношений и различного характера правовой связи между конфликтующими субъектами. Ввиду недостаточной эффективности действующих правовых механизмов разрешения административно-правовых споров поддерживается целесообразность унификации и единой систематизации правовых норм, регулирующих административное судопроизводство, в целях повышения процессуальных гарантий участников публичных правоотношений.

Представляется необходимым не совершенствование института жалобы (заявления) как формы судебной защиты по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, а его замена административным иском как более эффективным процессуальным средством административной юстиции. Это обусловлено в т.ч. спецификой и сложностью дел данной категории, наличием в них спора о праве публично-правового характера, который подлежит разрешению судом по существу, не ограничиваясь лишь проверкой законности действий управленческих органов.

Внедрение административного иска в единое гражданское процессуальное законодательство наряду с правовым регулированием частного иска не в полной мере будет способствовать реализации принципа правовой определенности, поскольку совмещение двух различных самостоятельных институтов частного и публичного права, соответственно гражданского и административного исковых производств, в едином законодательном акте. Подобное усложнение судопроизводства может повлечь возникновение проблемы разграничения указанных средств судебной защиты и сохранит действующий дуализм цивилистического процесса ввиду правового регулирования его нормами административного судопроизводства.

Таким образом, унификацию и систематизацию гражданского и хозяйственного процессуального законодательства предлагается провести посредством разработки единого процессуального кодекса, регулирующего судопроизводство по гражданским и экономическим делам, без включения в него производств по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, составляющих основу административного судопроизводства.

В связи с этим поддерживается необходимость разработки посредством кодификации отдельного процессуального законодательного акта, устанавливающего порядок рассмотрения административных дел по разрешению публично-правовых споров. В ходе обновления законодательных основ административных правоотношений подлежат, в частности, нормативному закреплению понятия «административ-

ное судопроизводство» и «публично-правовой спор», система видов административных исков, правовой статус сторон. Однако указанной работе должно предшествовать определение дальнейшего концептуального подхода к развитию в Республике Беларусь административной юстиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. О совершенствовании судебной системы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 29 нояб. 2013 г., № 6 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. Совет по вопросам правовой и судебной деятельности рассмотрел вопрос о концепции и структуре единого Гражданского процессуального кодекса [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2016/november/21846/>. – Дата доступа: 15.08.2019.
6. Резолюция Республиканской конференции судей от 25 окт. 2017 г. // Судовы веснік. – 2017. – № 4. – С. 5–6.
7. Протокол поручений Президента Республики Беларусь Лукашенко А.Г., данных 5 апреля 2019 г. по итогам совещания по вопросам совершенствования деятельности системы судов общей юрисдикции, от 30 мая 2019 г. № 9 [Электронный ресурс] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Состоялось заседание Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2013/june/7780/>.
9. Колядко, И.Н. Административный иск как средство унификации правосудия по гражданским и экономическим делам / И.Н. Колядко // Развитие судебной власти в Республике Беларусь: междунар. кругл. стол, Минск, 20 апр. 2017 г. : тез. докл. / БГУ ; ред.: А.А. Данилевич [и др.]. – Минск, 2017. – С. 45–50.
10. Пешкова, Т.В. Административное судопроизводство в судах общей юрисдикции в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Т.В. Пешкова. – Воронеж, 2014. – 249 с.
11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2019.
12. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2019.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // Консультант Плюс : Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2019.
14. Постовалова, Е.В. О сущности цивилистического процесса в контексте его унификации / Е.В. Постовалова // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. – 2017. – № 2. – С. 89–94.
15. Сахнова, Т.В. Достижимо ли единство цивилистического процесса? (в контексте концепции единого ГПК РФ и Кодекса административного судопроизводства) / Т.В. Сахнова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 4. – С. 3–10.

Поступила 04.09.2019

LEGAL REGULATION OF THE ADMINISTRATIVE COURT PROCEEDING IN CONTEXT OF UNIFICATION OF CIVIL AND ECONOMIC PROCEDURAL LEGISLATION

D. CHIKATOVSKY

The article is devoted to analysis of industry affiliation of procedural rules of the administrative court proceeding, the determination of expediency and general approaches to their unification and systematization. The development in Belarus of a unified code of procedure in field of legal proceeding of civil and economic cases presupposes to further improvement of legislation of the administrative court proceeding and development of administrative justice. As a result of analysis of legal norms and scientific of view, the legal essence of the administrative court proceeding and possibility of its separate procedural and legal regulation as an independent form of realize of judiciary in Belarus are reviewed.

Keywords: administrative justice, public legal relationship, administrative court proceeding, court, procedural legislation, administrative claim.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343.13

СОБИРАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА

канд. юрид. наук, доц. Б.А. РАЖАБОВ

(Академия Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, Ташкент)

Приводятся мнения ведущих ученых касательно понятия и критерии собирания доказательств в уголовном процессе, а также научно-теоретический анализ результатов сравнительно-правового изучения порядка собирания доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве отдельных зарубежных стран. Вносятся предложения и рекомендации по совершенствованию процессуальных положений, касающихся собирания доказательств, а также внедрению положительного опыта в национальное законодательство.

Ключевые слова: доказательства в уголовном процессе, собирание доказательств, доказывание, дознаватель, следователь, прокурор, суд, судья.

В ч. 1 ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан (далее – УПК) отмечено, что доказательства можно собирать только путем производства следственных и судебных действий, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий. Отсюда следует, что доказательства могут быть собраны лишь субъектами, имеющими право производить следственные и судебные действия, а также проводить оперативно-розыскные мероприятия.

В результате осуществляемых в нашей стране судебно-правовых реформ был принят Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-470 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с принятием мер по усилению гарантий прав и свобод граждан в судебно-следственной деятельности» от 4 апреля 2018 г., на основании которого в ч. 2 ст. 87 УПК были внесены соответствующие дополнения, касающиеся процессуальных правил участия защитника в уголовном процессе, в соответствии с которыми он получил возможность собирать доказательства, что, несомненно, является важным событием. Однако согласно процессуальному положению, закрепленному в ч. 2 ст. 87 УПК, защитник вправе собирать и представлять доказательства по уголовному делу, которые подлежат приобщению к материалам уголовного дела, а также обязательной оценке в ходе проведения доследственной проверки, дознания, предварительного следствия и рассмотрения уголовного дела в суде.

По нашему мнению, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 87 данные процессуальные положения противоречат друг другу: если согласно ч. 1 ст. 87 УПК доказательства собираются путем производства следственных и судебных действий, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий, то к какому виду данных процессуальных действий или мероприятий относятся действия защитника, предусмотренные ч. 2 ст. 87 УПК? какое из оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных УПК и ст. 14 «Виды оперативно-розыскных мероприятий» Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-344 «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 декабря 2012 г. [1], имеет право проводить защитник? Представляется, что эти вопросы уместны и являются проблемой, требующей решения.

Как видим, ни в одной норме УПК защитнику не даны полномочия производить следственные и судебные действия или проводить оперативно-розыскные мероприятия. Между тем, несмотря на то, что вопрос собирания защитником доказательств по уголовному делу нашел свое отражение в указанном кодексе, ему препятствует процессуальное положение о порядке собирания доказательств, строго определенное в ч. 1 ст. 87 УПК. Кроме того, в ч. 1 ст. 87 УПК перечислены виды следственных и судебных действий, однако в ст. 14 «Виды оперативно-розыскных мероприятий» Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-344 «Об оперативно-розыскной деятельности» от 25 декабря 2012 г. [1] указанные оперативно-розыскные мероприятия не указаны.

В действительности, как правильно отмечают Э.Х. Норбуатеев и С.Б. Хужакулов, «в настоящее время с точки зрения законодателя, с одной стороны, были расширены права защитника, уравнялись права обвинения и защиты, но с другой стороны, несмотря на то, что предоставляемые защитнику права закреплены рядом законодательных актов, оставление в стороне без внимания механизма их осуществления, а именно, каким образом процессуализируются действия защитника, придает декларативный характер нормам, связанным с правом защиты» [2, с. 41].

Схожую с этим мысль высказывает Д.М. Ямбаева: «опрос, истребование справок, характеристик, иных документов, а также получение защитником предметов, документов или иных сведений являются

лишь способом получения защитником сведений, которые могут стать доказательствами после того, как они будут введены в процессуальную сферу субъектом доказывания (дознавателем, следователем, судом). Активная деятельность защитника, участвующего в собирании доказательств путем заявления ходатайств, представления предметов и документов, оказывает существенное влияние на усмотрение следователя при определении необходимости проведения следственных действий, истребования дополнительных документов и при принятии процессуальных решений по уголовному делу» [3, с. 8].

По мнению Э.Х. Нарбутаева, даже если собирание, проверка и оценка доказательств составляют круг полномочий непосредственно дознавателя, следователя, прокурора и суда, защитник может воспользоваться возможностью собирать доказательства, но осуществляемые защитником действия не отвечают требованиям по собиранию доказательств по форме и содержанию [4, с. 48].

Ю.Ю. Воробьева анализирует полномочия по собиранию доказательств, предоставленные в УПК, именно защитнику: «УПК содержит ряд взаимоисключающих положений, одни из которых прямо разрешают адвокату-защитнику собирать доказательства и тем самым осуществить собственное расследование (ст. 53 и 86 и др.). Другие, наоборот, существенно ограничивают адвоката-защитника в сборе доказательств (ч. 2 ст. 74). В этой связи предлагается считать, что такая коллизия может быть решена в пользу предоставления права адвокату-защитнику собирать доказательства посредством осуществления собственного расследования. Для этого необходимо привести указанные нормы уголовно-процессуального закона в соответствие» [5, с. 9].

Как видим, в литературе, раскрывающей вопросы предоставления или непредоставления защитнику полномочий собирать доказательства, к какому процессуальному действию относятся действия защитника, если ему будет предоставлено право собирать доказательства, механизм действий по собиранию доказательств в уголовном процессе, существуют различные мнения.

При изучении научно-исследовательских работ по рассматриваемой проблематике также обращают на себя внимание дискуссионные моменты по предоставлению или непредоставлению защитнику полномочий собирать доказательства. А именно можно наблюдать, как ряд правоведов выдвигают предложение о включении защитника в ряд субъектов, собирающих доказательства, другие считают, что защитнику надо предоставить лишь право собирать сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательств.

В частности, если Н.А. Попова [6, с. 10], Н.П. Царева [7, с. 11], Л.Г. Демурчев [8, с. 13–14], Е.Б. Смагоринская [9, с. 5–10], А.Д. Героев [10, с. 11–12], И.Е. Милова [11, с. 7], Ю.Ю. Воробьев [5, с. 9], О.В. Левченко [12, с. 9–10] поддерживают предложение о включении защитника в ряд субъектов, собирающих доказательства, то по мнению Н.Н. Егорова [13, с. 8–9], Д.М. Ямбаевой [3, с. 8], А.С. Закотянского [14, с. 10–11], Г.Г. Скребец [15, с. 6], В.И. Толмосова [16, с. 7], А.К. Маслова [17, с. 10], А.А. Ларинкова [18, с. 8–10], Н.В. Пальчиковой [19, с. 11] и И.И. Схаляхо [20, с. 7], защитник может только собирать сведения, которые могут использоваться в качестве доказательств.

Не соглашаясь с точкой зрения Н.Н. Егорова, Д.М. Ямбаевой, А.С. Закотянского, Г.Г. Скребец, В.И. Толмосова, А.К. Маслова, А.А. Ларинкова, Н.В. Пальчиковой, И.И. Схаляхо и Б.А. Миренского в том, что защитник может только собирать сведения, которые могут быть использованы в качестве доказательств, но поддерживая высказывания Н.А. Поповой, Н.П. Царевой, Л.Г. Демурчева, Е.Б. Смагоринской, А.Д. Героева, И.Е. Миловой, Ю.Ю. Воробьев и О.В. Левченко о включении защитника в ряд субъектов, собирающих доказательства, постараемся обосновать точку зрения о передаче защитнику полномочия по собиранию доказательств и дальнейшему укреплению механизма процессуальных действий защитника по собиранию доказательств в уголовном процессе. При этом мы полностью согласны с позицией С.Б. Хужакулова: «Процессуальное действие – это предусмотренная в нормах уголовно-процессуального закона доследственная проверка, оперативно-розыскная деятельность дознавателя, следователя, прокурора, суда (судьи) и защитника на досудебном делопроизводстве и судебных стадиях, а также действие, осуществляющее на предварительном следствии и судебных процессах, имеющее доказательственное значение либо вспомогательную рекомендацию, отраженное в соответствующих процессуальных, вместе с тем дополнительных актах» [21, с. 17].

Подведя итоги проведенного исследования, отметим необходимость совершенствования ч. 1 ст. 87 УПК. В целях устранения противоречий между ч. 1 и 2 ст. 87 УПК целесообразно изложить ч. 1 данной статьи в следующей редакции:

Доказательства собираются путем производства следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий и проведения других предусмотренных данным Кодексом процессуальных действий.

Изложение ч. 1 ст. 87 УПК в данном виде, по нашему мнению, послужит предупреждению рассматриваемой проблемы и достижению закрепления правового основания полномочия защитника в собирании доказательств по уголовному делу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ўзбекистон Республикасининг 2012 йил 25 декабрдаги «Тезкор-қидирув фаолияти тўғрисида» ги ЎРҚ-344-сон Конуни // URL: <http://lex.uz/docs/2107763> (Ўзбекистон Республикаси Конун хужжатлари маълумотлари миллий базаси).
2. Норбўтаев, Э.Х. Ҳимоячи томонидан қонунда назарда тутилган процессуал ҳаракатларни амалга ошириш механизми тўғрисида / Э.Х. Норбўтаев, С.Б. Ҳўжақулов // Ўзбекистон Республикаси Ички ишлар вазирлиги Академиясининг ахборотномаси. – 2010. – № 2. – Б. 41.
3. Ямбаева, Д.М. Участие защитника в собирании доказательств на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.М. Ямбаева. – Владимир, 2008. – 22 с.
4. Нарбутаев, Э.Х. Жиноят процесси (Умумий қисм) : Маъruzалар курси / Э.Х. Нарбутаев. – Ташкент : Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2013. – Б. 48.
5. Воробьев, Ю.Ю. Современные проблемы процесса доказывания в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.Ю. Воробьева. – Оренбург, 2006. – 22 с.
6. Попова, Н.А. Вещественные доказательства: Собирание, представление и использование их в доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.А. Попова. – Саратов, 2007. – 25 с.
7. Царева, Н.П. Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.П. Царева. – Саратов, 2003. – 30 с.
8. Демурчев, Л.Г. Собирание доказательств в ходе досудебного производства путем проведения иных процессуальных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Л.Г. Демурчев. – Краснодар, 2012. – 26 с.
9. Смагоринская, Е.Б. Участие адвоката в доказывании в досудебном уголовном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Е.Б. Смагоринская. – Волгоград, 2004. – 20 с.
10. Героев, А.Д. Участие адвоката-защитника в доказывании на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Д. Героев. – М., 2004. – 34 с.
11. Милова, И.Е. Участие адвоката-защитника в собирании доказательств на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.Е. Милова. – Самара, 1998. – 17 с.
12. Левченко, О.В. Уголовно-процессуальное доказывание: Сущность, средства доказывания, предмет и пределы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Левченко. – Ижевск, 2001. – 51 с.
13. Егоров, Н.Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о вещественных доказательствах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Н. Егоров. – Иркутск, 2005. – 55 с.
14. Закотянский, А.С. Проблемы использования непроцессуальной информации в доказывании по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.С. Закотянский. – Самара, 2015. – С. 10–11.
15. Скребец, Г.Г. Участие адвоката-защитника в формировании доказательств на стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Г.Г. Скребец. – Екатеринбург, 2008. – 22 с.
16. Толмосов, В.И. Проблемы допустимости доказательств на досудебных стадиях российского уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.И. Толмосов. – Самара, 2002. – 22 с.
17. Маслов, А.К. Деятельность следователя по процессуальному оформлению предметов, вещей и иных документов в качестве доказательств по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.К. Маслов. – Краснодар, 2011. – 24 с.
18. Ларинков, А.А. Теоретические и правоприменительные проблемы доказывания на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.А. Ларинков. – СПб., 2006. – 25 с.
19. Пальчикова, Н.В. Теоретические и практические проблемы доказывания в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Пальчикова. – М., 2013. – 32 с.
20. Схалихо, И.И. Участие защитника в доказывании по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.И. Схалихо. – Краснодар, 2006. – 21 с.
21. Ҳўжақулов, С.Б. Процессуал ҳаракатлар: тушунчаси, таснифланиши ва тизимлаштирилиши : Ўқув қўлланма / С.Б. Ҳўжақулов. – Ташкент : Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2013. – 63 б.

Поступила 15.08.2019

**COLLECTION OF EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCESS:
EXPERIENCE OF UZBEKISTAN**

B. RAZHABOV

This article comprises scientific-theoretical and empirical analysis of the results of comparative and legal study in accordance with the prevalent belief in processional law regulation and the common expression of collecting of evidence, furthermore it includes some recommendations of the advanced scientists and their works results related to the improvement of the evidence collection law processional.

Keywords: Evidence in the process of criminality, collecting of evidences, to prove, inquirer, interrogator, prosecutor, court, judge, scrutinizing, throughout, complete, impartial.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ С ОСВОБОЖДЕНИЕМ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ

Я.П. ПОТОЦКАЯ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Проводится анализ нормы об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Предлагается классификация условий, при установлении которых орган уголовного преследования вправе принять решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 30 УПК Республики Беларусь. Анализируются отдельные условия деятельного раскаяния, содержащиеся в ст. 88 УК Республики Беларусь. Раскрывается содержание понятий «активное способствование выявлению преступления» и «активное способствование раскрытию преступления».

Ключевые слова: прекращение предварительного расследования, освобождение от уголовной ответственности, орган уголовного преследования, деятельное раскаяние, выявление преступления, раскрытие преступлений.

Введение. Современная уголовно-правовая политика Республики Беларусь направлена на расширение механизмов влияния на лиц, совершивших преступление, без применения к ним наказания и иных мер уголовной ответственности. Направление такой политики обосновывается развитием общественных отношений, международно-правовой интеграцией, а также принципами гуманизма и экономии процессуальных средств [1]. Заданных путей развития уголовной политики возможно достичь путем модернизации уже имеющегося института освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, внедрения новых и совершенствования имеющихся норм указанного института.

Основная часть. В уголовном и уголовно-процессуальном законах понятие «действительное раскаяние» упоминается только в названии ст. 88 УК «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием» и в диспозиции ст. 30 УПК в качестве одного из оснований прекращения производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности.

Понятие «действительное раскаяние» достаточно глубоко изучено, исследователями предложено множество схожих вариантов определения данного термина. Наиболее полное определение деятельного раскаяния предложил А.Г. Калугин. По его мнению, деятельное раскаяние – это осознанные, добровольные, активные действия лица, совершившего преступление, объективно отражающие его психическое отношение к содеянному и выраженные в полном признании своей вины, явке с повинной или других общественно полезных поступках, направленных на заглаживание причиненного вреда и способствование раскрытию преступления [2]. Схожего мнения придерживаются и другие правоведы [3; 4].

В соответствии со ст. 88 УК лицо может быть освобождено от уголовной ответственности при следующих условиях:

- лицо впервые совершило преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление;
- после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления;
- возвестило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем;
- внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее тридцати базовых величин.

В литературе и практической деятельности нет единого мнения относительно того, все ли указанные активные действия должны быть совершены для решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности или достаточно некоторых из них.

Одни авторы придерживаются позиции, что необходимо выполнение всех условий и наличие их только в совокупности позволяет поставить вопрос об освобождении от уголовной ответственности. Другие считают, что для освобождения от уголовной ответственности достаточно выполнения некоторых условий, предусмотренных в уголовном законе.

Согласно Х.Д. Алихперову, достаточно наличия явки с повинной и способствования раскрытию преступления [5]. Однако А.В. Савкин считает, что несколько признаков деятельного раскаяния должны рассматриваться в совокупности, наличие лишь одного из них понимается уже не как деятельное раскаяние, а как отдельное смягчающее ответственность обстоятельство [6].

В Республике Беларусь первоначальная идея создания института раскаяния заключалась в обязательном соблюдении всех условий, указанных в ст. 88 УК одновременно: 1) добровольно явилось с повинной, 2) активно способствовало выявлению преступления, 3) возместило причиненный ущерб или иным образом загладило нанесенный преступлением вред. Все эти условия по отдельности относились к обстоятельствам, смягчающим ответственность, предусмотренным ст. 63 УК, и только лишь их совокупность могла послужить основанием освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

С учетом развития законодательства в сторону гуманизации и индивидуализации наказания первоначальная редакция указанной статьи постепенно изменялась. Законами внесены изменения, согласно которым расширены условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Явка с повинной и способствование выявлению преступления стали альтернативными условиями деятельного раскаяния, условие «активно способствовало выявлению преступления» расширено путем добавления «и (или) раскрытию». Добавлены следующие условия: «неосновательное обогащение» и «доход, полученный преступным путем», а также «уплата уголовно-правовой компенсации». С новым изложением диспозиции ст. 88 УК уже становится необязательным добровольная явка с повинной в органы уголовного преследования, а достаточно совершение активных действий, направленных на оказание помощи органу, ведущему уголовный процесс, уже после выявления такого лица. Допустимо прекращение производства по уголовным делам о преступлениях, где отсутствует потерпевшая сторона. Не исключается возможность прекращения производства по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности и в финансово-кредитной сфере.

Исходя из содержания ст. 88 УК, можно выделить две группы условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: объективные условия, существующие независимо от усмотрения органа уголовного преследования (преступление совершено впервые и определенной законом категории) и субъективные условия, характеризующие поведение лица после совершенного им преступления (рисунок).

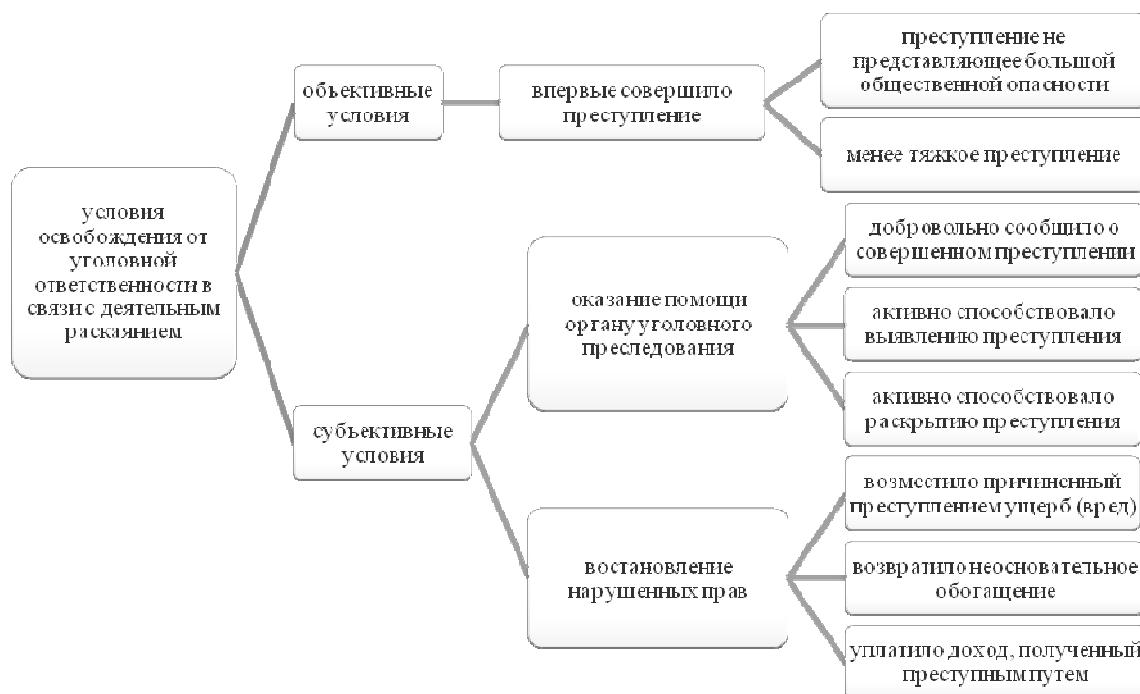

Рисунок. – Классификация условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием

Первая группа смежных субъективных условий освобождения характеризует степень оказания помощи органу уголовного преследования, к таковым относятся: добровольная явка с повинной, активное способствование выявлению преступления, активное способствование раскрытию преступления. Вторая – степень восстановления нарушенных прав – возмещение причиненного преступлением ущерба (вреда), возвращение неосновательного обогащения, уплата дохода, полученного преступным путем.

Постановлением Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2012 № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь» (далее – Пленум) разъ-

ясно, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при наличии совокупности условий, указанных в ст. 88 УК.

На наш взгляд, исходя из расстановки соответствующих союзов в тексте диспозиции указанной статьи, для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием наличие объективных условий обязательно, в то время как из субъективных условий достаточно наличия некоторых из них. Выполнение каждого условия из группы смежных субъективных условий должно объективно следовать из обстоятельств совершенного преступления и наличия объективной возможности их выполнения. Схожего мнения придерживается ряд исследователей в данной области [7–9].

В предствляемой работе рассмотрим первую группу смежных субъективных условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, характеризующих степень оказания помощи органу уголовного преследования.

Чтобы понять, какой смысл в вышеуказанные условия вносит законодатель, необходимо разобраться в содержании понятий «выявление» и «раскрытие» преступлений, как они соотносятся друг с другом и с иными созвучными понятиями уголовно-процессуального закона.

В уголовном законе активное способствование выявлению преступления является условием освобождения от уголовной ответственности по специальным основаниям, предусмотренным в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК, а также обстоятельством, смягчающим ответственность, указанным в ст. 63 УК.

В уголовно-процессуальном законе понятие «активно способствовало выявлению преступления» не используется. Вместе с тем слова «выявление» и «выявить» в УПК используются в различных контекстах:

- государственные органы, должностные лица, уполномоченные осуществлять расследование, обязаны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры по обнаружению преступлений, *выявлению лиц, их совершивших* (ч. 2 ст. 15 УПК);
- проведение необходимых оперативно-розыскных мероприятий и принятие иных мер в целях обнаружения преступлений и *выявлению лиц, их совершивших* (п. 4 ч. 2 ст. 37, ч. 2 ст. 38 УПК);
- могут служить средствами по обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств уголовного дела, *выявлению виновных* (ст. 96 УПК);
- если в ходе расследования будут *выявлены преступления*, дела о которых относятся к подследственности другого органа предварительного следствия, расследование продолжается органом, его осуществлявшим (ч. 3 ст. 182 УПК).

Из приведенных законодательных положений видно, что применительно к слову «преступление» в отдельных случаях употребляется слово «обнаружение», в то время как к лицам, совершившим преступление, – слово «выявление». В ст. 184 УПК слова «выявление» и «обнаружение» используются применительно к преступлению одновременно: предварительное расследование производится по месту совершения преступления, а в случае, если его невозможно определить, по месту его *обнаружения или выявления*.

В толковых словарях «выявление», «обнаружение» являются синонимичными словами. В качестве синонимов к таким словам также используются: обнаружение, находка, раскрытие, проявление, открытие, разоблачение [10]. Каково значение слов «выявление» и «обнаружение» в плоскости уголовно-процессуального закона, являются ли они взаимозаменяемыми либо несут различный смысл?

В соответствии со ст. 3 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» одной из задач оперативно-розыскной деятельности является выявление преступлений и граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Задачи оперативно-розыскной деятельности реализуются в ходе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, перечень которых содержится в вышеуказанном законе. Выявление преступления происходит в результате заранее подготовленной, организованной работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, когда непроцессуальными методами и способами добывается информация, подтверждающая наличие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

Полномочиями на проведение оперативно-розыскных мероприятий обладают органы дознания, однако не все его структурные подразделения. На милицию общественной безопасности органов внутренних дел, отдел по гражданству и миграции и другие структурные подразделения органов дознания, которые не наделены полномочиями на проведение оперативно-розыскных мероприятий, в соответствии с Законом от 17.07.2007 № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», также возложена задача выявления и пресечения преступлений. Такая задача реализуется ими в рамках исполнения основных обязанностей (охрана общественного порядка, ведение административного процесса, организация исполнения и отбывания наказания и др.). Полученная информация о совершенном (подготавливаемом, совершающем) преступлении передается в следственные подразделения, где уже осуществляется ее оценка на наличие признаков преступления.

Полагаем, что термины «обнаружить преступление» и «выявить преступление» имеют схожий, но не одинаковый смысл. Выявление преступлений предполагает совершение активных действий, направленных на получение информации о преступлении, которые позволяют открыть то, что ранее не

было известно. Такие действия, как правило, находятся за рамками процессуальной деятельности органа уголовного преследования и осуществляются в ходе оперативно-розыскной деятельности. Цель выявления преступления – получение достоверной информации о подготавливаемом, совершающем или совершенном преступлении. Как верно отметил Г.Н. Мухин, в оперативно-розыскной деятельности вместо понятия «обнаружить» используется «выявить», что подчеркивает целенаправленную деятельность органов уголовного преследования, направленную на обнаружение преступления [11].

В соответствии с ч. 2 ст. 36 УПК следователь не наделен полномочиями на выявление преступлений. Вместе с тем уголовно-процессуальный закон наделяет орган уголовного преследования, к которому также относится следователь, в пределах своей компетенции принимать *меры по обнаружению преступлений* и выявлению лиц, их совершивших.

Обнаружение преступления не предполагает совершение органом уголовного преследования заранее спланированных действий, направленных на получение информации о ранее неизвестном преступлении. Такие сведения могут поступить в орган уголовного преследования посредством заявления граждан или сообщения должностных лиц государственных органов и организаций либо быть обнаружены в ходе расследования иных преступлений. Получение информации о предполагаемом преступлении еще не означает, что преступление имело место, т.к. органом уголовного преследования еще не дана оценка полученным сведениям, а при их недостаточности – не проведены процессуальные действия, предусмотренные ч. 2 ст. 173 УПК. Только после того, как орган уголовного преследования придет к выводу о наличии признаков преступления, можно констатировать, что преступление обнаружено.

Таким образом, выявление преступления предполагает деятельность органов уголовного преследования с целью получения ранее неизвестной информации о подготавливаемом, совершающем или совершенном преступлении, направленную на обнаружение преступления.

Выявление и обнаружение преступления предшествует его расследованию, но по ходу расследования одного преступления может быть получена информация, свидетельствующая о совершении иных преступлений либо отдельных преступных эпизодов, но чтобы считать преступление обнаруженным, такая информация требует проверки и оценки.

Следуя вышеизложенному, способствование выявлению преступления – это оказание помощи органу уголовного преследования в получении и подтверждении информации о подготавливаемом, совершающем или совершенном преступлении, о *котором ранее не было известно органу уголовного преследования*, путем участия в оперативно-розыскных мероприятиях и иных мероприятиях, следственных и иных процессуальных действиях. Когда информация о совершенном преступлении уже поступила в орган уголовного преследования, о способствовании выявлению этого преступления говорить уже нельзя. Когда лицо, совершившее преступление, привлекается к участию в следственных и иных процессуальных действиях в целях проверки поступившей информации о преступлении, в рамках которых им оказывает помощь в сборе доказательств путем предоставления орудий преступления, документов и предметов, имеющих значение для дела, то такое лицо способствует обнаружению преступления. Выявление преступления в данном случае может иметь место только по отношению к другим преступлениям либо иным эпизодам обнаруженного преступления.

Таким образом, о способствовании выявлению преступления как условии деятельного раскаяния может идти речь только в том случае, если это лицо само сообщило о совершенном преступлении (что отражено в заявлении или протоколе явки с повинной) и было привлечено к участию в следственных и иных процессуальных действиях с целью проверки поступившей информации. Если информация о совершенном преступлении поступила органу уголовного преследования не от самого лица, его совершившего, орган уголовного преследования при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности должен оценивать только условие «активное способствование раскрытию преступления».

Открытым остается вопрос, можно ли под способствованием выявлению уже обнаруженного (расследуемого) преступления учитывать сообщение информации о совершении этого преступления иным лицом либо о совершении иного преступления. В ст. 88 УК на это прямо не указано, но такие действия являются специальным условием освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к отдельным статьям Особенной части уголовного закона (ст. 431, 432 УК).

Полагаем, что по общему основанию освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием сообщение информации о соучастнике преступления должно учитываться при рассмотрении вопроса об освобождении от уголовной ответственности лица. Если лицо, совершившее преступление, сообщает информацию о соучастнике преступления, он способствует выявлению иных лиц, совершивших преступление. На наш взгляд, такое условие должно оцениваться положительно при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности, что необходимо прямо указать в ст. 88 УК путем добавления конструкции «выявление лиц, совершивших преступление».

Для уяснения смысла субъективного условия «активное способствование раскрытию преступления» необходимо разобраться с таким понятием, как «раскрытие преступления», его соотношением с понятиями «выявление» («изобличение») лица, совершившего преступление» и «расследование преступлений».

В уголовном законе термин «раскрытие преступления» употребляется только в ст. 88 УК как одно из условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В Уголовно-процессуальном кодексе данный термин упоминается в перечне обстоятельств, которые должны быть исследованы при рассмотрении уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (п. 2 ч. 2 ст. 46811 УПК). Анализируемый термин ранее содержался в УПК БССР 1960 года и раскрывал одну из задач советского уголовного судопроизводства: быстрое и полное раскрытие преступлений. В действующем УПК задачами уголовного процесса является защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечение к уголовной ответственности виновных. Ввиду изменения приоритетных задач уголовного процесса, а также ввиду неоднозначности термина «раскрытие преступлений» он практически не используется в действующем законодательстве, однако по-прежнему предусмотрен в диспозиции ст. 88 УК в качестве одного из условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. О способствовании раскрытию преступления упоминается и в положении о порядке осуществления в Республике Беларусь помилования осужденных, освобождения от уголовной ответственности лиц, способствовавших раскрытию и устраниению последствий преступления, утвержденном Указом Президента Республики Беларусь от 03.12.1994 № 250.

В литературе данный термин неоднократно выступал предметом дискуссий. Понятие «раскрытие преступления» подвергается исследованию со стороны трех аспектов: уголовно-процессуального, криминалистического и оперативно-розыскного, вследствие этого не выработано единого мнения относительно сущности и содержания данного понятия [12].

В криминалистическом аспекте раскрытие преступления сводится к получению информации о лице, совершившем преступление; в оперативно-розыскном аспекте раскрытие преступления – это получение непроцессуальными способами и методами информации о преступлении и лицах, их совершивших. В уголовно-процессуальном аспекте раскрытие преступления связано с процессом доказывания наличия общественно опасного деяния и виновности лица.

В практической деятельности органов уголовного преследования достаточно часто используются слова «раскрытое преступление» или «раскрытие фактового преступления». В первом случае это относится к очевидным преступлениям, когда на момент возбуждения уголовного дела уже известно лицо, совершившее преступление, и дело возбуждается в отношении лица. Во втором случае речь идет о неочевидных преступлениях, когда уголовное дело возбуждено по факту совершения преступления, и в ходе его расследования устанавливается лицо, совершившее преступление.

Термин «раскрываемость» используется в статистических учетах, формируемых специальными подразделениями МВД Республики Беларусь. Статистические данные содержатся в регистрационных карточках, которые заполняет следователь при принятии отдельных процессуальных решений. В ходе предварительного расследования следователем относительно лица, совершившего преступление, выставляются две формы карточек – форма 1-Л и форма 3-Л. Регистрационная карточка формы 1-Л «О подозреваемом, обвиняемом» выставляется в случае принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении лица либо при появлении в уголовном деле подозреваемого (вынесение постановления о признании подозреваемым, постановления о задержании либо постановления о применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого). Данные статистические сведения не являются определяющими критериями раскрываемости преступлений. Статистика раскрытых преступлений формируется на основании регистрационных карточек формы 3-Л «Лицо, совершившее преступление», которые заполняются следователем по окончании предварительного следствия при принятии одного из следующих решений: передачи уголовного дела прокурору для направления в суд в порядке ст. 262, 454, 444 УПК; прекращении производства по уголовному делу по отдельным нереабилитирующими основаниям (п. 3, 4, 7 ч. 1 ст. 29, ч. 1 ст. 30 УПК); отказе в возбуждении уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК.

Содержание понятия «раскрытие преступления» в литературе является дискуссионным уже длительное время. В частности, Р.С. Белкин выявил четыре существующих позиции относительно исследуемого понятия, которые момент раскрытия преступления связывают с принятием определенного процессуального решения (от принятия следователем дела к своему производству до вступления в силу приговора суда) [13].

Другой автор, В.Г. Тарасевич [14], предложил рассмотреть раскрытие преступления в двух аспектах – процессуальном и криминалистическом. Под криминалистическим (предварительным) раскрытием преступления следует понимать выяснение всех обстоятельств события преступления, изобличающих лиц, его совершивших, и устанавливающих характер и степень их ответственности за содеянное. Предварительное раскрытие, по его мнению, основано на оценке следователем материалов предварительного следствия.

В уголовно-процессуальном законе Российской Федерации, в отличие от белорусского законодательства, наравне с термином «раскрытие преступления» в качестве условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием используется термин «расследование преступления» (ст. 75 УК РФ).

Полагаем, что раскрытие является составной частью расследования преступлений и направлено на установление лица, совершившего преступление. Как верно отметил Л.И. Лавдаренко [15], раскрытие преступления отличается от «полного, всестороннего, объективного расследования», неполнота расследования не должна касаться основного – виновности лица в совершенном преступлении.

Раскрытие преступления осуществляется в результате уголовно-процессуальной деятельности путем доказывания виновности лица в совершенном преступлении, что не исключает использования средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Вызывает интерес точка зрения, которой придерживается В.Н. Верютин [16]: информация, зафиксированная средствами оперативно-розыскной деятельности в процессе выявления преступления, при положительном решении вопроса ее реализации (легализации) переводится в режим раскрытия преступления. До этого момента происходит процесс выявления преступления и выявления лиц, их совершивших.

Раскрытие преступления начинается после выявления (обнаружения) преступления и осуществляется параллельно с расследованием. Расследование – это стадия уголовного процесса, на которой следователь осуществляет деятельность по исследованию обстоятельств совершенного преступления и установлению лица, совершившего преступление, а также производит иные следственные и процессуальные действия, имеющие значение для правильного разрешения дела, защиты прав и законных интересов участников в уголовном деле лиц. Расследование уголовного дела проводится независимо от того, раскрыто преступление либо нет. Если в процессе расследования не будет установлено лицо, совершившее преступление, раскрытия преступления не будет. По истечении установленного законодательством срока производство по уголовному делу приостанавливается до установления лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, а при неустановлении такового прекращается за истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Совершение преступления конкретным лицом отражено в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. С вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого такое лицо считается совершившим преступление. К этому моменту уже собрана совокупность доказательств, подтверждающих виновность лица в конкретном преступлении.

Полагаем, что момент раскрытия преступления, а равно установления лица, совершившего преступление, происходит в момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Приятие такого решения не означает, что расследование завершено. После вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого могут осуществляться иные следственные и иные процессуальные действия, направленные на полное, всестороннее и объективное расследование уголовного дела, принимаются меры к возмещению вреда, причиненного преступлением, розыску имущества, добытого преступным путем, меры процессуального принуждения, осуществляется розыск скрывшегося обвиняемого, выявляются обстоятельства, способствовавшие совершению преступления и др.

Проведя анализ понятия «раскрытие преступления», попытаемся определить, что входит в содержание способствования раскрытию преступления. Под таковым следует понимать содействие органу уголовного преследования в собирании доказательств, необходимых в своей совокупности для изобличения такого лица и иных лиц в совершении преступления, путем активного участия в следственных и иных процессуальных действиях с последовательным изложением показаний по обстоятельствам совершенного преступления с указанием на местонахождение предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, либо их непосредственное представление.

На стадии предварительного расследования лицо, совершившее преступление, может оказывать способствование расследованию уголовного дела. Например, оказывать помощь в обнаружении имущества, на которое может быть наложен арест в целях обеспечения гражданского иска, по своей инициативе представлять документы, характеризующие его личность, а также сообщать данные об очевидцах преступления и их местонахождении. В ст. 88 УК способствование расследованию уголовного дела не предусмотрено в качестве условия освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Среди российских авторов существуют различные мнения относительно чистосердечного раскаяния и признания вины в контексте деятельного раскаяния. Согласно большинству авторов, чистосердечное раскаяние и признание вины условно включены в деятельное раскаяние. Явившись с повинной, способствуя раскрытию преступления, возмешая причиненный преступлением вред, лицо признается в том, что именно оно совершило данное преступление [6]. Отдельные авторы предлагают дополнительно указать в нормах о деятельном раскаянии положение о признании своей вины лицом, совершившим преступление [17]. Однако, как считает Г.Б. Магомедов, в понятие явки с повинной уже включен такой признак, как признание своей вины, и дублирование его в деятельном раскаянии, излишне [18]. В содержание явки с повинной М.Б. Чернова включает подробное и достоверное изложение обстоятельств совершенного деяния (чистосердечное признание) и отрицательное отношение лица к содеянному (чистосердечное раскаяние) [19].

В соответствии с законодательством Республики Беларусь чистосердечное раскаяние относится к обстоятельствам, смягчающим ответственность. Чистосердечное раскаяние может наступить на любой

стадии уголовного процесса и подлежит отражению в протоколах следственных действий. В перечне условий освобождения от уголовной ответственности по ст. 88 УК чистосердечное раскаяние также не предусмотрено и самостоятельно не может рассматриваться в качестве условия освобождения от уголовной ответственности. Признание обвиняемым своей вины отражено в нормах уголовно-процессуального закона в качестве одного из условий ускоренного производства и сокращенного порядка судебного следствия. В ст. 88 УК признание вины в качестве условий прямо не указано. В содержание понятия «чистосердечное раскаяние» уже включено признание вины, так как раскаяться лицо может только в тех действиях, которые он совершил, поэтому отдельного выделения его в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность или условия освобождения от уголовной ответственности, не требуется.

В соответствии с указанным постановлением Пленума решение об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием должно быть основано на убежденности суда в том, что меры, принятые обвиняемым во исполнение этих условий, свидетельствуют о его чистосердечном раскаянии. Чистосердечное раскаяние обусловливает активное поведение лица после совершенного преступления, придает ему деятельный характер. Чистосердечное раскаяние лица в совокупности с активным способствованием раскрытию преступления должно оцениваться с позиции деятельного раскаяния только при наличии иных условий анализируемой группы.

На убеждении органов уголовного преследования в том, что лицо, совершившее преступление, осознало свое противоправное поведение, стало на путь исправления, что выражлось в положительном постпреступном поведении такого лица, делается вывод о том, что лицо не нуждается в применении к нему наказания и (или) иных мер уголовной ответственности. Именно по этой причине исследуемое основание освобождения от уголовной ответственности носит императивный характер.

Принятие решения о прекращении производства по уголовному делу с освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием происходит по внутреннему убеждению органа, который ведет уголовный процесс, и оценивается в отношении каждого лица индивидуально.

Заключение. Уяснение содержания отдельных условий освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием позволит правильно применять их в практической деятельности органов уголовного преследования при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности. В целях правильного и единообразного их применения возможно сформулировать положения, направленные на совершенствование законодательной регламентации таких условий в действующем уголовно-процессуальном законе, а также предложить изменить редакцию некоторых разъяснений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, изложенных в постановлении от 29.03.2012 № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь».

В части 1 ст. 88 УК после слов «активно способствовало выявлению преступления» записать слова «лиц, его совершивших, и (или) раскрытию преступления»;

Полагаем, что в постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29.03.2012 № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь» следовало бы внести следующие изменения:

Пункт 4 Пленума изложить в следующей редакции: «Обратить внимание судов, что лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием при наличии совокупности условий, указанных в ст. 88 УК, если с учетом обстоятельств совершенного преступления оно имело возможность их выполнить».

Активное способствование выявлению преступления и лиц, его совершивших, выражается в оказании лицом, совершившим преступление, помощи органу уголовного преследования в получении информации о подготавливаемом, совершающем или совершенном преступлении, а также обо всех лицах его совершивших, о которых ранее не было известно органу уголовного преследования. В целях подтверждения и проверки полученной информации лицо, совершившее преступление, по усмотрению органа уголовного преследования может привлекаться для участия в оперативно-розыскных мероприятиях, следственных и иных процессуальных действиях, в ходе которых добровольно и последовательно должно излагать обстоятельства преступления, указывать на местонахождение орудий и иных предметов преступления либо их непосредственно представлять.

Активное способствование раскрытию преступления выражается в оказании помощи органу уголовного преследования в сабирании доказательств, необходимых в своей совокупности для изобличения такого лица и иных лиц в совершении преступления путем активного участия в следственных и иных процессуальных действиях с последовательным изложением показаний по обстоятельствам совершенного преступления с указанием на местонахождение предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, либо их непосредственно представлять.

Решение об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием должно быть основано на убежденности суда в том, что меры, принятые обвиняемым во исполнение этих условий, свидетельствуют о его чистосердечном раскаянии.

ЛИТЕРАТУРА

- Хатеневич, Т.Г. Тенденции современного правопонимания на примере экономии средств уголовно-правового воздействия проявления гуманизма в уголовно-правовой сфере / Т.Г. Хатеневич // Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе : сб. науч. ст. – Минск : Бизнесофет, 2016. – Вып. 2-й, посвящ. 80-летию проф. Э.А. Саркисовой. – С. 259–280.
- Калугин, А.Г. Прекращение уголовного дела в связи с деятельным раскаянием : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Калугин ; Акад. управления МВД России. – М., 1999. – 195 л.
- Савкин, А.В. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении / А.В. Савкин, С.П. Щерба. – М. : Спарк, 1997. – 112 с.
- Никулин, С.И. Деятельное раскаяние и его значение для органов внутренних дел в борьбе с преступностью : учеб. пособие / С.И. Никулин ; под ред. Н.И. Загородникова. – М. : МВШМ, 1985. – 64 с.
- Аликперов, Х.Д. Преступность и компромисс / Х.Д. Аликперов. – Баку : Элм, 1992. – 196 с.
- Савкин, А.В. Деятельное раскаяние в преступлении: правовые и криминалистические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Савкин ; Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. – М., 2002. – 425 л.
- Жиров, Р.М. Некоторые проблемные вопросы института деятельного раскаяния / Р.М. Жиров, А.А. Маремуков // Фундаментальные основы правового государства и актуальные вопросы реформирования современного законодательства : материалы III междунар. науч.-практ. конф.– МЦНС «Наука и просвещение». – С. 92–94.
- Благов, Е.В. Об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / Е.В. Благов // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 7 (80). – С. 90–97.
- Бойко, В.Н. Основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием / В.Н. Бойко, О.С. Зелезинская // Ученые заметки ТОГУ. – 2013. – № 4 – С. 439–443.
- Glosum. Сборник словарей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://glosum.ru>. – Дата доступа: 30.04.2019.
- Мухин, Г.Н. Выявление, раскрытие и расследование преступлений: современные проблемы теории и практики / Г.Н. Мухин ; под общ. ред. проф. Г.Н. Мухина. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 224 с.
- Зникин, В.К. Раскрытие преступления как вектор оптимального его расследования / В.К. Зникин // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2014. – № 2 (12). – С. 59–65.
- Белкин, Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. / Р.С. Белкин. – М., 1997. – Т. 3. – 538 с.
- Танасевич, В.Г. О криминалистической характеристики преступлений / В.Г. Танасевич, В.А. Образцов // Вопросы борьбы с преступностью. – 1976. – № 25. – С. 94–104.
- Лавдаренко, Л.И. Понятия «расследование» и «раскрытие преступлений», их соотношение в сборнике / Л.И. Лавдаренко // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. / ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России. – Иркутск, 2014. – С. 53–56.
- Верютин, В.Н. К вопросу о понятии и сущности раскрытия преступлений / В.Н. Верютин // Вестн. Волгогр. акад. МВД России. – 2009. – № 4 (11). – С. 132–137.
- Рыжаков, А.П. Явка с повинной: заявление и протокол явки с повинной. Комментарий к статье 142 УПК РФ / А.П. Рыжаков // Справочная Система Консультант Плюс: Комментарии законодательства. – 2002.
- Магомедов, Г.Б. Преступление небольшой и средней степени тяжести: освобождение от уголовной ответственности / Г.Б. Магомедов. – М. : Юрлитинформ, 2016. – 144 с.
- Чернова, М.Б. Деятельное раскаяние как институт освобождения от уголовной ответственности (ст. 75 УК РФ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Б. Чернова ; С.-Петербург. ун-т МВД России. – СПб., 2006. – 23 с.

Поступила 27.08.2019

**SOME ASPECTS OF THE TERMINATION OF PRELIMINARY INVESTIGATION
WITH RELEASE FROM THE CRIMINAL RESPONSIBILITY DUE
TO THE ACTIVE REPENTANCE**

Y. PATOTSKAYA

It this article analyzed norm of release from a criminal responsibility in connection with active repentance. Classification of the conditions at which the criminal prosecution authority has the right to make the decision on release from a criminal responsibility in connection with active repentance in accordance with paragraph 3 of part 1 of article 30 of the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus is proposed. There are some conditions of active repentance which analyzed in this clause it contained in the 88 article of the Criminal Code of the Republic of Belarus are analyzed. The content of the concepts “active assistance in detecting a crime” and “active assistance in solving a crime” is revealed.

Keywords: termination of preliminary investigation, release from criminal responsibility, criminal prosecution body, active remorse, detection of a crime, crime detection.

КЛАССИФИКАЦИЯ ВОПРОСОВ, РАЗРЕШАЕМЫХ СУДОМ В ПОРЯДКЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

E.В. ЧИЖИК
(Полоцкий государственный университет)

Рассматриваются теоретико-правовые подходы к классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора. В основу классификации положены следующие критерии: подсудность; вид наказания; порядок отбывания наказания; отсрочка исполнения наказания; наличие факта отбытого наказания; вид исполняемого приговора; субъект, правомочный инициировать рассмотрение вопроса; сомнения и неясности, возникающие в ходе исполнения приговора.

Ключевые слова: приговор, исполнение приговора, исполнение наказания, стадия исполнения приговора.

Введение. Классификация выступает одним из обязательных элементов исследования, благодаря которому обеспечивается возможность систематизации имеющихся знаний, выработки единых подходов в понимании и определении объектов и явлений, углубленного представления тех или иных правоотношений. Актуальным как в научном, так и в практическом плане видится классификация вопросов, которые разрешает суд в порядке исполнения приговора. Значение поставленной в рамках проводимого исследования задачи заключается не только в возможности познания природы уголовно-процессуальных отношений, складывающихся в стадии исполнения приговора, но и тех правоотношений, которые формируются в процессе деятельности органов, ведающих исполнением приговора.

Основная часть. Четкое уяснение сущности и границ деятельности, связанной с исполнением приговора, способствует наиболее точному определению оснований классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора.

В науке уголовного процесса не выработано единого подхода к определению границ стадии исполнения приговора, а также природы правовой деятельности, осуществляющейся в стадии исполнения приговора. В части определения начального момента стадии исполнения приговора позиции ученых схожи: им выступает обращение приговора к исполнению [1, с. 187–188; 2]. В качестве начального момента стадии исполнения приговора О.В. Гужва определяет момент вступления приговора в законную силу [3, с. 8]. Полагаем, что такое определение является более точным, поскольку вступление приговора в законную силу предшествует обращению его к исполнению.

Вопрос об определении конечного этапа стадии исполнения приговора в юридической науке является дискуссионным. Это объясняется наличием специфических черт, присущих рассматриваемой стадии уголовного процесса. Во-первых, в процессе исполнения приговора могут возникнуть вопросы, требующие разрешения в условиях судебного заседания. До того времени, пока вопросы будут требовать законного разрешения, говорить об окончании стадии исполнения приговора не представляется возможным. Во-вторых, уголовно-процессуальная деятельность, протекающая в стадии исполнения приговора, различна по своему объему и не носит непрерывного, запрограммированного законом общего для каждого дела характера. Как верно ее называет Б.Т. Безлекин: «эта деятельность суда эпизодична, фрагментарна» [1, с. 187].

Схожую точку зрения высказывает В.И. Пинчук, отмечая зачастую несправедливое ограничение стадии исполнения приговора лишь обращением приговора к исполнению. Однако автор указывает и на ошибочность чрезмерного расширения рассматриваемой стадии за счет включения в нее деятельности, не регулируемой нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Так, деятельность, связанную с непосредственной реализацией приговора (его фактическим исполнением), нельзя отнести к уголовно-процессуальной деятельности, а значит, и к стадии исполнения приговора [4, с. 9]. Придерживаясь схожей позиции, Г.И. Бровин указывает на различие между уголовно-процессуальной стадией исполнения приговора и его реализацией (исполнением). Различие проявляется в нормативных правовых актах, регламентирующих осуществление указанных выше уголовно-процессуальной деятельности и деятельности, выходящей за пределы уголовного процесса, которая связана фактически с исполнением наказания [2, с. 4–5].

Точку зрения авторов, которые считают, что после вступления приговора в законную силу прекращается уголовно-процессуальная деятельность, В.В. Назаров и И.Н. Рыжков [5; 6, с. 7] подвергают критике. Так, ими поддерживается теория, согласно которой к стадии исполнения приговора относится весь период назначенного судом наказания, а также время до погашения (или досрочного снятия) судимости. Они подчеркивают [5; 6, с. 7], что стадия снова возникает, когда возникают уголовно-процессуальные отношения, связанные с решением вопросов по исполнению приговора, а заканчивается вместе с прекращением уголовно-процессуальных отношений.

Иного мнения придерживается В.В. Николюк, который отмечает, что в рамках уголовного процесса формируется самостоятельное уголовно-исполнительное судопроизводство [7, с. 28]. Намного ранее Т.Н. Добровольская такой вид производства называет «особым» [8, с. 18–20], а Ю.К. Якимович определяет эту деятельность как «дополнительное производство»: не продолжение деятельности по уголовному делу, а совсем иная деятельность, осуществляемая по иному делу [9, с. 13].

На основании проведенного анализа позиций, высказанных в различные периоды развития юридической мысли, представляется возможным определить границы деятельности, связанной с исполнением приговора. Так, деятельность суда, связанная с исполнением приговора, не ограничивается лишь стадией исполнения приговора, а включает и те правоотношения, которые возникают в процессе фактического исполнения приговора. Это объясняется тем, что задачи уголовного процесса нельзя считать решенными до тех пор, пока возникает необходимость возобновления уголовно-процессуальных отношений, связанных с решением вопросов по исполнению приговора.

В порядке исполнения приговора судом осуществляется деятельность по своевременному и правильному обращению приговора к исполнению, а также разрешаются процессуальные вопросы, возникающие в ходе его исполнения. Однако отметим, что судом рассматриваются лишь те вопросы, которые не затрагивают существа приговора. Суд не вправе обсуждать вопросы, относящиеся к виновности, он не вправе давать иную юридическую оценку фактам, отраженным в приговоре, а также выносить новые решения по вопросам, рассмотренным в стадии судебного разбирательства, если не появились обстоятельства, препятствующие исполнению приговора в том виде, в каком он был вынесен судом [10, с. 21].

В истории юридической мысли проблема классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора, в разные годы рассматривалась многими авторами. Среди них И.Д. Перлов [11], Ю.Н. Белозеров [12], И.Н. Рыжков [6], Е.А. Матвиенко [13], В.Н. Бибило [10], Ю.К. Якимович [9], В.В. Николюк [7], И.В. Пастухов [14], А.В. Грищенко [15], А.Ф. Амануллина [16], О.В. Гужва [3] и др.

В юридической литературе высказаны различные точки зрения относительно определения критериях классификации. Рядом исследователей предложены достаточно общие основания классификации: отношение к существу приговора [7, с. 52–54; 18, с. 323–324], содержание деятельности суда по исполнению приговора [17, с. 56–57], характер возникающих в ходе исполнения приговора вопросов [19, с. 14].

Классификацию, в основу которой положен характер возникающих в ходе исполнения приговора вопросов, предложил И.Н. Рыжков – один из первых [6, с. 11]. Однако теоретическая позиция автора была подвергнута критике, поскольку предложенной им классификацией не охвачено всего многообразия тех вопросов, которые возникают при исполнении приговора [13, с. 53]. В современной юридической литературе предложено большое количество подробных классификаций вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора. В основу классификаций положены различные критерии: предмет рассмотрения; судебный орган, рассматривающий вопросы; субъект, правомочный инициировать перед судом рассмотрение вопроса [3, с. 17–18]; права и законные интересы реабилитированных и иных заинтересованных лиц, льготы при исполнении приговора, вид наказания и исправительного учреждения, порядок отбывания наказания, порядок осуществления международного сотрудничества по уголовным делам, наличие факта или фактов применения мер уголовной ответственности [15, с. 15–16].

В аспекте исследуемой проблематики мы разделяем точку зрения, которой придерживается О.В. Гужва. По мнению автора, вопросы, разрешаемые в порядке исполнения приговора, можно разделить на две группы: 1) вопросы, разрешаемые судом лишь после вступления приговора в законную силу; 2) вопросы, разрешаемые судом как при вынесении приговора, так и в порядке исполнения приговора [3, с. 17–18]. Такая классификация вопросов объясняется тем, что в процессе исполнения приговора могут быть обнаружены нерешенными те вопросы, ответы на которые должны были быть даны еще в процессе постановления приговора в стадии судебного разбирательства (о судьбе вещественных доказательств, о процессуальных издержках и др.).

Проанализировав нормы уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательств [20–22], а также научные позиции, представленные в юридической литературе, полагаем возможным разработать классификацию вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора. Отталкиваясь от определенных границ деятельности, связанной с исполнением приговора, делаем вывод о том, что вопросы, разрешаемые судом в порядке исполнения приговора, можно разделить на две большие группы: 1) вопросы, разрешаемые судом после вступления приговора в законную силу; 2) вопросы, не затрагивающие существа приговора, разрешаемые судом как при постановлении приговора, так и в ходе его фактического исполнения. Классификация вопросов, разрешаемых судом в ходе постановления приговора, нами разработана и рассмотрена ранее [23, с. 215–218].

Вопросы, необходимость разрешения которых может возникнуть после вступления приговора в законную силу, в ходе его фактического исполнения, предлагаем объединить в группы по следующим критериям.

1. Подсудность:

– вопросы, рассматриваемые судом, постановившим приговор (об отсрочке исполнения наказания; о разрешении сомнений и неясностей; о процессуальных издержках; другие вопросы, не разрешенные в приговоре, не затрагивающие его существа и не влекущие ухудшения положения осужденного; о замене штрафа общественными работами или принудительными мерами воспитательного характера; о приостановлении превентивного надзора за лицом, которому назначено наказание в виде ограничения свободы, ареста);

– вопросы, рассматриваемые судом по месту отбывания наказания (об освобождении от наказания по заболеванию; об условно-досрочном освобождении от наказания; о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием; о переводе осужденного к наказанию в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа для отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа; о переводе из одной исправительной колонии или воспитательной колонии в другую исправительную колонию иного вида, из исправительной колонии в тюрьму и из тюрьмы в исправительную колонию; об установлении превентивного надзора за лицами, указанными в ч. 3 и п. 1 части 4 ст. 80 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК); о возобновлении превентивного надзора);

– вопросы, рассматриваемые судом по месту жительства осужденного (об установлении превентивного надзора за лицами, указанными в п. 2 ч. 4 ст. 80 УК; о продлении превентивного надзора; о прекращении превентивного надзора; об изменении требований превентивного надзора; о включении времени отбывания исправительных работ в общий трудовой стаж);

– вопросы, рассматриваемые судом по правилам альтернативной подсудности (о замене дальнейшего отбывания пожизненного заключения лишением свободы либо смертной казни пожизненным заключением; об отмене условного неприменения наказания и направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором в порядке ст. 78 УК; об освобождении от наказания осужденного, в отношении которого исполнение приговора отсрочено по основаниям, предусмотренным ст. 77 УК; об отмене такой отсрочки исполнения наказания и направлении осужденного для отбывания лишения свободы; об освобождении от наказания, смягчении наказания либо ином улучшении положения осужденного ввиду вступления в силу уголовного закона, имеющего в соответствии со статьей 9 УК обратную силу; о снятии судимости в соответствии со ст. 98 УК; о снятии судимости и включении времени отбывания исправительных работ в общий трудовой стаж).

Отметим, что классификация вопросов, разрешаемых судом в зависимости от подсудности, предложена В.Н. Бибило в качестве варианта законодательно закрепленной классификации [24, с. 45]. Например, А.В. Грищенко [15, с. 78] называет такую классификацию «официальной», указывая при этом на существование проблемы нормативной классификации перечня вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора.

2. Вид наказания:

– вопросы, возникающие при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества (о замене штрафа общественными работами; об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в случае возникновения в период отбывания осужденным общественных работ обстоятельств, предусмотренных частью 4 статьи 49 УК; об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием; об отсрочке исполнения наказания в виде исправительных работ в случае заболевания осужденного свыше четырех месяцев подряд; об освобождении осужденного к ограничению по военной службе от дальнейшего отбывания наказания или замене неотбытой части наказания более мягким наказанием);

– вопросы, возникающие при исполнении наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества (о переводе осужденного к пожизненному заключению из тюрьмы в исправительную колонию особого режима для содержания в обычных жилых помещениях, либо из исправительной колонии особого режима в тюрьму);

– вопросы, возникающие при исполнении мер уголовной ответственности, не связанных с применением наказания (об отмене отсрочки или условного неприменения назначенного наказания; об освобождении от наказания по истечении отсрочки).

3. Порядок отбывания наказания:

– вопросы, касающиеся изменения вида наказания (о замене неотбытой части наказания более мягким наказанием; о замене дальнейшего отбывания пожизненного заключения лишением свободы либо смертной казни пожизненным заключением; о замене штрафа общественными работами или принудительными мерами воспитательного характера; о смягчении наказания либо ином улучшении положения осужденного ввиду вступления в силу уголовного закона, имеющего в соответствии со ст. 9 УК обратную силу);

- вопросы, касающиеся изменения вида исправительного учреждения (о переводе из одной исправительной колонии или воспитательной колонии в другую исправительную колонию иного вида, из исправительной колонии в тюрьму и из тюрьмы в исправительную колонию);
- вопросы, касающиеся применения досрочного освобождения (об освобождении от наказания по заболеванию; об условно-досрочном освобождении от наказания);
- вопросы, касающиеся условий отбывания наказания (о переводе осужденного к наказанию в виде ограничения свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа для отбывания наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа).

4. Вид исполняемого приговора:

- вопросы, возникающие при исполнении оправдательного приговора;
- вопросы, возникающие при исполнении обвинительного приговора с назначением наказания, подлежащего отбыванию осужденным;
- вопросы, возникающие при исполнении обвинительного приговора с назначением наказания и освобождением от его отбывания;
- вопросы, возникающие при исполнении обвинительного приговора без назначения наказания.

5. Субъект, правомочный инициировать рассмотрение и разрешение того или иного вопроса:

- вопросы, разрешаемые по заявлению (ходатайству) осужденного, его законного представителя, близких родственников, защитника;
- вопросы, разрешаемые по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание;
- вопросы, разрешаемые по представлению прокурора.

6. Отсрочка исполнения наказания:

- вопросы об освобождении от наказания осужденного, в отношении которого исполнение приговора отсрочено по основаниям, предусмотренным ст. 77 УК;
- вопросы об отмене отсрочки исполнения наказания и о направлении осужденного для отбывания наказания в виде лишения свободы.

7. Наличие факта отбытого наказания:

- вопросы, связанные с осуществлением превентивного надзора (об установлении, продлении, приостановлении, возобновлении, прекращении превентивного надзора; об изменении требований превентивного надзора);
- вопросы, связанные со снятием судимости.

8. Сомнения и неясности, возникающие в ходе исполнения приговора:

- вопросы об устраниении технических ошибок;
- вопросы о судьбе вещественных доказательств;
- вопросы об исчислении сроков, зачете времени содержания под стражей;
- вопросы об устраниении допущенных неточностей;
- вопросы, не решенные судом при постановлении приговора.

Заключение. На основании анализа норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательств, а также научных позиций, представленных в юридической литературе, нами разработана классификация вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора, в основу которой положены следующие критерии: подсудность; вид наказания; порядок отбывания наказания; отсрочка исполнения наказания; наличие факта отбытого наказания; вид исполняемого приговора; субъект, правомочный инициировать рассмотрение вопроса; сомнения и неясности, возникающие в ходе исполнения приговора.

Представленные основания классификации вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора, не образуют исчерпывающего перечня, однако позволяют более углубленно и системно исследовать уголовно-процессуальные отношения, складывающиеся как в стадии исполнения приговора, так и во время его фактического исполнения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безлекин, Б.Т. Настольная книга судьи по уголовному процессу / Б.Т. Безлекин. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 393 с.
2. Бровин, Г.И. Прокурорский надзор за законностью исполнения приговоров / Г.И. Бровин, В.Т. Михайлов. – М. : Юрид. лит., 1977. – 134 с.
3. Гужва, О.В. Теоретические и практические проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Гужва ; Рос. ун-т дружбы народов. – М., 2013. – 27 с.

4. Пинчук, В.И. Вопросы уголовного права и процесса при исполнении приговора : учеб.-практ. пособие / В.И. Пинчук. – М. : Высш. школа МООП РСФСР, 1966. – 70 с.
5. Назаров, В.В. Исполнение приговора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Назаров ; Сарат. юрид. ин-т им. Д.И. Курского. – М., 1966. – 16 с.
6. Рыжков, И.Н. Стадия исполнения приговора в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.Н. Рыжков ; Ин-т государства и права АН СССР. – М., 1965. – 18 с.
7. Николюк, В.В. Особенности отправления правосудия при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора / В.В. Николюк // Уголов. процесс. – 2014. – № 4. – С. 28–37.
8. Добровольская, Т.Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговора / Т.Н. Добровольская. – М. : Б. и., 1979. – 140 с.
9. Якимович, Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства / Ю.К. Якимович. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. – 138 с.
10. Бибило, В.Н. Компетенция суда в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Н. Бибило ; БГУ им. В. И. Ленина. – Минск, 1979. – 23 с.
11. Перлов, И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – М. : Юрид. лит., 1963. – 227 с.
12. Белозеров, Ю.Н. Исполнение приговора в советском уголовном процессе / Ю.Н. Белозеров. – М. : Акад. МВД СССР, 1964. – 66 с.
13. Матвиенко, Е.А. Уголовное судопроизводство по исполнению приговора / Е.А. Матвиенко, В.Н. Бибило. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 205 [1] с.
14. Пастухов, И.В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. В. Пастухов ; Ом. акад. МВД РФ. – Омск, 2005. – 23 с.
15. Грищенко, А.В. Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Грищенко. – Владимир, 2006. – 236 л.
16. Аманнулина, А.Ф. Судебный контроль в стадии исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Ф. Аманнулина ; Акад. экон. безопасности МВД РФ. – М., 2008. – 25 с.
17. Шостак, М.А. Понятие и содержание стадии исполнения приговора / М.А. Шостак // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2016. – № 1 (31). – С. 55–58.
18. Бибило, В.Н. Проблемы правоведения : избр. труды / В.Н. Бибило. – Минск : Право и экономика, 2011. – 356 с.
19. Янин, Д.Г. Проблемные вопросы обеспечения уголовно-процессуальными средствами баланса интересов государства и прав осужденных при разрешении отдельных вопросов исполнения приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Д. Г. Янин ; Урал. гос. юрид. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 22 с.
20. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
21. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
22. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
23. Чижик, Е.В. Классификация вопросов, разрешаемых судом при постановлении приговора / Е.В. Чижик // Тенденции развития юридической науки и практики совершенствования правовых институтов в условиях формирования инновационного общества : сб. науч. ст. : в 2 ч. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: С.Е. Чебуранова (гл. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2019. – Ч. 2. – С. 215–219.
24. Бибило, В.Н. Уголовно-процессуальное регулирование компетенции суда в стадии исполнения приговора / В.Н. Бибило // Судовы веснік. – 2004. – № 4. – С. 42–47.

Поступила 29.03.2019

CLASSIFICATION OF THE ISSUES DECIDED BY THE COURT AT THE EXECUTION OF THE SENTENCE STAGE

K. CHYZHYK

The article deals with the actual problems of theoretical and legal aspects of classification of the questions decided by the court at the execution of the sentence stage. The author provides the following criterions of the classification: jurisdiction; kind of punishment; enduring of punishment; deferral of punishment; completed sentence; kind of sentence; actor instituting the examination of issues; doubts appeared during the execution of sentence.

Keywords: sentence, execution of sentence, executing of punishment, the execution of the sentence stage.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ (1953– 2000 гг.)

P.P. АЛЕКПЕРОВ
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)

Представлены результаты проведенного обзора уголовно-процессуального законодательства, действовавшего на территории современной Республики Беларусь с 1953 по 2000 год, в части применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. В указанный период современная Беларусь входила в состав Союза Советских Социалистических Республик (до его распада в 1991 г.). Это время (1953–1991 гг.) вошло в историю СССР как «послесталинская эпоха». Ее особенностью являлось проведение либерализации государственной политики, что нашло свое непосредственное отражение и в уголовно-процессуальном законодательстве. На этом этапе исторического развития Беларусь принятые нормативные правовые акты, которые повлияли на формирование современных норм, регламентирующих заключение лиц под стражу. В призме применения указанной меры уголовно-процессуального принуждения исследование позволило разделить период времени с 1953 по 2000 гг. на два этапа, каждый из которых имеет собственные черты.

Ключевые слова: арест, заключение под стражу, лишение свободы, мера пресечения, обвиняемый, подозреваемый, прокурор, следователь, судья.

Введение. В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь одна из самых часто применяемых мер пресечения – заключение под стражу. Данная мера непосредственно связана с ограничением со стороны органов уголовного преследования конституционного права лиц на свободу передвижения.

В настоящее время нормы права, регламентирующие применение заключения под стражу, содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК 1999 года) [1], в Законе Республики Беларусь от 16.06.2003 № 215-3 «О порядке и условиях содержания лиц под стражей» [2], а также в подзаконных актах [3]. Эти нормы права сформированы законодателем под влиянием уголовно-процессуального законодательства, действовавшего с 1953 до 31 декабря 2000 гг. Особенности применения рассматриваемой меры пресечения в указанный период времени, по нашему мнению, недостаточно исследованы. В связи с этим устранение данного пробела актуально, имеет как теоретическое, так и практическое значение.

Основная часть. В призме рассматриваемого вопроса период с 1953 по 2000 гг. можно разделить на два этапа:

– первый этап (1953–1991) – нахождение Беларусь в составе Союза Советских Социалистических Республик (далее по тексту – СССР). В этот период времени наше государство являлось Белорусской Советской Социалистической Республикой (далее по тексту – БССР);

– второй этап (1991 – 2000) – период независимости Республики Беларусь. Несмотря на распад СССР, в республике продолжало свое действие советское уголовно-процессуальное законодательство – Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 г. (далее по тексту – УПК 1960 года) [4].

После смерти И.В. Сталина в 1953 году в государственной политике СССР наблюдаются положительные изменения, в последующем вошедшие в историю как «хрущевская оттепель». Одним из них являлось прекращение политического террора. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 01.09.1953 «Об упразднении Особого Совещания при Министерстве внутренних дел СССР» ликвидирован внесудебный орган по преследованию политических противников [5]. Это стало первым шагом по укреплению в советском уголовном процессе принципов законности и независимости правосудия.

Свидетельством либерализации уголовно-процессуального законодательства служили факты принятия 24.05.1955 Положения о прокурорском надзоре СССР [6] (далее по тексту – Положение 1955 года) и 25.12.1958 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и советских республик [7] (далее по тексту – Основы 1958 года).

Положение 1955 года установило прокурорский надзор за соблюдением законности в органах дознания, предварительного расследования, а также в суде. Прокуратура осуществляла контроль за тем, чтобы никто не подвергался незаконному уголовному преследованию и ограничению в личных правах, в т.ч. и в свободе перемещения. Осуществление надзорных функций включало в себя проверку правильности применения рассматриваемой меры пресечения. При санкционировании заключения под стражу прокуроры должны были всесторонне исследовать материалы, послужившие основанием для применения этой меры пресечения. В компетенцию прокуратуры входило и осуществление надзора

за соблюдением законности в местах лишения свободы. Для реализации этих полномочий прокуроры имели право на неограниченное посещение учреждений уголовно-исполнительной системы с беспрепятственным доступом во все помещения, ознакомление с документами, являющимися основанием для содержания лиц под стражей, опрос заключенных.

Полагаем, что наделение прокурорских работников широкими полномочиями по надзору за деятельностью органов дознания и предварительного следствия и санкционирование ими применения рассматриваемой меры пресечения содействовало укреплению законности, обеспечению прав и свобод граждан. Основы 1958 года стали предпосылкой для изменения в союзных республиках уголовно-процессуального законодательства и принятия новых кодексов, в том числе и УПК 1960 года (принят Законом Верховного Совета БССР от 29.12.1960 г., вступил в силу с 01.04.1961).

В ст. 33 Основ 1958 года содержалась норма о том, что меры пресечения, в т.ч. и заключение под стражу, применялись «при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, находясь на свободе, скроется от следствия и суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора». Кроме того, меры пресечения могли применяться к подозреваемым лицам, при этом обвинение должно было предъявляться в течение 10 дней (в противном случае их действие отменялось). Заключение под стражу избиралось лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом по уголовным делам, за которые в качестве наказания предусмотрено лишение свободы. При этом имелось специальное основание применения данной меры пресечения – обвинение в совершении наиболее тяжкого преступления. Срок содержания под стражей составлял 2 месяца. Имелась возможность его продления уполномоченными прокурорами до 3, 6 и 9 месяцев.

В ст. 36 Основ содержалась норма, согласно которой у суда на стадии предания суду имелось право на проведение распорядительного заседания по вопросу необходимости изменения ранее примененных мер пресечения.

В общем Положение 1955 года и Основы 1958 года положительно повлияли на реформирование советского уголовного процесса, способствовали более широкой защите прав и свобод граждан. Сравнительный анализ норм права о заключении под стражу, содержащихся в УПК 1999 года (ст. 11, 117, 118, 126, 127) и в рассмотренных нормативных правовых актах (ст. 18, 19, 34 Положения 1955 года и ст. 33, 34 Основ 1958 года), показал некоторую их преемственность (основания, сроки, компетенция органов уголовного преследования по рассматриваемому нами вопросу).

Как указано выше, с 01.04.1961 на территории БССР вступил в силу УПК 1960 года, нормы которого были построены на Основах 1958 года. Мерам пресечения посвящена гл. 7 УПК 1960 года. Нормы об основаниях применения заключения под стражу и лицах, уполномоченных на производство данного процессуального действия, аналогичны содержащимся в Основах 1958 года. О применении меры пресечения выносилось постановление и определение (суд).

В ст. 91 УПК 1960 года содержался исчерпывающий перечень преступлений Уголовного кодекса БССР 1960 года, факт обвинения в которых являлся основанием взятия лица под стражу по мотивам опасности преступления. Вместе с тем в Кодексе в обязанность лиц, применивших заключение под стражу, вменялось принятие мер попечения о несовершеннолетних детях лиц, лишенных свободы, если они остались без надзора, а также мер по охране оставшегося без присмотра имущества жилища. Несмотря на положительность данной нормы права, законодатель не учел необходимость принятия указанных мер в отношении нуждающихся престарелых родственников лица, лишенного свободы.

Помимо этого, момент допуска защитника к участию в уголовном процессе в общем порядке в сравнении с Основами 1958 года не изменился, что является пробелом белорусского уголовно-процессуального законодательства. В ч. 2 ст. 22 Основ допускалось его участие с момента предъявления обвинения несовершеннолетним, а также лицам, имеющим какие-либо физические и психические недостатки. В УПК 1960 года предусмотрено его обязательное участие по таким делам на предварительном следствии (а не с момента предъявления обвинения).

Статья 53 давала право защитнику обжаловать действия и решения следователя, в т.ч. и применение мер пресечения. Помимо этого, защитник мог посещать подзащитного в местах лишения свободы, что вытекает из его права иметь свидания с обвиняемым.

Применение заключения под стражу на стадии предварительного расследования обжаловалось через надзирающего прокурора (гл. 21 УПК 1960 года). Представляется возможным подвергнуть критике данную норму, т.к. вызывает сомнение то, что наделение указанного должностного лица этими «сверхполномочиями» не способствовало объективности разрешения им данных жалоб в связи с тем, что оно может поддерживать обвинение по уголовному делу в суде.

Новым в Кодексе стало принятие норм, регламентирующих порядок уголовного преследования иностранных граждан, пользующихся дипломатической неприкосновенностью. Оно производилось только по их просьбе либо с их согласия, которое истребовалось органами уголовного преследования

через Министерство иностранных дел БССР. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 4 действующего УПК 1999 года. Несмотря на закрепление данной нормы в прошлом и настоящем УПК, трудно представить ситуацию, когда государство будет ходатайствовать о привлечении к уголовной ответственности и заключении под стражу лиц, обладающих дипломатической неприкосновенностью.

Согласно ст. 95 УПК 1960 года по просьбе близких родственников обвиняемого следователь, прокурор или судья могли предоставить им свидание с заключенным под стражу. Из содержания данной статьи следует, что законодатель не учел возможности предоставления такого права родственникам подозреваемого, к которому применена данная мера пресечения, а также в случае поступления такой просьбы лицу, производящему дознание.

На стадии предварительного расследования при прекращении уголовного дела следователем отменялись меры пресечения, что в случае заключения под стражу означало его освобождение.

При оправдании лица, освобожденного его от наказания или от его отбывания, осуждения к уголовному наказанию, не связанному с лишением свободы, такое лицо в случае применения исследуемой меры пресечения немедленно освобождалось из-под стражи.

Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года стал последним кодифицированным актом и источником уголовно-процессуального права БССР.

В данный нормативный правовой акт неоднократно вносились изменения, в том числе и имеющие отношение к заключению под стражу, самыми значимыми из них являются следующие:

– Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29.03.1977 № 1130-IX [8] в УПК 1960 года внесены изменения, согласно которым эта мера пресечения стала применяться только по делам о преступлениях, где в качестве уголовного наказания было предусмотрено лишение свободы свыше одного года (в исключительных случаях эта норма не учитывалась). Полагаем, что данные изменения в применении анализируемой меры пресечения следует признать положительным моментом;

– с 1981 г. у органов предварительного расследования появилась возможность продления сроков содержания лиц под стражей до одного месяца при возвращении уголовного дела судом на новое расследование. Это делалось прокурором при истечении срока действия меры пресечения и невозможности ее замены на более мягкую [9].

Анализ норм УПК 1960 года свидетельствует о том, что пробелом уголовно-процессуального права являлось отсутствие возможности компенсации вреда, причиненного лицам, взятым под стражу, в случае прекращения в отношении них уголовного преследования и их оправдания. Этот правовой пробел устранен с принятием 18.05.1981 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей» [10]. В связи с этим в 1983 году УПК 1960 года дополнен ст. 60-1 [11]. Согласно данным нормативным правовым актам органы уголовного преследования в случае прекращения уголовного дела по таким реабилитирующими основаниям, как отсутствие события преступления, состава преступления, недоказанность участия гражданина в совершении преступления, а также при постановлении оправдательного приговора, обязаны были разъяснить такому лицу порядок восстановления нарушенных прав и принять меры к возмещению ущерба, причиненного в результате заключения лица под стражу. Считаем, что данная норма способствовала сокращению количества взятия лиц под стражу, т.к. возможное наступление материальной ответственности государства за действия этих органов не могло не сказаться на объективности принятия решений о применении указанной меры пресечения.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Республики Беларусь от 11.01.1990 № 3056-ХI [12] увеличены сроки содержания лиц под стражей до 1,5 лет. Также появилась императивная норма о том, что за один месяц до истечения предельного срока нахождения под стражей дело передавалось обвиняемому и его защитнику для ознакомления.

Помимо этого, согласно Закону СССР от 10.04.1990 № 1423-1 [13] и Закону Республики Беларусь от 28.07.1990 № 215-ХII [14] существенно изменился момент допуска к участию защитника в уголовном процессе. Согласно новой редакции ст. 22 УПК 1960 года этому лицу дозволялось защищать права и свободы своих подзащитных с момента предъявления к ним обвинения, а в отношении подозреваемых – с момента их задержания либо применения к ним меры пресечения в виде заключения под стражу.

С обретением независимости Республики Беларусь УПК 1960 года продолжал действовать, однако в его нормы вносились изменения, имеющие отношение к заключению под стражу.

В 1994 г. в УПК 1960 года внесены изменения Законом Республики Беларусь от 03.03.1994 № 2835-ХII [15]. В частности, заключение под стражу переименовано в арест. Лицам, взятым под стражу, впервые было предоставлено право обжаловать в суд эти действия, а также продление действия меры пресечения. Очевидно, что это являлось положительной тенденцией, т.к. ввело судебный контроль за применением меры пресечения, что не могло не повлиять на законность и правильность принятия данных решений. Правом на обжалование данной меры обладали лицо, лишенное свободы, его защитник, а также законный представитель обвиняемого.

Последние изменения УПК 1960 года, относящиеся к рассматриваемой мере пресечения, внесены Законом Республики Беларусь от 25.10.1999 № 297-З [16], согласно которым в срок содержания под стражей учитывалось время ознакомления обвиняемого и защитника с уголовным делом. При этом учтены случаи невозможности сделать это вышеуказанными лицами по истечении предельного времени нахождения под арестом. Генеральный прокурор или лицо, исполняющее его обязанности, были уполномочены за десять суток до наступления описанного события возбудить ходатайство перед Председателем Верховного Суда Республики Беларусь о продлении действия меры пресечения на срок ознакомления с уголовным делом, но не более чем на шесть месяцев. При рассмотрении ходатайства судебная инстанция могла принять два решения – о продлении срока содержания под стражей или об отказе в удовлетворении ходатайства.

При сравнении вышеуказанных изменений УПК 1960 года, относящихся к заключению под стражу, и соответствующих норм УПК 1999 года (ст. 126, 127) мы можем удостовериться в их аналогичности. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года имел юридическую силу на территории Республики Беларусь вплоть до введения с 01.01.2001 Законом Республики Беларусь от 16.10.2000 № 430-З в действие УПК 1999 года [17].

Заключение. Проведя исследование исторического развития меры пресечения в виде заключения под стражу с 1953 по 2000 гг., считаем обоснованным сделать следующие выводы.

В призме заключения под стражу данный период времени условно можно разделить на два этапа:

- первый этап – постсталинская эпоха (1953–1991);
- второй этап – период становления независимости Беларуси (1991–2000).

Первый этап характеризуется ликвидацией репрессий, принятием Положения 1955 года и Основ 1958 года. Это стало причиной укрепления в законодательстве принципов законности и неприкосновенности личности и их соблюдения органами уголовного преследования, что обеспечивалось должным прокурорским надзором за правильным и законным применением меры пресечения. С принятием этих нормативных правовых актов в уголовно-процессуальных законодательствах советских республик проведена правовая реформа, что стало причиной принятия УПК 1960 года, нормы которого были построены на Основах 1958 года. Указанный уголовно-процессуальный кодекс постепенно дополнялся нормами, которые были направлены на защиту прав подозреваемого и обвиняемого, в том числе лиц, заключенных под стражу.

Второй этап характеризуется более детальной регламентацией продления сроков содержания под стражей, а также тем, что впервые установлена практика обжалования применения меры пресечения в судебных инстанциях, что способствовало более объективному обеспечению прав и свобод лиц, содержащихся под стражей.

Проведя сравнительно-правовой анализ УПК 1999 года и УПК 1960 года нельзя не согласиться со следующим мнением П.В. Мытника: «В чем принципиальное отличие действующего УПК от своего предшественника – УПК БССР 1960 года? Как ни странно, отличий не так уж много» [18, с. 220].

Таким образом, можно констатировать, что в УПК 1999 года сохранена преемственность норм права о заключении лиц под стражу, содержащихся в Положении 1955 года, Основах 1958 года и УПК 1960 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 года [Электронный ресурс] : 20 авг. 1999 г., № 2/71 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 08.01.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
2. О порядке и условиях содержания лиц под стражей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2003 г., № 215-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
3. О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 23 дек. 2010 г., № 12 : в ред. постановления Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 31.03.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
4. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 года [Электронный ресурс] : принят Законом Верховного Совета БССР от 29 дек. 1960 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://pravo.by/ImgPravo/pdf/UPK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа: 11.09.2018.
5. Об упразднении Особого Совещания при Министерстве внутренних дел СССР [Электронный ресурс] : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 01 сент. 1953 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2018.
6. Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 24 мая 1955 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1955. – № 9 (827). – Ст. 222.

7. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР, 25 дек. 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1 (933). – Ст. 15.
8. О внесении дополнений и изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Указ Президиума Верховного Совета Респ. Беларусь, 29 марта 1977 г., № 1130-IX // Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1977. – № 10 (1528). – Ст. 145.
9. О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 13 авг. 1981 г., № 5447-X // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1981. – № 33 (2107). – Ст. 966.
10. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 18 мая 1981 г // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1981. – № 21 (2095). – Ст. 741.
11. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Указ Президиума Верховного Совета Респ. Беларусь, 22 сент. 1983 г., № 3153-X // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. – 1983. – № 27 (1761). – Ст. 445.
12. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : Указ Президиума Верховного Совета Респ. Беларусь, 11 янв. 1990 г., № 3056-XI // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. – 1990. – № 2 (1988). – Ст. 16.
13. О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : Закон СССР, 10 апр. 1990 г., № 1423-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 272.
14. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь, 28 июля 1990 г., № 215-XII // Собрание законов Белорусской ССР, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений Совета Министров Белорусской ССР. – 1990. – № 22 (2008). – Ст. 453.
15. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 марта 1994 г., № 2835-XII // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
16. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 25 окт. 1999 г., № 297-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
17. О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 16 окт. 2000 г., № 430-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018.
18. Мытник, П.В. Уголовно-процессуальный кодекс 1999 г.: взгляд в прошлое и будущее / П. В. Мытник // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., 3 апр. 2015 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; ред. А.В. Яскевич [и др.]. – Минск, 2015. – С. 220–222.

Поступила 23.10.2019

APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF DETENTION IN THE TERRITORY OF MODERN BELARUS (1917–2000)

R. ALEKPEROV

The article reviews the criminal procedural legislation in force in the territory of the modern Republic of Belarus in the period from 1953 to 2000, in terms of the use of such a preventive measure as detention. During this period, modern Belarus was part of the Union of Soviet Socialist Republics (until its collapse in 1991). At this time (1953–1991), the history of the USSR was marked as the “post-Stalin era”. Its peculiarity was the implementation of the liberalization of state policy, which was directly reflected in the criminal procedure legislation. At this stage of the historical development of Belarus, regulatory legal acts have been adopted that have influenced the formation of modern standards governing the detention of persons. In the prism of the application of this measure of criminal procedural coercion, the study made it possible to divide the period of time from 1953 to 2000 into two stages, each of which has its own characteristics.

Keywords: arrest, detention, imprisonment, preventive measure, accused, suspect, prosecutor, investigator, judge.

УДК 433.13(476)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А.М. БЫСТРИКОВ
(Полоцкий государственный университет)

Анализируются актуальные вопросы реализации уголовно-правовых отношений при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, а также других оснований освобождения от уголовной ответственности. Рассмотрены виды уголовно-правовых отношений, различные подходы к определению объекта уголовных правоотношений, а также институт уголовной ответственности как объект уголовно-правовых отношений в контексте реализации сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовно-правовые отношения, объект уголовных правоотношений, уголовная ответственность, сроки давности привлечения к уголовной ответственности, цели уголовной ответственности.

Введение. На данный момент в национальном уголовном праве Беларуси существует ряд институтов, которые в императивном либо неимперативном порядке устраниют возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное преступление. К таковым можно отнести: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности; истечение сроков давности исполнения обвинительного приговора (императивные основания); освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности; освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности; освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем; освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (неимперативные основания). Данные основания реализуются без привлечения лица к уголовной ответственности, соответственно, про вынесение обвинительного приговора говорить не представляется возможным.

Ввиду непривлечения лица к уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние существует вероятность возникновения правовой коллизии – проблематика реализации целей уголовной ответственности в частности и уголовно-правовых отношений в целом.

Так, имеется юридический факт начала уголовно-правовых отношений (совершение преступления); подразумевается наличие прав и обязанностей у лица, его совершившего, и государства; возникает необходимость реализации целей уголовной ответственности как объекта данных правоотношений. Тем не менее, в юридической литературе относительно уголовного правоотношения вопрос реализации правоотношения как такового при применении институтов освобождения от уголовной ответственности детально не освещен.

В рамках данного исследования предлагается остановиться на императивных институтах освобождения от уголовной ответственности. Данный выбор обусловлен как общей направленностью исследования, так и механизмом реализации императивных и неимперативных норм. В нормах Уголовного кодекса (далее – УК), регламентирующих указанные выше основания неимперативного характера, содержатся критерии, по которым правоприменительные органы могут оценивать как посткriminalное поведение лица, так и размер ущерба, причиненного преступлением. На основании данных оценочных показателей определяется целесообразность освобождения лица от уголовной ответственности. Императивные институты подразумевают под собой бескомпромиссное применение независимо от критериев, закладываемых в неимперативные институты при выполнении условий, содержащихся в норме закона.

Основная часть. При совершении преступления возникают определенного рода общественные правоотношения между преступником и государством. При этом данные общественные отношения должны обладать всеми признаками правоотношения как такового.

Правоведы выделяют следующие признаки правоотношения: «1. Правоотношения возникают на основе норм права... 2. Правоотношения – это всегда двусторонняя связь... 3. Правоотношения характеризуются наличием у сторон взаимных прав... 4. Правоотношения есть индивидуализированная связь конкретных лиц... 5. Правоотношения обеспечиваются государственно-правовыми механизмами... 6. Правоотношения возникают по поводу реального блага...» [1, с. 477–479].

Остановимся на каждом из признаков подробнее.

Уголовно-правовые отношения возникают на основании норм, установленных в УК, между лицом, совершившим преступление, с одной стороны, и государством – с другой. Возникающие право-

отношения строятся вокруг посягательства на реальное благо, причинения ему вреда, допустим, жизни и здоровью конкретного лица или его имуществу.

Исходя из общеправовой концепции, в случае применения сроков давности привлечения к уголовной ответственности ставится под сомнение наличие в возникших уголовных правоотношениях некоторых из вышеперечисленных признаков. Не возникает двусторонней связи между преступником и государством в лице правоохранительного органа, характеризующейся наличием классического понимания взаимных прав и обязанностей. В случае с привлечением лица к уголовной ответственности возникает обязанность последнего претерпеть негативные последствия девиантного поведения, а также право на законное привлечение к уголовной ответственности. В свою очередь, государство в лице правоохранительного органа имеет право на законное привлечение данного лица к уголовной ответственности и обязанность по защите и восстановлению нарушенных правоотношений. В случае же с применением сроков давности привлечения к уголовной ответственности присутствует единственная обязанность со стороны правоохранительного органа – освободить лицо от уголовной ответственности, и одностороннее право со стороны лица, совершившего преступление, – требовать от правоохранительного органа исполнения нормы закона.

Представляется, это не в полной мере соответствует пониманию охранительного уголовно-правового отношения, на понятии и содержании которого мы остановимся в дальнейшем. Данная позиция озвучена с точки зрения общей теории права. Однако в науке уголовного права нет однозначного подхода к определению понятий и содержания таких правовых категорий, как «уголовно-правовые отношения» и «объект уголовно-правовых отношений». Тем более, что не в полной мере отражен вопрос реализации отдельных правовых институтов в контексте наличия уголовно-правовых отношений и его объекта.

В определении содержания уголовно-правового отношения существует достаточно широкий плюрализм мнений. В.В. Марчук отмечает следующее: «Теоретический и практический интерес представляет понимание сущности и содержания уголовно-правового отношения, возникающего в связи с совершением общественно-опасного деяния, запрещенного уголовным законом. До настоящего времени по данному вопросу не выработано единого подхода» [2, с. 1]. По его мнению, «Решению проблемы во многом препятствует терминологический хаос, который наблюдается в науке уголовного права при определении видов уголовно-правовых отношений» [2, с. 2].

М.Н. Белов в своей диссертационной работе, посвященной рассматриваемой проблематике, говорит о том, что уголовно-правовые отношения есть «общественные отношения, возникающие между лицом, совершившим общественно опасное деяние, и правоохранительными органами государства в целях восстановления социальной справедливости, предупреждения общественно опасных деяний, исправления или излечения лиц, их совершивших, содержанием которого является взаимодействие его субъектов, а формой, определяющей легитимность такого взаимодействия, субъективные права и обязанности его субъектов, реализуемых в рамках уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства» [3, с. 16–17]. Давая такое определение, он определяет их как охранительные правоотношения. Основанием возникновения уголовно-правового отношения является юридический факт совершения лицом уголовно наказуемого деяния. Тем не менее, наличие уголовно-правового отношения само по себе не значит ни наличия уголовной ответственности, ни других уголовно-правовых институтов. В последующем, применяя те либо иные уголовно-правовые нормы, как то обстоятельства, смягчающие либо отягчающие ответственность, мы наполняем уголовно-правовые отношения определенным содержанием, в т.ч. и реализуя институт уголовной ответственности как объект данного правоотношения, достигая вышеприведенных целей. В случае с применением сроков давности встает вопрос о наличии наполнения уголовно-правовых отношений содержанием как таковым. Речь идет не о применении процессуального и исполнительного уголовного закона, а только о применении административного законодательства в контексте реализации освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к ответственности административной, но в данном контексте – о начале административно-деликтных правоотношений.

Таким образом, не представляется возможным говорить о реализации целей уголовной ответственности. Так, у нас отсутствуют данные о посткриминальном поведении лица, которыми мы руководствуемся при применении институтов, связанных с неимперативными основаниями освобождения от уголовной ответственности (возмещение ущерба, деятельное раскаяние и т.д.). Самим фактом непривлечения лица к уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности такая цель, как общее предупреждение, имеет, скорее, обратный эффект, заключающийся в формировании безнаказанности за совершенное преступление в правосознании социума. Это же применимо к частному предупреждению, т.к. лицо не понесло заслуженного наказания за совершенное преступление, что, возможно, негативно сказывается на формировании понятия недопустимости противоправного поведения. Восстановление социальной справедливости невозможно, т.к. правоохранительный орган не в состоянии с точки зрения закона требовать от преступника восстановления нарушенных правоотношений.

Н.М. Кропачев определяет конкретное уголовно-правовое отношение как «урегулированную нормой уголовного права индивидуализированную правовую связь, являющуюся формой (результатом) конкретного уголовно-правового поведения» [4, с. 11]. В данном ключе уголовно-правовые отношения видятся как правовая связь лица, совершившего преступление, и государства, образующая двухстороннюю совокупность прав и обязанностей, возникающих с момента совершения преступления. По его мнению, «содержание уголовных правоотношений образует уголовно-правовое поведение субъектов, реализующих субъективные права и выполняющих возложенные на них юридические обязанности» [4, с. 12]. Это значит, что определенному праву одного из субъектов соответствует (корреспондирует) сходная обязанность противостоящего субъекта. Так, у государства есть право привлечь лицо к уголовной ответственности за совершенное преступление, а у лица есть обязанность претерпеть негативные последствия своего девиантного поведения. В т.ч. у лица, которому совершенным преступлением причинен определенный вред, существует право на восстановление нарушенных правоотношений (возмещение ущерба), а у государства – обязанность принять все возможные меры к их восстановлению.

Исходя из данного содержания уголовного правоотношения, нельзя говорить о его наличии при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности из-за невозможности реализации вышеприведенной индивидуализированной правовой связи.

В диссертационной работе Н.В. Генрих, определяя содержание уголовно-правовых отношений, говорит следующее: «Эволюция взглядов на предмет и метод уголовно-правового регулирования позволяет классифицировать представления о механизме действия и социальной направленности уголовного права как отрасли: а) не регулирующей, а лишь охраняющей базисные отношения (основное внимание уделяется праву государства на наказание преступника); б) регулирующей особую группу общепредупредительных отношений (акцент смещается на обязанность граждан соблюдать уголовный закон); в) регулирующей отношения между преступником и государством (с акцентом на их взаимной правовой связи)» [5, с. 36–37]. Выделяя охранительные, предупредительные и регулятивные правоотношения, Н.В. Генрих солидарен с позицией А.В. Наумова, который понимает под их содержанием: в первом случае, отношения, возникающие при совершении преступления; во втором – наличие нормы закона, удерживающей лицо от совершения преступления; в третьем – отношения, возникающие при дозволительном поведении, т.е. при необходимой обороне, обоснованном риске и т.д. [6, с. 6–10]. В данной классификации мы склонны с ними солидаризоваться ввиду исчерпываемости данного перечня видов уголовных правоотношений.

Рассматривать применение сроков давности привлечения к уголовной ответственности в контексте регулятивных правоотношений недопустимо, т.к. они возникают в случае применения конкретных норм уголовного закона, содержащих в себе дозволение на определенное в законе поведение, т.е. обстоятельства, устраниющие преступность деяния как таковую. В данном же случае совершение преступления является установленным юридическим фактом. Соответственно мы говорим о начале охранительных правоотношений, а не о регулятивных.

В контексте предупредительных правоотношений сроки давности привлечения к уголовной ответственности реализовать невозможно в связи с двумя аспектами.

Первый, и самый главный, заключается в том, что в самой диспозиции ст. 83 УК содержится: «Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли следующие сроки...». Данная норма определяет начало течения срока давности с момента совершения преступления, тем самым определяя начальную точку правоотношения. Предупредительные правоотношения заканчиваются тогда, когда лицом совершено преступление, т.е. нарушены защищаемые блага какой-либо из норм, и возникают охранительные правоотношения.

Второй аспект заключается в том, что объектом предупредительных правоотношений выступает правомерное поведение по отношению к запретительным нормам УК. Сроки давности не содержат в себе запрета на совершение преступления и не регламентируют правомерное поведение лица по отношению к нормам Особенной части УК.

В целом уголовно-правовые отношения возможно охарактеризовать в двух аспектах: регулятивные (предупредительные) и охранительные.

Так, Н.М. Кропачев отмечает, что «выделяются два основных вида уголовных правоотношений. Регулятивные правоотношения, проявляющиеся главным образом в добровольном осуществлении общественно необходимого поведения и имеющие целью предупредить совершение уголовно-противоправных деяний. Охранительные правоотношения, в рамках которых осуществляется возложение и реализация уголовной ответственности и наказания» [4, с. 23].

Исходя из вышеизложенного, охранительные уголовно-правовые отношения реализуются посредством института уголовной ответственности, который, по мнению большинства ученых, является объектом уголовного правоотношения.

В случае применения императивных институтов освобождения от уголовной ответственности уголовные правоотношения возникают, т.к. налицо совершение преступления, тем не менее они не наполняются соответствующим правовым содержанием. Как следствие, не представляется возможным говорить о реализации задач и функций уголовного закона в целом и целей уголовной ответственности в частности. В случае с неимперативными основаниями освобождения от уголовной ответственности, такими как институт деятельного раскаяния, речь идет об оценке посткриминального поведения лица, совершившего преступление, а также о восстановлении нарушенных правоотношений, выраженным в том, что лицо добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению, раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб, уплатило доход, полученный преступным путем и т.д. При этом критерии, по которым оценивается посткриминальное поведение преступника, а также условия, при которых возможно применение данной нормы, заложены в самом уголовном законе.

Учитывая то, что уголовно-правовые отношения начинаются с момента совершения преступления, в случае с неимперативными основаниями освобождения от уголовной ответственности они возникают и приобретают правовое содержание посредством реализации норм, регламентирующих институт деятельного раскаяния. При применении норм ст. 88 и 88(1) УК лицо, совершившее преступление, предпринимает действия добровольного характера, направленные на восстановление нарушенных правоотношений, при этом данное поведение частично свидетельствует о достижении такой цели уголовной ответственности, как исправление лица, совершившего преступление. Ценностные критерии, заложенные в данные нормы, рассматриваются судом с целью определения правовой возможности применения норм, регламентирующих деятельное раскаяние. Когда же речь идет о сроках давности привлечения к уголовной ответственности, у нас нет ценностных критериев, по которым мы можем судить о посткриминальном поведении лица, совершившего преступление, или о восстановлении нарушенных правоотношений. Однако данное основание является императивным и не может применяться по усмотрению суда.

Говоря об основаниях применения сроков давности, подразумевается достижение исправления лица, совершившего преступление, и нецелесообразность реализации остальных целей уголовной ответственности. Вместе с тем, как нами обозначалось ранее, уголовная ответственность есть средство реализации уголовных правоотношений; в случае же со сроками давности говорить о наличии правового содержания уголовно-правовых отношений не представляется возможным. В данном контексте сроки давности предстают как норма уголовного закона, реализуемая вне сферы всех видов уголовных правоотношений, что порождает необходимость изменения нормы с точки зрения реализации уголовно-правовых отношений либо создания теоретического обоснования их наличия и применения.

Отдельной темой обсуждения следует назвать место и значение объекта уголовного правоотношения при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Нами была поставлена под сомнение возможность наличия уголовно-правового отношения в классическом понимании при применении сроков давности. Таким образом, имеет ли место объект уголовного правоотношения при применении данного института?

В общеправовой теории под объектом правоотношения понимают следующее: «то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности его участников, иными словами, – то, ради чего возникает само правоотношение. Возможность чем-то владеть, пользоваться, распоряжаться, вести себя определенным образом, претендовать на действия других является субъективным правом. Все это попадает под понятие объекта. Обязанность призвана обеспечивать осуществление данного права, а следовательно, и нормальное функционирование правового отношения в интересах управомоченного и государства в целом» [1, с. 483]. Все признаки, присущие объекту правоотношения в общеправовой теории свойственны в т.ч. и объекту уголовного правоотношения, независимо от подходов, выделяемых к его определению. В теории уголовного права наблюдаются расхождения в определении объекта уголовного правоотношения.

Г.О. Петрова выделяет три вида уголовно-правовых отношений: «общий, родовой и непосредственный. Общий объект уголовно-правового отношения – это нарушенный или поставленный под угрозу нарушения общественный порядок; родовой – нарушенный правопорядок и непосредственный – нарушенное или поставленное под угрозу нарушения конкретное правоотношение» [7, с. 23].

К подобному мнению в своей диссертации склоняется и А.З. Хун, выделяя следующие объекты уголовного правоотношения: «а) *общий объект* (совокупность всех интересов общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); б) *родовой объект* (отдельная, относительно широкая группа однородных интересов общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); в) *видовой объект* (отдельная, относительно узкая группа интересов общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); г) *непосредственный объект* (конкретные интересы общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); д) *реальный объект* (кон-

крайние интересы общества, государства, юридических и физических лиц, подвергнутые реальному посягательству, запрещенному уголовным законодательством» [8, с. 43].

С нашей точки зрения, происходит своего рода подмена понятий, заключающаяся в наложении объекта преступного посягательства (преступления) на более широкое понятие объекта уголовно-правовых отношений. Такая интерпретация представляется не совсем корректной, т.к. действие конкретной нормы общей части уголовного закона подразумевает наличие факта совершения противоправного деяния (действие уголовного закона во времени). А в случае с подобным определением объекта правоотношения за «кормой» его сущности остаются институты уголовного права, непосредственно не связанные с посягательством на конкретные общественные отношения. Данная классификация применима к объекту преступления, к нормам, содержащим в себе непосредственную охрану конкретных общественных отношений.

Существует и другое мнение относительно определения объекта уголовного правоотношения. Так, П.С. Элькинд отмечает следующее: «Если под объектом правоотношения понимать то, на что направлено его содержание, то есть на что направлены права и обязанности субъектов правоотношения, их возможное (должное) поведение, то общим объектом уголовного правоотношения будет наказание (в установленных законом пределах) и тем самым воспитание и перевоспитание лиц, совершивших преступление» [9, с. 33].

Не представляется возможным согласиться с данной концепцией ввиду того, что наказание как правовой институт более относимо к уголовно-исполнительному праву. Соответственно целесообразнее говорить о наказании как объекте правоотношения вышеуказанной отрасли. В т.ч. стоит отметить, что существует достаточное количество правовых институтов в уголовном праве, реализация которых не связана с назначением и исполнением наказания.

Последний подход к определению объекта уголовного правоотношения – это определение в качестве объекта уголовной ответственности. Данной концепции придерживаемся и мы, соглашаясь с Н.М. Беловым: «Однако более точно объекту уголовного правоотношения соответствует другой объект, выдвинутый плюралистической теорией, а именно – результат человеческого поведения» [3, с. 55]. Уголовная ответственность предстает перед нами как определенного рода двухсторонняя совокупность прав и обязанностей лица, совершившего преступление, и государства в лице уполномоченных органов. В таком ключе в случае реализации сроков давности привлечения к уголовной ответственности возникает спорный вопрос о наличии объекта правоотношения как такового. Ведь лицо, освобождаемое от уголовной ответственности по данному основанию, освобождается от уголовной ответственности. Говоря об основаниях применения сроков давности, подразумевается достижение исправления лица, совершившего преступление, и нецелесообразность реализации остальных целей уголовной ответственности. Тем не менее, как нами обозначалось выше, уголовная ответственность есть средство реализации уголовных правоотношений, в случае же со сроками давности говорить о наличии правового содержания уголовно-правовых отношений не представляется возможным.

В ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь законодатель определяет уголовную ответственность как факт осуждения от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применения на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим кодексом. Из данного определения следует, что уголовная ответственность, с одной стороны, заключается в претерпевании преступником правовых последствий своего деяния (осуждение его и ограничения имущественного, организационного и правового характера), а с другой – выражает факт осуждения лица со стороны государства. Уголовная ответственность в своем роде является тем уголовно-правовым механизмом, который обеспечивает неприкосновенность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Она не содержит в себе основы, которая позволяла бы освобождать от уголовной ответственности. Тем самым данный институт обеспечивает свою неизбежность и непреклонность в плане реализации ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние.

На основе вышесказанного представляется возможным определить характерные черты уголовной ответственности. Уголовная ответственность определяется как «*обязанность* виновного лица отвечать за совершенное преступление в соответствии с уголовным законом; *фактическое применение* к лицу мер уголовно-правового воздействия и претерпевание им предусмотренных уголовным законом лишений и ограничений; осуждение лица за содеянное, порицание и признание преступлением его поступка; *совокупность правоотношений*, определяющих привлечение к ответственности, назначение и исполнение наказания» [10, с. 193]. Хотелось бы представить уголовную ответственность и как следствие реализации такой обязанности государства, как *осуждение лица*, совершившего преступление, выделяя это в первое значение уголовной ответственности в уголовном праве.

Как говорилось ранее, правоотношения носят двухсторонний характер. В данном случае он заключается, с одной стороны, в обязанности преступника по претерпеванию определенных ограничений, с другой – в обязанности государства по применению данных ограничений по отношению к пре-

ступнику. Для более полного понимания сути названных черт уголовной ответственности, а также определения их значения для реализации целей уголовной ответственности, необходимо рассмотреть каждое из них в отдельности. При этом исследовать их в призме реализации целей уголовной ответственности и как следствие возможности возникновения оснований для освобождения от уголовной ответственности при истечении давностных сроков.

В чем же заключается обязанность лица отвечать за совершенное преступление? Н.А. Бабий дает следующую трактовку этой составляющей: «С момента совершения преступления у виновного возникает обязанность ответить перед государством за содеянное» [10, с. 193]. Как видим, речь идет именно об обязанности преступника отвечать перед обществом и государством за содеянное. Данное утверждение уже само по себе несет в себе обязательность наступления уголовной ответственности и не предполагает каких-либо компромиссов между обществом и государством, с одной стороны, и преступником – с другой. Можем предположить, что неизбежность выполнения преступником этих обязанностей является гарантом реализации целей уголовной ответственности. Говоря об обязанности, мы должны говорить о возникновении правоотношений: «Определить уголовную ответственность как правоотношения, возникающие с момента совершения преступления, в рамках которых и на основании закона уполномоченный на это государственный орган порицает (осуждает) преступное деяние, человека, его совершившего, ограничивает его правовой статус и возлагает на него обязанность вынужденно претерпеть лишения личного или имущественного характера исключительно с целью восстановления нарушенных законных прав потерпевшего и положительной ресоциализации сознания и поведения преступника» [11, с. 72]. Или, согласно В.Н. Петрашеву: «Прежде всего государство вправе принудить лицо, совершившее преступление, претерпеть лишения и неблагоприятные для него последствия в целях восстановления нарушенной этим лицом социальной справедливости, а само это лицо обязано подвергнуться такому принуждению» [3, с. 95–96]. Следовательно, уголовная ответственность – это правоотношения, возникающие между сторонами, одной из которых является государство со своими правами на восстановление справедливости, а другой – преступник со своими обязанностями по ее восстановлению. Говоря о правах государства на восстановление нарушенных правоотношений, не стоит забывать, что это и обязанность государства по отношению к обществу. Таким образом, данная черта уголовной ответственности – своеобразный гарант реализации целей уголовной ответственности.

Несмотря на все перечисленные доводы, при рассмотрении сроков давности мы столкнулись с тем, что эти цели могут реализовываться без уголовной ответственности. Тогда становится непонятным: каким образом цели уголовной ответственности достигаются, если не была соблюдена такая составляющая, как обязанность лица претерпеть последствия своего преступного деяния. Государство обязано отреагировать на факт совершенного преступления, применив по отношению к лицу, совершившему преступление, соответствующие меры воздействия; как отмечает Н.А. Бабий, «только непосредственно в суде виновный отвечает перед лицом государства за свое поведение» [10, с. 194].

Следующей составляющей мы рассмотрим факт осуждения лица за совершенное преступление как оценочную реакцию общества и государства. Названный механизм есть своеобразный критерий отношения общества и государства к общественно опасному деянию, основание для признания необходимости реализации целей уголовной ответственности.

Откуда же вытекает вообще понятие осуждения в уголовной ответственности? На этот вопрос дает ответ комментарий к Уголовному кодексу: «Объединяющим правовым началом различных по характеру мер уголовной ответственности является факт осуждения лица, совершившего преступление, как преступника, что следует из осуждающе-запрещающего характера уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за соответствующее преступление» [12, с. 126]. Т.е. уголовная ответственность сама по себе подразумевает осуждение лица, совершившего преступление, в силу того, что ответственность без осуждения наступить не может. Мы приходим к тому, что ключевой составляющей и основным связующим звеном уголовной ответственности является осуждение; согласно Н.А. Бабию, «Именно осуждение выражает сущность уголовной ответственности» [10, с. 194]. По мнению В.Н. Петрашева, «Уголовная ответственность, так как она «генетически» связана с фактическим преступным деянием, функционально сориентирована на лицо, совершившее преступление, содержательно неразрывна с осуждением и наказанием виновного» [13, с. 94]. Следовательно, в случае применения сроков давности представляется невозможной реализация целей уголовной ответственности, ввиду отсутствия фактического осуждения.

Достижение целей уголовной ответственности возможно лишь через наступление самой ответственности и факта осуждения лица. Если пойти от обратного и представить, для чего существует уголовная ответственность, мы будем вынуждены констатировать, что «Уголовно-правовые регулятивные отношения существуют и реализуются с единственной целью – воздействовать на личные или имущественные блага лица, совершившего преступление, чтобы добиться одновременно тройного эффекта: восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего, положительной реформации сознатель-

но-волевой и поведенческой деятельности преступника и, наконец, достижения цели общего предупреждения» [13, с. 94]. Значит, уголовная ответственность есть механизм достижения ее целей. Отсюда нам становится понятен правовой смысл осуждения как составной части уголовной ответственности. Осуждение является той основой, которая обеспечивает достижение целей уголовной ответственности и реализуется в рамках привлечения к уголовной ответственности.

Понятие осуждения дается в различной литературе приблизительно одинаковое. В комментарии к Уголовному кодексу определено: «Осуждение от имени Республики Беларусь по приговору суда виновного в преступлении как преступника есть изменение его правового статуса – признание его осужденным, введение для него режима судимости» [12, с. 126]. Стоит заметить, что несмотря на абсолютно точную трактовку описываемого понятия, комментарий не передает внутренней составляющей осуждения, его моральный аспект. Однако в некоторых работах этот пробел восполняется. Согласно И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой, «Определить уголовную ответственность как правоотношения, возникающие с момента совершения преступления, в рамках которых и на основании закона уполномоченный на это государственный орган порицает (осуждает) преступное деяние, человека, его совершившего, ограничивает его правовой статус и возлагает на него обязанность вынужденно претерпеть лишения личного или имущественного характера исключительно с целью восстановления нарушенных законных прав потерпевшего и положительной ресоциализации сознания и поведения преступника» [11, с. 72]. В данном определении уголовной ответственности имеется и содер жательная сторона осуждения, т.е. осуждение есть акт порицания поступка виновного, на основе которого реализуются различные виды уголовной ответственности.

Исходя из того, что уголовная ответственность может наступить лишь в суде, порицание преступника является только тогда оценочной категорией деяния со стороны государства, когда это порицание выступает следствием приговора суда. В научно-практическом комментарии значится следующее: «Принципиально важным моментом в уяснении сущности осуждения как исходного начала уголовной ответственности является то, что состояние (наличие) осуждения связывается с обвинительным приговором (государственным осуждением преступника)» [12, с. 126]. Подтверждают наш вывод относительно порицания преступления и лица, его совершившего, и ряд ученых, исследовавших данную проблематику. Так, по мнению Э.Ф. Мичулиса, «Суд при этом выражает от имени государства отрицательную оценку личности виновного и совершенного им действия. Назначенная мера уголовной ответственности отражает оценку судом степени общественной опасности совершенного преступления и достаточности мер для исправления лица, вставшего на путь нарушения уголовно-правового запрета» [14, с. 48–49]. Здесь есть еще один интересный момент касательно достаточности наказания, а именно автор говорит о том, что суд назначает наказание, достаточное для реализации целей уголовной ответственности. Получается, что цели уголовной ответственности могут быть реализованы в полной мере только через наказание виновного, что в принципе уже само по себе подразумевается правовой природой уголовной ответственности. Применяя сроки давности, мы отказываемся от порицания (осуждения) лица, совершившего преступление, и показываем свое нейтральное к нему отношение.

Почему порицание преступления так важно для понятия уголовной ответственности и в уголовном праве в целом? Для этого стоит выяснить, на чем основывается так называемое порицание и что оно в себе несет.

Определение ответственности раскрывает, помимо прочего, внутреннюю сторону осуждения (порицания): «В общем плане ответственность можно определить как неблагоприятные последствия осуждаемого морально или правом поведения виновного лица» [15, с. 190]. Т.е. порицание основывается на устоявшемся представлении социума о морали и сложившегося на основе этого права. Следовательно, применяя механизм сроков давности, мы не просто не порицаем преступление, а допускаем его совершение с точки зрения собственных моральных позиций, а право оказывается бессильным на это повлиять. Осуждая преступника, общество тем самым показывает свое негативное отношение к преступлению. Или, как пишет Н.А. Кузнецова, «Совершение преступлений предполагает не только уголовную ответственность виновных лиц, но и их моральное осуждение обществом» [15, с. 190]. Таким образом, через осуждение дается не только негативная оценка преступлению, но и гарантия защиты общества и каждой личности в отдельности со стороны государства. Сроки давности наоборот препятствуют порицанию преступного деяния, дают почву сомнениям относительно защищенности общества и личности от преступных посягательств из-за отсутствия реакции со стороны государства в виде осуждения данного посягательства судом. Что касается фактического применения к лицу мер уголовно-правового воздействия и претерпевания им предусмотренных уголовным законом лишений и ограничений как характерной черты уголовной ответственности, данная черта является правовым последствием осуждения лица и обеспечивает достижение целей уголовной ответственности посредством реализации мер, применяемых к преступнику.

Заключение. Итак, уголовно-правовые отношения реализуются в полном объеме только при привлечении преступника к уголовной ответственности для его осуждения и порицания в суде, применения к нему на основе этого мер уголовной ответственности для достижения целей уголовной ответственности. При применении сроков давности лицо к уголовной ответственности не привлекается, следовательно, мы не осуждаем совершенное им деяние и не применяем к нему мер уголовной ответственности, что не позволяет говорить о достижении целей уголовной ответственности. Ввиду вышесказанного представляется возможным говорить об отсутствии порицания преступника при применении сроков давности и как следствие претерпевания им определенных лишений, которые являются следствием осуждения лица в суде. Таким образом, налицо правовая коллизия, вызванная наличием института сроков давности, заключающаяся в невозможности реализации уголовно-правовых отношений в случае применения данного правового института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Червонюк, В.И. Теория государства и права : учеб. / В.И. Червонюк. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 704 с.
2. Марчук, В. Объекты уголовно-правового отношения, порождаемого совершением общественно опасного деяния / В. Марчук // Законность и правопорядок. – 2010. – № 1.
3. Белов, М.Н. Правоотношения в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Н. Белов. – М., 2003. – 178 л.
4. Кропачев, Н.М. Уголовные правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.М. Кропачев ; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л., 1984. – 17 с.
5. Генрих, Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Генрих. – Рязань, 2011. – 60 с.
6. Наумов, Н.А. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. / Н.А. Наумов. – М. : Юрид. лит., 2004. – Т. 1. – 496 с.
7. Петрова, Г.О. Уголовно-правовое отношение / Г.О. Петрова. – М. : ВЮЗИ, 1986. – 41 с.
8. Хун, А.З. Объект уголовно-правовых отношений (Теоретический и правоприменительный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.З. Хун. – Краснодар, 2004. – 192 с.
9. Элькинд, П.С. О понятии сущности уголовно-правовых отношений / П.С. Элькинд. – М. : Юрид. лит., 1967. – 129 с.
10. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 335 с.
11. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / Отв. ред.: И.Я. Козаченко [и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : НОРМА, 2000. – 516 с.
12. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
13. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В.Н. Петрашева. – М. : ПРИОР, 1999. – 544 с.
14. Уголовное право. Общая часть : консп. лекций / Э.Ф. Мичулис [и др.] ; под общ. ред. Э.Ф. Мичулиса. – Минск : Изд-во МИУ, 2008. – 272 с.
15. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов : в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1 : Учение о преступлении. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
16. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов : в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 2 : Учение о наказании. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
17. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.

Поступила 03.09.2019

CRIMINAL LEGAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF APPLICATION CRIMINAL RESPONSIBILITY

A. BYSTRIKOV

The study is devoted to pressing issues of the implementation of criminal law relations when applying the statute of limitations for criminal prosecution, as well as other grounds for exemption from criminal liability. The types of criminal law relations, various approaches to determining the object of criminal legal relations, as well as the institution of criminal liability as an object of criminal law relations in the context of the implementation of the statute of limitations for criminal liability are considered.

Keywords: criminal law relations, the object of criminal legal relations, criminal liability, statute of limitations for criminal liability, the purpose of criminal liability.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

<i>Клюня В.Л., Козловская В.Н.</i> Рыночные институциональные формы финансовой поддержки предпринимательства	2
<i>Серяков Г.Н.</i> Проблемы организации строительства в условиях инновационного развития экономики	9
<i>Костюченко Е.А.</i> Систематизация методических основ идентификации кластеров	14
<i>Шавлюга О.А.</i> Применение адаптивно-сценарной модели планирования маркетинга на предприятиях в Республике Беларусь	21
<i>Молохович М.В.</i> Корпоративное управление в системе менеджмента компаний: подходы к трактовке и механизмы совершенствования	27
<i>Рублевский А.В.</i> Социальный капитал организаций Республики Беларусь: эконометрический анализ и тенденции 2019 года	34
<i>Гончарук Н.А.</i> Концептуальные основы формирования туристических дестинаций в условиях устойчивого развития экономики	46
<i>Вайщехович Е.С.</i> Инновационная среда как платформа для эффективной модернизации в Республике Беларусь	53
<i>Козловская В.Н.</i> Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства: ЕС и Япония	61
<i>Богданова Е.В., Ходунова Е.С., Сосиновская И.В.</i> Трудовая эмиграция на рынке труда Республики Беларусь в условиях устойчивого развития экономики	70

ФИНАНСЫ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ

<i>Строганова И.А.</i> Производные ценные бумаги: сущность, виды, классификация	77
<i>Чжсан Минциюнь</i> Оценка эффективности от реформирования финансовой системы Республики Беларусь	87
<i>Трубович Р.О.</i> Особенности выделения объектов бухгалтерского учета, обусловленные спецификой деятельности в организациях, осуществляющих захоронение коммунальных отходов и извлечение биогаза в контексте рационального природопользования	98

ТЕОРИЯ ПРАВА. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

<i>Чмыга О.В.</i> Правовые основания возникновения и прекращения мандатов членов парламентов Беларуси и Польши: сравнительный аспект	105
<i>Соловьев П.В.</i> Современные грани реализации принципа демократизма в нормотворческой деятельности	110
<i>Колошич О.Г.</i> Понятие и признаки приемной семьи	114

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Семёнова Т.В.</i> Домен и доменное имя: отличия в правовом регулировании	120
<i>Маркевич Д.С., Кочерга О.Р.</i> Направления международного сотрудничества в сфере правового обеспечения формирования единого цифрового рынка	128

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Губич М.В.</i> Система субъектов административно-правового обеспечения информационной безопасности сотрудников органов внутренних дел и их компетенция	134
<i>Валевко А.С.</i> Объективная сторона административного правонарушения «недобросовестная конкуренция»: теоретические и практические аспекты	142
<i>Асаёнок Б.В.</i> Экспертиза в административном процессе: проблемы и пути совершенствования	151
<i>Чикатовский Д.М.</i> Правовое регулирование административного судопроизводства в условиях унификации гражданского и хозяйственного процессуального законодательства	157

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

<i>Ражабов Б.А.</i> Собирание доказательств в уголовном процессе: опыт Узбекистана	163
<i>Потоцкая Я.П.</i> Некоторые аспекты прекращения предварительного расследования с освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием	166
<i>Чижик Е.В.</i> Классификация вопросов, разрешаемых судом в порядке исполнения приговора	174
<i>Алекперов Р.Р.</i> Особенности применения заключения под стражу на территории современной Беларусь (1953–2000 гг.)	179
<i>Быстриков А.М.</i> Уголовно-правовые отношения в контексте применения сроков давности привлечения к уголовной ответственности	184